

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

2023 Том 14 № 1

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-1

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantic>

Научный журнал

Издается с 2010 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61215 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

**Денисенко Владимир
Никифорович,**

доктор филологических наук,
профессор, РУДН,
Москва, Российская Федерация
E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Новоспасская Наталья

Викторовна, кандидат филологических наук, РУДН, Москва,
Российская Федерация

E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

Ответственный секретарь

Лазарева Олеся Викторовна,

кандидат филологических наук,
РУДН, Москва,
Российская Федерация

E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Беднардова-Гибова Клаудиа, доктор филологических наук, доцент, Институт британских и американских исследований Университета г. Прешов, Прешов, Словакия

Болдырев Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Российская Федерация

Владимирова Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Джуусупов Маханбет, доктор филологических наук, профессор, заслуженный профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Республика Узбекистан

Евграфова Юлия Александровна, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный областной университет, Москва, Российская Федерация

Иванов Евгений Евгеньевич, доктор филологических наук, доцент, МГУ им. А.А. Кулешова, Могилев, Республика Беларусь

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, ГИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва, Российская Федерация

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь

Монфорте Дюпре Роберто, доктор филологических наук, доцент, Университет Страны Басков, Витория-Гастейс, Испания

Новикова Марина Львовна, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Поплавская Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор, Минский государственный лингвистический университет, Минск, Республика Беларусь

Синячкин Владимир Павлович, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор, Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодар, Республика Казахстан

Цзюй Юнь Шэн, доктор филологических наук, доцент, Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китайская Народная Республика

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

4 выпуска в год (ежеквартально)

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Языки: русский, английский.

Включен в каталог периодических изданий (Ulrich's Periodicals Directory):

<http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Scopus, DOAJ, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика» издается с 2010 г. и является периодическим рецензируемым научным изданием, входит в Перечень рецензируемых журналов ВАК РФ по специальности 05.09.08 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика. Журнал ориентирован на широкую международную аудиторию.

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика» углубляет и разрабатывает вопросы общей теории языка; теории речевой деятельности; семиотических характеристик знаковых систем, единиц языка разных уровней и текста; семиотики и поэтики художественных текстов; функциональной семантики лексических и грамматических единиц. Журнал предлагает вниманию комплексное и сопоставительное исследование категорий и единиц языка. Общие цели и задачи издания включают интегральную характеристику символической и коммуникативной парадигм филологического и гуманитарного знания. В прикладном аспекте разрабатываются методология и комплексные методики теоретических исследований языка и социума, системной лингвистики; осуществляется языковое моделирование. В журнале также есть разделы «Рецензии», «Научные обзоры», «Научная хроника». Издание адресовано филологам и другим представителям гуманитарного знания. Его авторы — доктора и кандидаты филологических наук, аспиранты, докторанты России, ближнего и дальнего зарубежья.

Правила оформления статей и другая информация о журнале размещена на сайте: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about>

Каждая статья рецензируется анонимно двумя экспертами. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов.

Подписной индекс по каталогу Роспечати — 80555.

Электронный адрес: semioticj@rudn

Литературный редактор: К.В. Зенкин
Редактор англоязычных текстов: О.Н. Кольшиева
Компьютерная верстка: И.А. Чернова

Адрес редакции:

115419, Российская Федерация, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции

117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: semioticj@rudn.ru

Подписано в печать 15.03.2023. Выход в свет 25.03.2023. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 22,43. Тираж 500 экз. Заказ № 39. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов» (РУДН)
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,
тел. (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES, SEMIOTICS AND SEMANTICS

2023 VOLUME 14 No. 1

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-1

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Founded in 2010

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir N. Denisenko

RUDN University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

DEPUTY-EDITOR-IN-CHIEF

Natalia V. Novospasskaya

RUDN University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Olesya V. Lazareva

RUDN University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Kludlia Bednárová-Gibová, University of Prešov, Prešov, Slovak Republic

Nikolay N. Boldyrev, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation

Tatyana E. Vladimirova, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World Languages University, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Yulia A. Evgrafova, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Evgeny E. Ivanov, Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Republic of Belarus

Vladimir I. Karasik, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation

Valentina A. Maslova, Vitebsk State University n.a. P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus

Roberto V. Monforte Dupret, University of Basque Country, Vitoria-Gasteiz, Spain

Marina L. Novikova, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Tatiana V. Poplavskaya, Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus

Vladimir P. Sinyachkin, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Zifa K. Temirgazina, Pavlodar State Pedagogical University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan

Ju Yunsheng, Heilongjiang University, Harbin, People's Republic of China

**RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES,
SEMiotics AND SEMANTICS**
**Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

Publication frequency: quarterly

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Languages: Russian, English.

Materials of the journal are published on the platform of the Russian Scientific Library, Scopus, Russian Index of Science Citation, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, Electronic Journals Library CyberLeninka.

Aim and Scope

Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics deepens and develops aspects of general theory of language; theories of speech activity; semiotic characteristics of sign systems, language units of different levels and text; semiotics and poetics of literary texts; functional semantics of lexical and grammatical units. The journal draws a reader's attention to a comprehensive and comparative study of the language categories and units. The general goals and objectives of the journal include an integral characteristic of symbolic and communicative paradigms of philological and humanitarian knowledge. The articles cover methodology and complex methods of theoretical studies of language and society, develop system linguistics and carry out language modeling. The journal introduces sections Reviews and Events. The journal is addressed to philologists and other representatives of the humanities. Our author are Russian and international scientists and postgraduate students.

Submission requirements and stylesheet guidelines are available online: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about>

Each article is being reviewed anonymously (peer-reviewing) by two experts. The editorial board makes up a final decision on publication referring to the opinion of the reviewers.

Access to full-text files of issues and articles on the journal website is open to all users. Print issues are subscribed.

E-mail: semioticj@rudn.ru

Review Editor: *K.V. Zenkin*
English Text Editor: *O.N. Kolysheva*
Computer Design: *I.A. Chernova*

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze str., Moscow, Russian Federation, 115419
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 115419
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: semioticj@rudn.ru
Printing run 500 copies. Open price
The Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russian Federation 6 Miklukho-Maklaya str., 117198

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze str., Moscow, Russian Federation, 115419
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ДИСКУРСИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Komarova V. (Daugavpils, Latvia), Koroļova S. (Riga, Latvia), Ruža O. (Daugavpils, Latvia).** Methodology and Technique for Assessing the Terminology Consistency in Translations: Based on Latvian and Russian Economic Texts (Методология и методика оценки единообразия терминологии в переводах: на материале экономических текстов на латышском и русском языках) 9
- Леденёва В.В. (Мытищи, Российская Федерация), Ковина Т.П. (Москва, Российская Федерация), Фесенко Э.Я. (Северодвинск, Российская Федерация), Баженова А.П. (Мытищи, Российская Федерация).** Феномен и концепт ЭМАНСИПАЦИЯ 36
- Мухортов Д.С., Жовнер Е.А. (Москва, Российская Федерация).** Коммуникативная личность политика на материале парламентских выступлений лейбористов Джереми Корбина и Кира Стармера 53
- Anisimova E.D., Anisimov V.E., Denisenko V.N. (Moscow, Russian Federation).** Pareomia in the Context of Modern French Public Internet Advertisin (Паремия в контексте современной французской социальной интернет-рекламы) 70

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА И ГРАММАТИКА

- Чулкина Н.Л., Филиппович Ю.Н., Александрова О.И., Новоспаская Н.В., Речинский В.А. (Москва, Российская Федерация).** Мультиязычный корпус терминов: контент и инструменты 88
- Zhanpeissova N.M., Kuzembayeva G.A., Maydangalieva Zh.A. (Aktobe, Republic of Kazakhstan).** Semantic Development of Arabic-Iranian Borrowings in the Kazakh Language: Analysis of Religious Concepts (Семантические процессы, сопутствующие заимствованию арабо-иранской лексики казахским языком: на материале религиозных понятий)..... 104
- Урумиду В.Г. (Афины, Греция).** Новые слова в греческом и русском языках в период пандемии COVID-19 123
- Baryshnikova E.N. (Moscow, Russian Federation), Ndyay M. (Dakar, Senegal), Kazhuro D.V. (Moscow, Russian Federation).** Questions of Lexicographic Description of French-Russian Lexical Parallels (Вопросы лексикографического описания француско-русских лексических параллелей)..... 135
- Nedopekina E.M., Ha Cong (Moscow, Russian Federation).** Seventy-Year History of Sino-Russian Relations through the Prism of Borrowed Vocabulary (Семидесятилетняя история русско-китайских отношений сквозь призму заимствованной лексики)..... 156
- Трубач О.К., Горшкова Д.И., Скляр Л.Н. (Москва, Российская Федерация).** Сравнительный анализ фонетических систем русского, французского и китайского языков 171

СЕМИОТИКА И ИССЛЕДОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Abdelhameed S. (Cairo, Egypt), Alefirenko N.F. (Belgorod, Russian Federation), Shakhputova Z.Kh. (Astana, Kazakhstan). Ethno-cultural Aura of Language Images in the Light of Cognitive Linguopoetics (Этнокультурная аура языковых образов в свете когнитивной лингвопоэтики).....	189
Shanayev R.U., Joldasbekova B.U., Kakilbayeva I.T. (Almaty, Republic of Kazakhstan), Kovalenko A.G. (Moscow, Russian Federation), Bayanbayeva Z.A. (Almaty, Republic of Kazakhstan). Mythologism of Modern Kazakhstani Prose: Lexico-Semantic Aspect (Мифологизм современной казахстанской прозы: лексико-семантический аспект).....	208
Казютина Е.С., Озерова Е.Г. (Белгород, Российская Федерация). Лингвокультурные маркеры художественных текстов Б.Л. Васильева	231
Антонова Е.Н. (Москва, Российская Федерация). Интертекстуальный характер поэтического филологического дискурса	245
Seliverstova E.I., Volkova L.B. (St. Petersburg, Russian Federation), Ma Xiangfei (Hangzhou, China). An Emotion-evoking Text in Cross-Cultural Aspect: Attitude and Evaluation (Эмоциогенный текст в кросс-культурном аспекте: отношение и оценка)	260

CONTENTS

DISCURSIVE STUDIES

- Komarova V. (Daugavpils, Latvia), Koroļova S. (Riga, Latvia), Ruža O. (Daugavpils, Latvia).** Methodology and Technique for Assessing the Terminology Consistency in Translations: Based on Latvian and Russian Economic Texts 9
- Ledeneva V.V. (Mytishchi, Russian Federation), Kovina T.P. (Moscow, Russian Federation), Fesenko E.Ya. (Severodvinsk, Russian Federation), Bazhenova A.P. (Mytishchi, Russian Federation).** Phenomenon and Concept of EMANCIPATION 36
- Mukhortov D.S., Zhovner E.A. (Moscow, Russian Federation).** Linking Word *Use* and Personality Characteristics: A Contrastive *Study* into Parliamentary Communications of Labour Leaders Jeremy Corbyn and Keir Starmer 53
- Anisimova E.D., Anisimov V.E., Denisenko V.N. (Moscow, Russian Federation).** Paroemia in the Context of Modern French Public Internet Advertisin..... 70

FUNCTIONAL SEMANTICS AND GRAMMAR

- Chulkina N.L., Philippovich Yu.N., Alexandrova O.I., Novospasskaya N.V., Rechinsky V.A. (Moscow, Russian Federation).** Multilingual Corpus of Terms: Content and Tools 88
- Zhanpeissova N.M., Kuzembayeva G.A., Maydangalieva Zh.A. (Aktobe, Republic of Kazakhstan).** Semantic Development of Arabic-Iranian Borrowings in the Kazakh Language: Analysis of Religious Concepts 104
- Ouroumidou V.G. (Athens, Greece).** New Words in Greek and Russian During the COVID-19 Pandemic..... 123
- Baryshnikova E.N. (Moscow, Russian Federation), Ndyay M. (Dakar, Senegal), Kazhuro D.V. (Moscow, Russian Federation).** Questions of Lexicographic Description of French-Russian Lexical Parallels 135
- Nedopekina E.M., Ha Cong (Moscow, Russia).** Seventy-Year History of Sino-Russian Relations through the Prism of Borrowed Vocabulary 156
- Trubach O.K., Gorshkova D.I., Sklyar L.N. (Moscow, Russian Federation).** Comparative Analysis of Phonetic Systems of the Russian, French and Chinese Languages 171

SEMIOTICS AND LITERARY TEXT STUDIES

- Abdelhameed S. (Cairo, Egypt), Alefirenko N.F. (Belgorod, Russian Federation), Shakhputova Z.Kh. (Astana, Kazakhstan).** Ethno-cultural Aura of Language Images in the Light of Cognitive Linguopoetics 189

Shanayev R.U., Joldasbekova B.U., Kakilbayeva I.T. (Almaty, Republic of Kazakhstan), Kovalenko A.G. (Moscow, Russian Federation), Bayanbayeva Z.A. (Almaty, Republic of Kazakhstan). Mythologism of Modern Kazakhstani Prose: Lexico-Semantic Aspect	208
Kazyutina E.S., Ozerova E.G. (Belgorod, Russian Federation). Linguocultural Markers of Literary Texts by B.L. Vasiliev	231
Antonova E.N. (Moscow, Russian Federation). Intertextual Character of Poetic Philological Discourse.....	245
Seliverstova E.I., Volkova L.B. (St. Petersburg, Russian Federation), Ma Xiangfei (Hangzhou, China). An Emotion-evoking Text in Cross-Cultural Aspect: Attitude and Evaluation	260

ДИСКУРСИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ DISCURSIVE STUDIES

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-1-9-35

EDN: QEBTXG

UDC [811.174:811.161.1]’373:33

Research article / Научная статья

Methodology and Technique for Assessing the Terminology Consistency in Translations: Based on Latvian and Russian Economic Texts

Vera Komarova¹ , Svetlana Koroļova² , Oksana Ruža¹

¹Daugavpils University,
13, Vienības str., Daugavpils, Latvia, LV-5401

² University of Latvia,
19, Raina blvd., Riga, Latvia, LV-1586

 vera.komarova@du.lv

Abstract. Relevance of the issue: the topicality of the issue of terminology consistency in translations of economic texts is currently emphasized by the Latvian State Language Center and determined by the fact that many economic terms emerged in Latvian and Russian relatively recently, during the transition from a planned economy to a market economy. It remains disputable how to define and assess the terminology consistency in translations of economic texts. The corpus of the study comprises Latvian and Russian textbooks on economics of three generations (1990s, 2000s and 2010s), and in addition to them — bilingual and multilingual dictionaries of economic terms published in Latvia and Russia since 1990. The paper proves that that terminology consistency in translations of economic (and not only) texts can be assessed and compared (between text corpora and time periods) using scientific methodology and a special technique. The method of research are linguistic discourse analysis, which includes both quantitative and qualitative methods. General results, which also form the scientific novelty of this study include: (1) the put forward conceptual understanding of the terminology consistency as the structural component of the overall quality of terminology translation as well as the definition of the terminology consistency in translations; (2) the elaborated original methodology and technique for assessing the terminology consistency in translations not in the categories of ‘good-bad’, but in the conditionally ambivalent categories ‘consistent-inconsistent’ (for the incidental identification of processes occurring in the studied economic discourse); (3) the explained essence of discourse in translation studies, which is the target text within the background processes of the social reality that determine the creation (synthesis) and perception (analysis) of the translation.

© Komarova Vera, Koroļova Svetlana, Ruža Oksana, 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Keywords: linguistic discourse analysis, context, discourse, term

Article history:

Received: 15.04.2022

Accepted: 07.09.2022

For citation:

Komarova, V., Koroļova, S. & Ruža, O. (2023). Methodology and Technique for Assessing the Terminology Consistency in Translations: Based on Latvian and Russian Economic Texts. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(1), 9–35. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-9-35>

Conflict of interests:

The authors declare no conflict of interest.

Authors' contribution:

Komarova V. — the concept of the study, research methodology, writing part of the text; Koroļova S. — design of the study, analysis of the data obtained, writing part of the text; Ruža O. — collection and processing of material, analysis of the data obtained.

Методология и методика оценки единообразия терминологии в переводах на материале экономических текстов на латышском и русском языках

В. Комарова¹ , С. Королёва² , О. Ружа¹

¹ Даугавпилский университет,
LV-5401, Латвия, г. Даугавпилс, ул. Виенибас, 13

² Латвийский университет,
LV-1586, Латвия, г. Рига, бульвар Райниса, 19

 vera.komarova@du.lv

Аннотация. Актуальность единообразия терминологии в переводах экономических текстов в настоящее время акцентируется латвийским Центром государственного языка и определяется тем, что многие экономические термины появились в латышском и русском языках сравнительно недавно — при переходе от плановой экономики к рыночной. Остается неясным, как определять и как оценивать единообразие терминологии в переводах экономических текстов. Материалом для исследования стали учебники экономики трех поколений (1990-х, 2000-х и 2010-х годов) на латышском и русском языках и в дополнение к ним — двуязычные и многоязычные словари экономических терминов, изданные в Латвии и России после 1990 г. Доказывается, что единообразие терминологии в переводах экономических (и не только) текстов можно оценивать и сравнивать (между корпусами текстов и периодами времени) с помощью научно-обоснованной методологии и специальной методики. Метод исследования: лингвистический дискурс-анализ, включающий как количественные, так и качественные методы. Основные результаты, составляющие также и научную новизну данного исследования: 1) предложенное концептуальное понимание единообразия терминологии как структурного компонента общего качества перевода терминологии, а также авторское определение единообразия терминологии в переводах; 2) методология и оригинальная методика оценки единообразия терминологии в переводах, разработанная не в категориях «хорошо — плохо», а в условно амбивалентных категориях «единообразно — неедино-

образно» (для попутного выявления процессов, происходящих в изучаемом экономическом дискурсе); 3) объясненная сущность дискурса (в приложении к переводоведению), который представляет собой целевой текст на фоне процессов социальной реальности, определяющих создание (синтез) и восприятие (анализ) перевода.

Ключевые слова: лингвистический дискурс-анализ, контекст, дискурс, термин

История статьи:

Дата поступления: 15.04.2022

Дата приема в печать: 07.09.2022

Для цитирования:

Komarova V., Koroļova S., Ruža O. Methodology and Technique for Assessing the Terminology Consistency in Translations: Based on Latvian and Russian Economic Texts // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 1. С. 9–35. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-9-35>

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликте интересов.

Вклад авторов:

Комарова В. — концепция исследования, методика исследования, написание части текста; Королёва С. — разработка исследования, анализ полученных данных, написание части текста; Ружа О. — сбор и обработка материала, анализ полученных данных.

Introduction

Over the past 30 years, economic texts in the post-Soviet space have performed and continue to fulfill, among others, an ‘ideational metafunction’ [1], with the help of which a connection between Latvian-speaking and Russian-speaking readers is constructed with the experience of countries of the so-called developed market economy (primarily — the USA), which in their history had no experience of the Soviet economy. Thus, the economic texts that emerged in Latvia and Russia during the transition from a planned economy to a market economy are a vivid example of the fact that “between the level of readers’ knowledge, which the author of the original expects, and the preliminary awareness of the target groups (presuppositions of the text), which the translator expects there may be a noticeable difference” [2. P. 63]. This is the reason for a terminology inconsistency in translations of economic texts, representing a completely new social and economic discourse for the target audience.

Economic science, and also economic terminology, in Latvia and Russia during the 19th—21st centuries moved from the discourse of the capitalist economy of the late 19th — early 20th centuries to the discourse of the planned socialist economy of the mid-20th century, then to the discourse of the transitional economy at the end of the 20th century and finally — to the discourse of the modern market economy at the beginning of the 21st century. Parallel to this process, the terminology in economic texts and their translations has been changing too. This justifies the topicality of the terminology consistency issue on economic texts, despite the fact that Latvia and Russia have been following the path of a market economy for several decades. The

relevance of the terminology consistency in translations of economic (and not only) texts is currently emphasized by the Latvian State Language Centre, which outlines the following main issues in translating terminology: the use of synonymous terms, arbitrary expansion, narrowing or clarification of concepts [3], as well as the influence of other languages on national terminology, in particular, “enormous influence that English as the main lexical donor to other European languages exerts in these [business and economics] fields” [4. P. 651].

This study is aimed to elaborate methodology and technique for assessing the terminology consistency in translations based on Latvian and Russian economic texts. The object of the study is Latvian and Russian textbooks on economics of three generations (1990s, 2000s and 2010s), and in addition to them — bilingual and multilingual dictionaries of economic terms published in Latvia and Russia since 1990. The authors believe that the terminology consistency in translations of economic (and not only) texts can be assessed and compared (between text corpora and time periods) using scientific methodology and a special technique.

The scientific approach used in this study is not a critical, but rather an explanatory assessment of the terminology consistency in translations of economic texts, named by the authors a ‘normative-descriptive’ methodology and referring to the methodology of linguistic discourse analysis, widely used in linguistic and translation studies [5–11].

The next sections of the paper are devoted, firstly, to the definition of the very concept of the terminology consistency in translations of economic texts and its [consistency] specifics, secondly, to the analysis of methodological approaches to assess the terminology consistency in translations of economic texts, and, thirdly, to developing methodology and technique for assessing the terminology consistency in translations based on Latvian and Russian economic texts. Finally, the further application of the developed methodology and technique in empirical research is substantiated.

The concept of the terminology consistency in translations of economic texts and its specifics

Investigating economic terminology, linguists stress that the wide use of terms is the main distinguishing feature (from a lexical point of view) of the language of economic texts — the share of terminological vocabulary in economic texts is about 25 % [12]. Since economic texts are saturated with terms that carry the main load [12] and differ in the terminological density [13], it is quite understandable that many researchers [12; 14] are interested in how the meanings of terms follow the rules of logical classification, clearly defining the relevant concepts, avoiding ambiguity or inconsistency.

The specifics of the issue of the terminology consistency in translations of economic texts is determined by the fact that many economic terms appeared

in Latvian and Russian relatively recently and were mainly calqued from English within the wake of the ‘terminological flood’ [15] in the early 1990s, and the relevant concepts to which they correspond, either were absent altogether at the time of the entry of these terms into Latvian and Russian, or were only formed under the influence of the social and economic realities of the post-Soviet space [16]. For example, books on the labour market in Russia were already published in the early 1990s [17], but the labour market itself in the country did not yet exist. Thus, special attention of linguists deserves terminology consistency in translations of economic texts for the period of the late 20th — early 21st century.

The authors will start defining the concept of the terminology consistency in translations of economic texts by searching for those main characteristics that distinguish the terminology consistency from its inconsistency.

One of such characteristics is lexical congruency [18]. Congruency in linguistics is traditionally considered as a kind of concordance. However, unlike concordance, which is the relationship of two grammatical units, congruency is a semiotic relationship [19]. The lexical congruency of terminology in translations is responsible for ensuring that the translated terms are presented in the same form and content throughout a text or text corpus (depending on what is the object of research is), and it is expressed in maintaining the so-called one-to-one correspondence, which has several aspects, each of which is very important in translations [18; 20]:

- 1) lexical congruency in translations suggests that, once translating a concept with a certain term, it is necessary to continue using this particular term, and not a synonymous one, since “the phenomenon of terminological synonymy is considered undesirable” [14. P. 74];
- 2) lexical congruency in translations also presupposes an unambiguous correspondence of terminological combinations, which should not change throughout the entire translated text. It means that the simultaneous use of terminological combinations such as, for example, *рост экономики* and *экономический рост* [21], violates the terminology consistency in translations;
- 3) lexical congruency in translations also presupposes one-to-one correspondence of terms that indicate exactly the corresponding concepts, since “the ability of a term to designate a concept is its most important feature” [22. P. 14].

The authors believe that when assessing the lexical congruency of terminology use in translations of economic texts, it is necessary to dwell on the aforementioned and widespread phenomenon of terminological synonymy [4; 23], i.e. the use of parallel terms when referring to the same economic concept. The fact is that, along with real (absolute) synonymy (or terminological doublet) [22; 23] in economic texts, terms often used as synonyms in reality are not interchangeable, i.e., they are so called pseudo-synonyms [23]. Furthermore, the specifics of economic texts of any transition period (for example, from a planned economy to a market economy) is the terminological quasi-synonymy [13] — a situation of using parallel terms from ideologically different terminological systems. For example, the term ‘means

of production’ (from the Marxist terminological system) is used in economic texts of the late 20th — early 21st century in parallel with the term ‘factors of production’ (from the market terminological system) [24; 25]. Thus, the authors can supplement the aforementioned statement by Romanenko on the undesirability of terminological synonymy [14] by the statement that in addition to real terminological synonyms, it is even more undesirable to use terminological pseudo-synonyms and quasi-synonyms in translations of economic texts.

In the authors’ opinion, lexical congruency is the main characteristics of the concept of the terminology consistency in translations of economic texts, overshadowing terminology equivalence in translations, i.e. the terminology consistency in translations of economic texts does not necessarily mean the ideal equivalence and accuracy of the translated term, but it necessarily means the lexical congruency in the use of the term (albeit not always absolutely equivalent to the original) in the entire text or text corpus. In other words, when assessing the terminology consistency in translations of two economic texts, in one of which the translated terms are not entirely equivalent to the original, but are used lexically congruently throughout the text, and in the second, the terms are translated absolutely equivalently to the original, but are used in the text without one-to-one correspondence (for example, using several synonyms), the first text will receive a higher score in the terminology consistency.

Thus, the terminology consistency in translations is conceptually understood as the structural component of the overall quality of terminology translation. When assessing the terminology consistency in translations of economic (and not only) texts, we do not imply the overall quality of terminology translation, but only one of the components of it — the terminology consistency. In turn, the terminology equivalence in translations of economic (and not only) texts is another component of the overall quality of terminology translation. Obviously, there are also other components of the overall quality of terminology translation, but the subject of this study is limited only by the terminology consistency in translations of economic texts, and the object of this study narrows it down to the corpus of textbooks on economics and dictionaries of economic terms.

It should be stressed that the terminology consistency in translations of economic texts is assessed not only in the one translation, but also in all translations within one branch [3], i.e. within the corpus of textbooks on economics and dictionaries of economic terms. Thus, assessing the terminology consistency in translations of economic texts, it is necessary to work at least in two planes, at least — in the plane of the text and in the plane of the corpus of texts, since situations are possible when there is the terminology consistency in translation at the text level, but not at the level of text corpus. For example, the term *полные издержки* presented in Table 1 is lexically congruently used within one textbook on economics [30], but incongruently — within the corpus of Russian textbooks on economics and

dictionaries of economic terms. In particular, within the aforementioned text corpus the English term ‘total costs’ is translated as *общие расходы* [27], *полные издержки* [30], *общие издержки* [25; 28], *совокупные издержки* [21; 32], *общепроизводственные расходы* [33], *совокупные затраты* [34], *совокупные расходы* [35], *совокупные (валовые) издержки* [21].

Table 1

Possible combinations of terminology consistency / inconsistency with terminology equivalence / unequivalence in translations of economic texts

Components of the overall quality of terminology translation	Terminology consistency	Terminology inconsistency
	in translations	
Terminology equivalence in translations	<p>The terminology in translation is equivalent and lexically congruent</p> <p>Practical example: the term ‘division of labour’ [26] is translated equivalently into Latvian (<i>darba dalīšana</i>) and Russian (<i>разделение труда</i>) [27] and is used lexically congruently in translations of economic texts [24; 28]</p>	<p>The terminology in translation is equivalent, but lexically incongruent</p> <p>Practical example: the term ‘marginal costs’ within one textbook is translated into Latvian as <i>robežizmaksas=пограничные издержки</i> and as <i>galējās izmaksas=предельные издержки</i> [29] — in both cases the translation is equivalent, but used lexically incongruently throughout the text</p>
Terminology unequivalence in translations	<p>The terminology in translation is unequivalent, but lexically congruent</p> <p>Practical example: the term <i>полные издержки</i> is an imprecise translation of the English term ‘total costs’, and the term <i>продажная цена</i> is an imprecise translation of the English term ‘market price’, but both are used lexically congruently throughout the text [30]</p>	<p>The terminology in translation is unequivalent and lexically incongruent</p> <p>Practical example: the term <i>ekonomēšana</i> is used incongruently throughout the text — in parallel with the terms <i>saimniecība=хозяйствование</i> and <i>uzņēmējdarbība=предпринимательская деятельность</i> [31], and at the same time is equivalent to another term — <i>экономия</i> [27]</p>

Source: elaborated by the authors based on [14; 18].

Another characteristic that distinguishes the terminology consistency in translations of economic texts from its inconsistency is the terminological homogeneity — the sameness, belonging to the same genus, category [36]. Since, as already outlined at the beginning of this section, at the end of the 20th century, a large number of economic terms — calques from English occurred in Latvian and Russian economic texts, the authors will understand the terminological homogeneity as the absence of terminological calques, for example, such as *экономикс* [21; 32], *директ-костинг*, *контроллинг* [37], *менеджмент* [30; 37], *контокоррентный счёт* [38], *левередж* [30] and others.

Considering the specifics of economic terminology and the distinctive features of terminology consistency in translations, analyzed in this section of the paper, the authors propose the following definition: the terminology consistency in translations of economic texts is the lexically congruent use of homogeneous terms (without calques) within a text (for example, a particular textbook on economics) or within text corpus (for example, the corpus of Latvian textbooks on economics of the 1990s).

Methodological approaches to assessing the terminology consistency in translations of economic texts

In linguistics, there are two main approaches to assess the use of terminology — normative and descriptive [39]. In general, the normative approach in linguistics (as well as the normative analysis in economics [28]) deals with the categories of ‘good-bad’ or ‘norm-deviation’, and the descriptive approach (In economics, a similar approach is called positive economic analysis [28]) — with a real situation, describing and analyzing it without regard to the categories of ‘good-bad’ or ‘norm-deviation’.

The essence of the linguistic normative approach to assess the use of terminology lies in the fact that, as its supporters [40; 41] believe, a term appears to be a static, unchanged element, a kind of ‘ideal term’ [41]. The normative requirements for a term were first formulated by the founder of the Russian terminological school D.S. Lotte and include the systemism of terminology, the independence of a term from a context, brevity of a term, its absolute and relative unambiguity, accuracy, simplicity and comprehensibility [41].

Although it is believed that modern linguistics has freed itself from the dogmatic idea of the inviolable norm, it is still generally recognized that each stage of language development is a continuation of the previous stage and has its own norms [42]. When applied to terminology in translations of modern economic texts, this means that there are certain norms of the language of a market economy, just as in the Soviet period there were certain norms of the language of a planned economy. Thus, the concept of norm has become firmly established in modern linguistics and is in the focus of attention of scientific research [42; 43]. The results of modern research indicate that, while maintaining the structure of the language, its grammatical structure and the basic vocabulary fund, at each new stage of the development of society, its own relationships of linguistic means are formed and, as a result, their own norms [42].

One of the characteristics of an ‘ideal term’ in the normative approach is considered to be monosemy, i.e. within a given terminological system, a term must indicate one concept, be unambiguous. However, the tendency to polysemy inherent in the entire lexical system of the language is manifested in the ability of the term to develop additional meanings, which reflect the logical-meaningful connections of interdependent and interacting concepts, and to keep them

in synchronous use along with the main meaning [44]. Furthermore, as was already mentioned in the previous section of this paper, the specifics of modern economic texts in the post-Soviet space lies precisely in the fact that very often they contain parallel terms not from the only one, but from ideologically different terminological systems, for example, Marxist and market systems, which further increases terminological polysemy in translations of economic texts. For example, the terms ‘means of production’ and ‘productive forces’ from the Marxist terminological system have a doublet synonym in the market terminological system — ‘factors of production’, which are either used in parallel in some textbooks on economics [25; 31], or the authors of textbooks try to include them in a unified terminological system [24].

In turn, supporters of the descriptive approach [45; 46] believe that the specifics of a term lies precisely in the fact that it is not a special word (it only acts as a word in a special function), that a language unit receives a special meaning only within particular terminological space, and this meaning is not inherent in its general literary use. The consequence of this interpretation is the assertion that any word can become a term, and any term can leave the sphere of its special functioning and return into the sphere of general vocabulary [39]. The authors of this paper support the ‘functional’ definition of a term given by Vinokur: “Any word can act as a term ... a term is not a special word, but only a word in a special function, the function of naming a special concept, a special object or phenomenon” [45]. Thus, many words from common language, such as ‘money’, ‘labour’, ‘elasticity’, ‘growth’, ‘factors’, ‘wealth’, ‘expenses’, ‘resources’ and many others in economic texts acquire a special meaning, a ‘special function’ [45], becoming a terminology; for example, the word ‘factor’ from the combination of words ‘factor of production’ in economic texts has a function of a term and a special meaning that is completely different from the meaning of the commonly used word ‘factor’ (“the cause, the driving force of a process or a phenomenon that determines its essence or specific traits” [47]). Economic terms (not only Latvian and Russian, but, for example, English too [48]) are characterized by such lexical and semantic processes as polysemy, synonymy, antonymy and hyper-hyponymic relations [39], and, in the authors’ opinion, this must be considered when assessing the terminology consistency in translations of economic texts.

Thus, the polysemy of the term is the result of the historical development of a language, when, due to semantic transfers, a term, in addition to designating one object (phenomenon), begins to be used to designate another, similar to it in some features / properties. Researchers have stressed that polysemy is not an indicator of inaccuracy of a term [44]. The situation is exactly the opposite: the more developed polysemy in terminology, the more accurately the associative connections between general scientific, intersectoral and highly specialized concepts are established [39].

In the authors' opinion, a unique linguistic feature of economic discourse, which objectively complicates the achievement of the terminology consistency in translations of economic texts, is that the word *экономика* alone has at least five meanings in Latvian and Russian (it can be argued that no other science or field of human activity has this) (Table 2).

Table 2

Meanings of the word *экономика* in economic texts

Meanings	Parallel terms in Russian
Economics	<i>Экономическая теория</i> <i>Экономикс</i>
Economy	<i>Экономика (страны, национальная)</i> <i>Хозяйство (народное, национальное, рыночное, мировое)</i>
Economy as a specific system of organizing economic relationships in a society	<i>Рыночная экономика</i> <i>Цивилизованная рыночная экономика</i> <i>Рыночная экономическая система</i> <i>Рыночные отношения</i> <i>Путь рыночного развития</i> <i>Конкурентная экономика</i>
	<i>Командная экономика</i> <i>Централизованно планируемая экономика</i> <i>Централизованная плановая экономика</i> <i>Командно-административная система</i> <i>Командно-административная система хозяйства</i> <i>Командная экономическая система</i>
Economics as an aspect of any area of human activity	<i>Экономика туризма</i> <i>Экономика народного хозяйства</i> <i>Экономика предпринимательства</i>
Economy as a political direction of economic thought	<i>Экономика свободного предпринимательства</i> <i>Экономика знаний</i> <i>Зелёная экономика</i>

Source: elaborated by the author based on [25; 28; 32; 35; 37; 38; 47; 49].

As can be seen from the analysis of the multiplicity of meanings of the word *экономика* (Table 2), the polysemy of economic terminology is so common that, at first glance, it is impossible to achieve any terminology consistency in translations of economic texts. Nevertheless, the authors believe that, despite a certain degree of inevitability in the existence of terminology inconsistency in translations of economic texts, this phenomenon must be investigated and assessed, since it may go too far. For example, this is the case with the use of terms *ražīgums*=*производительность* and *produktivitāte*=*продуктивность* in the articles of the Latvian scientific monograph “Increasing Efficiency: Trends and Challenges for the Future” (Latvian: *Produktivitātes celšana: tendences*

un nākotnes izaicinājumi) [50], analyzed by Korshenkov. He found that within just one economic text of a scientific monograph, and even within almost every article in this monograph, there is no even minimal terminological consistency in relation to these terms. “As a result, it becomes impossible to qualitatively and scientifically correctly investigate something that does not have a clear terminological definition and empirical interpretation” [51. P. 27].

Moreover, the scientific monograph, the title of which contains the term *produktivitāte=продуктивность*, does not provide a systemic justification for the use of this term (as well as for the use of the term *ražīgums=производительность* which often occurs in the text of the monograph). In the opinion of Korshenkov, “this testifies to the inaccurate dealing with terms in the Latvian economic science” [51. P. 34].

For the sake of fairness, it should be noted that in the Latvian economic scientific space there is also a positive example: in the scientific monograph edited by Academician Rivzha “Knowledge Economy — for the Livability of Rurals and Regions of Latvia”) (Latvian: *Zināšanu ekonomika Latvijas lauku un reģionu dzīvotspējai*) [49], the book introduces the reader to a Latvian-English glossary of the main research terms (although without defining the relevant concepts), which indicates the terminology consistency in this economic text and is a certain basis for the high quality of a scientific research in economics.

The original technique for assessing the terminology consistency in translations of economic texts

To develop a methodology and technique for the empirical assessment of the terminology consistency in translations of economic texts within this study, first of all, it should be stressed that the authors will not separate terms from nomens and professionalisms, methodologically based on the understanding of the essence of a term within the cognitive-discursive paradigm of knowledge: “If in the definition of a word no special knowledge is used, but a knowledge that is understandable to ordinary consciousness, this word is a common language word. If special knowledge is used in the explanation and definition of the word itself, this word most likely has already become a term” [46. P. 49]. Thus, all those terms, nomens and professionalisms that will be encountered in translations of economic texts and for the understanding of which (at least in the framework of an economic text, where even such common word as ‘labour’ can perform the function of a term [45]) special economic knowledge is required, in this research will be considered as terminology.

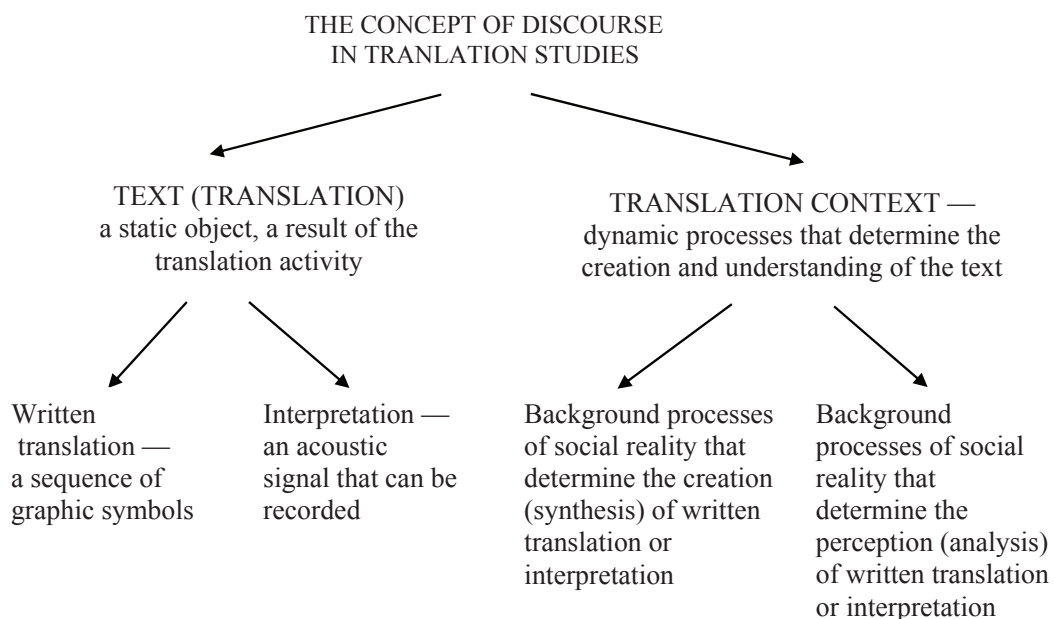
Further, the authors have to decide on the choice of a methodological approach to assess the use of terminology. As indicated at the beginning of the previous section, there are two such approaches in linguistics — normative and descriptive [39]. Since the authors deal specifically with the assessment (also in the sense of evaluation), it would seem advisable to use for this purpose the normative, i.e. evaluating

approach. Nevertheless, due to the high level of the polysemy of economic terminology (shown in the previous section of this paper), the authors would not like to evaluate terminology consistency in translations of economic texts in the categories of ‘good-bad’ or ‘norm-deviation’ (although this cannot be completely avoided). The authors consider it more appropriate to assess it in the categories ‘consistent’ or ‘inconsistent’, which are ambivalent to the norm, trying not to assert that the terminology consistency is good and normal, but the inconsistency is bad or deviates from the norm. As the Russian literary critic Bykov said in one of his lectures on Russian literature, “sometimes, for an epoch to remain in the text, the text has to be bad”.

To interpret the results of assessing the terminology consistency in translations of economic texts obtained primarily on the methodological basis of the normative approach, the authors consider it appropriate to further use the methodology of a descriptive approach that describes and analyzes the real situation regardless of the categories of ‘good-bad’ or ‘norm-deviation’, but with the aim of identifying and explaining what happened and is happening in the investigated economic discourse [6].

Thus, for their methodology and technique for assessing the terminology consistency in translations the authors will use a ‘normative-descriptive’ methodology: normative — to assess the use of the terminology in the categories of ‘consistent’ or ‘inconsistent’, descriptive — to explain the real processes occurring in economic discourse. Such a methodological position of the authors inevitably refers to the methodology of linguistic discourse analysis (analysis of discourse, discourse studies) [5–11].

The authors believe that, in order to better perceive the specifics of linguistic discourse analysis, one, first of all, must have a good understanding of what a discourse means in linguistics. Kibrik, in his doctoral dissertation in Philology “Discourse Analysis in Cognitive Perspective” (Russian: *Анализ дискурса в когнитивной перспективе*) (2003) in Philology, defines discourse as “the unity of the process of linguistic activity and its result, that is, the text. Discourse includes text as an integral part. Text is a static object that arises in the course of linguistic activity. It can be written text, i.e. a sequence of graphic symbols, and maybe an oral text — an acoustic signal that can be recorded, for example, on a magnetic carrier. The discourse, in addition to the text itself, also includes the dynamic processes of its creation and understanding” [8. P. 4]. Here a short definition given by Chernyavskaya can be mentioned too: “discourse is the aggregation of texts” [10. P. 32]. Considering the course of thought of Chernyavskaya, it can be assumed that discourse is not a simple summation of texts, but their synergistic combination. “The linguistics of discourse establishes how the aggregating individual texts create common meanings” [10. P. 32]. The following scheme (fig.) schematically shows the authors’ understanding of the essence of discourse in linguistics as applied to translation, i.e. in translation studies.

The scheme of understanding the essence of discourse in translation studies

Source: elaborated by the authors based on the analysis of [5; 8; 10].

In the authors' opinion, the above scheme also helps to solve the issue of separating the concept of text from the concept of discourse [9]. "Usually discourse and text are opposed to each other using a number of criteria: functionality/structurality, process/product, dynamics/statics and actuality/virtuality" [7. P. 24]. The authors believe that in accordance with the views of Van Dijk, who singled out two aspects in discourse analysis — textual and contextual [5], it is possible to define discourse in linguistics very briefly — as "a text in a context". Moreover, in the authors' opinion, such a definition of discourse can be applied for any science or art, understanding the concept of text more broadly — as a product of any human activity (In linguistics, this is a linguistic activity [8]). Then discourse in music will be a piece of music in the context of the social reality in which it is created (and/or in which it is perceived), in painting — a piece of art in the context of the social reality of its creation and/or perception, in sociology — a social status in the context of its receiving and/or perception, in economics — a property in the context of its creation and/or perception. Indeed, a study in any science or art will be much deeper and more qualitative if one investigates not only the 'text' itself, but also the context of its creation and/or perception. Then, for example, the novel "War and Peace" can act both as a text and as a discourse — depending on whether this novel is investigated in the socio-historical context of its creation and/or perception,

or only textual material by itself (for example, its structure, style, grammar, etc.) is investigated. The text and the context within the discourse mutually influence each other, i.e. the text is created and perceived within the context and under its influence, but at the same time the created and perceived text also affects the surrounding context, and if the context of the text creation and the context of its perception represent different historical periods, then the text is a kind of bridge between these historical periods, allowing the past to influence the present, i.e. connecting the times.

Further, the authors will present the technique of linguistic discourse analysis, with the help of which the empirical research can be implemented. Returning to the authors' methodological position described at the beginning of this section, the core of which is not a critical but explanatory assessment of the terminology consistency in translations of economic texts, the authors accept the point of view of Chernyavskaya, showing that for the purposes of discourse analysis in its 'non-critical' forms, it is possible to use the opportunities of corpus linguistics, employing quantitative statistical methods in processing linguistic material [10] (for example, comparative analysis of average values, regression or correlation analysis).

In turn, to implement a qualitative approach to the investigation of the terminology consistency in textbooks on economics and dictionaries of economic terms, as well as to the investigation of the social and economic context of translation and perception of terminology in economic texts, the authors use the lexical and semantic approach, often used by linguists for analyzing discourse [5; 9; 52] and aimed at studying the semantics of linguistic structures and lexemes [9] used in translations of economic texts. In the opinion of Chernyavskaya, semantization, i.e. revealing the meaning of a linguistic unit, in discourse linguistics is associated not with a lexical(word)-centric explanatory conception and not (only) with a text-centric conception, but with a discourse [10], expanding "the explanatory possibilities of discourse analysis" [10. P. 31] and giving it the character of 'non-critical' discourse analysis in contrast to the concepts of critical analysis of discourse [10. P. 33]. Furthermore, to analyze the social and economic context of translation and perception of terminology in textbooks on economics of the 1990s, 2000s and 2010s and dictionaries of economic terms, the authors use a descriptive analysis [53], which is also quite often used in linguistic discourse analysis [5; 6; 8].

The following table presents a comprehensive technique of linguistic discourse analysis, which can be applied in future for the implementation of the empirical research.

As it has been already outlined in the first section of this paper, the terminology consistency in translations of economic texts is assessed not only in the only one text, but also within the corpus of economic texts, i.e., it is necessary to work at least in two planes — in the plane of the text and in the plane of text corpus.

Table 3

Linguistic discourse analysis technique for the implementation of the empirical research

Methods of the analysis	Analysis of the text, specifically — the terminology consistency in translations of textbooks on economics and dictionaries of economic terms	Analysis of the context of translation and perception of the terminology in textbooks on economics and dictionaries of economic terms
Methods used in the qualitative approach to linguistic discourse analysis	Lexical and semantic analysis of the terminology consistency in translations of textbooks on economics of the 1990s, 2000s and 2010s as well as in dictionaries of economic terms	Descriptive analysis of the social and economic context of translation and perception of the terminology in textbooks on economics of the 1990s, 2000s and 2010s as well as in dictionaries of economic terms
Methods used in the quantitative approach to linguistic discourse analysis	Statistical comparative analysis of the mean values of the indicators of the terminology consistency in translations of textbooks on economics of the 1990s, 2000s and 2010s as well as in dictionaries of economic terms	Correlation analysis of the dependency of the indicators of the terminology consistency in translations of textbooks on economics on a year of the textbook issue

Source: elaborated by the authors based on the analysis of the scientific literature mentioned in this section of the paper.

The lexical and semantic approach can be used to analyze the terminology consistency in translations of textbooks on economics of the 1990s, 2000s and 2010s as well as in dictionaries of economic terms, initially when assessing the terminology consistency in the translation of each text, in order to then move on to the use of a quantitative comparative analysis of the mean values of the indicators of the terminology consistency in translations of textbooks on economics of the 1990s, 2000s and 2010s as well as in dictionaries of economic terms, i.e. in text corpora.

In accordance with the definition of the term of the terminology consistency in translations of economic texts proposed by the authors at the end of the first section, the terminology consistency in the framework of empirical research can be measured quantitatively (based on results of the lexical and semantic analysis of the terminology consistency in each textbook on economics selected for analysis) according to the following criteria:

- 1) terminological synonymy, i.e. use of parallel terms (doublets, quasi-synonyms, pseudo-synonyms);
- 2) lexical incongruency of terminology use, i.e. non-compliance with the so-called one-to-one correspondence in the use of terms throughout the text (especially in the case of terms-phrases);
- 3) inhomogeneity of terminology translation, i.e. presence of calqued terms;
- 4) presence and quality of terminological glossary.

The assessment of the terminology consistency in each textbook on economics selected for analysis can be carried out on a sample of 10 randomly selected terms (approximately 60 % of them are repeated in all textbooks on economics), mainly representing the following groups of economic terms:

- names of economic systems (market economy, planned economy, etc.);
- general economic terms (economy, entrepreneurial activity, economic entities, etc.);
- terms of production (factors of production, costs, productivity, etc.);
- terms of international trade (comparative advantage, customs duties, etc.);
- financial terms (investment, rate of interest, etc.).

The following table presents the technique for quantitative assessing terminology consistency in each of the surveyed textbook on economics.

Table 4

**The technique for quantitative assessing terminology consistency
in each of the surveyed textbooks on economics**

Assessment criteria	What is specifically assessed	Rating scale
Terminological synonymy	The number of cases of using parallel terms (doublets, quasi-synonyms, pseudo-synonyms)	From 0 to 10, where 0 — no cases of terminological synonymy, 10 — all selected terms are used with synonyms
Lexical incongruency of terminology use	The number of cases of lexically incongruent use of terms throughout the text	From 0 to 10, where 0 — no cases of lexically incongruent use of terms, 10 — all selected terms are used lexically incongruently throughout the text
Inhomogeneity of terminology translation	Number of calqued terms	From 0 to 10, where 0 — no calqued terms, 10 — all selected terms are calqued from English
Presence and quality of terminological glossary	The presence of a glossary — is there or not at all The quality of the glossary in terms of the number of translation languages of terms, definitions of terms, page indication	From 1 to 3, where 1 — very high quality glossary, 2 — there is a glossary, but it is of modest quality, 3 — there is no glossary at all
Overall terminology consistency	Total amount of scores by all four criteria	From 1 to 33: the higher the score, the lower the level of terminology consistency

Source: elaborated by the authors.

In accordance with the technique for assessing the terminology consistency presented in *Table 4*, for each of the surveyed textbook on economics, quantitative indicators can be obtained according to four criteria and the overall indicator of terminology consistency (by simple summation of the indicators for all four assessment criteria), and then — the mean values of indicators for each of the three generations (1990s, 2000s, 2010s) of textbooks on economics can be calculated. These mean values of indicators will then be compared for statistical significance of difference using the nonparametric Kruskal-Wallis Test (the test for defining statistical significance of difference between the mean values for more than two independent samples) [54] in SPSS, a computer program for processing and analyzing quantitative data.

Table 5

Format for presenting the overall results of the assessment of terminology consistency within the corpora of textbooks on economics of the 1990s, 2000s and 2010s

Assessment criteria	Textbooks on economics			Statistical significance of difference between corpora mean values
	1990s	2000s	2010s	
Terminological synonymy	X_1^1	Y_1	Z_1	p-value ²
Lexical incongruency of terminology use	X_2	Y_2	Z_2	p-value
Inhomogeneity of terminology translation	X_3	Y_3	Z_3	p-value
Presence and quality of terminological glossary	X_4	Y_4	Z_4	p-value
Overall terminology consistency	X	Y	Z	p-value

Source: elaborated by the authors.

Based on the results of a quantitative assessment of the terminology consistency in translations of economic texts, the technique of which is presented in Tables 4 and 5, the study hypothesis — since the beginning of the transition of Latvian and Russian economies to the market, there is a shift towards a greater terminology consistency in translations of economic texts into Latvian and Russian — can be empirically proved or rejected. The hypothesis can be proved (In a whole or partly) if at least one of the following inequalities turns out to be true (In both parts or in one of the parts):

- 1) $X_1 > Y_1 > Z_1$ (with a statistically significant difference) — this means that terminological synonymy in the corpus of surveyed Latvian and Russian textbooks on economics decreases over time since the beginning of the transition of Latvian (and Russian) economy to the market (and the terminology consistency by the criterion of terminological synonymy, accordingly, increases);
- 2) $X_2 > Y_2 > Z_2$ (with a statistically significant difference) — this means that lexical incongruency of terminology use in the corpus of surveyed textbooks on economics decreases over time (and the terminology consistency by the criterion of lexical incongruency of terminology use, accordingly, increases);
- 3) $X_3 > Y_3 > Z_3$ (with a statistically significant difference) — this means that inhomogeneity of terminology translation in the corpus of surveyed textbooks on economics decreases over time (and terminology consistency by the criterion of inhomogeneity of terminology translation, accordingly, increases);

¹ For all indicators X , Y and Z the higher the score, the lower the level of terminology consistency according to the corresponding criterion or overall terminology consistency.

² If the p-value is less than 0.05, then the difference between the corpora average scores according to the corresponding criterion (or according to the overall terminology consistency) is statistically significant [54].

- 4) $X_4 > Y_4 > Z_4$ (with a statistically significant difference) — this means that the frequency of presence and quality of terminological glossaries in the corpus of surveyed textbooks on economics increases over time (and terminology by the criterion of presence and quality of terminological glossary, accordingly, increases);
- 5) $X > Y > Z$ (with a statistically significant difference) — this means that the overall terminology consistency in the corpus of surveyed Latvian and Russian textbooks on economics increases over time since the beginning of the transition of Latvian (and Russian) economy to the market.

For the stability of the obtained data on the dynamics of the terminology consistency indicators in translations of textbooks on economics of the 1990s, 2000s and 2010s, a correlation analysis of the dependency of the terminology consistency indicators on a year of the textbook issue can be conducted, the format for presenting the results of which is shown in table 6.

Table 6

**Format of presenting the results of a correlation analysis of the dependency³
of the terminology consistency indicators in the corpus of textbooks
on economics on a year of the textbook issue**

Assessment criteria	The strength and direction of the correlation between a criteria and a year of the textbook issue	Statistical significance of the correlation
Terminological synonymy	r_1 — Pearson correlation coefficient, from -1 to +1 ⁴	p-value ⁵
Lexical incongruency of terminology use	r_2 — Pearson correlation coefficient, from -1 to +1	p-value
Inhomogeneity of terminology translation	r_3 — Pearson correlation coefficient, from -1 to +1	p-value
Presence and quality of terminological glossary	r_4 — Pearson correlation coefficient, from -1 to +1	p-value
Overall terminology consistency	r — Pearson correlation coefficient, from -1 to +1	p-value

Source: elaborated by the authors. * Despite the fact that theoretically the correlation analysis shows not the dependency of one variable on another, but their two-way interdependency [54], in this case the result can be logically interpreted as one-way dependency, since a year of the textbook issue is a given (factorial) variable, but terminology consistency is potentially dependent variable.

³ Despite the fact that theoretically the correlation analysis shows not the dependency of one variable on another, but their two-way interdependency [54], in this case the result can be logically interpreted as one-way dependency, since a year of the textbook issue is a given (factorial) variable, but terminology consistency is potentially dependent variable.

⁴ A positive sign for the correlation coefficient denotes the direct relationship (the more/less one, the more/less the other), a negative — the inverse relationship (the more/less one, the less/more the other).

⁵ If the p-value is less than 0.05, then the correlation is statistically significant [54].

The authors have also worked out a quantitative technique to assess the terminology consistency in translations of economic texts within the corpora of dictionaries of economic terms and Latvian and Russian textbooks on economics of the 1990s, 2000s and 2010s, which is presented in the following table. It is based on a unified assessment of the number of parallel terms used in the corpora of textbooks on economics and dictionaries, which [parallel terms] are equivalent to 10 analyzed terms selected by the authors. These terms are among the most frequently used in economic texts and represent different topics of economic theory — finance, production, marketing, employment, pricing, international trade, economic growth.

Table 7

**Format for presenting the overall results
of assessing the terminology consistency within the corpora
of dictionaries of economic terms and Latvian and Russian textbooks
on economics of the 1990s, 2000s and 2010s**

Analyzed terms	The number of parallel terms used in the corpora of dictionaries and textbooks on economics					
	in Latvian			in Russian		
	1990s	2000s	2010s	1990s	2000s	2010s
Investment	x_{1lv}	y_{1lv}	z_{1lv}	x_{1ru}	y_{1ru}	z_{1ru}
Productivity	x_{2lv}	y_{2lv}	z_{2lv}	x_{2ru}	y_{2ru}	z_{2ru}
Labour market	x_{3lv}	y_{3lv}	z_{3lv}	x_{3ru}	y_{3ru}	z_{3ru}
Marketing	x_{4lv}	y_{4lv}	z_{4lv}	x_{4ru}	y_{4ru}	z_{4ru}
Production possibilities curve	x_{5lv}	y_{5lv}	z_{5lv}	x_{5ru}	y_{5ru}	z_{5ru}
Market price	x_{6lv}	y_{6lv}	z_{6lv}	x_{6ru}	y_{6ru}	z_{6ru}
Factors of production	x_{7lv}	y_{7lv}	z_{7lv}	x_{7ru}	y_{7ru}	z_{7ru}
Total costs	x_{8lv}	y_{8lv}	z_{8lv}	x_{8ru}	y_{8ru}	z_{8ru}
Comparative advantage	x_{9lv}	y_{9lv}	z_{9lv}	x_{9ru}	y_{9ru}	z_{9ru}
Growth	x_{10lv}	y_{10lv}	z_{10lv}	x_{10ru}	y_{10ru}	z_{10ru}
Average number of parallel terms in the corpus	x_{lv}	y_{lv}	z_{lv}	x_{ru}	y_{ru}	z_{ru}

Source: elaborated by the authors.

Within the technique elaborated by the authors and presented in Table 7, x_i , y_i and z_i (where i is the ordinal number of the term in the sample of analyzed terms) are quantitative indicators of the terminology consistency in translations of economic texts, calculated separately for each corpus of dictionaries and Latvian and Russian textbooks on economics of the 1990s, 2000s and 2010s by simple summation of the number of parallel terms used in the surveyed corpus of texts, which [parallel terms] are equivalents (precise or not very precise — it does not matter so much for this research (this is explained in the first section of the paper)) of the corresponding English terms (Table 7).

For example, if only *рынок труда* is used as an equivalent to the English term ‘labour market’ in the corpus of dictionaries and Russian textbooks on economics of the 1990s, then the quantitative indicator x_{3ru} (Table 7) is equal to 1, and since both *darbaspēka tirgus=рынок рабочей силы* and *darba tirgus=рынок труда* are used in the corpus of dictionaries and Latvian textbooks on economics of the 1990s, the quantitative indicator x_{3lv} (Table 7) is equal to 2. Thus, a higher number of parallel terms indicates a greater terminology inconsistency in the corresponding corpus of dictionaries and textbooks on economics. In turn, mean values of the indicators of terminology consistency for a sample of 10 analyzed terms are calculated using the following simple arithmetic mean formulae:

$$x = (x_1 + \dots + x_{10}) / 10,$$

where

x — a mean value of the number of parallel terms used in the corpus of texts of the 1990s;

$$y = (y_1 + \dots + y_{10}) / 10,$$

where

y — a mean value of the number of parallel terms used in the corpus of texts of the 2000s;

$$z = (z_1 + \dots + z_{10}) / 10,$$

where

z — a mean value of the number of parallel terms used in the corpus of texts of 2010s.

As a result of the practical application of the above-described technique for to assess the terminology consistency in translations of economic texts within the corpora of dictionaries and Latvian and Russian textbooks on economics of the

1990s, 2000s and 2010s, six mean values of the estimates of the terminology consistency can be obtained and compared: 1) for the corpus of dictionaries and Latvian textbooks on economics of the 1990s; 2) of the 2000s; 3) of the 2010s; 4) of the 1990s; 5) of the 2000s; 6) of the 2010s.

The results of assessing the terminology consistency in translations of economic texts within the corpora of dictionaries of economic terms and Latvian and Russian textbooks on economics of the 1990s, 2000s and 2010s, the technique of which is presented in Table 7, can become additional basis for proof or rejection of the research hypothesis. The proof of the hypothesis can be strengthened if at least one of the following two inequalities turns out to be true (In both parts or in one of the parts):

- 1) $x_{lv} > y_{lv} > z_{lv}$ — this means that the number of parallel terms in the corpus of dictionaries of economic terms and Latvian textbooks on economics decreases over time since the beginning of the transition of Latvian (and Russian) economy to the market (and the terminology consistency within this corpus of texts, accordingly, increases);
- 2) $x_{ru} > y_{ru} > z_{ru}$ — this means that the number of parallel terms in the corpus of dictionaries of economic terms and Russian textbooks on economics decreases over time (and the terminology consistency within this corpus of texts, accordingly, increases).

After a quantitative assessment of the terminology consistency in translations of economic texts in two planes — in the plane of a text and in the plane of a text corpus — a lexical and semantic diachronic analysis of the terminology consistency in textbooks on economics by individual authors can also be carried out (separately for Latvian and Russian textbooks on economics) in order to trace the dynamics of changes, if any, in the terminology consistency in translations over time since the beginning of the transition of Latvian and Russian economies to the market. This result of the analysis within the qualitative approach will illustrate the results obtained in the course of applying quantitative methods to analyze the terminology consistency in translations of economic texts, and can be designed to help the authors answer the following questions traditionally put forward in empirical research in the framework of linguistic discourse analysis (formulated by the authors based on [8; 11]):

- How was the linguistic aspect of economic discourse formed over time since the beginning of the transition of Latvian (and Russian) economy to a market economy?
- What changes have been recorded in it over the period of time since 1990?
- To what audience is it addressed and in what social spheres is it involved?
- What explicit and hidden plots, genres and scenarios (cognitive schemes, ideological programs, moral assessments) are realized in it?
- What is the specifics of expressive means of communication manifested, and who is their bearer (producer of speech practice)?

- In what relationship with other discourses (perhaps competing) are they [expressive means of communication]?
- How successful (effective) is the economic discourse and what is the strength of its influence on the target audience?
- What are the deep principles of constructing economic discourse, revealed with the help of linguistic discourse analysis?

Conclusions

The relevance of the terminology consistency in translations of economic texts is due to dynamic and contradictory development (In connection with the transition from a planned economy to a market economy) of the social and economic context of translation and perception of economic terminology of the 1990s, 2000s and 2010s. Moreover, this social and economic context is represented in texts, which main distinguishing feature from a lexical point of view is the terminological density: the share of terms in economic texts is about 25 %, and these terms carry the main semantic load.

The aim of this study was to developed methodology and technique to assess the terminology consistency in translations based on Latvian and Russian economic texts. As a study hypothesis which could be proved or rejected using the developed methodology and technique, the authors put forward the assumption that since the beginning of the transition of Latvian (and Russian) economy to the market economy, there is a shift towards a greater terminology consistency in translations of economic texts into Latvian and Russian.

The developed methodology and technique include quantitative statistical methods (corpus linguistics tools): a comparative analysis of the mean values of the terminology consistency indicators, a correlation analysis of the dependency of the terminology consistency indicators on a year of the textbook issue, as well as qualitative methods: a lexical and semantic approach to assess the terminology consistency in textbooks on economics in Latvian and Russian by individual authors, a descriptive analysis of the social and economic context of translation and perception of terminology.

Based on the results of the study, the main conclusions of the authors about the methodology and technique to assess the terminology consistency in translations of economic texts are as follows:

1) the terminology consistency in translations (which is conceptually understood as the structural component of the overall quality of terminology translation) is the lexically congruent use of homogeneous (without calquing) terms within the economic text or the corpus of texts;

2) it is advisable to assess the terminology consistency not in the categories of ‘good-bad’ or ‘norm-deviation’, but in the conditionally ambivalent categories

of ‘consistent-inconsistent’ (for the incidental identification of processes occurring in the studied economic discourse);

3) in translation studies, the essence of discourse is the target text within the background processes of social reality that determine the creation (synthesis) and perception (analysis) of the translation.

References / Библиографический список

1. Hutabarat, E., Herman, H., Silalahi, D.E. & Sihombing, P.S.R. (2020). An Analysis of Ideational Metafunction on News Jakarta Post about Some Good Covid-19 Related News. *VELES Voices of English Language Education Society*, 4 (2), 142–151. <https://doi.org/10.29408/veles%20journal.v4i2.2526>
2. Dressler, W.U. (Ed.) (1978). *Current Trends in Text Linguistics*. Berlin: de Gruyter.
3. Valsts valodas centrs (Latvian State Language Centre). (2021) *Terminology Consistency*. Material at the Homepage. (In Latv.).
4. Silaški, N. (2009). Terminological Synonymy – an Oxymoron that Has Become the Rule. In: *Language for Specific Purposes – Theory and Practice*. J. Vučo, M. Mirić and A. Ignjačević (eds.). Belgrade: University of Belgrade. pp. 651–662.
5. Dijk, (van), T.A. (2008). *Discourse and Context. A Sociocognitive Approach*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Fairclough, N.L. (1985). Critical and Descriptive Goals in Discourse Analysis. *Journal of Pragmatics*, 9 (6), 739–763.
7. Brown, G. & Yule, G. (1983). *Discourse Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Kibrik, A.A. (2003). *Discourse Analysis in a Cognitive Perspective*. Dissertation for the degree of Doctor of Philology. M.: Institute of Linguistics of the RAN (Russian Academy of Sciences). (In Russ.).
Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: диссертация на соискание степени доктора филологических наук. Москва: Институт лингвистики РАН, 2003.
9. Kopoloveca, N. (2017). *The Model of Creating a Leader's Portrait in Latvian and Czech Political Discourse* [dissertation]. Riga: University of Latvia. (In Latv.).
10. Chernyavskaya, V.Ye. (2018). Discourse Analysis and Corpus Methods: A Necessary Evidentiary Link? Explanatory Possibilities of Qualitative and Quantitative Approaches. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2, 31–37. (In Russ.).
Чернявская В.Е. Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности качественного и количественного подходов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 31–37.
11. Sarna, A.Ya. (2021). *Discourse-Analysis*. Moscow: The Center of Humanitarian Technologies. (In Russ.).
Сарна А.Я. Дискурс-анализ. М.: Центр гуманитарных технологий, 2021.
12. Nikitko, Ye.I. (2013). Grammatical and Lexical-Semantic Features of Economic Terms. In: *Proceedings of the Grodno State University named after Ya. Kupala*. Grodno. pp. 38–49. (In Russ.).
Никитко Е.И. Грамматические и лексико-семантические особенности экономических терминов // Сборник научных трудов Гродненского государственного университета им. Я. Купалы. 2013. С. 38–49.
13. Museanu, E. (2013). Economic Terminology — New Perspectives. *European Scientific Journal*, 1, 253–257.

14. Romanenko, M.A. (2019). Structural-Semantic and Stylistic Features of Terms and Their Functioning in the Language of Economic Theory. In: *Linguodidactics: Proceedings of the 6th Republican Scientific and Practical Seminar*. Minsk: Belarusian State University. pp. 71–75. (In Russ.).
Романенко М.А. Структурно-семантические и стилистические особенности терминов и их функционирование в языке экономической теории // Лингводидактика: Материалы VI Республиканского научно-практического семинара. Минск: Белорусский государственный университет, 2019. С. 71–75.
15. Kondrat'yeva, T.S. (2001). *Lexico-Semantic and Derivational-Metalinguistic Features of the Terminosphere "Economy-Market-Law": Based on the Material of Russian, English and German* [dissertation]. Krasnodar. (In Russ.).
Кондратьева Т.С. Лексико-семантические и деривационно-метаязыковые особенности терминосферы "Экономика-Рынок-Право": на материале русского, английского и немецкого языков: автореф. дис. кан. филол. наук. Краснодар, 2001.
16. Makarova, A.A. (2007). *Determinologization of Units of the Language of Economics and Business in the Modern Russian* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
Макарова А.А. Детерминологизация единиц языка экономики и бизнеса в современном русском языке: автореф. дис. кан. филол. наук. М., 2007.
17. Nikiforova, A.A. (1991). *Labour Market: Employment and Unemployment*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.).
Никифорова А.А. Рынок труда: занятость и безработица. М.: Международные отношения, 1991.
18. Hopp, H. & Lemmerth, N. (2018). Lexical and Syntactic Congruency in L2 Predictive Gender Processing. *Studies in Second Language Acquisition*, 40 (1), 171–199.
19. Taylor, J.R. (2002). *Cognitive Grammar*. Oxford: Oxford University Press.
20. ULATUS. (2016). *The Essentials of Consistent Terminology in Academic and Professional Translation*. Translation Blog.
21. Makconnell, C.R. & Bru, S.L. (2008). *Economics II: Principles, Problems and Policy*. Moscow: INFRA-M publ.
22. Shelov, S.D. (2018). *Essay on the Theory of Terminology: Composition, Conceptual Organization, Practical Applications*. Moscow: PrintPro. (In Russ.).
Шелов С.Д. Очерк теории терминологии: состав, понятийная организация, практические приложения. М.: ПринтПро, 2018.
23. Plana, S., Plana, G., Plana, Ye. & Plana, Z. (2020). Synonymy and Terminological Doublet in Economic Terminology. *Russian Linguistic Bulletin*, 23 (3), 117–120. (In Russ.).
Плана С., Плана Г., Плана Е., Плана З. Синонимия и терминологический дублет в экономической терминологии // Russian Linguistic Bulletin. 2020. № 23 (3). С. 117–120. <https://doi.org/10.18454/RULB.2020.23.3.18>
24. Diderihs, H. (2000). *The Economy of an Enterprise*. Riga: Science. (In Latv.).
25. Lobacheva, Ye.N. (ed.). (2010). *Economics*. Moscow: Yurajt, Vysshee obrazovanie. (In Russ.).
Лобачева Е.Н. (Ред.) Экономическая теория. М.: Юрайт, Высшее образование, 2010.
26. Smith, A. (2007) [1776]. *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. Amsterdam, Lausanne, Melbourne, Milan, New York, Sao Paulo: MetaLibri.
27. Skujina, V. (ed.). (1995). *EAWO: Economic, Accounting and Work Organization Terms*. Riga: The Institute of Latvian Language of the LCS (Latvian Council of Science). (In Latv.).
28. Samuel'son, P.E. & Nordhaus, V.D. (2009). *Economics*. Moscow: Williams. (In Russ.).
Самуэльсон П.Э., Нордхаус В.Д. Экономика. М.: И.Д. Вильямс, 2009.
29. Junior Achievement Latvijas nodaļa (Latvian Branch of Junior Achievement). (1995). *Applied Economics: Study Guide*. Lielvarde: Lielvarde. (In Latv.).
30. Brighem, Yu.F. (1998). *Encyclopedia of Financial Management*. Translation from English. Moscow: RAGS – Economics. (In Russ.).
Бригхэм Ю.Ф. Энциклопедия финансового менеджмента. М.: РАГС – Экономика, 1998.

31. Krieviņš, V. (1996). *Basic Course of Economics*. Riga: RaKa. (In Latv.).
32. Menk'yu, N.G. (2010). *Principles of Economics*. Translation from English. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.).
Мэнкью Н.Г. Принципы экономики. СПб: Питер, 2010.
33. Korovkin, V.P. (1990). *Dictionary-Reference Book of the Agro-Industrial Complex Economist*. Moscow: Economics. (In Russ.).
Коровкин В.П. Словарь-справочник экономиста АПК. М.: Экономика, 1990.
34. Hornbi, U., Gemmi, B. & Uoll, S. (1999). *Economics for Managers*. Moscow: YuNITI. (In Russ.).
Хорнби У., Гэмми Б., Уолл С. Экономика для менеджеров. М.: ЮНИТИ, 1999.
35. Fomichev, V.I. (1998). *International Trade*. Moscow: INFRA-M. (In Russ.).
Фомичев В.И. Международная торговля. М.: ИНФРА-М, 1998.
36. Shamardin, A. & Zubarev, Yu. (2017). *Encyclopedic Dictionary of Terms for Management, Marketing, Economics, Entrepreneurship*. Vol. II. Moscow: Litres. (In Russ.).
Шамардин А., Зубарев Ю. Энциклопедический словарь терминов по менеджменту, маркетингу, экономике, предпринимательству. Т. II. М.: Литрес, 2017.
37. Bakanov, M.I. & Sheremet, A.D. (1999). *Theory of Economic Analysis*. Moscow: Finances and Statistics. (In Russ.).
Баканов М.И., Шеремет А.Д. Теория экономического анализа. М.: Финансы и статистика, 1999.
38. Stenlejk, Dzh.F. (1994). *Economics for Beginners*. Moscow: Republic. (In Russ.).
Стэнлейк Дж.Ф. Экономика для начинающих. М.: Республика, 1994.
39. Rahuba, V.I. (2013). Lexico-Semantic Features of Economic Terms. *Scientific Notes of BrGTU. Series "Philological"*, 33, 309–311. (In Russ.).
Рахуба В.И. Лексико-семантические особенности экономических терминов // Наукові записки БрГТУ. Серія "Філологічна". 2013. № 33. С. 309–311.
40. Kazanchyan, L.O. (1971). Some Issues of Terminology. *Journal of Yerevan university*, 9, 232–239. (In Russ.).
Казанчян Л.О. Некоторые вопросы терминологии // Вестник Ереванского университета. 1971. № 9. С. 232–239.
41. Lotte, D.S. (1982). *Issues of Borrowing and Ordering Foreign Terms and Terminological Elements*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М.: Наука, 1982.
42. Litvinov, V.A. (2013). The Historical Nature of the Linguistic Norm. *Liberal Arts in Russia*, 2 (1), 94–102. (In Russ.).
Литвинов В.А. Исторический характер лингвистической нормы // Liberal Arts in Russia. 2013. № 2 (1). С. 94–102.
43. Krysin, L.P. (2006). Tolerance of the Language Norm. *Language and Us. We and Language: A Collection of Articles in Memory of B.S. Schwarzkopf*. Moscow. (In Russ.).
Крысин Л.П. Толерантность языковой нормы // Язык и мы. Мы и язык: сборник статей памяти Б.С. Шварцкопфа. М., 2006.
44. Yakovleva, T.A. (2001). *Comparative Study of Substantive Polysemy: Based on German and Spanish* [dissertation]. (In Russ.).
Яковлева Т.А. Сопоставительное исследование субстантивной полисемии на материале немецкого и испанского языков: автореф. дис. кан. филол. наук. М., 2001.
45. Vinokur, G.O. (1939). On Some Phenomena of Word Formation in Russian Technical Terminology. In: *Proceedings of the Moscow Institute of History, Philosophy and Literature, Vol. V: Collection of Articles on Linguistics*. Moscow. pp. 3–54. (In Russ.).
Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды Московского института истории, философии и литературы. Т. V: С. статей по языковедению. М., 1939. С. 3–54.

46. Zyablova, O.A. (2005). Definition of the Term in the Cognitive-Discursive Paradigm of Knowledge. *Problems and Methods of Modern Linguistics: Collection of Scientific Papers*. Vol. 1. Moscow. pp. 43–57. (In Russ.).
Зяблова О.А. Определение термина в когнитивно-дискурсивной парадигме знания // Проблемы и методы современной лингвистики: С. научных трудов. 2005. Вып. 1. С. 43–57.
47. Yevgen'yeva, A.P. (ed.) (1984). *Small Academic Dictionary*. Moscow: The Institute of Russian Language of the Academy of Sciences. (In Russ.).
Евгеньева А.П. (Сост.) Малый академический словарь. М.: Институт русского языка Академии наук, 1984.
48. Levchenko, T.V. (2008). Polysemy of English Economic Terminology. In: *Proceedings of the International Scientific-Practical Conference "Modern Foreign Languages: Problems of Functioning and Teaching"*. Muzg: MGPU named after I.P. Shamyakin, pp. 39–47. (In Russ.).
Левченко Т.В. Многозначность экономической терминологии английского языка // Материалы международной научно-практической конференции «Современные иностранные языки: проблемы функционирования и преподавания». Мозырь: МГПУ им. И.П. Шамякина, 2008. С. 39–47.
49. Rivža, V. (ed.). (2018). *Knowledge Economy for the Viability of Latvian Rurals and Regions*. Jelgava: Jelgava Publishing House. (In Latv.).
50. Šteinbuka, I. (ed.). (2019). *Increasing Efficiency: Trends and Challenges for the Future*. Riga: Publishing House of the University of Latvia. (In Latv.).
51. Korshenkov, E., Ignat'yev, S. & Dembovskiy, V. (2019). Theoretical and Methodological Framework of the Investigation of Productivity and Efficiency in the Regional Economics. *Social Sciences Bulletin*, 29 (2), 25–64. (In Russ.). [https://doi.org/10.9770/szv.2019.2\(2\)](https://doi.org/10.9770/szv.2019.2(2))
Коршенков Е., Игнатьев С., Дембовский В. Теоретическое и методологическое обоснование изучения производительности и продуктивности в региональной экономике // Вестник социальных наук. 2019. № 29 (2). С. 25–64. [https://doi.org/10.9770/szv.2019.2\(2\)](https://doi.org/10.9770/szv.2019.2(2))
52. Naydenova, N.S. & Muradyan, A.A. (2017). Lexico-Semantic Parametres of Economic Discourse: News Reports in English, Russian and French. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8 (1), 182–187. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-1-182-187>
Найденова Н.С., Мурадян А.А. Лексико-семантические параметры экономического дискурса: новостные сообщения на русском, английском и французском языках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. № 8 (1). С. 182–187. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-1-182-187>
53. Mietule, I., Komarova, V., Ostrovska, I., Ignatyevs, S. & Heimaniš, B. (2022). Economic texts as a reflection of the social reality of the transition period in Latvia and Russia. *RUDN Journal of Sociology*, 22 (1), 168–185. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-1-168-185>
Мьетале И., Комарова В., Островска И., Игнатьев С., Хейманис Б. Экономические тексты как отражение социальной реальности переходного периода в Латвии и России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2022. С. 22 (1). С. 168–185. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-1-168-185>
54. Vyuyul', A. & Tsyofel', P. (2005). *SPSS: The Art of Information Processing*. Saint Petersburg: DiaSoft. (In Russ.).
Буюль А., Цёфель П. SPSS: Искусство обработки информации. СПб.: ДиаСофтЮП, 2005.

Information about the authors:

Vera Komarova, Dr.oec., Mg.translat., Leading researcher, Institute of Humanities and Social Sciences, Daugavpils University, Latvia. *Research interests*: economic discourse, economic terminology, research methodology, quantitative research methods; *e-mail*: vera.komarova@du.lv
ORCID: 0000-0002-9829-622X; Scopus Author ID: 57201472557

Svetlana Korolova, Mg.philol., Lecturer, *Department of Contrastive Linguistics*, Translation and Interpreting, Faculty of Humanities, University of Latvia. *Research interests*: English philology, terminology translation, linguistic discourse analysis, terminology consistency; *e-mail*: svetlana.korolova@lu.lv
ORCID: 0000-0002-1777-4825

Oksana Ruža, Dr.oec., Docent, Researcher, Institute of Humanities and Social Sciences, Daugavpils University, Latvia. *Research interests*: economic discourse, textbooks on economics, financial terminology, transition from the planned to market economy; *e-mail*: oksana.ruza@du.lv
ORCID: 0000-0002-6194-3841

Сведения об авторах:

Вера Комарова, доктор экономики, магистр письменного перевода, ведущий исследователь, Институт гуманитарных и социальных наук, Даугавпилсский университет, Латвия. *Сфера научных интересов*: экономический дискурс, экономическая терминология, исследовательская методология, количественные методы исследования; *e-mail*: vera.komarova@du.lv
ORCID: 0000-0002-9829-622X; Scopus Author ID: 57201472557

Светлана Королёва, магистр филологии, лектор, Отделение сопоставительной лингвистики и перевода, факультет гуманитарных наук, Латвийский университет. *Сфера научных интересов*: английская филология, перевод терминологии, лингвистический дискурс-анализ, единообразие терминологии; *e-mail*: svetlana.korolova@lu.lv
ORCID: 0000-0002-1777-4825

Оксана Ружа, доктор экономики, доцент, исследователь, Институт гуманитарных и социальных наук, Даугавпилсский университет, Латвия. *Сфера научных интересов*: экономический дискурс, учебники экономики, финансовая терминология, переход от плановой к рыночной экономике; *e-mail*: oksana.ruza@du.lv
ORCID: 0000-0002-6194-3841

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-1-36-52

EDN: QFSFOE

УДК 811.161.1:82:316.423.6

Научная статья / Research article

Феномен и концепт ЭМАНСИПАЦИЯ

В.В. Леденёва¹ , Т.П. Ковина² ,Э.Я. Фесенко³ , А.П. Баженова¹

¹Государственный университет просвещения,
141014, Российская Федерация, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

²Московский государственный технологический университет «СТАНКИН»,
127055, Российская Федерация, г. Москва, Вадковский пер., д. 3а

³Филиал ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени
М.В. Ломоносова» в г. Северодвинске Архангельской обл.,
164500, Российская Федерация, Архангельская область, г. Северодвинск,
ул. Капитана Воронина, д. 6

 ledenevavv@yandex.ru

Аннотация. Исследование концептосферы — область языкознания, тесно связанная с изучением культуры, менталитета отдельной языковой личности или социума определенной эпохи, народа как носителя ментальности. Разыскания в этой сфере важны не только в синхронии, но и диахронии, в связи с исторической изменчивостью культурных кодов, объема и содержания языковых ресурсов как средств репрезентации концептов, эволюцией социального субстрата языка в развивающемся мире. Это обуславливает актуальность обращения к феномену эмансипации, поскольку с ним связаны сдвиги в общественных (прежде всего правовых) отношениях различного рода, в культуре, справедливо рассматриваемые наукой как имеющие гуманитарную ценность. Цель исследования — охарактеризовать с лингвистических позиций содержательные особенности концепта ЭМАНСИПАЦИЯ, которые детерминируются социальными тенденциями, пассионарностью эпохи, интенциями оценивающих феномен личностей, с учетом заметной стабильности ядра абстрактной семантики его важнейшего репрезентанта — слова *эмансипация*. Исследование осуществляется с антропоцентрических позиций, в синхронно-диахронном плане, с использованием комплекса методов: описательно-аналитического, элементов компонентного анализа, сравнительно-сопоставительного анализа, синтеза, методов когнитивной лингвистики, социолингвистических (опрос). Основным материалом послужили данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ), а именно контексты выборки из представленных в нем документов разных эпох со словом *эмансипация* в различных грамматических формах. В результате исследования удалось показать, что словом *эмансипация* в русской концептосфере устойчиво репрезентируется прежде всего концепт, смысловую доминанту которого образует 'женщина' (*феномен эмансипации женщин, женская эмансипация*), так что можно говорить о его выделенности в русской культуре с данным именем: ЭМАНСИПАЦИЯ. Обособлению этого концепта способствовали художественные и публицистические произведения от-

© Леденёва В.В., Ковина Т.П., Фесенко Э.Я., Баженова А.П., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

естественных писателей, в том числе «женская проза». Слово *эмансипация*, используемое с другими прагматическими установками, выполняет функцию одного из вербализаторов концептов смежных сфер: НЕЗАВИСИМОСТЬ, СВОБОДА ТВОРЧЕСТВА. Практическое применение данного материала может быть связано с использованием его в вузовских лингвистических курсах, при изучении терминологии, в лексикографии, в литературоведении, при объяснении сферы применения термина *эмансипация* в официально-деловом стиле, современном юридическом дискурсе.

Ключевые слова: концептосфера, культура, женская эмансипация, ментальность, синхронно-диахронный подход

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2022

Дата приема в печать: 15.12.2022

Для цитирования:

Леденёва В.В., Ковина Т.П., Фесенко Э.Я., Баженова А.П. Феномен и концепт ЭМАНСИПАЦИЯ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 1. С. 36–52. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-36-52>

Phenomenon and Concept of EMANCIPATION

Valentina V. Ledeneva¹ , Tamara P. Kovina² ,
Emiliya Ya. Fesenko³ , Alina P. Bazhenova¹

¹State University of Education,
24, Vera Voloshina str., Mytishchi, Moscow Region, Russian Federation, 141014

²Moscow State Technological University “STANKIN”,
3a, Vadkovsky Lane, Moscow, Russian Federation, 127055

³Phial of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
in Severodvinsk, Arkhangelsk region,
6, Kapitan Voronin str., Severodvinsk, Arkhangelsk region, Russian Federation, 164500
 ledenevavv@yandex.ru

Abstract. The study of the conceptual sphere is a field of linguistics which is closely related to the study of culture, the mentality of a particular linguistic personality or society of a certain epoch, the people as a carrier of mentality. Research in this area is important not only in synchrony, but also in diachrony, due to the historical variability of cultural codes, the volume and content of language resources as the means of representation of concepts, the evolution of the social substratum of language in the developing world. This determines the relevance of addressing the phenomenon of emancipation, since it is associated with shifts in social (primarily legal) relations of various kinds, in culture, rightly regarded by science as having humanitarian value. The aim of the study is to characterize from a linguistic point of view the content features of the concept of EMANCIPATION, which are determined by social trends, the passionarity of the epoch, the intentions of individuals evaluating the phenomenon, taking into account the noticeable stability of the core of Abstract semantics of its most important representative — the word *emancipation*. The research is carried out from anthropocentric positions, in synchronous-diachronic terms, using a set of methods: descriptive-analytical, elements of component analysis, comparative analysis, synthesis, methods of cognitive linguistics, sociolinguistic (survey). The main material was the data of the National Corpus of the Russian Language (Ruscorpora), namely, the contexts of a sample of documents presented in it from different eras with the word *emancipation* in various grammatical forms. The research has shown

that the word *emancipation* in the Russian conceptual sphere is consistently represented primarily by the concept, the semantic dominant of which is formed by ‘woman’ (*the phenomenon of women’s emancipation, female emancipation*), so that we can talk about its prominence in the Russian culture with this name: EMANCIPATION. Artistic and journalistic works of Russian writers, including “women’s prose”, contributed to the isolation of this concept. The word emancipation, used with other pragmatic attitudes, performs the function of one of the verbalizers of the concepts of related spheres: INDEPENDENCE, FREEDOM of CREATIVITY. The practical application of this material can be associated with its use in university linguistic courses, in the study of terminology, in lexicography, in literary studies, in explaining the scope of the term emancipation in the official business style, modern legal discourse.

Keywords: conceptsphere, culture, female emancipation, mentality, synchronous-diachronic approach

Article history:

Received: 01.02.2022

Accepted: 15.12.2022

For citation:

Ledeneva, V.V., Kovina, T.P., Fesenko, E.Ya. & Bazhenova, A.P. (2023). Phenomenon and Concept of EMANCIPATION. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(1), 36–52. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-36-52>

Введение

Для формирования единицы и национальной, и индивидуальной концептосферы важен такой этап, как появление реакций-ассоциаций на транслирующее его имя в качестве стимула. Ассоциации (vs) важны и для исследования каждого из этих культурно значимых ментальных образований: они позволяют уточнить содержательный объем концепта, отметить изменения в его восприятии и осмыслении при сравнении данных. Инструментом может послужить сравнительный анализ в синхронно-диахронном плане с привлечением элементов метода компонентного анализа для учета (с опорой на семный уровень) состава средств вербализации ассоциаций и контекстуальных партнеров репрезентантов концепта, изменения их круга, других девиаций.

Анализируя крупные и доступные широкой аудитории ассоциативные словари [1–5], мы не выявили в них стимула «эмансипация», хотя слово это фиксируется в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ [6]) в составе 479 документов, отражающих 687 вхождений, т.е. является частотным. Например: *Случилось эдак пойти в дворянское собрание... перед эмансипацией* (А.И. Эртель. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги, 1889); *Эта эмансипация от влияния непосредственного опыта и укрепление речевой инструкции появляются примерно только к 3,5 годам* (А.Р. Лурия. Язык и сознание, 1979); *Совершилось то, что можно назвать эмансипацией личности в московской жизни* (С.Ф. Платонов. Москва и Запад в 16–17 веках, 1925); (Ольга Гуманова, писк) *Простите нас, пожалуйста, что мы раздражаем истинных патриотов своим вопиющим феминизмом и эмансипацией* (Форум: Мир, в котором девушки не хотят замуж. Обсуждение статьи, 2012) и т.д. [6].

20 ассоциаций-синонимов предлагает «Словарь ассоциаций русского языка»: «независимость, феминизм, суфражистки, эмансипе, вырождение, женский день, двадцатые, неудовлетворенность, плохая идея, женщина, вымирание, эксплуатация, разложение, равноправие, освобождение, еврей, глупость, права, блондинка, феминизация» [7]. Общая ассоциация «независимость» («*независимость* -и, ж. ‘Свойство и состояние по прил. *независимый* в 1 знач.’, а именно ‘не находящийся в чьей-л. власти, в чьем-л. подчинении; не связанный в чем-л. обстоятельствами, чужой волей и т. п.’» [8]) отмечена нами в ресурсе «КартаСлов.РУ», где в качестве синонимов представлены некоторые единицы из вышеприведенного списка ассоциатов: *раскрепощение, освобождение, избавление, высвобождение; ниспровержение, свержение, низвержение; избавление, спасение, искупление; суфражизм* [9]. Отметим, что широкое, абстрактное значение слова-ассоциата *независимость* эксплицитными компонентами ‘отрицание чужой власти’, ‘отрицание чужой воли’, ‘отрицание зависимости от обстоятельств’, ‘неподчинение’, имплицитным ‘отдельность’ связано с содержанием концептов СВОЙ-ЧУЖОЙ, СВОБОДА-ВОЛЯ, и они же имеются в семантике номинанты изучаемого концепта ЭМАНСИПАЦИЯ («*эмансипация* -и, ж. ‘книжн. Освобождение от какой-л. зависимости, отмена каких-л. ограничений, уравнивание в правах’» [8]), отражающей ‘процесс’ и метонимически ‘результат’ приобретения независимости, свободы и т. д.

Семантически *независимость* коррелирует со средствами трансляции ‘отдельности’, ‘изолируемости’, ‘автономности’ и ‘государственного суверенитета’ [10. С. 163, 476]. Заметную особенность значения слова *эмансипация* составляет компонент ‘равенство/уравнивание’, указывающий на отрицание зависимости от такого фактора, как различие правового статуса, ориентирующий на связь с фрагментом языковой картины мира «Право. Юриспруденция», что имеет несомненную социальную, гуманитарную важность. Указанное, как представляется, обуславливает актуальность обращения к концепту и феномену эмансипации: он связан со многими социально детерминированными историческими изменениями и процессами не только в межличностных отношениях, но и в области цивилистики, со сменой культурных парадигм, «цивилизационными сдвигами» [11], которые влияют на объем данной единицы концептосферы, ее поле и пласт оценок. См. пример оценки *освобождения — эмансипации* в отношении отмены крепостного права в России и рабства в Америке: «изменили ход всемирной истории», «значительные даты в развитии цивилизации» в контексте: *Полтора столетия назад лидеры двух могущественных стран России и США — император Александр II (1818–1881) и президент Авраам Линкольн (1809–1865) изменили ход всемирной истории. Первый 19 февраля 1861 г. подписал Манифест, освободивший 22 млн российских крестьян от крепостной зависимости, а второй, возложив на себя чрезвычайные полномочия, спустя два года по-*

ставил подпись под Прокламацией об освобождении («эмансипации») рабов. Этим значительным датум в развитии цивилизации была посвящена документальная выставка «Царь и Президент: Александр II и Авраам Линкольн. Освободитель и Эмансипатор»... (Марина Хализева. Два гуманиста, 2011)¹ [6]. Эмансипация и освобождение понимаются здесь как равнозначные в отношении акта предоставления личной свободы, ликвидации социальной страты абсолютно бесправных, зависимых (для России — крепостных) лиц.

Ассоциатом *независимость* фиксируется результат, тогда как синоним и контекстуальный партнер *освобождение* в большей мере соотносится с процессом эмансипации, причем предполагается производитель данного действия, равно как и организатор названного процесса. Агентивность (представлена имплицитно), в том числе направленная «вне», рассматривается в качестве одного из показателей типа культуры [12. С. 39]. Концепт ЭМАНСИПАЦИЯ отвечает этому признаку, что проявляется во множественности его трактовок, противоречивых реакциях, детерминированных общественной позицией полемизирующих, например: *Государство здесь действительно исчезает, но вместе с ним исчезает и личность: она отрекается от самой себя и становится родовым существом. Маркс называет это безусловной человеческой эмансипацией. На самом деле это есть безусловное подчинение человека обществу* (П.И. Новгородцев. Об общественном идеале. Глава II (1917–1921)) [6]. Наблюдаем здесь столкновение смыслов ‘эмансипация’ (‘неподчинение, отказ от зависимости’) — ‘подчинение’; ‘гарантированная правом свобода’ (*государство*), ‘отдельность’, ‘равноправие’ — ‘безусловное подчинение’, ‘отречение от себя’; ‘вид’ — ‘род’. Вскрытие различных девиаций с учетом исторического контекста может способствовать новому прочтению трудов политиков, философов, социологов, филологов в XXI в., уточнению толкований в авторских словарях и т.п. Исторически эволюционирующий и многогранный феномен нуждается в рассмотрении сквозь призму контекстуальных реализаций, поскольку язык обеспечит извлечение различной информации для характеристики эмансипации.

О границах феномена эмансипации

Освоенное заимствование *эмансипация* («стар. эманципация (Даль). Фонетически объясняется через франц. *émancipation* — то же от лат. *ēmancipātiō* «освобождение» из *e(x)-* и *mancipātiō* «акт вступления во владение, при котором возлагают руку в знак собственности»: *manū capere*; см. Вальде-Гофм. 2, 23» [13. С. 518]) номинирует социально важные результаты и подготавливающие их процессы, связанные с имеющими характер правовых или общественно резонансных действиями (реформы и проч.).

¹ Хализева М. Два гуманиста // Наука в России. 2011. № 4. С. 64.

Благодаря им в различные эпохи предоставлялась или достигалась личная, в том числе духовная, творческая свобода, обеспечивалось участие в какой-либо деятельности без ограничений в правах по возрасту, полу, национальности, сословию, использовалась возможность выбора и т. д. [ср.: 14]. Следовательно, подтверждалась прагматически обусловленная и в русле пассивности какой-либо эпохи — с особенностями ее культуры — понимаемая независимость социальных групп, классов и т. п., обозначались самостоятельные пути и векторы творческой реализации интенций отдельного человека. Нельзя не заметить, что феномен эмансипации связан с важными гуманитарными ценностями: *В этом смысле реформу 1861 г. можно рассматривать как первый шаг в эмансипации личности, которая получила, хотя и весьма ограниченный, выбор* (В.В. Шелохаев. Дневник, 2011); *...с пути эмансипации общества и лиц мы вступили на путь эмансипации мысли; с пути медленного, но верного разрушения на путь организации и созидания* (К.Н. Леонтьев. Письма о восточных делах, 1882) [6]. См. еще поддерживающую такое понимание лексикографическую трактовку как сложившуюся форму ментальной укладки рассматриваемой концептуальной информации: «1. Освобождение от какой-нибудь зависимости, приводящее к уравниванию в правах. 2. Освобождение, свобода от того, что стесняет разум или деятельность человека (напр. от предрассудков, условностей, религиозных требований и т.п.)» [15]. Например: *Но то, что не дано совершить эмансипации политической при посредстве государства, будет совершено эмансипацией человеческой посредством революции самого общества и его составных частей* (П.И. Новгородцев. Об общественном идеале. Глава II, 1917–1921); *Судя по тому, что над Колодцем Истины подняли памятник Данко, общественная дискуссия на площади касалась дальнейшей сексуальной эмансипации человека — и, как всегда в таких случаях, обещала быть жаркой* (Виктор Пелевин. Любовь к трем цукербринам, 2014) [6]. Контекстуальные партнеры лексемы *эмансипация* — атрибутивные характеристики *политический, сексуальный, человеческий* — указывают области значимого проявления феномена в какой-либо социально-исторический период.

К исследованию аспектов и граней эмансипации неоднократно обращались историки, юристы, социологи, психологи, историки права, философы, политики, деятели образования и т. д. [например: 16–22 и др.]. Анализ источников показал, что российское общество в XXI в. характеризуется остро ощущаемой потребностью личности в «отдельности». Условие ранней самореализации молодых — эмансипация, так что «объявление несовершеннолетнего полностью дееспособным является новой категорией дел особого производства» [22. С. 67], следовательно, регулируется законодательно государством. Такое содержание принадлежит представленному ренеологизованным термином *эмансипация* концепту НЕЗАВИСИМОСТЬ, осмысленному в текстах юридического дискурса, официально-делового стиля [см.: 16; 17. С. 98–99]

в связи с появлением в РФ института эмансипации несовершеннолетних в 1995 г. Ср.: «В социологическом и правовом значении понятие «эмансипация» имеет некоторые различия. С социологической точки зрения эмансипация — это отказ от различного рода зависимостей, в том числе детей от родителей, женщин от мужчин, прекращение действия ограничений, приобретение адекватных прав и обязанностей» [23. С. 17]. Данное положение обязывает повторить, что номинанта *эмансипация*, используемая с определенными прагматическими установками, выполняет функцию одного из вербализаторов концептов иных, хотя смежных, зон концептосферы.

Так, при актуализации семы ‘свобода’ и конкретизации области ‘отказ от ограничений в сфере своей деятельности’ (музыка, литература, живопись и т. д.) *эмансипация* используется для вербализации концепта СВОБОДА ТВОРЧЕСТВА: *Исследуя их, обнаруживаем ошеломляющий факт: в основе звуковой системы великого авангардиста, разрушителя традиции и борца за эмансипацию шумов лежит интервал квинты* (Наталья Курчан. На пороге Красоты... «Научное искусство» Эдгара Вареза, 2005)²; *Он не только производит эмансипацию понятия поэтической мысли как таковой, но и строит собственную методологию ее уловления в произведении...* (С.Г. Бочаров. Литературная теория Константина Леонтьева, 2000); *Вместе с пропагандой «машинного искусства» выставка отстаивала взгляды Отто Гросса, призывавшего к эмансипации* (С.В. Слепухин. Путь анархиста: Маяковский в зеркале Гросса, 2016)³. См. конкретизирующее область контекстуальное окружение, образующее своего рода смысловое поле: *звуковая система, шумы, интервал квинты; творческая мысль, машинное искусство, Отто Гросс*.

Несмотря на то что в наивной картине мира, отражаемой словарями, как было отмечено, гендерные, расовые, возрастные, духовные, территориальные и иные различия в содержании эмансипации предстают обобщенными, не акцентируются в качестве дифференциальных признаков, как будто имплицитны, но они могут актуализироваться, «проступать» при обращении к контекстам определенных эпох и быть их маркерами. Сформированный нами на основе выборки по НКРЯ конкорданс номинанты *эмансипация* позволяет через оценку единиц контекстуального окружения синтезировать представление о гранях изучаемого феномена, констатировать расширение смыслового объема и тенденцию к дальнейшему абстрагированию семантики основного экспликатора.

1. Распространение эмансипации: а) *эмансипация* (кого? — фактор ‘социальный’, указывает на угнетавшиеся слои общества, служит свидетельством определенной эпохи): *крестьян, крестьян с землёю; личности/субъ-*

² Курчан Н. На пороге Красоты... «Научное искусство» Эдгара Вареза // Знание — сила. 2005.

³ Слепухин С.В. Путь анархиста: Маяковский в зеркале Гросса // Волга. 2016.

екта, общества и лиц; рабочего класса; женщины; евреев; рабов, негров, французских колониальных невольников; пожилых людей; нового поколения; б) (чего? — фактор ‘ожидающая изменений сфера ‘): *врачебной практики*; в) (чего? — фактор ‘сфера ограничений’): *мысли, понятия поэтической мысли, ритма*; г) (от кого/чего? — фактор ‘сдерживающая / консервативная сила’): *от авторитетов; бабушки; влияния; внешней власти; от соседей* (‘влияния соседних государств’); д) (в отношении / для чего? — фактор ‘предназначение’): *в отношении труда; для социального активизма*; е) (в условиях? — фактор ‘стимул’): *под влиянием западных идей* и т. д.

2. Эмансипация в зеркале атрибутивной лексики (какая?) — характеристика: а) общеуказательная: *какая-то, некоторая, эта*; б) по отношению к социальным пластам, группам: *женская, крестьянская, человеческая; личная и общественная*; в) в связи с обозначением этапов, стадий протекания эмансипации: *дальнейшая, не оконченная еще; последнего предела; посменная; предстоящая*; г) по охвату, вовлечению в процесс, результату: *широкая; безусловная, губительная*; д) по сфере, в которой требуется предоставить независимость, дать права: *денежная; политическая, сексуальная* и т. д.

3. Эмансипация как этап общественной жизни представляется словоформами, коллокациями, синтаксемами с семантикой ‘времени’: *перед эмансипацией; во время крестьянской эмансипации; со времени крестьянской эмансипации* и т. д.

4. Эмансипация как фактор влияния, сила обозначена контекстуальными партнерами с эксплицитной и имплицитной семантикой ‘способность’: *дворянство, оторванное от него [народа] эмансипацией; погубила Россию эмансипация!; примирить карман с эмансипацией; пробужденный эмансипацией; совершено эмансипацией* и т. д.

5. Эмансипация как обсуждаемая проблема характеризуется контекстуальными партнерами с семантикой ‘задача, ее обсуждение’: *аспекты эмансипации; вопрос об эмансипации (крестьян); дискуссия касалась эмансипации; написать об эмансипации; понимали под эмансипацией; понятие об эмансипации; совещание об эмансипации; упомянуть об эмансипации; толковать об эмансипации* и т. д.

6. Эмансипация как процесс получает описание с помощью единиц, характеризующих ‘ход бытия’ — ритм, стадии, превращения: *набирать обороты; прогресс эмансипации; процесс эмансипации; путь эмансипации; тормоз для эмансипации; усиление эмансипации (женщин)* и т. д.

7. Приводятся названия средств осуществления и поддержки эмансипации: *новые формы общественного питания для женской эмансипации; обращать внимание на эмансипацию; прокламация; революция самого общества и его составных частей; требования* и т. д.

8. Последствия эмансипации представляются словами с ‘результативной’ семантикой: а) негативные: *безусловное подчинение человека обще-*

ству; дела их [помещиков] *расстроены эмансипацией*; с 61-го года *заболевшей эмансипацией России*; *Россия погублена эмансипацией*; б) позитивные: *разлит характер денежной эмансипации*; *вместе с эмансипацией ...обретает дистанцию в отношении к самому себе*; *с эмансипацией прибывает на Руси несколько миллионов полноправных граждан и собственников* и т.д.

9. Отношение к эмансипации отражают контекстуальные партнеры с аксиологической семантикой: а) с пейоративной оценкой: *болтает о какой-то эмансипации*; *не доволен эмансипацией*; *не допускать губительной женской эмансипации*; *озабочен эмансипацией*; *перепуганные ...крестьянской эмансипацией*; *проклинает эмансипацию нового поколения*; *против эмансипации*; *противились эмансипации*; *раздражаем ... феминизмом и эмансипацией*; *не стремиться к эмансипации*; *щегольнуть эмансипацией*; б) с мелиоративной оценкой: *помощник ... в женской эмансипации*; *приготовлены к эмансипации*; *поборник эмансипации*; *призывавший к эмансипации*; *не смущаясь эмансипацией*; *солидарно с эмансипацией*; *стою за эмансипацию* и т.д.

Свойство легитимности отражается семантикой ‘разрешения’: *допущенная московской властью* и т.д.

Проанализированный с лингвистических позиций материал дал возможность убедиться, что русской ментальностью феномен эмансипации подвергался осмыслению, во-первых, в связи с отменой крепостного права, освобождением крестьян; во-вторых, в связи с обеспечением женского равноправия, неоднозначно оценивавшегося в XIX—XXI вв. по степени полноты, характеру влияния на традиции и культуру народа, его социальную стратификацию, на семейно-бытовой уклад и материнство, на отношение к особой повинности — воинской обязанности и др.; в-третьих, с обретением и проявлением свободы, независимости отдельной личностью, воплощающей свою самобытность в духовной, художественно-эстетической и другой креативной деятельности; в-четвертых, в предоставлении полноты прав несовершеннолетним на юридических основаниях.

О значении художественных и публицистических текстов XIX в. для становления концепта ЭМАНСИПАЦИЯ с ядерным компонентом ‘женщина’

Устойчивые реакции-ассоциации, т.е. сложившиеся ментальные связи, которые необходимо учитывать при осмыслении концепта, свидетельствуют о наличии в национальной концептосфере обособившейся единицы ЭМАНСИПАЦИЯ с понятийным ядром ‘женщина’. А разнообразие ассоциатов, многие из которых обременены разнополюсными коннотациями (см.: с одной стороны, *блондинка*, *женский день*, *женщина*, *суфражистка*, *суфражизм* — «Женское движение за предоставление

женщинам избирательных прав, распространенное во второй половине 19 — начале 20 вв. в Великобритании, США и некоторых других странах. [От франц. *suffrage* — избирательный голос]», *феминизм* — «Женское движение за уравнивание женщин в правах с мужчинами в рамках буржуазного строя. [франц. *Féminisme*]», *эмансипе* — с эксплицитным или имплицитным компонентом ‘женщина’; с другой стороны, *раскрепощение* — «Действие по знач. глаг. раскрепостить — раскрепощать; действие и состояние по знач. глаг. раскрепоститься — раскрепощаться. *Раскрепощение крестьян. Полное раскрепощение женщин*» [8] и т.д.), подтверждает ее самостоятельную значимость для русской культуры (*феномен эмансипации женщин, женский вопрос*). Например: *Они не стремились к тому, что и тогда уже называлось «эмансипацией», и, читая романы Жорж Занд, не надевали на себя никаких заграничных личин во вкусе той или другой героини* (П.Д. Боборыкин. Воспоминания, 1906–1913); *И кончал панегириком западу, эмансипацией женщины или колкостями по адресу В.И. Танеева* (Андрей Белый. На рубеже двух столетий, 1929) [6]. Проведенный нами опрос не связанных общими интересами лиц (20 чел.) подтвердил, что слова с семой ‘женщина’ выступают как самые актуальные ассоциаты к *эмансипация*.

У исследователей нет сомнений: «Женская эмансипация — уже случившееся событие в истории культуры Запада и России» [11. С. 31]. Изменение ментальности после войны 1812 г. определило роль женщины в дворянском обществе как хозяйки салона, матери и жены, хранительницы домашнего очага, которой принято поклоняться. Женское в романтическом образе, основанном на благодушии, искренности, кротости, смирении, явилось национальным идеалом [24. С. 46, 93, 280; 11. С. 35–36], дав в рефлексии на долгие годы устойчивую культурную традицию: «мы чтим в женщине более всего хорошую семьянку, и от этого идеала наш истинный русский человек не отступится» [25. С. 615]. Осмысление женщины в рамках лишь этих качеств (‘семьянка’, ‘кроткая’, ‘домашний очаг / салон’, ‘материнство’, ‘таинство’, ‘почитание’) не могло лечь в основу концепта ЭМАНСИПАЦИЯ, поскольку не выдвигало мотивов ‘право на равенство’, ‘отказ от всякого подчинения’, не стимулировало начала процесса «изнутри» — от женской части населения, даже в образованной, духовно развитой среде. Требовались примеры, обновленная социальная почва, изменившееся сознание [ср.: 26. С. 6–7]. Их предложила, описав ситуации и типы, показав проблему с различных сторон, русская художественная литература, а стимулировала интерес, безусловно, публицистика [например: 24; 27; 28. С. 23–25].

Возникли и были представлены в произведениях иные индивидуальные женские психотипы — «тургеневская девушка», «новая женщина» у Н.Г. Чернышевского [о нем: 29], а позже — блоковская Прекрасная Дама как символ архетипического образа «анима».

«Тургеневская девушка» готова к изменению своего социального эшелона и ментальности, что является показателем внутренней свободы. Идею эмансипации этот тип женщин принимал как возможность служить новому, высоким целям, с готовностью жертвовать во имя любви бытовым комфортом, добиваться уважения своих желаний и нести ответственность за выбранный путь, быть соратником и другом. Концептуализация писателем женской эмансипации с ведущими элементами смыслового объема ‘уважение’, ‘свобода’, ‘самостоятельность выбора цели и пути’, ‘жертвенность’, ‘любовь’ детерминирована, видимо, интенцией уважения к свободе эмансипированной женщины. Она была воплощена в личной жизни И.С. Тургенева — в отношениях с Полиной Виардо.

Реалистическое осмысление процесса эмансипации и усиление в трактовке концепта прагматического плана обусловила унижительность положения не только крестьянок после отмены крепостного права, но и представительниц других общественных слоев в пореформенной России. Это констатировал Н.С. Лесков в проблемной статье «Русские женщины и эмансипация»: «Но зато нравы наши не закрепили за женщиной никаких прав, а малое образование, чтобы не сказать невежество женщин, держит их в совершенной зависимости, особенно в материальном отношении. <...> в салоне она царица до тех пор, пока не разыгралась какая-нибудь ссора или спор, — тогда неминуемо женщина будет оскорблена самым циничным и наглым образом... Незавидное место отмежевано у нас женщине-писательнице, женщине-артисту, еще менее женщине ученой» [30. С. 330]. Перечисленные проблемы как компоненты содержания (‘традиции’, ‘зависимость’, ‘необразованность’, ‘бесправие’, ‘бытовая дискриминация’, ‘неуважение’) укладываются в смысловом объеме концепта ЭМАНСИПАЦИЯ с ядерным компонентом ‘женщина’ базовым, мотивационным пластом. Это связано со сменой экономической формации, с новой стратификацией населения, с преобразованиями в культуре, отражает исторически эволюционирующую пассионарность. Данные факторы, в свою очередь, повлияли на изменение взглядов на женщину, отразились в обновлении ее обобщенного образа литературными произведениями, сказались в отходе от архаического идеала.

Так, у Н.С. Лескова [25. С. 601–602] главная мысль в отношении феномена эмансипации заключена в необходимости соблюдения *человеческого права* в вопросах просвещения женщины и обеспечения возможности ее развития, обладания финансовой независимостью. Эмансипация, концептуализируемая как ‘возможность’, является *правильной*, способствует эволюции социальных процессов, духовному развитию общества. Справедливость подобной трактовки исторически подтверждена появлением женщин в образовании, медицине, благотворительной деятельности, науке, искусстве, развитием общественно значимой категории «образованная, самостоятельная, дееспособная

женщина» [ср.: 18; 27], что поддерживает пласт ‘результаты’ в содержании концепта ЭМАНСИПАЦИЯ.

Но идеи эмансипации обусловили появление и другого типа женщин, «нигилистничание» которых осуждалось и представлялось в сатирических литературных образах героинь-эмансипе, имевших комические черты: *Чтобы ему в самом деле, по случаю бегства дочери из мужнина дома, начать толковать ей о прогрессе, об эмансипации женщин, да уж кстати слегка коснуться и Жорж-Санда?* (Ф.М. Достоевский. «Гроза». Драма в пяти действиях А.Н. Островского // Светоч, 1860, № 3); *В последнее время Варвара Александровна сделала еще шаг в прогрессе эмансипации: она стала курить* (А.Ф. Писемский. Сергей Петрович Хозаров и Мари Ступицына, 1851). Это можно назвать свидетельством поляризованности аксиологического пласта концепта ЭМАНСИПАЦИЯ, репрезентацию которого обеспечивают, как видим, и прецедентные имена собственные (*Кукушина, Жорж-Санд* и т.д.).

Концептуальный объем впитал в себя негативные смыслы (‘безнравственность’, ‘грязь’, ‘разврат’, ‘разгул’, ‘циничность’ и имплицитно ‘женоненавистничество’), связанные либо с идеологической ангажированностью автора, либо с гендерно и антагонистически обусловленной трактовкой единицы концептосферы ЭМАНСИПАЦИЯ в затронутый исторический период. Например: *...старались оправдать его знаменитый фельетон и представляли дело в таком виде, будто бы он грязно и цинично издевается не над самыми принципами, а только над уклонениями от них, и когда он говорил, например, что эмансипация женщины есть требование для нее полной свободы в разгульной и развратной жизни, то выражал этим свое собственное понятие об эмансипации...* (М.А. Антонович. Асмодей нашего времени, 1862).

Изложенное позволяет сделать вывод, что во второй половине XIX в. благодаря текстам русской литературы и публицистики концепт ЭМАНСИПАЦИЯ с ядерным компонентом ‘женщина’ проявил себя самостоятельной единицей национальной концептосферы с широкой палитрой экспликаторов содержания, вплоть до прецедентных имен собственных.

Различные источники указывают, что в XX в. для осуществления женской эмансипации нацеленно использовались нужные государству правовые и идеологические механизмы подведения к гендерному равноправию как социальному стимулу («окончательное освобождение женщины будет связано с построением социалистического общества» [31. С. 61]), чтобы сформировать и масштабно использовать новый, активный ресурс — «советская женщина». В силу этого рассматриваемый концепт ЭМАНСИПАЦИЯ ментально соотносился с как будто уже решенными вопросами прошлого или чужого / чуждого мира [см.: 26. С. 9–14; ср.: 15 и 8].

Эмансипацию женщин, однако, в значительной степени отражала и продолжает отражать востребованная обществом деятельность в разных

сферах, в том числе в художественной литературе, где к XXI в. сложилось понятие «женской прозы» [32]. Доминантами в ней являются гендерность, субъективность, интерес к теме «судьба женщины в русской истории», мистический женский опыт, скрупулезная передача нюансов душевных переживаний героинь и их размышлений, особая психологичность, позволяющая раскрывать внутренний мир в мельчайших деталях, автобиографизм и автопсихологизм, документальность, публицистичность, экспрессивность, повышенная эмоциональность, способность сострадать. Героиня этой прозы — человек, часто задумывающийся над «вечными» вопросами бытия, глубокая личность.

Заключение

Авторы «женской прозы» стремятся противостоять дисгармонии жизни общества и отдельного человека, т.е. проявляют себя как активные и свободные творцы, действующие по своей воле ради интеллигентно понимаемого блага других. Можно заключить, что концепт ЭМАНСИПАЦИЯ с ядерным компонентом ‘женщина’ приобрел широкое поле экспликации его ценностных составляющих текстами «женской прозы» и его смысловой объем продолжает эволюционировать.

Библиографический список

1. *Караулов Ю.Н.* Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gigabaza.ru/doc/124506-pall.html> (дата обращения 25.06.2022).
2. Русский ассоциативный словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения 25.06.2022.)
3. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. М.: МГЛУ-ИЯз РАН, 2004. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://elementy.ru/catalog/8248/Ufimtseva_N_V_i_dr_Slavyanskiy_assotsiativnyy_slovar_russkiy_belorusskiy_bolgarskiy_ukrainskiy_it_claim_ru_Projects_ASIS_SAS_index_html (дата обращения 25.06.2022).
4. *Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В.* Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС. Т. 1. От стимула к реакции. М.: Московская междунар. акад., 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://iling-ran.ru/library/evras/evras_1.pdf (дата обращения 25.06.2022).
5. *Шапошникова И.В., Романенко А.А.* Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток). В 2 т. Т. I. От стимула к реакции, отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: Московский институт лингвистики, 2014.
6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorgo.ru> (дата обращения 20.07.2022).
7. Словарь ассоциаций русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sinonim.org/as> (дата обращения 25.07.2022).
8. Словарь русского языка: в 4-х т. под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/mas/> (дата обращения 25.07.2022).

9. Карта слов и выражений русского языка: КартаСлов.РУ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kartaslov.ru/карта-слова/тезаурус/эмансипация> (дата обращения 15.05.2022).
10. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений, под общей ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 3. М.: Азбуковник, 2003.
11. Матяш Т.П. Женская эмансипация и цивилизационный сдвиг // Наука. Искусство. Культура. 2021. № 2 (30). С. 31–43.
12. Боровицкая Н.С. Агентивность как национально-культурная черта американского характера // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики: Сб. научных трудов. Московский педагогический государственный университет, Институт иностранных языков. М., 2020. С. 35–40.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 4 (Т-ящур) / Пер с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1987.
14. Энциклопедический словарь, изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. СПб.: Семеновская Типолитография 1890–1907.
15. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова Т. 1–4. М., 1935–1940.
16. Резник Ю.М. Социальное государство и стратегии эмансипации жизненного мира (рефлексивный подход) // Личность. Культура. Общество. 2019. Т. 21. № 1–2 (101–102). С. 75–87.
17. Алешин В.В., Казанина Т.В. О формировании терминосистемы современного подъязыка гражданского права // Вестник Российской таможенной академии. 2010. № 4. С. 93–99.
18. Пушкарева Н.Л., Секенова О.И. Преподавательницы Бестужевских женских курсов как феномен российской эмансипации второй половины XIX — начала XX в // Вопросы образования. 2020. № 1. С. 302–316.
19. Абрамова М.Г., Попова А.В., Горохова С.С. Проект женской эмансипации Александры Коллонтай как гендерное «расширение» марксизма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 2. С. 44–54. <https://doi.org/18384/2310-676X-2021-2-44-54>
20. Волкова Н.Ю. Грани эмансипации в музыкальной культуре Франции начала XX века // Музыкальное образование и наука. 2019. № 2 (11). С. 9–12.
21. Рыжинский А.С. «Тембровая эмансипация» в хоровом творчестве Дьердя Лигети // Музыкальная наука в контексте культуры: к 75-летию Российской академии музыки имени Гнесиных: Сб. по материалам Международной научной конференции. М., 2018. С. 258–271.
22. Хубецов М.Я. Процессуальные требования и процедура рассмотрения дел об эмансипации несовершеннолетнего в судебном порядке // Право и государство: теория и практика. 2021. № 4 (196). С. 66–69.
23. Черноусова-Никонорова Т.В., Шинкарюк Д.В. Эмансипация несовершеннолетнего // Universum: психология и образование: электрон. научн. журн. 2021. № 9(87). С. 17–19. Режим доступа: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/12236> (дата обращения 20.06.2022.)
24. Головачева О.А. Прагматико-стилистический потенциал слова Н.С. Лескова (язык публицистики 60-х годов XIX века): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Смоленск, 2016.
25. Лесков Н.С. Полное собрание сочинений: в 30 т. М.: ТЕРРА, 1998.
26. Хасбулатова О.А., Смирнова И.Н. Эволюция женского вопроса в российском обществе (1900–2020) // Женщина в российском обществе. 2022. № 1. С. 3–21. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.1.1>
27. Васильев А.Я. Эмансипация женщин во второй половине XIX — начале XX веков (на примерах из Новгородской и Псковской губерний) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2020. № 7 (32). С. 1–5. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.7\(32\).5](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.7(32).5)
28. Баженова А.П. Английское слово в палитре стилистических средств Н.С. Лескова-публициста: дис. ... канд филол. наук: 10.02.01. М., 2020.

29. Уздеева Т.М. Теория эмансипации и лабиринты равноправия в беллетристике 90-х годов XIX века // *Lingua-universum*. 2017. № 1. С. 3–8.
30. Лесков Н.С. Полное собрание сочинений: в 30 т. [Вступ. ст. И. Столяровой]. М.: ТЕРРА, 1996. Т. 1.
31. Давыдов Д.В., Козлова О.В. «Мысль, что мы равноправны, нас еще больше воодушевляла»: эмансипация советской женщины в 1920-е гг. // *Эхо веков*. 2021. № 4. С. 60–70.
32. Фесенко Э.Я. К вопросу о специфике женской прозы // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*. 2022. № 3. С. 105–111. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2022-3-105-111>

References

1. Karaulov, Yu.N. Russian associative dictionary as a new linguistic source and tool for analyzing language ability. URL: <https://gigabaza.ru/doc/124506-pall.html> (accessed: 25.06.2022). (In Russ.).
2. Russian associative dictionary. URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (accessed: 25.06.2022). (In Russ.).
3. Slavic associative dictionary: Russian, Belarusian, Bulgarian, Ukrainian (2004). / N.V. Ufimtseva, G.A. Cherkasova, Yu.N. Karaulov & E.F. Tarasov. M. URL: https://elementy.ru/catalog/8248/Ufimtseva_N_V_i_dr_Slavyanskiy_assotsiativnyy_slovar_russkiy_belorusskiy_bolgarskiy_ukrainskiy_it_claim_ru_Projects_ASIS_SAS_index_html (accessed: 25.06.2022). (In Russ.).
4. Cherkasova, G.A. & Ufimtseva, N.V. (2014). Russian regional associative dictionary-thesaurus EVRAS. Vol. 1. From stimulus to reaction. URL: https://iling-ran.ru/library/evras/evras_1.pdf (accessed: 25.06.2022). (In Russ.).
5. Shaposhnikova, I.V. & Romanenko, A.A. (2014). Russian regional associative dictionary (Siberia and the Far East). In 2 vols. T.I. From stimulus to reaction / Ed. Ufimtseva N.V. Moscow: Moscow Institute of Linguistics. (In Russ.).
6. The National Corpus of the Russian language. URL: <http://www.ruscopora.ru> (accessed: 20.07.2022). (In Russ.).
7. Dictionary of Russian language associations. URL: <https://sinonim.org/as> (accessed: 25.07.2022). (In Russ.).
8. Dictionary of the Russian language: In 4 vols. (1999). A.P. Evgenieva (Ed.). URL: <https://gufo.me/dict/mas/> (accessed: 25.07.2022). (In Russ.).
9. Map of words and expressions of the Russian language: URL: <https://kartaslov.ru/карта-слова/тезаурус/эмансипация> (accessed: 15.05.2022). (In Russ.).
10. Russian Semantic dictionary. Explanatory dictionary, systematized by classes of words and meanings. (2003). N.Yu. Shvedova (Ed.). Vol. 3. Nouns with Abstract meaning. Genesis. Matter, space, time. Connections, relationships, dependencies. The spiritual world. The state of nature, man. Society. Moscow: Azbukovnik. (In Russ.).
11. Matyash, T.P. (2021). Women's emancipation and civilizational shift. *Nauka. Art. Culture*, 2 (30), 31–43. (In Russ.).
12. Borovitskaya, N.S. (2020). Agency as a national-cultural trait of the American character. In: *Actual problems of English linguistics and linguodidactics: A collection of scientific papers*. Moscow Pedagogical State University, Institute of Foreign Languages. Moscow. pp. 35–40. (In Russ.).
13. Fasmer, M. (1987). Etymological dictionary of the Russian language. In 4 Vols. Vol. 4. (T-foot-and-mouth disease) O.N. Trubachev (Ed.). Moscow: Progress. (In Russ.).
14. Encyclopedic dictionary (1890–1907). / Ed. F.A. Brockhaus and I.A. Efron. St. Petersburg: Semenovskaya Typolithography. (In Russ.).
15. Explanatory dictionary of the Russian language. (1935–1940). Ushakov D.N. (Ed.) Vols. 1–4. M. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/> (accessed: 25.05.2022). (In Russ.).

16. Reznik, Yu.M. (2019). The social state and strategies of emancipation of the life world (reflexive approach). *Personality. Culture. Society*, 21 (1–2), 101–102. (In Russ.).
17. Aleshin, V.V. & Kazanina, T.V. (2010). On the formation of the terminological system of the modern sublanguage of civil law. *Bulletin of the Russian Customs Academy*, 4, 93–99. (In Russ.).
18. Pushkareva, N.L. & Sekenova, O.I. (2020). Teachers of Bestuzhev women's courses as a phenomenon of Russian emancipation of the second half of the XIX — early XX century. *Questions of Education*, 1, 302–316. (In Russ.).
19. Abramova, M.G., Popova, A.V. & Gorokhova, S.S. (2021). Alexandra Kollontai's project of female emancipation as a gender "expansion" of Marxism. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences*, 2, 44–54. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2021-2-44-54>. (In Russ.).
20. Volkova, N.Yu. (2019). The facets of emancipation in the musical culture of France at the beginning of the twentieth century. *Music education and science*, 2 (11), 9–12. (In Russ.).
21. Ryzhinsky, A.S. (2018). "Timbre emancipation" in the choral work of Gyorgy Ligeti. In: *Music science in the context of culture: to the 75th anniversary of the Gnessin Russian Academy of Music: A collection based on the materials of the International Scientific Conference*. Moscow. pp. 258–271. (In Russ.).
22. Khubetsov, M.Ya. (2021). Procedural requirements and procedure for considering cases of emancipation of a minor in court. *Law and State law: theory and practice*, 4 (196), 66–69.
23. Chernousova-Nikonorova, T.V. & Shinkaryuk, D.V. (2021). Emancipation of a minor. *Universum: psychology and education: electron. scientific. Journal*, 9(87), 17–19. URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/12236> (accessed: 20.06.2022). (In Russ.).
24. Golovacheva, O.A. (2016). The pragmatic and stylistic potential of N.S. Leskov's word (the language of journalism of the 60s of the XIX century) [dissertation]. Smolensk. (In Russ.).
25. Leskov, N.S. (1998). Complete works: in 30 vols. Moscow: TERRA. (In Russ.).
26. Khasbulatova, O.A. & Smirnova, I.N. (2022). The evolution of the women's issue in Russian society (1900–2020). *Woman in Russian society*, 1, 3–21. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.1.1> (In Russ.).
27. Vasiliev, A.Ya. (2020). Emancipation of women in the second half of the XIX — early XX centuries (using examples from the Novgorod and Pskov provinces). *Scientific notes of the Novgorod State University*, 7 (32), 1–5. <https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.7> (32).5 (In Russ.).
28. Bazhenova, A.P. (2020). *English word in the palette of stylistic means of N.S. Leskov-publicist* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
29. Uzdeeva, T.M. (2017). Theory of emancipation and labyrinths of equality in fiction of the 90s of the XIX century. *Lingua-universum*, 1, 3–8. (In Russ.).
30. Leskov, N.S. (1996). Complete works: in 30 vols. Introduction by V.I. Stolyarova. Moscow: TERRA. (In Russ.).
31. Davydov, D.V. & Kozlova, O.V. (2021). "The idea that we are equal, inspired us even more": the emancipation of Soviet women in the 1920s. *Echo of Centuries*, 4, 60–70. (In Russ.).
32. Fesenko, E.Ya. (2022). On the Specificity of Women's Prose. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 3, 105–111. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2022-3-105-111> (In Russ.).

Сведения об авторах:

Баженова Алина Павловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Государственный университет просвещения; сфера научных интересов: лексикология, ономастика, концептосфера, язык публицистики; e-mail: antipovaalina100190@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2628-2862

Ковина Тамара Павловна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Московский государственный технологический университет «СТАНКИН», *сфера научных интересов*: лексикология; язык художественной литературы, идиостиль И.С. Тургенева; *e-mail*: tpkovina@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4405-230X

Леденёва Валентина Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П.А. Леканта, Московский государственный областной университет, *сфера научных интересов*: лексикология, лексикография, языковая картина мира, концептосфера, идиостиль, язык СМИ; *e-mail*: ledenevavv@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-3795-6861

Фесенко Эмилия Яковлевна, кандидат филологических наук, профессор, доцент кафедры литературы и русского языка, филиал Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске, *сфера научных интересов*: литературоведение, теория литературы, стиль писателей XX в., «женская проза»; *e-mail*: e.fesenko@narfu.ru
ORCID: 0000-0002-2834-3860

Information about the authors:

Alina P. Bazhenova, PhD in Philology, associate professor of the Department of foreign languages, State University of Education; *Research interests*: exicology, onomastics, concept sphere, journalistic language; *e-mail*: antipovaalina100190@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2628-2862

Tamara P. Kovina, PhD in Philology, associate professor, associate professor of the Department of foreign languages, Moscow State University of Technology “STANKIN”; *Research interests*: lexicology; language of artistic literary, I.S. Turgenev’s idiostyle; *e-mail*: tpkovina@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4405-230X

Valentina V. Leden’ova, Dr. in Philology, professor, professor of the Department of modern Russian language named after P.A. Lekant, Moscow Region State Pedagogical University; *Research interests*: lexicology, lexicography, linguistic world picture, concept sphere, idiostyle, media language; *e-mail*: ledenevavv@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-3795-6861

Jemilija Ya. Fesenko, PhD in Philology, professor, associate professor of the Department of literature and Russian language, Branch of Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov» in Severodvinsk; *Research interests*: literature, theory of literature, style of writers XX century; *e-mail*: e.fesenko@narfu.ru
ORCID: 0000-0002-2834-3860

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-1-53-69

EDN: QGMMWR

УДК 811.111'42:32

Научная статья / Research article

Коммуникативная личность политика на материале парламентских выступлений лейбористов Джереми Корбина и Кира Стармера

Д.С. Мухортов , Е.А. Жовнер

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации,

119454, Российская Федерация, г. Москва, проспект Вернадского, 76

 dennismoukhortov@mail.ru

Аннотация. Последние тридцать лет в лингвистических исследованиях отмечалась терминологическая неоднородность в понятиях «языковая личность» и «коммуникативная личность», однако в сфере изучения политической коммуникации в силу неразрывной связи политического дискурса с конструирующим его социокультурным, историческим или сугубо политическим контекстом наблюдалось не только их смешение, но и дифференциация. Целью данного исследования является детерминирование понятия «коммуникативная личность» как одного из ключевых в лингвоперсонологии. В качестве доказательной базы приводятся результаты качественного анализа парламентских выступлений предыдущего и нынешнего лидеров Лейбористской партии Великобритании Джереми Корбина и Кира Стармера, которые впервые становятся объектом контрастного исследования. Верифицированные с помощью применения программы контент-анализа Sketch Engine, они демонстрируют, как может меняться риторика политика в зависимости от ситуативных факторов — в данном случае, внешнеполитической обстановки и внутривнутриполитических процессов. В речах политиков лейтмотивом проходит тезис о том, что в связи с прекращением членства Великобритании в Евросоюзе и затяжной пандемией коронавируса на повестке дня остро стоят социальные и экономические вопросы. При анализе вербальных средств, используемых Джереми Корбиным и Киrom Стармером, особенно важным является прагматический и ситуативный потенциал политической коммуникации, направленной, прежде всего, на достижение его участниками электорального успеха за счет применения политиками наиболее успешных коммуникативных стратегий и тактик и выбора определенных лексических единиц. Произведено детерминирование коммуникативной личности Корбина и Стармера с помощью предложенной Гарольдом Лассуэллом типологии лидерства. Тем самым данная работа вносит вклад в развитие положений лингвоперсонологии и поднимает вопрос о необходимости разработки типов коммуникативной личности политика.

Ключевые слова: лингвоперсонология, политический дискурс, языковая личность, коммуникативная личность, вербальное поведение политика, политическая коммуникация, прагмалингвистика

© Мухортов Д.С., Жовнер Е.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2022

Дата приема в печать: 15.04.2022

Для цитирования:

Мухортов Д.С., Жовнер Е.А. Коммуникативная личность политика на материале парламентских выступлений лейбористов Джереми Корбина и Кира Стармера // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 1. С. 53–69. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-53-69>

Linking Word Use and Personality Characteristics: A Contrastive Study into Parliamentary Communications of Labour Leaders Jeremy Corbyn and Keir Starmer

Denis S. Mukhortov¹ , Elizaveta A. Zhovner²

^{1,2}Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Vernadsky Prospekt, Moscow, Russia Federation, 119454

 dennismoukhortov@mail.ru

Abstract. Over the past thirty years, Russian linguistic studies have noted terminological heterogeneity in the concepts of “jazykovaja lichnost” and “kommunikativnaja lichnost”, literally “linguistic personality” and “communicative personality”, however, in the field of political communication, due to the inextricable connection of political discourse with the socio-cultural, historical, or political context that constructs it, their differentiation was observed rather than interchangeability. This research seeks to characterise “kommunikativnaja lichnost”, a key concept in linguopersonology. The evidence base is parliamentary speeches of Jeremy Corbyn and Keir Starmer, previous and current leaders of the Labor Party of Great Britain. The results of a qualitative analysis have been verified through the Sketch Engine content analysis program, and they demonstrate how a politician’s rhetoric can change depending on situational factors — in this case, the foreign political situation and domestic political processes. The overarching theme of the politicians’ communications is the termination of the UK’s membership in the European Union and the protracted coronavirus pandemic, which is the root of all social and economic ills. The words frequently used by Corbyn and Starmer are predetermined by the communicative behaviours of the politicians. The article attempts to determine the ‘communicative personality’ of Corbin and Starman using the leadership typology proposed by Harold Lasswell. This work thus contributes to the development of linguopersonology provisions and raises the necessity to develop types of the ‘communicative personality’ of a politician. Given the analysis results, the article suggests interpreting the Russian concept ‘kommunikativnaja lichnost’ as ‘linking word *use* and personality characteristics’.

Keywords: linguopersonology, political discourse, word *use*, political personality characteristics, communicative behaviour, political communication

Article history:

Received: 01.02.2022

Accepted: 15.04.2022

For citation:

Mukhortov, D.S. & Zhovner, E.A. (2023). Linking Word *Use* and Personality Characteristics: A Contrastive Study into Parliamentary Communications of Labour Leaders Jeremy Corbyn and Keir Starmer. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(1), 53–69. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-53-69>

Введение

В конце XX века в лингвистических учениях произошли изменения в антропоцентрической парадигме: на первый план исследований был выдвинут *homo loquens* — человек говорящий, а фокус внимания лингвистов переместился с изучения «языка в человеке» на изучение «человека в языке». Именно этим можно объяснить появление активно развивающегося направления лингвистики — лингвоперсонологии. В ряду основных понятий, которые рассматриваются исследователями, являются «языковая личность», «речевая личность», «коммуникативная личность», каждое из которых имеет свои характерные особенности. В данной статье проводится компаративный анализ данных терминов, и в связи с тем, что поле исследовательской деятельности в рамках данной статьи сужено политической дискурсоферой с ярко выраженной составляющей устной речи, особое внимание уделяется понятию «коммуникативная личность».

По мнению одних исследователей, например, В.И. Карасика, понятия «языковая личность» и «коммуникативная личность» могут рассматриваться как идентичные, по мнению других (С.Г. Воркачева, В.В. Соколова, С.С. Галстяна; В.П. Конецкой), одно включает в себя другое. О.Н. Арискина и Е.А. Дрянгина выделяют три тенденции в попытке разграничить или уравнять эти понятия:

1. Понятие «языковая личность» считается «суперкатегорией» по сравнению с понятием «коммуникативная личность» и реализуется в четырех ипостасях — мыслительной, языковой, речевой, коммуникативной.
2. Между понятиями «языковая личность» и «коммуникативная личность» не существует никаких различий, и в ходе коммуникации языковая личность рассматривается как коммуникативная.
3. Языковая личность считается одним из видов коммуникативной личности и сосредотачивается только на вербальной коммуникации, в то время как коммуникативная личность задействует как вербальные, так и невербальные коды коммуникации, что делает понятие «коммуникативная личность» шире понятия «языковая личность» [1. С. 15].

Также существует мнение, что понятие «языковая личность» не в полной мере отражает суть самого явления и что его необходимо заменить понятием «дискурсивная личность». Во-первых, это связано с развитием наук, изучающих дискурс и различные дискурсивные явления, во-вторых, с тем, что в настоящее время для изучения «языковой личности» необходимо производить анализ различных социальных, психолингвистических, дискурсологических параметров, что снижает эвристическую значимость понятия «языковая личность» и выдвигает на первый план личность дискурсивную [2. С. 8].

Несмотря на попытки исследователей привнести новизну в терминологическую систему, наиболее популярными остаются именно понятия

«языковая личность» и «коммуникативная личность». Необходимо рассмотреть, чем различаются эти термины, прежде чем переходить непосредственно к изучению коммуникативной личности в рамках исследований политического дискурса.

Языковая личность vs коммуникативная личность

Самым популярным, или, точнее сказать, популяризированным термином лингвоперсонологии является «языковая личность». Согласно Ю.Н. Караулову, языковой личностью является человек, обладающий «способностью к созданию и восприятию текстов, различающиеся степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной целевой направленностью» [3. С. 245]. Это определение находит свое отражение в самой структуре языковой личности, где выделяется три уровня: 1) вербально-семантический, который позволяет судить о владении естественным языком конкретной личности; 2) когнитивный, на котором исследователями рассматривается когнитивная картина мира индивида, которая среди прочего отражает иерархию ценностей человека; 3) прагматический уровень, указывающий на существующие или меняющиеся цели и мотивы в речевой деятельности человека. Подобная структура указывает на то, что человек говорящий обладает определенным лексиконом, через использование которого отражается картина мира говорящего и мотивационная направленность коммуникации, совершаемой говорящим. Впоследствии именно такие параметры, связанные с языковой, когнитивной и прагматической составляющей, будут найдены практически во всех попытках разграничить понятия «языковая личность», «речевая личность», «коммуникативная личность».

В своих исследованиях Ю.Н. Караулов обращается в том числе и к когнитивным процессам порождения и восприятия сообщения и, согласно выделенным им уровням языковой личности, различает побуждающий, формирующий и реализующий уровни. Эти уровни отвечают за анализ ситуативно-контекстуальной информации и прагматического потенциала речи, построение связи между формой и содержанием высказывания, формирование ответного речевого действия, без чего невозможно построение коммуникации [3. С. 51]. Не вызывает сомнений тот факт, что своей концепцией Ю.Н. Караулов задал тон различным исследованиям «человека в языке», однако далее эта идея требовала теоретической проработки и тщательно контролируемой систематизации появляющихся исследований в данной сфере. Учитывая стремительное развитие наук, изучающих коммуникативные процессы, терминологическая система усложнилась.

Прежде всего, возникает вопрос, в какой момент коммуникации проявляется языковая личность? Ю.Е. Прохоров предложил считать языковую личность парадигмой речевых личностей, в то время как речевая личность — это

языковая личность в парадигме реального общения [4. С. 59]. В то же время А.А. Леонтьев противопоставил «язык как предмет, язык как процесс и язык как способность, — которые «есть части речевой деятельности» [5. С. 23]. Согласно этому противопоставлению языковая личность и речевая личность коррелируют с такими феноменами концепции А.А. Леонтьева, как «язык как предмет» и «язык как способность». Отмечается, что и языковая, и речевая личность — явления системные, парадигматические: языковая личность является парадигмой, частью которой является речевая личность. Для того чтобы система функционировала, необходим третий член триады «язык как предмет — язык как способность — язык как процесс», что естественным образом отсылает нас к понятию «коммуникативная личность» [6. С. 50].

В работе «Свой» среди «чужих»: миф или реальность?» В.В. Красных рассматривает целую систему «личностных» феноменов, в которую помимо языковой личности включены понятия «речевая личность» (личность, применяющая определенный набор языковых единиц, а также ту или иную стратегию и тактику общения в условиях совершения коммуникации) и «коммуникативная личность» (конкретный участник конкретного коммуникативного акта, действующий в реальной коммуникации). Особое внимание в этой работе обращается на то, что человек, осуществляющий речевую деятельность, выступает одновременно в этих трех ипостасях, как языковая, речевая и коммуникативная личность.

Однако В.И. Карасик говорит, что в условиях общения языковую личность стоит рассматривать как коммуникативную — как обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций, и рассматривает три плана этого понятия: ценностный, познавательный, поведенческий [7. С. 19]. Все это дополняет идеи Ю.Н. Караулова, так как коммуникативная личность в понимании В.И. Карасика связана с отражением ценностей и картины мира говорящего. Особое внимание уделено поведенческому уровню, который тесно связан с прагматикой, а значит, важную роль здесь играют «речеактивные, интерактивные, дискурсивные ходы в естественном общении людей» [7. С. 20].

Коммуникативную личность невозможно рассматривать в отрыве от конкретной коммуникативной ситуации и вне глобального ситуативного контекста, что отражает ситуативно-ориентированный потенциал коммуникативной личности. Именно это отличает коммуникативную личность в политическом дискурсе от модели коммуникативной личности как «языковой личности в процессе коммуникации».

В связи с этим весьма интересна концепция «коммуникативной личности, предложенная В.П. Конецкой, которая полагает, что коммуникативная личность всецело зависит от «коммуникативных потребностей, когнитивного диапазона, сформировавшегося в процессе познавательного опыта, и собственно коммуникативной компетенции — умения выбора коммуникативно-

го кода, обеспечивающего адекватное восприятие и целенаправленную передачу информации в конкретной ситуации» [8. С. 106]. Кроме того, в работе В.П. Конечкой «Социология коммуникации» затрагиваются мотивационный, когнитивный и функциональный параметры коммуникативной личности, что напоминает модель языковой личности, предложенной Ю.Н. Карауловым. Однако В.П. Конечкая подчеркивает, что «эти характеристики занимают различное место в структуре языковой и коммуникативной личностей благодаря своей роли в их формировании» и «их содержательная интерпретация совпадает лишь частично» [8. С. 106].

На первом месте в формировании коммуникативной личности стоит именно мотивационный параметр, так как для того, чтобы коммуникация состоялась, необходимо иметь потребность в ней — потребность передать или получить какое-либо сообщение.

Когнитивный параметр связан со знанием коммуникативных систем, которые помогают постигать смысл высказываний и оценивать получаемую информацию, а также осуществлять воздействие на адресата в зависимости от коммуникативной цели. Кроме того, этот параметр влияет на умение правильно применить коммуникативный код, а также проанализировать и оценить «когнитивный диапазон» собеседника.

Когда у коммуниканта формируется потребность в коммуникации и происходит оценка складывающейся коммуникативной ситуации, речь заходит о функциональном параметре, то есть о непосредственном осуществлении коммуникации, когда задействуются «сложные механизмы речемыслительной деятельности, обусловленные социологическими, психологическими и лингвистическими факторами» [8. С. 106]. Так, подключается понятие «коммуникативной компетентности», которое включает в себя набор применяемых на практике вербальных и невербальных средств, различных коммуникативных ходов, варьируемых в зависимости от протекания коммуникативной ситуации в частности и норм речевого этикета в целом.

Таким образом, в последнее время исследователи все чаще обращаются к процессам коммуникации, различным факторам ее обуславливающим, чтобы доказать их влияние на материал, выбираемый для анализа коммуникативной личности участника коммуникации. В связи с тем, что современная коммуникация среди различных типов дискурса значительно усложнилась и изменилась, В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин предлагают новые характеристики коммуникативных процессов на сегодняшний день, среди которых нам наиболее значимыми кажутся следующие: «экспансия демонстративности; ювенилизация общения; фикционализация информации и растущая значимость навыка критического анализа; новый виток коммуникативного сжатия мира; растущий темп жизни и репликовость коммуникации; размывание институциональности; размывание границ приватности и публичности; возникновение медийно продвигаемых ритуалов»

[9. С. 16–17]. Поэтому в современной лингвистике требуется пересмотреть понятия «языковая личность» и «коммуникативная личность» и применительно к анализу политической коммуникации особое внимание обратить на второе понятие.

Коммуникативная личность современного политика

Если для языковой личности «на первый план выступает глубинное языковое содержание личности, которое является стимулом к ее развитию и которое дает ей новое самосознание и самоотражение» [10. С. 168], то коммуникативную личность политика необходимо анализировать с учетом подхода к дискурсу как к тексту в контексте, общественной практике, связующей дискурсивное событие и ситуацию [11. С. 15]. Кроме того, немаловажную роль играет наличие нескольких адресатов политического дискурса: например, коммуникация может одновременно протекать между несколькими политиками, между политиком и представителями СМИ, политиком и массовой аудиторией.

Участвуя в определенной коммуникативной ситуации, политик не просто стремится передать некое сообщение, его целью является установление взаимодействия между участниками конкретной коммуникации, ведение с ними диалога с учетом особенностей жанра политической коммуникации и конфронтационно-манипулятивной специфики общения, нацеленного, прежде всего на достижение электорального успеха.

Политическая коммуникация структурно состоит из знаков ориентации (формулировка и разъяснение политической позиции), интеграции (поиск и сплочение сторонников) и агональности (борьба с противником) [12. С. 149]. Если рассматривать политические тексты через сферу социальных взаимоотношений, выделяют в политической коммуникации следующие фреймы: «power relations», «cooperative relations» и «conflicting relations» [13. С. 279].

В отечественной исследовательской традиции при анализе политического дискурса также особое внимание уделяется коммуникативным стратегиям и тактикам (О.С. Иссерс, В.И. Карасик, О.Н. Паршина, М.А. Семкин, Е.И. Шейгал). Под коммуникативной стратегией понимается набор дискурсивных (как вербальных, так и невербальных) средств, используемых говорящим с определенной целью — сообщить конкретную информацию и представить конкретную картину мира или убедить в конкретной позиции и призвать к конкретным действиям. Коммуникативной тактикой называют ряд речевых ходов в рамках одной стратегии; коммуникативные тактики могут варьироваться в пределах коммуникативной стратегии, направленной на определенную цель. Набор коммуникативных стратегий и тактик, используемых политиками, позволяет судить, насколько важен в политической коммуникации «воздействующий потенциал естествен-

ного языка на интеллектуальную и эмоционально-волевою сферу адресата» [14. С. 261].

Существуют различные классификации коммуникативных стратегий и тактик политического дискурса, однако все они сводятся к следующей дихотомии: положительная саморепрезентация политика и отрицательная презентация его оппонента, что показывает, в какой степени политический дискурс определяется оппозицией «свои — чужие» [15. С. 52]. Вариация коммуникативных стратегий и тактик в речах политиков говорит о способности коммуникативной личности подстраиваться под ход коммуникации, адаптироваться к меняющимся условиям коммуникации, что позволяет «обеспечить в дальнейшем эффективную коммуникацию и достижение поставленной цели» [16. С. 17].

Таким образом, коммуникативная личность политика является ситуативно-ориентированной единицей, т.е. она раскрывается в условиях конкретного коммуникативного акта в зависимости от общего исторического, социального и культурного контекста в рассматриваемый период времени. Влияние общественных идей и настроений, господствующих в определенный временной отрезок, текущая внешне- и внутривнутриполитическая ситуация оставляют свой отпечаток на индивидуальных языковых характеристиках политика, на выборе им определенных языковых средств и коммуникативных стратегий. При этом, реализуя и ситуативный, и индивидуально-личностный потенциал, коммуникативная личность подчиняется общей тенденции политического дискурса рассматривать любое политическое действие, ситуацию или коммуникативный акт в рамках оппозиции «свои — чужие».

Материалы и методы исследования

В данной статье анализируется коммуникативная личность действующего лидера Лейбористской партии Великобритании Кира Стармера и его предшественника на этом посту до 2020 г. Джереми Корбина. Политологи считают, что смена лидера британской оппозиции была неизбежна: лейбористам необходимо менять как политический курс партии, так и политический имидж. Кир Стармер, пришедший на смену крайне левому евроскептику Джереми Корбину, с его умеренными левыми взглядами и проевропейскими настроениями может вывести оппозиционную партию на новый уровень.

С 2016 г. Великобритания постепенно выходит из Европейского союза — событие очень значимое как для внешней, так и для внутренней политики страны. И если в формальном плане зафиксировано решение Великобритании выйти из ЕС, то в реальности еще многое необходимо урегулировать в этом отношении, ведь никто тогда не мог спрогнозировать пандемию коронавируса. Эта напасть не дает политикам полностью сосредоточиться на завершении Брекзита. Именно эти ситуации глобального и внутривнутриполитического

масштаба оказывают особое влияние на ход политической коммуникации между британскими политиками, особенно среди лидеров оппозиции, выражающих полярные точки зрения по отношению к Брекзиту.

Для исследования были отобраны речи выступлений Джереми Корбина (июнь 2016 г. — март 2020 г.) и Кира Стармера (апрель 2020 г.— декабрь 2021 г.) в Парламенте — временной промежуток, когда Великобритания начала готовиться к выходу из Европейского союза и после выхода начала проводить меры по урегулированию торговых и экономических отношений. Из выбранных за указанный период времени текстов дебатов были удалены реплики и замечания других комментаторов, а затем был составлен корпус по каждому из политиков. Необходимо учитывать, что дебаты в Парламенте с участием Джереми Корбина и Кира Стармера проходили не каждый день, а также следует помнить, что существует особый регламент дебатов, согласно которому лидеру оппозиции дается не так много времени на выступление, поэтому между примерами могут быть непропорциональные временные промежутки. В конечном итоге корпус речей Джереми Корбина насчитывает 29956 слов, корпус речей Кира Стармера — 20264 слова. Методом сплошной выборки были отобраны наиболее частотные и «уникальные» языковые единицы, которые, как показывает анализ, лежат в основе коммуникативной личности каждого из политиков. Для уточнения списка лексем были задействованы описательный, сопоставительный и контекстуальный методы анализа текста, а также методы корпусной лингвистики.

Чтобы подкрепить полученные результаты статистически, нами использовалось программное обеспечение (ПО) Sketch Engine, разработанное в 2003 году для создания корпусов и анализа текста. Основными операциями, которые данное ПО позволило применить к корпусам речей Джереми Корбина и Кира Стармера, были подсчет абсолютной частотности и анализ ключевых слов. В обоих случаях не учитывались слова, часто употребляемые в общем политическом контексте (например, *government, deal, secretary, member, agreement, negotiation, etc.*), а ключевые слова были выделены программой на основании сравнения созданных корпусов с корпусом английского языка *The English Web Corpus 2020*, включающим в себя более 38 миллиардов слов.

Лишь некоторые статистические данные, полученные через анализ теста в Sketch Engine, приведены в таблице 1. Достаточно частотными оказались лексемы *chaos/chaotic* как в речах Корбина, так и Стармера. Однако Стармер так же часто употреблял слова *control/controlled*, что уравнесило его риторике. При этом корпус показывает, что для Корбина употребление слова *chaos* является более «уникальным», характерным, чем для Стармера. Анализ ключевых слов также показал очень высокие позиции для слов *shambolic, botched, half-baked*, используемых Корбиным, и слов *clobber* и *sacrifice* в выступлениях Стармера.

Таблица 1 / Table 1

Статистические данные, полученные при анализе корпуса речей Джереми Корбина и Кира Стармера / Corpus analysis of Jeremy Corbyn and Keir Starmer's speeches data

Джереми Корбин / Jeremy Corbyn			Кир Стармер / Keir Starmer		
Лексема / Word	Наиболее частотная лексема политика / Politician's most frequently used word	Частотность употребления / Usage frequency	Лексема / Word	Наиболее частотная лексема политика / Politician's most frequently used word	Частотность употребления / Usage frequency
			chaos (chaotic)	290	7
chaos (chaotic)	184	8	control (controlled)	435	9
botched	5	5	clobber	27	1
half-baked	6	4	sacrifice	62	6
shambolic	8	3			

Конечный список лексем был сформирован и разбит на группы в зависимости от принадлежности слов к одному семантическому полю, их функциональной направленности и частотности употребления в речи.

Анализ коммуникативной личности Джереми Корбина и Кира Стармера

Джереми Корбин оценивал действия правительства и решения действующего на тот момент премьер-министра Терезы Мэй как хаотичные, похожие на игру вслепую, устроенную полностью по правилам консервативной партии. Сам выход Великобритании из Евросоюза предстает в риторике Корбина как набор бессистемных неорганизованных действий (примеры 1–4).

- 1) Every day the Prime Minister dithers over this **chaotic** Brexit, employers delay investment and rumours circulate about relocation (26.10.2016).
- 2) The Government are in complete **chaos**. Having spent a week trying to convince their own MPs that this **cobbled-together mishmash** was worth defending, they abandoned it (18.07.2018).
- 3) The Prime Minister faces a simple and inescapable choice: be buffeted this way and that way by the **chaos** of her own party, or back a deal that can win the support of Parliament and the people of this country (15.10.2018).

- 4) The Government are in **chaos**, the country is in **chaos**, and the responsibility is the Government's, and the Government's alone (29.03.2019).

Эта хаотичность и неестественность процесса подчеркивается жесткой риторикой Корбина, когда он сравнивает условия выхода Великобритании из ЕС с созданием Франкенштейна, а само правительство называет зомбированным (примеры 5–6).

- 5) **This Frankenstein deal** is now officially dead, and the Prime Minister is trying to blame absolutely everybody else (16.01.2019).
6) The 2011 Act was never intended to prop up a **zombie Government**, and there can be no doubt that this is a **zombie Government** (16.01.2019).

Также обвинительная тактика Корбина выражается через лексемы *shambolic*, *botched* и *half-baked* в отношении правительства: лейборист заявляет, что условия выхода Великобритании из Евросоюза подготовлены крайне плохо (примеры 7–11).

- 7) When will the Prime Minister abandon this **shambolic** Tory Brexit and develop a plan that delivers for the whole country? (26.10.2016).
8) It is also clear from my own discussions with European leaders that they are becoming increasingly frustrated by her **shambolic** Government and the contradictory approach to Brexit negotiations (19.12.2016).
9) This Government's **shambolic** approach to Brexit risks taking us down a dangerous road (05.03.2018).
10) Does the Prime Minister blame her **shambolic** handling of Brexit or her failed austerity policies for this damaging failure? (27.02.2019).
11) After these **botched** negotiations, the country has no faith in the next stage of even more complex negotiations being concluded in just two years (28.11.2018).

Одной из ярких речевых особенностей Джереми Корбина является использование метафоры пути, дороги при характеристике деятельности партии Консерваторов. Причем, этот путь бессмысленный и опасный, он ведет в никуда, в связи с чем эту метафору сопровождают прилагательные *dangerous* и *reckless* (примеры 12–15).

- 12) They are **taking Britain down a reckless path**, prepared to put jobs and living standards at risk just for the Prime Minister to maintain support within her party and to keep her Government in office (26.06.2017).
13) This Government are not on the road to Brexit — they are **on the road to nowhere** (21.02.2018).
14) This Government's *shambolic* approach to Brexit risks taking us down a **dangerous road** (05.03.2018).
15) The blindfold Brexit that the Government are cooking up is a bridge to nowhere and a **dangerous leap in the dark** (15.10.2018).

Риторика Кира Стармера более сдержанная, однако коммуникативный контекст вынуждает его чрезмерно использовать негативно окрашен-

ную лексику (примеры 16–20). Так, трагедией в речах Стармера предстают и пандемия коронавируса, унесшая много жизней, и военный конфликт в Афганистане, ставший угрозой национальной безопасности для многих стран. Ситуацию характеризуют и оценочные прилагательные *grim*, *dreadful*, *horrific*, *disastrous*.

- 16) ...yesterday we learned that, **tragically**, at least 29,427 people in the UK have now lost their lives to this **dreadful** virus (06.05.2020).
- 17) I fear that as a result we will see more **tragedy** and more **grim** milestones (27.01.2021).
- 18) It means huge **disruption** to families and businesses just as the summer holidays begin (07.07.2021).
- 19) Those achievements were born of **sacrifice**, **sacrifice** by the Afghan people who bravely fought alongside their NATO allies, and British **sacrifice** (18.08.2021).
- 20) Turning to Afghanistan, it has been a **disastrous** week — an unfolding **tragedy**. Twenty years ago, the Taliban were largely in control of Afghanistan. Al-Qaeda were using the country as a training ground and a base for terror, including plotting the **horrific** 9/11 attack (18.08.2021).

Крайне важной особенностью речей Кира Стармера является апеллирование к негативным эмоциям (примеры 21–22). Ряд исследователей утверждают, что то, как люди выражают эмоции и насколько интенсивно их эмоции отражаются в речи, напрямую говорит об их мироощущении и эмоциональном ответе на те или иные события [17. С. 32]. Мы видим, что Кир Стармер встревожен и разочарован действиями премьер-министра, и, что не менее важно, те же чувства он «приписывает» и населению.

- 21) Whatever differences we have in this House, as human beings I think we all recognise the **anxiety** that the Prime Minister and Carrie must have gone through in these past few weeks (29.04.2020).
- 22) I have to say to the Prime Minister that it is hard to overstate the level of **anger** about this out there in our communities, many of which have been in restrictions for months on end. <...> Their emotions range from **deep disappointment** with the Government to **raw anger** that the Prime Minister and Chancellor just are not listening and do not get the impact of months of endless restrictions and the impact they have had on local communities (25.11.2021).

Также Кир Стармер часто использует разговорную лексику (примеры 23–26). Подобные слова несут в себе негативную окраску по отношению к правительству, и, используя их, Стармер продолжает обвинять власть в хаотичности их действий, отсутствии внутренней договоренности, притеснении населения.

- 23) It is clear what this is all about: he has lost a Health Secretary, he has lost a by-election and he is getting **flak** from his own MPs (07.07.2021).
- 24) How on earth are businesses meant to plan when the Prime Minister keeps **chopping and changing** like this? (21.07.2021).

- 25) This is a Government who underfunded the NHS for a decade before the pandemic, took £8 billion out of social care before the pandemic, and then wasted billions of pounds of taxpayers' money on **dodgy** contracts, vanity projects and giveaways to their mates (08.09.2021).
- 26) This afternoon, he has the chance to change course, to vote with Labour to cancel the cut to universal credit and then to stop **clobbering** working people with unfair tax rises (15.09.2021).
- Однако в противовес своему предшественнику лидер лейбористской партии Кир Стармер противопоставляет хаотичные действия правительства тщательно контролируемому плану, предлагаемому его партией (примеры 27–31). Такие лексемы, как *rule, manage, control* репрезентируют фрейм «power relations», что подчеркивает намерение Стармера показать, что оппозиция может поддерживать порядок в отличие от неспособного на это правительства.
- 27) We should open up in a **controlled** way, keeping baseline protections such as masks on public transport, improving ventilation, making sure the test and trace system remains effective (07.07.2021).
- 28) We want to open in a **controlled** way and keep baseline protections that can keep down infections, such as mandatory face masks on public transport (дебаты в Палате Общин от 07.07.2021).
- 29) When it comes to creating **confusion**, the Prime Minister is a super-spreader, so let me try to get some clarity (21.07.2021).
- 30) The Prime Minister keeps asking me if I will support his **chaos**: no, and I want to bring the Prime Minister back to one of our earlier exchanges in this House (21.07.2021).
- 31) Is it not the case that, once again, instead of a careful, **controlled** approach, we are heading for a summer of **chaos** and **confusion**? (07.09.2021).

Таким образом, данные примеры демонстрируют, насколько речевое поведение коммуникативной личности зависит как от политической ситуации в целом, так и от прагматически обусловленных параметров, характеризующих конкретную коммуникацию. Джереми Корбин ведет крайне агрессивную коммуникативную стратегию, обвиняя власть в хаотичных и плохо организованных действиях, которые не могут привести ни к чему хорошему. Однако с изменением общего коммуникативно-политического контекста меняется и выбор вербальных средств в арсенале политиков. Так, напряженные внешнеполитические события в Афганистане и пандемия коронавируса приносят в речь Кира Стармера лексемы с негативной эмоциональной окраской и обвинительную риторику в адрес правительства.

Однако в отличие от Корбина Стармер не столько концентрируется на ошибках и несогласованных действиях властей, сколько выводит в оппозицию «хаосу» меры, которые находятся под полным контролем оппозиции, предлагая устойчивый путь развития страны. Подобное поведение выгодно

сказывается на имидже нового лидера лейбористов, в речах которого демонстрируется не просто вербальная агрессия в адрес премьер-министра — критика правительства перемежается с попытками поддерживать диалог с населением Великобритании.

Анализ коммуникативных личностей указывает на необходимость разработки типологии. Этот вопрос требует тщательного рассмотрения в отдельной статье. Однако полученные данные анализа позволяют нам уже охарактеризовать коммуникативные личности указанных политиков с помощью известной типологии лидерства Г.Д. Лассуэлла.

Следует напомнить, что теоретик политологии выделяет три типа политических лидеров: 1) «агитатор», который всегда стремится добиться эмоционального отклика от аудитории при помощи похвалы, призывам к действиям, слоганами и бранью; 2) «администратор», чья деятельность направлена на координацию действий ближайшего окружения и контролирование ситуации; 3) «теоретик», не самый часто встречающийся тип политического лидера, склонный к излишней теоретизации, обобщению и поиску обоснований для каких-либо событий [18. С. 16].

Исходя из данных характеристик и проанализированных нами примеров, можно сделать вывод, что Джереми Корбин является «чистым» агитатором, в то время как Кир Стармер относится к группе лидеров пограничного типа: ему не чужда апелляция к эмоциям адресатов, однако он склонен проявлять и качества администратора. Немаловажную роль играет и тот факт, что перед избранием на роль лидера партии лейбористов, Стармер возглавлял Королевскую прокурорскую службу, что говорит о его умении контролировать ход событий и правильно расставлять акценты в своей речи для достижения наибольшего эффекта.

Заключение

Развитие лингвоперсонологии на фоне активизирующихся внутривнутриполитических и геополитических процессов побуждает лингвистов проявлять все больший интерес к вопросам языковой и коммуникативной личности политика, делая акцент в своих исследованиях на коммуникативно-прагматическом аспекте структуры личности.

На примере анализа коммуникативных личностей Джереми Корбина и Кира Стармера показано, что политическая коммуникация, заданная четкой коммуникативной целью говорящего, имеет свои речевые особенности, и их выявление позволяет исследователю давать оценку действиям конкретной личности и даже прогнозировать успех его дальнейшей политической карьеры.

Анализ коммуникативной личности политика является перспективным направлением, учитывая текущую ситуацию на политической арене. При

этом необходимо целостное исследование и сравнение коммуникативных личностей нескольких политиков для выявления общих черт, закономерностей в речевом поведении, типизации личностей, что могло бы расширить и обогатить предметную область лингвоперсонологии.

Библиографический список

1. Арискина О.Л., Дрянгина Е.А. Языковая и коммуникативная личность: различные подходы к исследованию // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2011. Вып. 58. № 25 (240). С. 15–18.
2. Сахарова А.В. Формирование языковой личности: социально-философский аспект: дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 2017.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2010.
4. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М.: URSS, 2017.
5. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: URSS, 2019.
6. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003.
7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
8. Конецкая В.П. Социология коммуникации. М.: Междунар. ун-т бизнеса и упр. (Братья Карич), 1997.
9. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Тенденции развития современного дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 1. С. 14–31. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-1-14-31>
10. Мухортов Д.С. Об общем и частном в понятиях «языковая личность», «речевой портрет», «идиостиль» и «идиолект» (на примере вербального поведения современных политических деятелей) // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления: мат-лы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 26–28.08.2014) / гл. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург, 2014. С. 167–172.
11. Wodak R. Disorders of discourse. L.; N.Y.: Longman, 1996.
12. Цыцаркина Н.Н. Вербализация фреймов социальных отношений в англоязычном политическом медиадискурсе // Политика и политики: политический дискурс как объект лингвистического анализа (Материалы VIII Конвента РАМИ, апрель 2014 г.) / под ред. Д.А. Крячкова, Д.Н. Новикова. М.: МГИМО-Университет, 2015.
13. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.
14. Боженкова Н.А., Боженкова Р.К., Боженкова А.М. Современный политический дискурс: вербальная экземплификация тактико-стратегических предпочтений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2017. Т. 15. № 3. С. 255–284. <https://doi.org/10.22363/2313-2264-2017-15-3-255-284>
15. Мухортов Д.С., Жовнер Е.А. Коммуникативные стратегии «Бык» и «Медведь» в риторике кандидатов в президенты США // Рема. Rhema. 2019. № 2. С. 48–60. <https://doi.org/10.31862/2500-2953-2019-2-48-60>
16. Цуцьева М.Г. Актуализация языковой личности политика в современном немецком политическом дискурсе: дис. д-ра филол. наук. Санкт-Петербург, 2019.
17. Tausczik Y.R., Pennebaker J.W. The Psychological Meaning of Words: LIWC and Computerized Text Analysis Methods // Journal of Language and Social Psychology. 2010. 29(1). P. 24–54. <https://doi.org/10.1177/0261927x09351676>
18. Лассуэлл Г.Д. Психопатология и политика. М.: РАГС, 2005.

References

1. Ariskina, O.L. & Dryangina, E.A. (2011). Linguistic and Communicative Personality: Different Approaches to Research. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 25 (240), 15–18. (In Russ.).
2. Sakharova, A.V. (2017). *Formation of the Language Personality: Social-Philosophical Aspect* [dissertation]. Ivanovo. (In Russ.).
3. Karaulov, Y.N. (2010). *The Russian Language and Language Personality*. Moscow: LKI publ. (In Russ.).
4. Prokhorov, Y.E. (2017). *National Socio-Cultural Stereotypes of Speech Communication and their Role in Teaching Russian to Foreigners*. Moscow: URSS publ. (In Russ.).
5. Leontiev, A.A. (2019). *Language. Speech. Speech Activity*. Moscow: URSS publ. (In Russ.).
6. Krasnykh, V.V. (2003). *Insiders among Outsiders: Myth or Reality?* Moscow: Gnozis publ. (In Russ.).
7. Karasik, V.I. (2002). *Linguistic Circle: Personality, Concepts, Discourse*. Volgograd: Peremena publ. (In Russ.).
8. Konetskaya, V.P. (1997). *Communication Sociology*. Moscow. (In Russ.).
9. Karasik, V.I. & Slyshkin, G.G. (2021). Modern Discourse Developmental Trends. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 1, 14–31. (In Russ.).
10. Mukhortov, D.S. (2014). ‘Yazykovaya Lichnost’, ‘Rechevoy Portret’, ‘Idiostil’, ‘Idiolect’: The Notions of Russian Scholars in Contrast. What is Required to Study the Stylistic Behaviour of the Politician? In: *Political communication: prospects for the development of the scientific direction: materials of the Intern. scientific conf.* (Yekaterinburg, August 26–28, 2014). Yekaterinburg. pp. 167–172. (In Russ.).
11. Wodak, R. (1996). *Disorders of discourse*. London; N.Y.: Longman.
12. Tsytsarkina, N.N. (2015). Actualization of the Frames «Social Relations» in Political Discourse of American and British Mass Media. In: *Politics and Politicians: Political Discourse as an Object of Linguistic Analysis (Proceedings of the VIII RISA Convention, April 2014)*. Moscow: MGIMO-University. (In Russ.).
13. Shegal, E.I. (2004). *Semiotics of political discourse*. Moscow: Gnozis publ. (In Russ.).
14. Bozhenkova, N.A., Bozhenkova, R.K. & Bozhenkova, A.M. (2017). Modern political discourse: verbal exemplification of tactical and strategic preferences. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 15 (3), 255–284. <https://doi.org/10.22363/2313-2264-2017-15-3-255-284> (In Russ.).
15. Mukhortov, D. & Zhovner E. (2019). The Bull and Bear Communicative Strategies in the US presidential campaign rhetoric. *Rhema*, 2, 48–60. <https://doi.org/10.31862/2500-2953-2019-2-48-60> (In Russ.).
16. Tsutsieva, M.G. (2019). *Actualization of the linguistic personality of a politician in modern German political discourse* [dissertation]. Saint-Petersburg. (In Russ.).
17. Tausczik, Y.R. & Pennebaker, J.W. (2010). The Psychological Meaning of Words: LIWC and Computerized Text Analysis Methods. *Journal of Language and Social Psychology*, 29(1), 24–54. <https://doi.org/10.1177/0261927x09351676>
18. Lasswell, H.D. (2005). *Psychopathology and Politics*. Moscow: RAGS publ. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Мухортков Денис Сергеевич, кандидат филологических наук, доцент, кафедры англоязычного языка № 1 факультета международных отношений, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; *e-mail*: dennismukhortov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8174-7055; ResearcherID (IRID): 3439326.

Жовнер Елизавета Андреевна, соискатель кафедры № 1 факультета международных отношений ФГБОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»;
e-mail: e.zhovner@my.mgimo.ru
ORCID: 0000-0002-0656-5307; ResearcherID: HLG-7569-2023.

Information about the authors:

Denis S. Mukhortov, PhD, Associate Professor of the English Department № 1, International Relations School, Moscow State University of International Relations;
e-mail: dennismoukhortov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8174-7055; ResearcherID (IRID): 3439326.

Elizaveta A. Zhovner, PhD Candidate at the English Department № 1, International Relations School, Moscow State University of International Relations; *e-mail*: e.zhovner@my.mgimo.ru
ORCID: 0000-0002-0656-5307; ResearcherID: HLG-7569-2023.

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-1-70-87

EDN: QGWPDB

UDC 811.133.1'373:659.1:316.4:398.91

Research article / Научная статья

Paroemia in the Context of Modern French Public Internet Advertisin

Ekatherina D. Anisimova , Vladislav E. Anisimov ,
Vladimir N. Denisenko

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6, Miklukho-Maclay str., Moscow, Russian Federation, 117198

 anisimov-ve@rudn.ru

Abstract. The research is devoted to the study of the functioning of paremias in the discourse of modern French social advertising. The relevance of the problem under consideration lies in the insufficient knowledge of the representation features of the French language paroemiological fund in modern public Internet advertising published in France. The utmost aim of the paper is to describe the main constitutive and linguistic features of modern French public Internet advertising and the specifics of the realisation of language paremiological units in it. The research material includes 312 objects of French public advertising distributed on the Internet in the period from 2016 to 2022. The study used methods of comparative, lexicographic and statistical analysis, as well as the method of semantic analysis of linguistic units. The results revealed that the use of paroemias as figure of speech in modern French public advertising is insignificant, due to the fact that the semantically complex message of the original proverbs and sayings can significantly narrow the target audience of public advertising. The use of paroemias as an element of public advertising (In its original, partially or completely modified form) makes it more intellectual and attractive directly to native French speakers.

Keywords: Internet discourse, social advertising, French-language social advertising

Financing. Acknowledgements

This paper has been supported by the RUDN University Strategic Academic Leadership Program.

Article history:

Received: 01.02.2022

Accepted: 15.04.2022

For citation:

Anisimova, E.D., Anisimov, V.E. & Denisenko, V.N. (2023). Paroemia in the Context of Modern French Public Internet Advertisin. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(1), 70–87. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-70-87>

© Anisimova E.D., Anisimov V.E., Denisenko V.N., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Паремия в контексте современной французской социальной интернет-рекламы

Е.Д. Анисимова , В.Е. Анисимов , В.Н. Денисенко

¹Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
 anisimov-ve@rudn.ru

Аннотация. Исследуется функционирование паремий в дискурсе современной французской социальной рекламы. Актуальность рассматриваемой проблемы заключается в недостаточной изученности особенностей репрезентации паремиологического фонда французского языка в современной социальной интернет-рекламе, публикуемой во Франции. Цель работы — описание основных конститутивных и лингвистических особенностей современной французской социальной интернет-рекламы и специфики реализации в ней паремиологических единиц языка. Материалом исследования послужили 312 объектов французской социальной рекламы, распространяемой в сети Интернет в период с 2016 по 2022 г. В ходе исследования использовались методы сравнительно-сопоставительного, лексикографического и статистического анализа, а также метод семантического анализа языковых единиц. Исследование показало, что употребление паремий в качестве средств выразительности в современной французской социальной рекламе незначительно вследствие того, что семантически-сложный посыл оригинальных пословиц и поговорок может значительно сузить целевую аудиторию социальной рекламы. Использование паремий в качестве элемента социальной рекламы (в оригинальном, частично или полностью измененном виде) делает ее более интеллектуальной и привлекательной непосредственно для носителей французского языка.

Ключевые слова: интернет-дискурс, социальная реклама, франкоязычная социальная реклама

Финансирование. Благодарности

Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2022

Дата приема в печать: 15.04.2022

Для цитирования:

Anisimova E.D., Anisimov V.E., Denisenko V.N. Paroemia in the Context of Modern French Public Internet Advertisin // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 1. С. 70–87. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-70-87>

Introduction

The current stage of society's development is characterized, first of all, by an increased interest in social issues both on the part of individuals and society as a whole. Hence, the institute of public advertising is nowadays undergoing active development as a phenomenon of spreading urgent social issues to a wide

public. Public advertising is a set of material and virtual objects that exist in the form of text, graphic images, as well as audio or video sequences. The main purpose of this phenomenon is to disseminate information about actual social issues and promote ideas for their solution that have an informational or attractive nature [1]. Public advertising is a variation of non-commercial advertising, and its function is to prevent the unacceptable human behavior in various spheres of society (In environmental, interpersonal, medical, etc. aspects), as well as to attract the attention of a wide audience to the fact of their existence and distribution [2].

Due to the fact that public advertising primarily realizes its attractive potential, an important aspect of its study is the consideration and description of models to create social advertising of various types, as well as an assessment of its distribution potential. Nowadays, the largest audience coverage for advertising of all types, including public advertising, can be provided by the Internet, including various search engines, local thematic sites, social networks and online communities. Due to the realisation on the Internet, social advertising, as well as other advertising types, acquires new features of representation, among which scholars (A. Zemtsovskaya, A. Stoyanov [3]; G. Nikolayshvili [4]; A. Kovaleva [5]) can distinguish: text creolization, a polycode channel of representation (the presence of a graphic object), small-format advertising texts, as well as the presence of a reference in electronic or text format.

The study is carried out according to the methodology proposed in the work *Phenomenon of Precedence in the French Public Service Advertising and its Communicative and Pragmatic Potential* [6], based on French social Internet advertising. The relevance of the work is explained by increased linguistic interest in the phenomenon of polycode and polymodal advertising text (see, for example, [6–13]). Researchers pay special attention to social advertising given the fact that “these texts are actively involved in everyday language/speech reality and have a pronounced suggestive potential” [6. P. 127].

Social advertising is considered in the works of linguists in terms of content and mechanisms of influence [7; 8]; verbal and non-verbal means of implementing a polycode (polymodal) text [9; 10]; precedent phenomena [11; 12]; national and cultural elements [13].

In comparison with the commercial advertising, the main purpose of which is to sell goods or services [2], public advertising is aimed, as mentioned earlier, at attracting recipient’s attention to significant issues and ills. Therefore, social advertising possesses a high representational potential, expressed in a variety of representation forms and appellative strategies and images used. In addition, an important specific feature of social advertising is its ethnospecificity, which is primarily associated with the peculiarities of the implementation of certain socially significant topics in various linguistic and cultural communities.

The realisation of public advertising via the Internet allows one to maximize the potential of social advertising, including through the latest technologies: using SMM-technologies, geo-location tracking and up-to-date user data.

Public advertising features realisation on the Internet

The distribution of social advertising via the Internet is related to the highest bandwidth of this communication channel. The use of the Internet for the representation of public advertising allows one not only to expand the audience of recipients-viewers, but also to deliver such advertising in a targeted way. This feature is most relevant for *targeted social advertising* that contains information about sources of assistance in various situations, providing contact details, etc. Modern technologies allow one tracking the history of user requests and their activity in social networks, based on SMM-technologies (including targeted advertising), without obtaining the user's personal data and/or unlawful interference in the user's personal life. This means becomes possible thanks to algorithms for processing requests in the form of Big Data, which allow one to provide a user with a specific account and /or IP address information corresponding to the history of his search queries and visits to various sites by identifying cookie requests. Such technologies offer the possibility of the targeted delivery of advertising messages that may be of interest to the user and at the same time not disclose his personal data to the distributor of advertising messages [14].

In the context of public advertising, this practice is extremely effective in cases where a user could be a victim of violence (psychological, sexual, physical, domestic or from other persons) and does not have information about receiving help, or cannot apply for it directly. Therefore, contextual social advertising can significantly affect the situation with violence for the better.

Contextual public advertising can also be effective if it is dedicated to various environmental initiatives, e.g., the treatment of animals (assistance to homeless animals, conservation of rare wild animal species, initiatives against cruelty to animals, etc.), or aimed at providing humanitarian and psychological aid. While using targeted public advertising, it is also possible to significantly expand its effectiveness by attracting a specific target audience to participate in the announced initiatives [7].

Besides the methods of distribution, public Internet advertising has also its own constitutive features, as well as specific features of representation. Thus, public Internet advertising is usually a small-format text (up to 200 characters), which may also contain elements of hypertext markup (links, hashtags, reposts, etc.). At the same time, the text of public advertising is divided into a *slogan*, *main text* and a *reference*. All these constitutive units can either be exclusively present

in the object of public Internet advertising, or constitute a set of advertising text. In addition to the text, a *graphic image* (photo or video, depending on the format of the advertisement) becomes a necessary component of modern social Internet advertising [15].

In his research on the public advertising phenomenon N. Oprishch points out the importance of considering the combination of text and graphic components of public advertising, as well. Thus, the texts of modern public advertising, besides the actual text components, may also contain metagraphic means of expression, such as: *chromographic selection* (highlighting text components using color to place semantic accents); *supragraphic selection* (using different types of fonts for different parts of a text (slogan, main text, reference), as well as for various text parts, including reducing or increasing the font for individual semantic elements of a text); *topographic selection* (the location of a text on an advertising poster, for example, vertically or inside a graphic object) and *syngraphic selection* (the selection of the verb component using various punctuation marks, especially for analytic languages) [16].

Figure 1. Example of public Internet advertising

Source: WWF. Open Source. Saxoprint Creative Awards 2016.

URL: https://www.saxoprint.fr/qui-sommes-nous/partenariats/creative-awards?page_id=6828 (accessed: 10.10.2022).

Here we will illustrate the given features with the example of French public advertising for the environment protection.

In Figure 1, we can note the presence of all significant elements of modern social Internet advertising: the presence of a large graphic object, the presence of a phrase-slogan (*n'attendons pas que le manque se fasse sentir pour réagir* — do not wait for the time when the shortage will be sufficient for your reaction);

the presence of the main text performing an explanatory and informative function in a smaller font (*protéger les océans, c'est sauver notre planète* — protection of the oceans is the way to preserve the planet); as well as several references: active hyperlinks to popular social networks, an active hyperlink in the icon of the WWF international organization.

This example allows us to consider the main functions of all constitutive parts of the public Internet advertising poster. Thus, a graphic image in an object of public advertising usually has an attractive and emotive function: here its main function is to attract attention and evoke an emotional response from the recipient-viewer. In this example (Fig.1), the graphic image allows a recipient to draw a parallel between the slogan of public advertising and the hyperbolized embodiment of the problem in question in the life of an average layperson. To accomplish this, Japanese sushi dishes (sashimi and rolls) are used as a graphic image, in which one of the main components is missing — seafood (fish, shrimp, eel, as well as a wrapper for nori seaweed rolls). The use of the sushi image with the absence of seafood allows the creators to appeal to the impact of environmental problems to protect the flora and fauna of the seas and oceans on human daily life. In addition, we can underline that the image of sushi is used, among other things, as an accessible and popular food format familiar to the recipient-viewer: so, at the time of 2016 (the year of this advertisement release), more than 23 % of respondents regularly (once a month or more often) consumed sushi, and among young people the percentage of consumption exceeded 30 %, according to the data of the analytical agency Statista [17].

An advertising slogan, like a graphic image, has an attractive and emotive character, which determines its metaphorical (like a graphic element) nature. The main function of the public advertising slogan is to update the problematic request so that it attracts the attention of the widest possible audience. At the same time, it can be noted that the slogan reflects the most generalized message, containing elements of artistic expressiveness. If a graphic object carries the function of presenting a hyperbolized example, then the slogan is the ideological basis of the advertising object.

The main text, in turn, explains the connection between the semantics of the graphic object and the text series of the slogan, specifying the appeal of the advertising object — in this example, calling for the preservation of the oceans.

References, as a separate type of text, is a hypertext fragment consisting of an active hyperlink to the initiator of the advertising campaign (WWF) and allowing a user to go specifically to the page of this environmental initiative, as well as to the hypertext fragment with a link to popular initiative resources located in the most significant social networks.

As a result of such an advertising composition, public advertising becomes more effective, because it offers a possibility not only to draw attention to the

presence of certain social issues, but also to perform an action (go to an initiative site, make a donation, sign up as a volunteer, distribute a message, etc.), which allows to expand the range of participation.

M. Vasilyeva can also identify the characteristic features of the ways to represent public advertising on the Internet. To create advertising objects, such techniques as metaphor, alliteration, hyperbolization, personification, as well as elements of parody, precedent phenomena and pun are often used [1]. The variety of techniques used in public advertising is provided, first of all, by the peculiarities of its functioning: a transformed text with an indirect impact can be more effective in the issue of a complex impact on the recipient-viewer. Thus, the use of the figures of speech (metaphor, hyperbole, impersonation, etc.) allows the authors of an advertising message to better convey the emotive component of the message, as well as activate the attractive function. Moreover, the use of the figures of speech techniques allows one to attract non-standard graphic solutions for the visual (iconic) component, which also activates the emotive and attractive functions of public advertising.

In the article devoted to the study of linguistic features of public advertising texts P. Scorupa and T. Dubovičienė indicate the most frequent techniques used in creating public advertising: rhyming combinations (rhymed slogan), alliteration, metaphor, hyperbole, pun. However, the scholars note that such phenomena as onomatopoeia, assonance, consonance, synonymous rows are much less common in social advertising texts [2].

In French public advertising, the following techniques can be often found: alliteration, metaphor, rhyming combinations, hyperbole, pun, national precedent statements, as well as quotations. At the same time, it can be noted that the use of quotations as a figure of speech can be used in various qualities: in the form of direct quoting with an indication of authorship, in the form of winged expressions and excerpts from sacred books (the Bible, the Koran), less often — in the form of proverbs and sayings, as well as through indirect appeals to the above forms [6].

Results and discussion: paroemias in French social advertising

Paremiology, by which following V.M. Mokienko [18. P. 10] we mean “a logically complete figurative or non-figurative saying of an aphoristic nature, which has an edifying meaning and is characterized by a special rhythmic and phonetic organization”, were considered in a number of works [19–22].

While studying the use of paroemias in the modern French public advertising discourse, we can note the relative rarity of its use referring to other artistic techniques. In this study, we analyzed 312 objects of French public advertising distributed via the Internet in the period from 2016 to 2022.

Table 1

The use of figures of speech in modern French public Internet advertising

Figure of Speech	Example	Quantity / 312	Frequency %
Metaphor / metaphoric expression	Célébrons la vie. Donnons notre sang	143 / 312	45,8 %
Personification	L'alcool vous rapproche de la nature.	32 / 312	10,25 %
Alliteration	Allo? Allo? Non mais... Allo? Quoi? Vous me recevez? Allo? T'as un mobile, t'as pas de reseau?	40 / 312	12,8 %
Rhyming combination	j'achète malin je jette moins	28 / 312	8,97 %
Pun	Dites non aux copycats	21 / 312	6,7 %
Hyperbole	Fumer, c'est être l'esclave du tabac.	11 / 312	3,52 %
National-precedent statement	Tu connais l'histoire de Paf le chien?	18 / 312	5,7 %
Quotation	Le chat a neuf vies. (M. Twain) Le papier a cinq.	14 / 312	4,48 %
Paroemia (proverb, saying)	Devenir propriétaire c'est sûr, sans se serrer la ceinture!	5 / 312	1,6 %

Despite the fact that “the linguistic units that most clearly reflect national and cultural information, without any doubt, can be attributed to paremias” [23. P. 324], nevertheless, the scope of their use in social advertising is relatively small

According to Table 1, paroemias are the rarest of all the figures of speech that we have identified in modern French public Internet advertising (1.6%). This trend may be related to the difficulty of using paroemias in the format of public advertising, when appealing to the acute social issues of modern France, such as domestic violence, non-traditional relationships, transport safety, tolerance to migrants, etc. The use of paroemias as slogans of modern public Internet advertising also limits the target audience of such advertising, since understanding the metaphorical message embedded in it and its correlation with modern issues requires a deep understanding of French culture and knowledge in the field of history, literary studies and the French language. Meanwhile, the use of well-known proverbs and sayings for Francophones can make public advertising more attractive and interesting for native speakers.

It should also be noted that one of the most common methods of public advertising is appeals to various national precedent phenomena, including the paremiological fund of language. Therefore, the text of public advertising will not use the proverb itself (unlike the saying, a grammatically complete structure), but only an appeal to it: the text will use the same metaphorical symbols in the same meanings and using the same lexemes, but without repeating the actual set

¹ Dictionnaire de l'Académie française, 9e édition (actuelle). URL: <https://www.dictionnaire-academie.fr/article/A9C1233> (accessed: 12.10.2022).

expression. So, in Figure 2 (Fig. 2.) we can see an example of public advertising, which composition is based on an appeal to French proverbs and to the Latin winged expression.

Figure 2. Modern French public advertising

Source: Fondation Cultura. L'agence de l'héritage national de la France.

URL: <https://fondation.cultura.com/> (accessed: 10.10.2022).

Text. *Si vous avez peur de l'obscurité rassurez-vous l'obscurité a peur de la culture.*

Fondation Cultura

Sous l'égide de la fondation de France

Translation: If you are afraid of the darkness, rest assured the darkness is afraid of culture.

Cultura Foundation

Under the aegis of the Fondation de France

This example of public advertising contains appeals to three main semantically significant symbols: light (*lumière*) with references to enlightenment, culture; darkness (*ténèbres*) as an analogy of ignorance and dark; fog (*brouillard*) as an allusion to the unknown.

The text of the public advertising considered in Figure 2 contains a metaphorical appeal to French proverbs: “La lumière ne dissipe point le brouillard, mais conduit à travers ses ténèbres” (Light does not dispel the fog, but leads through it) and “L’ignorance est bien plus à craindre que les lumières” ‘Ignorance should frighten more enlightenment’². According to Chevalier and Gheebandt le brouillard / the fog has the following metaphorical meaning — “When the forms are not yet distinguishable or when the old forms disappearing are not replaced by precise new

² Le dictionnaire des proverbes et idiotismes français. Paris, 1892.

forms, empty place, kingdom of formlessness from which transformations can take place, moving mists [which] are [...] the very substance of darkness” [24. P. 149].

In French, the lexeme “ténèbres” has the following meanings:

“1. Obscurité profonde, sinistre, qui peut provoquer la peur, l’angoisse; / Deep, ominous darkness, causing fear, longing;

2. Domaine de ce qui est obscur, inconnu, difficile à comprendre / The sphere of the unclear, unknown, that is difficult to understand” [25].

In turn, the light is also a classic symbol, which description can be found in the Encyclopaedia Universalis: «*Pour en esquisser l’enjeu symbolique, on peut introduire trois grandes acceptions de la lumière sur le plan de l’imaginaire: la lumière-séparation, la lumière-orientation, la lumière-transformation. Ces trois aspects de la lumière comme symbole se définissent par rapport à trois altérités ou trois formes de ténèbres, soit, respectivement: l’abîme; l’obscurité; l’ombre et l’opacité. Lumière-séparation et abîme s’opposent dans une symbolique de la création. Lumière-orientation et obscurité structurent la symbolique de la connaissance. La lumière-transformation se heurte à une double altérité: s’opposant à l’opacité, elle est le symbole de la manifestation, se confrontant à l’ombre, elle devient le symbole de la purification (catharsis)*» [26]. ‘To outline the symbolic issue, we can introduce three main meanings of light on the imaginary plane: light-separation, light-orientation, light-transformation. These three aspects of light as a symbol are defined in relation to three alterities or three forms of darkness, namely, respectively: the abyss; darkness; shadow and opacity. Light-separation and abyss are opposed in a symbolism of creation. Light-orientation and darkness structure the symbolism of knowledge. The light-transformation collides with a double otherness: opposing opacity, it is the symbol of manifestation, confronting the shadow, it becomes the symbol of purification (catharsis)’.

Here we would remark that the symbolism of light is contrasted with both the symbolism of darkness and the symbolism of fog as its form. Then the sayings we are considering can also be considered in a metaphorical aspect: light, symbolizing knowledge, dispels darkness, the fog of ignorance. This interpretation also correlates with the Latin proverb “Scientia vincere tenebras”, especially popular in French-speaking countries, and has become the motto of several French, Netherlandish and Belgian universities, in particular, the Vrije Universiteit Brussel [27]. The partial transition of the meanings of the paroemiological fund of the Latin language to the French language, which is part of the group of Romance languages, is due to the fact that Vulgar Latin acted as a substrate for the group of Romance languages [28]. This kind of connection allows us to speak about the similar semantics of the paroemias that have undergone a number of linguistic and socio-cultural changes with the preservation of the set values.

Besides the appellative approach to the use of paroemias in public advertising, it is also possible to use them with partial replacement, e.g. replacing one or more words in a proverb by consonance.

The public advertising presented in Figure 3 and Figure 4 was launched in 2018 jointly by the largest French dealer of supported cars, WeltAuto.FR and BADR (La brigade des accidents et des délits routiers / The road accidents and crimes brigade) is an operational unit of the French police for accidents and road accidents. This advertisement consisted of two slides: on the first one, a viewer was offered the text from Figure 3 and Figure 4, on the second slide there were photos from the scene of a fatal accident. Since in this study we are interested in the analysis of the text component, namely the use of paroemias in soci public al advertising, only text fragments of this advertising campaign will be given below.

Figure 3. French social advertising dedicated to driving safety

Source: Effie France. 29e rendez-vous de l'efficacité de la communication.
URL: <http://www.effie.fr/pages/campagne.php?ID=277> (accessed: 10.10.2022).

Text. *Il faut que jeunesse se casse.*
Les enfants, c'est bien aussi quand ils sont loin.
Translation: Youth needs to crash.
Children are also good when they are far away.

The social advertisement under consideration is devoted to the problem of road safety, namely careless driving by young people or minors that leads to traffic accidents. It should be noted that paroemia is not the only Figure of Speech in this advertisement: in addition to the actual paroemia, in this text are also used the technique of demotivation (motivation from the opposite) and sarcasm, which also aims to draw the audience's attention to the actual problem, in this case by expressing disagreement with the message of public advertising.

As a paroemia in this case, the French proverb “il faut que jeunesse se passe” / “Youth tends to make mistakes” — S'emploie pour excuser de façade ironique ou condescendante les écarts de conduite d'une personne jeune / Is used to ironically or condescendingly justify the bad behavior of a young person [29. P 337]. To use this proverb in the advertising slogan, the authors of this text replaced the verb “se passer” (to make mistake / to mistake) with the consonant verb “se casser” (to crash) in the form of the 3rd person singular (Present Tense / Le présent). Due

to the replacement of the semantic verb by consonance, the meaning of the proverb has changed significantly, retaining the sound and form familiar to the native speaker, which made it possible to use the resulting expression as a provocative slogan of social advertising.

Moreover, a paroemia can act as a slogan of social advertising as an integral unchanged expression.

Figure 4. The use of paroemia in modern French public advertising

Source: Effie France. 29e rendez-vous de l'efficacité de la communication.

URL: <http://www.effie.fr/pages/campagne.php?ID=277> (accessed: 10.10.2022).

Text. Les oisillons quittent le nid quand ils peuvent voler, et les enfants quand ils peuvent conduire.

Les enfants, c'est bien aussi quand ils sont loin.

Translation: The chicks leave the nest when they can fly, and the children when they can drive.

Children are also good when they are far away.

The example of public advertising in Figure 4 belongs to the same advertising campaign dedicated to road safety and driving cars by young people and minors. In this case, the authors used the integral unchanged French saying “Les oisillons quittent le nid” / “Chicks leave the nest” [29. P. 567]. As in the previous example in Figure 3, the paroemia here is part of a complex stylistic device to attract the attention of the target audience with the help of sarcastic expression and an element of demotivation. At the same time, the saying that is not a grammatically complete object is included in the text as one of the elements of a complex sentence.

The statistical calculation we carried out revealed the limited use of paroemia in modern French public advertising, despite the high attractive potential of this figure of speech. It should be noted that the orientation of public advertising to the mass audience, including migrants and foreign citizens living in France, makes it difficult to use paroemias as a semantically complex object, since their use leads to a narrowing of the target audience

of recipient viewers, because the use of these elements requires a deep knowledge of the French linguoculture, as well as knowledge of the semantics embedded in proverbs and sayings.

Concluding remarks

Modern trends in the society development, in particular, the rapid development of the social sphere and the transition to an information type of society generates the emergence and active development of several phenomena, among which public advertising can be noted. Public or non-commercial advertising is a special type of advertising, and its main task is to attract the attention of recipients-viewers to current social issues. In view of the informatization of all society spheres, modern public advertising is often represented by information messages distributed by media, including the Internet. The choice of web channels for the distribution of public advertising is primarily due to the possibility of presenting public advertising objects to as many potential viewers as possible. In addition, the latest algorithms of information networks allow authors to create targeted advertising and deliver it directly to representatives of the target audience. The realisation of such an approach can significantly increase the effectiveness of public advertising not only in terms of attracting the attention of interested segments of the population to it, but also in terms of helping socially vulnerable categories of citizens, which is the goal of one of the thematic types of public advertising.

However, due to virtualization, public advertising is forced to adapt itself to the requirements of the web environment, in particular, to reduce the volume of messages and use not only text, but also graphic means of expression to attract the attention of Internet users. Therefore, public advertising distributed in the web space acquires its own linguistic and constitutive features, among which: a small format of a text message; the division of text into semantic parts (slogan, main text, reference); the use of a graphic image — an illustrative component; the use of metagraphic means of expression; the use of various linguistic means of expression, among which are national precedent phenomena, metaphor and metaphorical expression, alliteration, hyperbole, personification, as well as paroemia.

The present study focused on the role of paroemia as a special figure of speech used in the texts of modern French public advertising. Based on statistical calculations, it was highlighted that the use of couples in French public advertising is currently quite limited, which is due to the peculiarities of its representation. The use of elements of the language paremiological fund as components of social advertising leads to a narrowing of the target audience of recipients-viewers, since the use of these elements requires a deep knowledge of the French linguoculture, as well as knowledge of the semantics embedded in proverbs and sayings.

Moreover, the use of proverbs and sayings in public advertising texts is complicated by the requirement to simplify the text distributed on the Internet, whereas paremiological units as well-established expressions may contain archaisms and historicisms that complicates the structure and semantics of the text. Another obstacle to the use of paroemias in modern public advertising is the issue of compatibility of modern realities and social issues, to which advertising texts appeal, and the paroemiological fund. Thus, the main subjects of modern French public advertising are: migration, domestic violence, road safety, sexual minorities, etc., which is not reflected in the paroemiological fund of the language.

However, the attractive potential of proverbs and sayings, despite the conditions described above, nevertheless allows them to be used as components of social advertising. It can be noted that in modern French public advertising, proverbs and sayings can function in various forms: in the form of integral unchanging statements as a component of an advertising slogan; in the form of integral modified statements with the replacement of a part of the paroemia by another on the principle of consonance; in a completely modified form in the form of appeals to the proverb as a paraphrased utterance with the preservation of the meaning and individual key elements, but a completely changed grammatical structure of the utterance. The use of paroemias in any of these forms creates an appeal to the linguistic and cultural heritage of the language and allows authors to fill the text with a deeper metaphorical meaning.

To sum up the conclusions we would like to underline that despite the limited use of paroemias in the texts of modern public advertising, the attractive potential of such texts for French native speakers becomes much higher due to appeals to national traditions, norms and specific linguacultural (national precedent) semantics. For a broader perspective, further studies of realization and functioning of paroemias in public advertising needs to be conducted.

References

1. Vasilyeva, M.A. (2009). A few words about French advertising. *Art of advertising*, 2, 34–38. (In Russ.).
2. Scorupa, P. & Dubovičienė, T. (2015). Linguistic characteristics of commercial and social advertising slogans. *Santalka: Filologija, Edukologija* [Coactivity: Philology, Educology], 23(2), 108–118.
3. Zemtsovskaya, A.D. & Stoyanov, A.S. (2021). The effectiveness of social advertising on the Internet. *State Reg: state regulation of public relations*, 2 (36), 306–311. (In Russ.).
4. Nikolayshvili, G. (2008). *Social advertising*. Moscow: Aspect Press. (In Russ.).
5. Kovaleva, A.V. (2012). Social advertising as an object of sociological analysis. *Scientific notes of ZabGU. Series: Philosophy, sociology, cultural studies, social work*, 4, 96–100. (In Russ.).
6. Aleksandrova, O.I., Borisova, A.S. & Kalinnikova, E.D. (2021). Phenomenon of Precedence in the French Public Service Advertising and Its Communicative and Pragmatic Potential. *Philology. Theory & Practice*, 14(1), 127–135. <https://doi.org/10.30853/phil201003> (In Russ.).

7. Boriskina, A.N., Khramtsova, A.D. & Rolgaiser, A.A. (2017). Features of French social advertising. *Scientific and methodological electronic journal «Concept»*, 1, 116–121. (In Russ.).
8. Pishcherskaya, E.N. (2011). The Structure of Advertising Influence on Mind of Consumer: Linguistic Aspect. *Vestnik Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 4, 58–62. (In Russ.).
9. Velikodnaya, Yu.P. (2020). Specifics of the Verbal and Visual Components of Creolized (polycode) Text of Social Advertising about Blood Donation. *Novelty. Experiment. Traditions*, 6(1), 13–18. (In Russ.).
10. Anisimova, T.V. & Chubay, S.A. (2022). Stylistic Devices on Social Advertising Posters: Verbal and Visual Means. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2, 192–205. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2022-2-192-205> (In Russ.).
11. Moiseenko, L.V. & Gervilla, E.Q. (2021). The Precedent Context of Russian Mass Media Discourse. *Russian Language Studies*, 19(4), 453–465. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-4-453-465> (In Russ.).
12. Dmitrieva, A.V. & Golomidova, M.V. (2019). Precedent Names of Historical Figures and Realities in Polycode Video Texts of Russian and French Political Advertising: Communicative and Pragmatic Aspect. *Nauchnyi Dialogue*, 8, 25–40. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-8-25-40> (In Russ.).
13. Zou, Huajing & Novospasskaya, N.V. (2021). Classification of the Elements of Linguoculturological Information in the Polycode Text of Print Advertising Based on the Material of Russian and Chinese Languages. *Litera*, 2, 1–10. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2021.2.35001>
14. Broder, A.Z., Fontoura, M., Josifovski, V. & Riedel, L. (2007). A semantic approach to contextual advertising. In: *SIGIR 2007: Proceedings of the 30th Annual International ACM SIGIR Conference on Research and Development in Information Retrieval, Amsterdam, The Netherlands, July 23–27*. Amsterdam. pp. 559–566.
15. Kalinnikova, E.D. & Anisimov, V.E. (2020). Ethnocultural features of the French advertising discourse (based on French social advertising). In: *Abstracts & Proceedings of ADVED 2020-6th International Conference on Advances in Education, 5–6 October*. pp. 269–273. <https://doi.org/10.47696/adved.2020106>
16. Oprishch, N.S. (2020). Functioning of English language social advertising creolized texts. *Russian Linguistic Bulletin*, 2 (22), 41–44.
17. Statista. Part des Français consommant régulièrement des sushis en France en 2016, en fonction du groupe d'âge. URL: <https://fr.statista.com/statistiques/617571/part-consommateurs-reguliers-sushis-par-age-france/> (accessed: 15.08.2022).
18. Nelyubova, N.Yu. (2019). Representation of ethno-cultural values in the proverbs of French-speaking countries. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(2), 323–335. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-323-335>. (In Russ.).
19. Mokienko, V.M. (2010). The Modern Paremiology (Linguistic Aspects). *Mir russkogo slova*, 3, 6–20. (In Russ.).
20. Guseynova, L.D., Dugalich, N.M., Lomakina, O.V. & Ebzeeva, Yu.N. (2022). The Reflection of the Socio-Cultural Context in Russian, French and Azerbaijani Internet Memes. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(4), 1020–1043. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-1020-1043> (In Russ.).
21. Nelyubova, N.U., Syomina, P.S. & Kazlauskiene, V. (2020). Gourmandise in the hierarchy of values: A case study of French and Belgian proverbs and sayings. *Russian Journal of Linguistics*, 24 (4), 969–990. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-4-969-990> (In Russ.).

22. Novospasskaya, N.V., Raadraniyana, A.M. & Lazareva, O.V. (2019). Image of a Woman in Russian, French, Spanish and Malagasian Linguo-cultures on the Material of Paremia. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (2), 301–322. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-301-322> (In Russ.).
23. Bredis, M.A., Dimoglo, M.S. & Lomakina, O.V. (2020). Paremiyas in Modern Linguistics: Approaches to Study, Text-Forming and Linguocultural Potential. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11 (2), 265–284. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284> (In Russ.).
24. Chevalier, J. & Ghehebrandt, A. (1988). *Dictionary of Symbols*. Barcelona: Herder. P. 200.
25. Grand Dictionnaire Larousse (2022). Paris: Harrap's.
26. Encyclopaedia Universalis. URL: <https://www.universalis.fr/encyclopedie/lumiere-et-tenebres> (accessed: 15.08.2022).
27. Vrije Universiteit Brussel. URL: <https://www.vub.be/> (accessed: 15.08.2022). (In Russ.).
28. Alisova, T.B., Repina, T.A. & Tariverdieva, M.A. (2007). *Introduction to Romance Languages*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.).
29. Robert, P. (2006). *Le grand Robert. Dictionnaire des expressions et locutions françaises*. Paris: Le Robert.

Библиографический список

1. Васильева М.А. Несколько слов о французской рекламе // Искусство рекламы. 2009. № 2. С. 34–38.
2. Scorupa P., Dubovičienė T. Linguistic characteristics of commercial and social advertising slogans. *Santalka: Filologija, Edukologija // Coactivity: Philology, Educology*. 2015. № 23(2). P. 108–118.
3. Земцовская А.Д., Стоянов А.С. Эффективность социальной рекламы в интернете // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2021. № 2 (36). С. 306–311.
4. Николайшвили Г. Социальная реклама. М.: Аспект Пресс, 2008.
5. Ковалева А.В. Социальная реклама как объект социологического анализа // Ученые записки ЗабГУ. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. 2012. № 4. С. 96–100.
6. Александрова О.И., Борисова А.С., Калининкова Е.Д. Феномен прецедентности во французской социальной рекламе и ее коммуникативно-прагматический потенциал // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. № 14 (1). С. 127–135. <https://doi.org/10.30853/phil201003>
7. Борискина А.Н., Храпцова А.Д., Рольгайзер А.А. Особенности французской социальной рекламы // Научно-методологический электронный журнал «Концепт». 2017. № 1. С. 116–121.
8. Пищерская Е.Н. Структура воздействия на сознание потребителя в рекламе: языковой аспект // Вестник Забайкальского государственного университета. 2011. № 4. С. 58–62.
9. Великодная Ю.П. Специфика вербальной и визуального компонентов креолизованного (поликодового) текста социальной рекламы о донорстве крови. Новизна. Эксперимент. Традиции. 2020. № 6 (1). С. 13–18.
10. Анисимова Т.В., Чубай С.А. Роль визуального компонента в создании стилистических фигур речи на плакатах социальной рекламы // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2022. № 2. С. 192–205. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2022-2-192-205>
11. Моисеенко Л.В., Хервилья Э.К. Прецедентное пространство русского массмедийного дискурса // Русистика. 2021. № 19 (4). С. 453–465. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-4-453-465>

12. *Дмитриева А.В., Голомидова М.В.* Прецедентные имена исторических деятелей и ре- ралий в поликодовых видеотекстах российской и французской политической рекламы: коммуникативно-прагматический аспект // *Научный диалог*. 2019. № 8. С. 25–40. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-8-25-40>
13. *Цзоу Хуацзин, Новоспаская Н.В.* Классификация элементов лингвокультурологической информации в поликодовом тексте печатной рекламы на материале русского и китайского языков // *Litera*. 2021. № 2. С. 1–10. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2021.2.35001>
14. *Broder A.Z., Fontoura M., Josifovski V., Riedel L.* A semantic approach to contextual advertising // *SIGIR 2007 Proceedings of the 30th Annual International ACM SIGIR Conference on Research and Development in Information Retrieval*, Amsterdam, The Netherlands, July 23–27. Amsterdam, 2007. P. 559–566.
15. *Kalinnikova E.D., Anisimov V.E.* Ethnocultural features of the French advertising discourse (based on French social advertising) // *Abstracts & Proceedings of ADVED 2020 — 6th International Conference on Advances in Education*, 5–6 October. 2020. P. 269–273. <https://doi.org/10.47696/adved.2020106>
16. *Oprishch N.S.* Functioning of English language social advertising creolized texts // *Russian Linguistic Bulletin*. 2020. № 2 (22). P. 41–44.
17. Statista. Part des Français consommant régulièrement des sushis en France en 2016, en fonction du groupe d'âge. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fr.statista.com/statistiques/617571/part-consommateurs-reguliers-sushis-par-age-france> (дата обращения: 15.08.2022).
18. *Нелюбова Н.Ю.* Отражение этнокультурных ценностей в пословицах франкоязычных стран // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2019. № 10 (2). С. 323–335. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-323-3>
19. *Мокиенко В.М.* Современная паремиология (лингвистические аспекты) // *Мир русского слова*. 2010. № 3. С. 6–20.
20. *Гусейнова Л.Д., Дугалич Н.М., Ломакина О.В., Эбзеева Ю.Н.* Отражение социокультурного контекста в русских, французских и азербайджанских интернет-мемах // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2022. № 13 (4). С. 1020–1043. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-1020-1043>
21. *Нелюбова Н.Ю., Сёмина П.С., Казлаускене В.* Гурманство в иерархии ценностей французов и бельгийцев (на материале пословиц и поговорок) // *Russian Journal of Linguistics*. 2020. № 24 (4). С. 969–990. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-4-969-990>
22. *Новоспаская Н.В., Раадранириана А.М., Лазарева О.В.* Образ женщины в русской, французской, испанской и малагасийской лингвокультурах на материале паремий // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2019. № 10 (2). С. 301–322. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-301-322>
23. *Бредис М.А., Димогло М.С., Ломакина О.В.* Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2020. № 11 (2). С. 265–284. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>
24. *Chevalier J., Gheebandt A.* *Dictionary of Symbols*. Barcelona: Herder, 1988.
25. *Grand Dictionnaire Larousse*. Paris: Harrap's, 2022.
26. *Encyclopaedia Universalis* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.universalis.fr/encyclopedie/lumiere-et-tenebres/> (дата обращения: 15.08.2022).
27. Официальный сайт Брюссельского Свободного Университета [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vub.be/> (дата обращения: 15.08.2022).
28. *Алисова Т.Б., Репина Т.А., Таривердиева М.А.* Введение в романскую филологию. М.: Высшая школа, 2007.
29. *Robert P.* *Le grand Robert. Dictionnaire des expressions et locutions françaises*. Paris: Le Robert, 2006.

Information about the authors:

Ekatherina D. Anisimova, post-graduate student of the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University; *Research interests*: semiotics, translation studies, advertising discourse, mathematical statistics; *e-mail*: 1042210137@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-9854-3921; Scopus Author ID: 57574497200.

Vladislav E. Anisimov, PhD, Assistant Professor of the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University; *Research interests*: film discourse, advertising discourse, semiotics, translation studies; *e-mail*: anisimov-ve@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-6006-3965; Scopus Author ID: 57222390645; ResearcherId: AAY-8885-2020.

Vladimir N. Denisenko, Prof. Dr. Sc. (Philology), Professor, Professor-Consultant of the General and Russian Linguistics Department, Philological Faculty, RUDN University. *Research interests*: theory of language, linguistic semantics, pragmatics and semiotics, comparative linguistic studies; *e-mail*: denisenko-vn@rudn.ru
ORCID: 0000-0001-6021-4068; Scopus Author ID: 57193133860; ResearcherID: A-6522-2017.

Сведения об авторах:

Анисимова Екатерина Дмитриевна, аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов, *сфера научных интересов*: семиотика, переводоведение, рекламный дискурс, математическая статистика; *e-mail*: 1042210137@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-9854-3921; Scopus Author ID: 57574497200.

Анисимов Владислав Евгеньевич, кандидат филологических наук, ассистент кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов, *сфера научных интересов*: кинодискурс, рекламный дискурс, семиотика, переводоведение; *e-mail*: anisimov-ve@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-6006-3965; Scopus Author ID: 57222390645; ResearcherId: AAY-8885-2020.

Денисенко Владимир Никифорович, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой общего и русского языкознания, филологический факультет, Российский университет дружбы народов; *сфера научных интересов*: теория языка, лингвистическая семантика, прагматика и семиотика, сопоставительные исследования языков; *e-mail*: denisenko-vn@rudn.ru
ORCID: 0000-0001-6021-4068; Scopus Author ID: 57193133860; ResearcherID: A-6522-2017.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА И ГРАММАТИКА

FUNCTIONAL SEMANTICS AND GRAMMAR

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-1-88-103

EDN: ORDIGZ

УДК [811.161.1:811.581]:374.82:004.738.5

Научная статья / Research article

Мультиязычный корпус терминов: контент и инструменты

Н.Л. Чулкина¹ , Ю.Н. Филиппович² , О.И. Александрова¹ ,
Н.В. Новоспасская¹ , В.А. Речинский²

¹Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

²Московский политехнический университет,
107023, Российская Федерация, г. Москва, ул. Большая Семёновская, 38

 chulkina-nl@rudn.ru

Аннотация. Создание мультиязычного корпуса терминов предметной области «Лингвистика», который позволил бы систематизировать и унифицировать русские и китайские ряды лингвистических терминов с целью заполнения лакун, снятия омонимии и выбора адекватного перевода терминов и контекстов их употребления с учетом существующих наработок на материале английского языка, представляется актуальным прежде всего из-за отсутствия русско-китайско-английских и китайско-русско-английских терминологических словарей и общей рассинхронизации терминологических систем, что неоднократно отмечалось в научных работах, посвященных описанию языка для специальных целей. Поиск решения данных теоретических вопросов мотивирует к поиску алгоритма организации корпуса терминов как внутри отдельных научных дисциплин, так и в междисциплинарных областях гуманитарного знания. Мультиязычный корпус терминов предполагает разработку методических рекомендаций и комплекс обучающих, прежде всего, цифровых средств, которые будут способствовать введению в речь иностранного студента терминов согласно уровню его подготовки. Результатом проведенной работы стала модель и цифровая версия корпуса терминов предметной области «Лингвистика», представленная в форме сети вокабул и их ассоциативных рядов внутри лингвистической терминосистемы. Разработанный корпус позволяет не только систематизировать существующие лексикографические данные в рассматриваемой области, но и использовать его в образовательной деятельности, в частности, при тренинге и контроле формирования профессиональных компетенций обучающихся в интерактивном режиме. Формат корпуса позволяет осуществлять

© Чулкина Н.Л., Филиппович Ю.Н., Александрова О.И.,

Новоспасская Н.В., Речинский В.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

выгрузку необходимых для обучения терминов в зависимости от уровня подготовки учащихся и других пользователей, в том числе при онлайн обучении. Создание мультязычного корпуса потенциально возможно для представления результатов научных исследований мировому научному сообществу, такой корпус станет эффективным инструментом при переводе научных работ по лингвистике на русский, китайский и английский языки.

Ключевые слова: язык для специальных целей, русский язык, китайский язык

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2022

Дата приема в печать: 15.11.2022

Для цитирования:

Чулкина Н.Л., Филиппович Ю.Н., Александрова О.И., Новоспаская Н.В., Речинский В.А. Мультязычный корпус терминов: контент и инструменты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 1. С. 88–103. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-88-103>

Multilingual Corpus of Terms: Content and Tools

Nina L. Chulkina¹ , Yuriy N. Philippovich² , Oksana I. Alexandrova¹ ,
Natalia V. Novospasskaya¹ , Vladislav A. Rechinsky²

¹Peoples' Friendship University of Russia,
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198

²Moscow Polytechnic University,
38, Bolshaya Semyonovskaya str., Moscow, Russian Federation, 107023
 chulkina-nl@rudn.ru

Abstract. Developing a multilingual corpus of terminology in linguistics can contribute to better organization and standardization of Russian and Chinese terms in the chosen field on the base of the existing works on the material of the English language. The scope of the project is to fill the lacunae, to disambiguate homonymy, to facilitate the choice of appropriate translation of a linguistic term and understanding of its context. The issue of the absence of Russian—Chinese—English and Chinese—Russian—English terminological dictionaries and the general desynchronization of terminological systems have been repeatedly mentioned in scientific works focused on the description of the language for special purposes. The search for a solution to these theoretical issues will help to find an algorithm for organizing the corpus of terms both within individual scientific disciplines and in interdisciplinary areas of arts and humanities. Multilingual corpus of terminology in linguistics implies the development of methodological recommendations and a complex of teaching materials including the digital ones, which will help foreign students to use the terms according to their level of language proficiency. The project is a continuation of a collective work oriented to the research of a language for professional communication. Language for professional communication is a functional type of a natural language the units of which transfer special knowledge. The absence of this knowledge makes professional communication impossible in the ways of perception, interpretation, translation and, creation of scientific texts in writing.

Keywords: language for special purposes, Russian, Chinese

Article history:

Received: 01.09.2022

Accepted: 15.11.2022

For citation:

Chulkina, N.L., Philippovich, Yu.N., Alexandrova, O.I., Novospassskaya, N.V. & Rechinsky, V.A. (2023). Multilingual Corpus of Terms: Content and Tools. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(1), 88–103. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-88-103>

Введение

Язык для специальных целей (LSP) — функциональная разновидность естественного языка, единицы которого передают специальное знание, без которого невозможна профессиональная коммуникация на уровне восприятия, интерпретации, перевода и продуцирования устных и письменных научных текстов. В российской лингвистике LSP понимается а) как один из типов подязыков, приспособленных для специальной коммуникации в области науки и техники [1]; б) самостоятельная функциональная подсистема, которая формирует инвентарь средств выражения специальных понятий (знаков), а также привила их организации и оценки [2]. Центральное место в языке для специальных целей отводится термину — специальной лексеме, называющей общее понятие [3].

В современных исследованиях по общему терминоведению ведется работа по анализу терминов и глоссариев различных областей современного языкознания (см., например [4—6]), поднимаются вопросы трудностей систематизации лингвистической терминологии, выявления многозначности и омонимии (см., например [7—9]). Кроме того, появляется значительное количество работ сопоставительного характера по анализу русских, английских и китайских лингвистических терминотем и трудностей перевода [см., например, 10–14]. Исследуются особенности и новые методы лексикографирования лингвистических терминов, в том числе использование новых технологий в лексикографии, создание новых узкопрофильных и переводных словарей [15–19]. Важными для работы по созданию мультязычного корпуса терминов являются исследования методов компьютерной лексикографии, а также опыт создания электронных словарей [17; 19; 20].

В российской лексикографической практике большое внимание уделяется созданию учебных словарей, в том числе, лингвистических. Наиболее заметными работами последних лет являются словари И.С. Куликовой и Д.В. Салминой [21] и А.В. Лемова [22]. При всей их значимости, они характеризуются рядом недостатков: расположением материала по алфавиту, а не по языковым уровням, отсутствием онлайн версий и ориентированностью на школьников. Что касается попыток синхронизации лингвистических терминов с обращением к китайскому языку, то такой опыт тоже существует [23], однако это переводные словари без толкований и примеров употреблений, что не отвечает требованиям работы в мультязычной академической среде. Зарубежная лексикография отличается многолетней работой по созданию электронных словарей (Oxford Dictionary, Merriam-

Webster Dictionary, Macmillan Dictionary), которые становятся не только словарным ресурсом, но и востребованным инструментом для изучения языка, т.к. дополнены иллюстрациями, аудиодорожками, интерактивными играми и заданиями, способствующими лучшему усвоению новой лексики. Открытый доступ к данным онлайн-ресурсам повышает интерес к изучению иностранного языка.

Отсутствие удобного и отвечающего современным запросам академического сообщества лексикографического источника для работы с терминами на разных языках указывает на необходимость создания электронного терминологического корпуса. Научная значимость подобного корпуса связана со стремительным развитием профессионального знания, разрастанием массива специальной лексики в разных языках и потребностью в коммуникации между носителями разных языков, что требует определения места, статуса и границ языка для специальных целей в языковой структуре. Актуальность исследования связана с тем, что появляются новые возможности компьютерной лингвистики, включая опыт создания различных языковых баз данных и корпусов, что позволяет решать проблему мультязычного сведения массивов данных, в том числе терминосистем. Существующая разница в способах вербализации специального знания носителями русской и китайской лингвокультур на фоне англоязычной терминосистемы может быть преодолена с помощью трехязычного терминологического тезауруса, содержащего перевод терминов, их синхронизированное толкование на трех языках, примеры употребления в научных текстах на трех языках.

Для создания мультязычного корпуса терминов предметной области «Лингвистика», содержащего толкование и контексты употребления терминов, и разработки методического аппарата обучения иноязычных учащихся пониманию и переводу специальных текстов на русском, английском и китайском языках, коллектив авторов столкнулся с решением задач трех уровней:

- 1) контентный — необходимость в описании значимого количества терминов метаязыка указанной предметной области; выявление и снятие многозначности терминов и омонимии; устранение лакун в терминосистемах описываемых языков;
- 2) технический — обеспечение возможности выгрузки отдельных массивов терминов по уровню владения языком; разработка инструментария и рекомендаций его использования для создания подобных ресурсов для других предметных областей; создание интернет-ресурса в форме клиент-серверной системы с комплексом приложений для научно-исследовательской, учебно-методической и учебной деятельности пользователей;
- 3) методический — разработка рекомендаций для использования корпуса в обучении иноязычных учащихся, в том числе, владению терминологией по различным лингвистическим дисциплинам на русском, китайском и английском языках.

Интернет-ресурс TermLex

В качестве технического решения для 1) создания мультиязычного корпуса лингвистических терминов, содержащего толкование и контексты употребления терминов, и 2) разработки методического аппарата обучения иноязычных учащихся пониманию и переводу специальных текстов на русском, английском и китайском языках был выбран интернет-ресурс в форме клиент-серверной системы с комплексом приложений для научно-исследовательской, учебно-методической и учебной деятельности пользователей. Мы назвали его TermLex.

Интернет-ресурс TermLex позволит обеспечить как доступ к словарю-тезаурусу, так и удобный инструментарий для работы с его компонентами (словниками, индексами и конкордансами). Программный комплекс интернет-ресурса ориентирован на работу с современными компьютерами и/или мобильными устройствами. В качестве его архитектуры выбрана клиент-серверная модель. Клиентская часть поддерживает современные версии браузеров Chrome и Firefox, а также содержит модуль совместимости с Internet Explorer для поддержки менее современного оборудования, серверная — базируется на окружении Linux и свободных технологиях с открытым исходным кодом. Корпус обеспечивает быстрый и простой доступ к информации на распространенных устройствах с доступом в интернет, используются преимущества в виде централизованного обновления программного кода и базы данных, что позволяет предоставлять пользователям самую полную и актуальную информацию. Данные и основной программный код хранятся и исполняются на сервере, передавая и загружая на клиентскую сторону (браузер) только запрошенную пользователем информацию и веб-интерфейс. Клиентская часть представляет собой веб-интерфейс, работающий с серверной частью или на базе серверной части. Она разработана на современных открытых технологиях HTML, CSS, JavaScript. Верстка веб-интерфейса является адаптивной, позволяющей с комфортом работать с сервисом как на больших экранах компьютеров, проекторов, планшетов, так и на маленьких экранах мобильных телефонов. Ключевой функциональностью веб-интерфейса является информационно-поисковая система, которую предполагается реализовать с использованием индексирования полей непосредственно в базу данных (БД), а также с применением дополнительных инструментов, которые доступны в инфраструктуре выбранного языка для реализации поискового функционала. Для наполнения данными веб-ресурса и последующего управления накопленными данными разработан административный веб-интерфейс. Доступ к интерфейсу будет у лиц, ответственных за наполнение и управление базой данных. Через административный интерфейс можно будет вводить новые данные, производить изменение (корректировку) имеющихся, просматривать статистику и служебные сообщения

системы, управлять учетными записями пользователей. Для заполнения базы данных разрабатывается специальный модуль ввода данных. Этот модуль должен на основе файлов с исходными данными, приведенными к единому формату, генерировать запросы и заполнять базу данных для дальнейшего использования в электронном издании. Для извлечения информации из системы для последующего использования в бумажном виде будет предусмотрен интерфейс корректного вывода на печать и/или экспорта в переносимые файлы повсеместно распространенного формата PDF. Экспортированные в формат PDF материалы ресурса будут доступны для последующей работы без доступа к сети интернет, а также могут быть использованы в качестве архивных копий работы.

Действующий макет Интернет-ресурса TermLex

Макет TermLex представляет собой: (1) набор основных технологических процедур и операций сбора и первичной обработки (подготовки) данных создаваемого мультязычного корпуса терминов предметной области «Лингвистика» в форме интернет-ресурса, (2) базы данных ресурса и (3) программного комплекса, реализующего основные функции доступа к данным и представления их пользователям в виде веб-интерфейса.

Основными процедурами сбора и первичной обработки данных, которые реализованы в действующем макете, являются: определение источников (экспертный подбор текстов на русском языке), статистическая обработка текстов (автоматизированное получение словников и конкордансов, экспертное определение терминов и их дефиниций с переводом на английский и китайский языки, автоматизированное составление словарных статей, гипертекстирование источниковых материалов).

В качестве источниковых материалов для реализации макета были выбраны два авторских текста Н.Л. Чулкиной, объем учебного пособия — 5389 лексических единиц, хрестоматии — 9203.

Далее выбранные тексты были обработаны с целью получения частотных словников и конкордансов. Затем предполагалось автоматизированное проведение лемматизации словников и последующее экспертное выделение основных понятий (терминов). Выделение терминов проводилось на экспериментальном материале, в качестве которого был взят текст первой лекция «Предмет семиотики. Основные понятия и термины» учебного пособия. Это позволило существенно сократить автоматизировано полученный конкорданс, который в последующем предполагалось использовать в качестве источника примеров их использования (эксцерпций, дескрипций) в словарных статья терминологического словаря. Для обработки применялся ранее созданный программный продукт WinDialex [24].

Для выбранных терминов в интернете были найдены их определения. Данные в основном были взяты из Википедии. В дальнейшем были выполнены переводы этих определений, а также экспертно выбранных трех примеров их использования в обрабатываемых текстах. В итоге был сформирован «терминологический словарь» для каждого из обработанных текстов, состоящий 20 словарных статей. Каждая статья содержит три компонента: <термин>; <определение>; {<пример1>, <пример2>, <пример3>}.

Программный комплекс макета — это веб-приложение, разработанное на основе html, JavaScript и CSS. Он состоит из трех частей:

- 1) интерфейса, обеспечивающего взаимодействие с пользователями и программой;
- 2) программы, которая обрабатывает всю информацию — получает запросы от пользователя и ищет данные в базе знаний;
- 3) базы знаний, в которой содержатся тексты рассматриваемых научных публикаций и других учебных материалов, а также результаты их обработки (словники, конкордансы, словари понятий (терминов) и концептуальные графы их связанности).

Интерфейс представлен страницей в интернете, на которой расположены: заголовок, меню настроек, сама научная публикация в разных вариантах представления и меню с данными по отдельно взятому термину (рисунок 1).

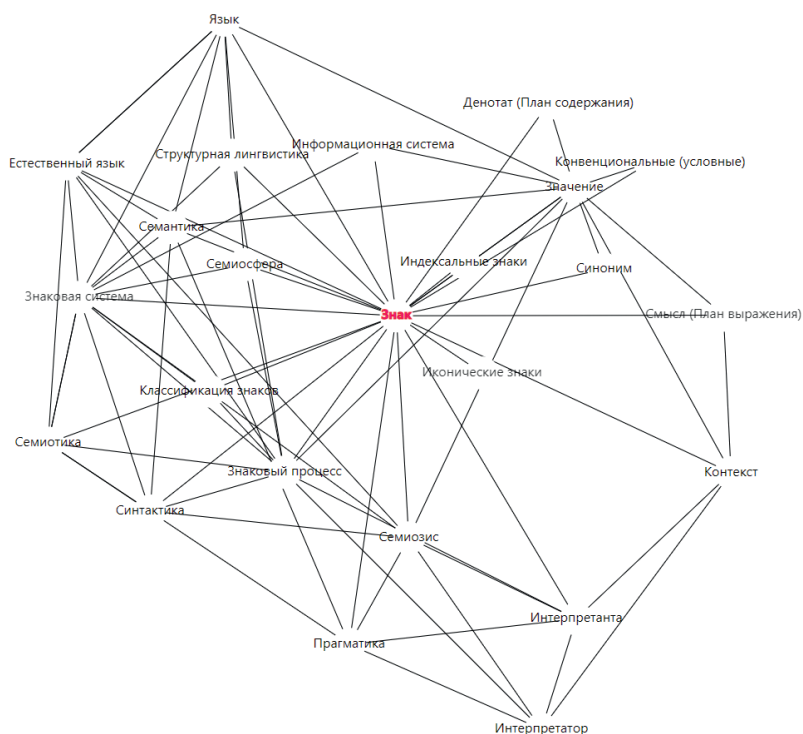

Рис. 1. Интернет-страница

Figure 1. Web page

Заголовок содержит несколько функций, которые отвечают за переход со страницы с интерфейсом к документации о программе и обратно и, а также название ресурса — TermLex. Документация содержит сведения о программе и ее создателях, такие как: полное название, номер версии, короткую справку о функциях, инструкцию по эксплуатации, Ф.И.О. авторов, способы связи с ним и т.д.

Меню настроек позволяет выбирать несколько параметров которые влияют на работу с рассматриваемой научной публикацией и/или учебным материалом, выбирать их из базы знаний (рисунок 2).

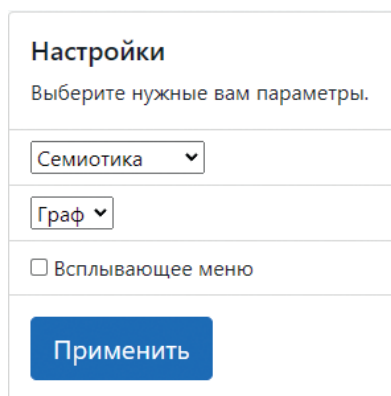

Рис. 2. Меню настроек

Figure 2. Settings menu

В макете данное меню имеет только три пункта. Чтобы применить настройки необходимо нажать кнопку «Применить».

Первый пункт меню — выбор рассматриваемого научного материала. Это может быть как лекция, так и научная статья. Для того, чтобы сменить рассматриваемый материал, необходимо из выпадающего списка выбрать интересующий вариант и нажать кнопку. После того, как выбор сделан, в центральном меню должно измениться содержание в зависимости от того, какое отображение информации выбрано в следующем пункте. На данный момент доступны два варианта:

- граф — отображает научную статью в виде графа, где вершины представляют собой ключевые слова/термины, а ребра между ними обозначают связь посредством наличия в определениях друг друга;
- текст — представляет *.pdf документ, который пользователь может просматривать или скачать для дальнейшей работы.

Следующей настройкой является «Всплывающее меню», которое имеет два положения, так как является «флажком». Эта настройка относится только к графу и является версией правого меню, в котором нахо-

дится информация о термине: термин, определение и дескрипция. Для того чтобы применить данную настройку необходимо отметить флажок и нажать кнопку. В результате появится несколько дополнительных меню (рисунок 3).

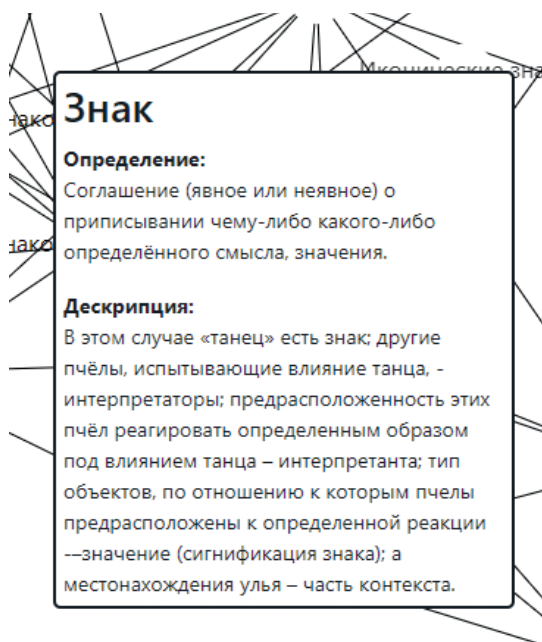

Рис. 3. Всплывающее меню

Figure 3. Pop-up menu

Всплывающее меню появляется при наведении курсором мыши на слово. Слово в результате выделяется, чтобы показать, что с ним идет работа. На выбор предоставляется три опции: язык текста, определение и дескрипция. Данные параметры влияют выбор текста, который будет выводиться во всплывающем меню или правом меню. Первый параметр изменяет язык отображения. На данный момент доступны три языка: русский, английский и китайский. Второй — «Определение» — отвечает за выбор различных определений отдельно взятого термина, третий — «Дескрипция» позволяет выбрать один из примеров использования термина. Стоит также отметить, что у некоторых терминов могут отсутствовать переводы на разные языки, определения и дескрипции. Первое вызвано тем, что не были получены их переводы у специалистов, второе отсутствием достаточного числа определений, которые удалось найти и последнее из-за нечастого употребления самого термина в тексте. Самих определений и дескрипций не больше трех. Данные опции могут быть доработаны.

Меню, отображающее научный материал, занимает большую часть страницы, так как, помимо того, что это является более удобным для усвоения информации, это также связано с тем, что для отображения графов некоторых материалов требуется большое пространство.

Для отображения графа разработана специальная программа, которая автоматически определяет матрицу семантических связей между терминами на основе их определений (дефиниций). Термины считаются связанными между собой если в их дефинициях есть хотя бы одно общее слово и это слово является термином. Такое условие связанности позволяет не только связать термины между собой, т.е. сформировать сетевую модель текстового материала (научных статей и учебных материалов), но и наметить последовательности их освоения (изучения). Прототипом разработанной программы явилась система Serelex: Поиск семантически связных слов (it-claim.ru) [25; 26].

Другой вариант отображения информации о научном тексте — это сам текст. На данный момент он представлен встроенным *.pdf файлом, который хранится на сервере веб-страницы. В нем представляется вся информация о рассматриваемой теме и, в случае необходимости, доступна функция его скачивания, которая производится с помощью html-элемента <embed>. Он позволяет вставлять в документ различный контент. Контент может представлять собой рисунки или другие файлы. Они могут быть как внешними (внешние приложения или другие источники интерактивного контента), так и внутренними (такие как плагины для браузеров). Визуализация меню представлена на рисунке 4.

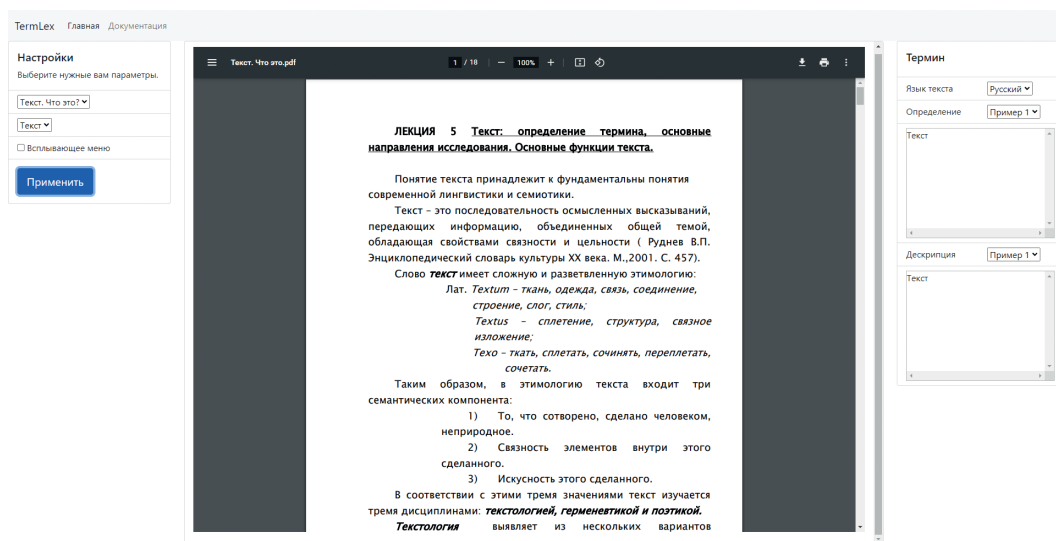

Рис. 4. Представление текста научного материала

Figure 4. Representation of the scientific material text

Меню отображения данных о термине содержит важную информацию о выбранном термине и повторяет некоторые функции всплывающего меню. Данное отображение информации присутствует постоянно. Это создает возможность копирования информации при необходимости, а также не позволяет отвлекаться на необходимость сохранения положения курсора на термине. Также стоит отметить, что в отличие от всплывающего меню изменение текста в боковом меню происходит моментально.

После того как пользователем будет выбрано первое слово, оно будет отображаться в окне «Термин», в окне ниже будут представлены определение данного термина и пример его употребления в тексте. Пример можно увидеть на рисунке 5.

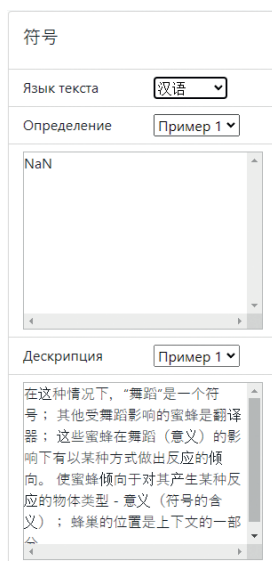

Рис. 5. Изменение языка на китайский

Figure 5. Change language to Chinese

Разработка модели, интерфейса и макета для мультязычного корпуса позволяют начать работу по наполнению корпуса контентом, решению проблем, связанных с многозначностью и омонимией терминов, а также выявить возможные трудности использования корпуса в различных практиках — учебной, переводческой, научной.

Заключение

Работа по созданию мультязычного корпуса терминов опирается на серьезную теоретическую базу терминоведения и изучения языка для специальных целей, созданную к настоящему времени в России и за рубежом, исследования по компьютерной лексикографии, опыт лексикографирования

лингвистических терминов и создания переводных словарей данного типа, а также работы по использованию терминологических словарей в учебном процессе. Создание мультязычного корпуса терминов позволит решить такие проблемы, как рассинхронизация лингвистических терминосистем в русском, английском и китайском языках; трудности перевода научных текстов данной предметной области с русского языка на китайский язык и обратно; сложности введения лингвистических терминов при обучении студентов из Китая на основных и специальных курсах и отсутствие эффективных средств обучения; отсутствие онлайн ресурса, содержащего специальную терминологию, с возможностью перевода на разноструктурные языки, толкования значения, обращения к контекстам употребления в релевантных текстах. В перспективе на основе корпуса возможно создание нового продукта — мобильной версии трехязычного словаря тезаурусного типа.

Библиографический список

1. Супранская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология. Вопросы теории. М.: URSS, 2012.
2. Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977.
3. Гринева-Гринева С.В., Сорокина Э.А., Молчанова М.А. Еще раз к вопросу об определении термина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. № 13(3). С. 710–729. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-710-729>
4. Галанкина И.И., Перфильева Н.В., Цибизова О.В. Терминосистема гидротехники: диффузность терминополь и полицентричность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. № 13 (3). С. 730–749. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-730-749>
5. Новоспасская Н.В., Дугалич Н.М. Терминосистема теории поликодовых текстов // Русистика. 2022. № 20 (3). С. 298–311. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-3-298-311>
6. Chulkina N., Novospasskaya N., Lazareva O. Dictionary of Terms as a Tool in Online Learning // INTED2022 Proceedings, 16th International Technology, Education and Development Conference. Online Conference. Valencia, 2022. pp. 10470–10474. <https://doi.org/10.21125/inted.2022>
7. Ду Синь, Чулкина Н.Л. Научное содержание термина «лакуна» в российской и китайской теории перевода в сопоставительном аспекте // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 8. С. 147–149. <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2021.08.14>
8. Попова Л.В. Логико-понятийный анализ терминосистемы когнитивной лингвистики // Омский научный вестник. 2012. № 5 (112). С. 142–144.
9. Хижняк С.П. Когнитивная проблематика в общей теории термина. Саратов, 2020.
10. Чжоу Ц. Перевод терминов с суффиксом — изм с русского языка на китайский // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2015. № 3. С. 101–116.
11. Витковская Л.В., Дань Н. Ассимиляция концепта «ЧАЙ» в русской и английской культурах // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2015. № 4. С. 159–164.
12. Цзоу Ц. Перевод специальных терминов в научно-техническом тексте с китайского языка на русский // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 3. С. 141–150. <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2019-3-141-150>

13. Григорьева А.Г. Трудности перевода терминов традиционной китайской медицины // *Academy*. 2017. № 6–1 (21). С. 74–75.
14. Омарова С.И. Словари лингвистических терминов // *Социальные и гуманитарные науки: рефератив. журнал. Сер. 6. Языкознание*. 1997. № 3. С. 159–179.
15. Гончарова В.В. Сравнительный анализ справочных изданий в области лингвистики // *Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры*. 2013. № 197. С. 111–117.
16. Лесников С.В. Типология русских словарей лингвистической терминологии // *Мир науки, культуры, образования*. 2011. № 6 (2). С. 6–10.
17. Макарич М.В., Попова Ю.Б., Швед М.А. Лингвистическое и программное обеспечение англо-белорусско-русского словаря технических терминов // *Системный анализ и прикладная информатика*. 2018. № 4. С. 74–82.
18. Хуан Тяньдэ, Лю Хэншун. О возможности создания психолингвистического словаря китайских политических терминов // *Политическая лингвистика*. 2020. № 3 (81). С. 248–255. <https://doi.org/10.26170/pl20-03-26>
19. Богачёва Г.Ф., Ольховская А.И., Парамонова М.К. Электронный идеографический словарь: теоретический и прикладной аспекты (на материале «русского тематического словаря») // *Вопросы лексикографии*. 2017. № 12. С. 39–60.
20. Балалаева Е.Ю. К вопросу об определении понятия «электронный учебный словарь» // *Studia Humanitatis*. 2021. № 1. Режим доступа: www.st-hum.ru 1 (дата обращения: 5.10.2021).
21. Куликова И.С., Салмина Д.В. Обучающий словарь лингвистических терминов. М.: URSS, 2004.
22. Лемов А.В. Школьный лингвистический словарь: термины, понятия, комментарии. М.: Айрис Пресс, 2006.
23. Марчук Ю.Н., Яковлева С.А. Русско-английско-испанско-французско-китайский словарь лингвистических терминов. М.: АСТ; Восток-Запад, 2005.
24. Дубашов А.Е. Библиотека лексикографической обработки текста // *Интеллектуальные технологии и системы: сборник статей аспирантов и студентов / сост. и ред. Ю.Н. Филиппович*. М.: Изд-во МГУП, 2002. Вып. 4. С. 165–171.
25. Панченко А.И., Филиппович Ю.Н., Адейкин С.А., Романов П.В., Романов А.В. Метод и система извлечения семантических отношений из статей Википедии на основе компонентного анализа // *Жизнь языка в культуре и социуме : материалы международной научной конференции, Москва, 20–21 апреля 2012 г.* М.: Эйдос, 2012. С. 339–341.
26. Panchenko A., Romanov P., Romanov A., Philippovich A., Philippovich Y. Serelex: Search and Visualisation of Semantically Related Words // *Proceedings of the 3rd Conference on Analysis of Images, Social Networks and Texts (AIST'2013)*. Yeketerinburg: Intuit, 2013. pp. 1–10.

References

1. Superanskaya, A.V., Podolskaya, N.V. & Vasileva, N.V. (1989). *General terminology. Theoretical issues*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
2. Danilinko, V.P. (1977). *Russian terminology: empirical linguistic description*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
3. Grinev-Griniewicz, S.V., Sorokina, E.A. & Molchanova, M.M. (2022). Reconsidering the Definition of the Term. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(3), 710–729. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-710-729> (In Russ.).
4. Galankina, I.I., Perfilieva, N.V. & Tsibizova, O.V. (2002). Terminological System of Hydraulic Engineering: Diffuseness of Terminological Fields and Polycentricity. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(3), 730–749. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-730-749> (In Russ.).

5. Novospasskaya, N.V. & Dugalich, N.M. (2022). Terminological system of the polycode text theory. *Russian Language Studies*, 20(3), 298–311. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-3-298-311>
6. Chulkina, N., Novospasskaya, N. & Lazareva, O. (2022). Dictionary of Terms as a Tool in Online Learning. In: *INTED2022 Proceedings, 16th International Technology, Education and Development Conference. Online Conference*. Valencia. pp. 10470–10474. <https://doi.org/10.21125/inted.2022>
7. Du, Xin & Chulkina, N.L. (2021). Scientific Content of the term “Lacuna” in Russian and Chinese Theory of Translation in A Comparative Aspect. *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice*, 8, 147–149. <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2021.08.14>
8. Popova, L.V. (2012). Logical-conceptual analysis of the terminological system of cognitive linguistics. *Omsk Scientific Bulletin*, 5 (112), 142–144. (In Russ.).
9. Khizhnyak, S.P. (2020). *Cognitive problems in the general theory of the term*. Saratov. (In Russ.).
10. Zhou Jin-hui (2015). Russian-to-Chinese Translation of Terms with the -ism Suffix. *Moscow University Translation Studies Bulletin*, 3, 101–116. (In Russ.).
11. Vitkovskaya, L.V. & Dan, N. (2015). Assimilation of the concept “TEA” in Russian and English cultures. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 4, 159–164. (In Russ.).
12. Zou, Z. (2019). Translation of Special Terms in Scientific and Technical Text from Chinese Language into Russian. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 3, 141–150. <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2019-3-141-150> (In Russ.).
13. Grigorieva, A.G. (2017). Difficulties in translating the terms of traditional Chinese medicine. *Academy*, 6– (21), 74–75. (In Russ.).
14. Omarova, S.I. (1997). Dictionaries of linguistic terms. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6: Linguistics*, 3, 159–179. (In Russ.).
15. Goncharova, V.V. (2013). Comparative analysis of reference publications in the field of linguistics. *Trudy Sankt-Peterburgskogo Gosudarstvennogo Instituta Kul'tury*, 197, 111–117. (In Russ.).
16. Lesnikov, S.V. (2011). Typology of Russian Dictionaries of Linguistic Terminology. *Mir Nauki, Kultury, Obrazovaniya*, 6(2), 6–10. (In Russ.).
17. Makarych, M.V., Popova, Y.B. & Shved, M.O. (2018). Linguistic database and software for English—Belarusian—Russian dictionary of technical terms. *System Analysis and Applied Information Science*, 4, 74–82. (In Russ.).
18. Huang, Tiande & Liu, Hengshuang (2020). On the Possibilities of Creating a Psycholinguistic Dictionary of Chinese Political Terms. *Political Linguistics*, 3 (81), 248–255. <https://doi.org/10.26170/pl20-03-26> (In Russ.).
19. Bogacheva, G.F., Olkhovskaya, A.I. & Paramonova, M.K. (2017). An Electronic Ideographic Dictionary: Theoretical and Practical Aspects (on the Material of the Russian Thematic Dictionary). *Russian Journal of Lexicography*, 12, 39–60. (In Russ.).
20. Balalaieva, O.Y. (2021). To the Question of Defining the Notion “Electronic Learner’s Dictionary”. *Studia Humanitatis*, 1. URL: www.st-hum.ru (accessed: 15.10.2021). (In Russ.).
21. Kulikova, I.S. & Salmina, D.V. (2004). *Educational Dictionary of Linguistic Terms*. Moscow: URSS publ. (In Russ.).
22. Lemov, A.V. (2006). *School linguistic dictionary: terms, concepts, comments*. Moscow: Iris Press. (In Russ.).
23. Marchuk, Yu.N. & Yakovleva, S.A. (2005). *Russian—English—Spanish—French—Chinese Dictionary of Linguistic Terms*. Moscow: AST publ.
24. Dubashov, A.E. (2002). Library of lexicographic text processing. In: *Intelligent technologies and systems. Collection of articles of graduate students and students*, Yu.N. Filippovich (Ed.). Iss. 4. Moscow. pp. 165–171. (In Russ.).

25. Panchenko, A.I., Filippovich, Yu.N., Adeikin, S.A., Romanov, P.V. & Romanov, A.V. (2012). Method and system for extracting semantic relations from Wikipedia articles based on component analysis. In: *Life of a language in culture and society. Proceedings of the international scientific conference Moscow, April 20–21, 2012*. Moscow: Eidos publ. pp. 339–341. (In Russ.).
26. Panchenko, A., Romanov, P., Romanov, A., Philippovich, A. & Philippovich, Y. (2013). Serelex: Search and Visualisation of Semantically Related Words. In: *Proceedings of the 3rd Conference on Analysis of Images, Social Networks and Texts (AIST'2013)*. Yeketerinburg: Intuit. pp. 1–10. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Чулкина Нина Леонидовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общего и русского языкознания филологического факультета РУДН; *e-mail*: chulkina-nl@rudn.ru

ORCID: 0000-0002-6758-4683; Scopus Author ID: 57203533337; ResearcherID: AAB-9438-2021.

Филиппович Юрий Николаевич, кандидат технических наук, профессор, директор Научно-образовательного центра инфокогнитивных технологий (НОЦ ИКТ) Московского политехнического университета; *e-mail*: y_philippovich@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9419-2282; Scopus Author ID: 56441750400.

Александрова Оксана Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета РУДН; *e-mail*: alexandrova-oi@rudn.ru

ORCID: 0000-0002-7246-4109; Scopus Author ID: 57200073938; ResearcherID: Q-7339-2016.

Новоспасская Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов; *e-mail*: novospasskaya-nv@rudn.ru

ORCID: 0000-0001-7599-0246; Scopus Author ID: 57219297279; ResearcherID: GQI-3296-2022.

Речинский Владислав Алексеевич, аспирант кафедры инфокогнитивных технологий факультета информационных технологий, Московский политехнический университет; *e-mail*: rechvlad@mail.ru

Information about the authors:

Nina L. Chulkina, Doctor in Philology, Associate Professor, Professor of the Department of General and Russian Linguistics, Philological Faculty, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); *e-mail*: chulkina-nl@rudn.ru

ORCID: 0000-0002-6758-4683 ; Scopus Author ID: 57203533337; ResearcherID: AAB-9438-2021.

Yuriy N. Philippovich, PhD in Technical Sciences, Professor, Director of the Scientific and Educational Center for Infocognitive Technologies (REC ICT) of Moscow Polytechnic University; *e-mail*: y_philippovich@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9419-2282; Scopus Author ID: 56441750400.

Oksana I. Aleksandrova, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General and Russian Linguistics, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); *e-mail*: alexandrova-oi@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-7246-4109; Scopus Author ID: 57200073938; ResearcherID: Q-7339-2016.

Natalia V. Novospasskaya, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of General and Russian Linguistics, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); *e-mail*: novospasskaya-nv@rudn.ru
ORCID: 0000-0001-7599-0246; Scopus Author ID: 57219297279; ResearcherID: GQI-3296-2022.

Vladislav A. Rechinsky, PhD student, Moscow Polytechnic University; *e-mail*: rechvlad@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-1-104-122

EDN: QHDNWP

UDC 811.512.122'37:2

Research article / Научная статья

Semantic development of Arabic-Iranian borrowings in the Kazakh language: Analysis of Religious concepts

Naziya M. Zhanpeissova¹ , Gulzhana A. Kuzembayeva² ,
Zhumagul A. Maydangalieva¹

¹Baishev University,

302A, Br. Zhubanovyykh str., Aktobe, Republic of Kazakhstan, 030000

²K. Zhubanov Aktobe Regional University,

34, A. Moldagulova Prospect, Aktobe, Republic of Kazakhstan, 030000

 maydangalieva@mail.ru

Abstract. The original meaning of many modern Kazakh words of Arabic-Iranian origin is associated with ethical categories, spiritual and moral values. In this study aimed at identifying a layer of words borrowed by the Kazakh language from the Arabic and Iranian languages, and investigating their semantic development a descriptive method and methods of lexicographic and lexico-semantic analyses of words were applied. The study results demonstrated that the semantic development of Muslim terms in the Kazakh language included reinterpretation, and their acquisition of new meanings in the Kazakh literary language. Desacralization of religious concepts signified by these words occurred in the languages from which these words were later borrowed by the Kazakh language.

Keywords: Arabic-Iranian vocabulary, desacralization, reinterpretation, religious terms, Islamisms, semantic development

Financing. Acknowledgements

The research is funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant No. AP19680524).

Article history:

Received: 01.02.2022

Accepted: 15.11.2022

For citation:

Zhanpeissova, N.M., Kuzembayeva, G.A. & Maydangalieva, Zh.A. (2023). Semantic Development of Arabic-Iranian Borrowings in the Kazakh Language: Analysis of Religious Concepts. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(1), 104–122. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-104-122>

© Zhanpeissova N.M., Kuzembayeva G.A., Maydangalieva Z.A., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Семантические процессы, сопутствующие заимствованию арабо-иранской лексики казахским языком: на материале религиозных понятий

Н.М. Жанпеисова¹ , Г.А. Кузембаева² , Ж.А. Майдангалиева¹

¹Баишев университет,

030000, Казахстан, г. Актобе, ул. Братьев Жубановых, 302А

²Актюбинский региональный университет имени К. Жубанова,

030000, Казахстан, г. Актобе, пр. А.Молдагуловой, 34

 maydangalieva@mail.ru

Аннотация. Исконный смысл многих современных казахских слов арабо-иранского происхождения связан с этическими категориями и духовно-нравственными ценностями. В исследовании, предпринятом в целях выявления пласта слов, заимствованных казахским языком из арабского языка, и описания семантических процессов переосмысления арабских слов, имеющих изначально специфически религиозный смысл, были использованы описательный метод, элементы лексикографического анализа, а также метод лексико-семантического анализа слов. В результате было выявлено, что в процессе семантического освоения казахским языком мусульманских терминов большинство из них, подвергшись переосмыслению, вошли в литературный казахский язык в новом значении. Нередко процесс десакрализации религиозных понятий, означенных этими словами, произошел в языках, из которого эти слова были позже заимствованы казахским языком.

Ключевые слова: десакрализация, переосмысление, религиозные термины, исламизмы, семантический процесс

Финансирование. Благодарности

Исследование финансируется Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № AP19680524).

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2022

Дата приема в печать: 15.11.2022

Для цитирования:

Zhanpeissova N.M., Kuzembayeva G.A., Maydangalieva Z.A. Semantic Development of Arabic-Iranian Borrowings in the Kazakh Language: Analysis of Religious Concepts // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 1. С. 104–122. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-104-122>

Introduction

Studies of Arabic borrowings in the Kazakh language consider Arabic-Iranian borrowings (Arabisms and Iranisms) in unity [1–5]. The works of Kazakh scientists L.Z. Rustemov [6–7], G. Burkitbai [8] present a detailed information about Arabisms in the Kazakh language, along with the Iranian (Persian) vocabulary, borrowed in the period of 15th–19th centuries through the medium of other languages.

Dictionary of Arabic-Iranian religious lexicon borrowed by the Kazakh language compiled by the largest expert on Arabic-Persian borrowings in the Kazakh language L.Z. Rustemov in 1991 [7] reflects Arabic and Iranian spelling and meanings of 278 lexical units of Arabic and Iranian origin. The result of scientist's long scrupulous work were Russian-Kazakh dictionaries of Arabisms with many illustrations from the Kazakh language, a detailed analysis of the ways of absorbing Arabic vocabulary by the Kazakh language and the ways of its phonetic development [6]. The dictionaries consist of words included in the active vocabulary of the modern Kazakh language (for example, *Alla*, *aruak*, *aulie*, *din*, *meshit*, etc.), but the use of many lexemes in them is limited to religious texts or fiction works of pre-revolutionary Kazakh authors that have not become public (*ansar*, *badana*, *desromal*, *jabbar*, *ida*, *isnad*, *maulit*, etc.) [7]. This vocabulary is known to people who have received a special religious education in madrassas, Muslim schools.

The revival of the Islamic tradition in Kazakhstan since the end of the 20th century has caused an influx of new borrowings, including the re-borrowing of Arabisms that were previously assimilated by the Kazakh language and underwent various phonetic changes that caused a discrepancy in their spelling and pronunciation.

Another valuable source is the dictionary of N.D. Ondasynov [9] titled by the author himself an “Explanatory dictionary of Kazakh vocabulary borrowed from the Arabic language”. The scientist cites more than 400 widely used Kazakh words of Arabic origin and hundreds of examples of various phonetic and graphic design of Arabisms assimilated by the Kazakh language.

Assimilation of Arabisms by the Kazakh language is connected with their oral entry into the Kazakh speech and borrowing from different languages, as well as translation of Kazakh writing in the first half of the 20th century: first from Arabic graphics into Latin, then — in the early 40s of the 20th century — into Cyrillic. Different vocalization of Arabic borrowings is accompanied by semantic differentiation that contributed to the vocabulary enrichment in the Kazakh language (for example, *ілім* / teaching and *ғылым* / science, *мереке* / holiday and *береке bereke* / prosperity, abundance, *загип* / 1) crippled; 2) blind and *зайыт* / spouse, etc.)

New approaches to the development of Islamic vocabulary are stated in the latest lexicographic editions. “Dictionary of Religious Terms” [10] includes about a thousand Muslim terms that are actively used in the religious practice of modern Kazakhs. According to the compiler, over the past 20 years, a considerable number of works devoted to various aspects of religious knowledge have appeared in the Kazakh language.

The author of the dictionary regrettably states that the religious vocabulary used in the works of poets *Bukhar-zhyrau*, *Shalkiiz*, *Abai*, *Shakarim*, *Mailykozha* that at one time became an active part of the Kazakh literary language, became

passive during the Soviet period [10. P. 3]. For the same reason many works of the great Kazakh poet Abai are not fully comprehensible to a modern Kazakh reader.

R. Mukhitdinov describes the religious style in the first religious publications of the post-Soviet period that are characterized by violation of the norms of the literary Kazakh language, the use of syntactic structures not characteristic of the Kazakh language, and inappropriate use of specific vocabulary complicating text perception. He considers discrepancies in the spelling and explanation of religious terms observed in modern Kazakh publications to be an important lexicographic problem. At the same time, explanatory dictionaries of the Kazakh language do not give precise definitions of these words as religious terms [10. P. 4].

The influence of the Arabic language on different Turkic languages was not the same. Arabisms came to the Azerbaijani, Tatar and Uzbek languages much earlier and in greater numbers than to Kazakh and Kyrgyz, into which they penetrated largely through neighboring languages (In the west of Kazakhstan — Tatar, in the south — Uzbek, Tajik) [3]. Due to this fact, Arabisms have undergone a serious phonetic transformation in the Kazakh language.

Arabic vocabulary occupies a greater share in the Kazakh language than Iranian (Persian), although the latter is more ancient. L.Z. Rustemov suggests the entry of Arabic-Iranian vocabulary into the Kazakh language within two periods. The first period is connected with the history of the Turkic tribes until the 15th century — before the formation of the Kazakh people; the second period lasts from the 15th century until the October revolution [6. P. 4]. The greatest flow of Arabic borrowings happened in the Middle Ages and at the period from the 18th century to the end of the 19th century [3. P. 55]. According to N. Nurtazina, there are more than 20 thousand Arabic words in the vocabulary of the modern Kazakh language [11. P. 24].

A.K. Sultangalieva believes that the Arabic borrowings preserved in modern Turkic languages “belong to the class and social nomenclature, religious terminology” and their relative scarcity (compared to the Tatar and Uzbek languages) is explained by “the weakness of the Arabic influence on Kazakh culture as a whole” [12. P. 23]. At the same time, the materials analyzed by us indicate that Arabisms literally permeate the fabric of the modern Kazakh literary language, being used in many spheres of human life.

G. Burkitbai examines the presentation of Arabic vocabulary in Kazakh lexicographic practice, and suggests combining all Arabisms borrowed by the Kazakh language into five thematic groups: 1) scientific vocabulary, 2) socio-political vocabulary, 3) vocabulary related to education and everyday life, 4) vocabulary related to Islam, 5) vocabulary expressing Abstract concepts [8. P. 49].

The first group of Arabic borrowings consists of terms that have become international, and, in our opinion, came to the Kazakh language through Russian: *азурит* / *azurite*, *азимут* / *azimuth*, *алгебра* / *algebra*, *цифра* / *digit*, *зенит* / *zenith*, etc. Their foreignness is felt by native speakers, although

few people know that they are Arabisms. Part of the Arabic vocabulary is fully mastered by native speakers of the Kazakh language, and is not perceived as borrowed: *нүкте* / *dot*, *амал* / *method*, *шартты* / *conditional*, *дәреже* / *degree*, etc. [8. P. 47].

The second group of Arabisms includes socio-political vocabulary: *тәрбие* / *education*, *ғибадат* / *worship*, *кәмелет* / *coming of age*, *мұғалім* / *teacher*, *әліппе* / *alphabet*, *әдебиет* / *literature*, *мәдениет* / *culture*, *емтихан* / *exam*, *емле* / *rule*; household vocabulary (although there are few of them): *дүкен* / *shop*, *қаражат* / *means*, *қаржы* / *finance*, *алқа* / *necklace*, *сабын* / *soap*, *әтір* / *perfume*, *сәсел* / *honey*; *дәйіс* / *daisy*, *шарап* / *wine*, *арақ* / *vodka*, etc.; Islamisms that have long become familiar to the hearing of a native speaker of the Kazakh language are *айт* (*ait*), *азан* (*azan*), *әмин* (*amen*), *бата* (*bata*), *дін* (*din*), *имам* (*imat*), *иман* (*iman*), *құбыла* (*kubila*), *құрбан* (*kurban*), *парыз* (*parыз*), *шариғат* (*sharia*), *сүннет* (*sunnet*), etc. [8. P. 47].

The Revival of interest in religion and appearance of a large number of translated literature about Islam replenished the language with new Islamisms, including those that were previously known to Kazakhs, but in a different wording: *Аллаһ* (*Allah*), *фих* (*fikh*), *бисмилләһ* (*bismillah*), *нафил* (*nafil*), *истиғфар* (*istigfar*), *ахырет* (*akhiret*), *махлуқ* (*makhluk*), *сүннәт* (*sunnat*), *ыхлас* (*ylas*), *тауфиқ* (*taufiq*), *ахыр* (*ahyr*), *үммәт* (*ummat*), *мүширик* (*mushrik*), *мунафиқ* (*munafik*), *риуаят* (*riuaayat*), *рекат* (*rekat*), *күфүр* (*kufur*), etc. Clarification of meaning, systematization of pronunciation and spelling of these words is one of the primary tasks of Kazakh scholars [8. P. 48].

The largest group of Arabisms represented in Kazakh dictionaries is Abstract vocabulary: out of 787 words extracted by continuous sampling about 50 % of words express Abstract concepts *шүна* (*healing*), *әрекет* (*action*), *ақыл* (*mind*, *mind*), *ықтияр* (*will*, *freedom of action*), *зейін* (*attention*), *пікір* (*opinion*), *анат* (*catastrophe*), *уақыт* (*time*), *дәреже* (*degree*), *айып* (*guilt*), *мәжбүр* (*forced*), *тағдыр* (*fate*), *назар* (*attention*), *әлем* (*peace*), *адал* (*honest*), *ғашық* (*In love*), *жапа* (*oppression*, *torment*), *кәмелет* (*coming of age*), *өмір* (*life*), etc. Household vocabulary and didactic vocabulary are in second place and make 25 %. Arabisms related to religious practice (Islamisms) making about 15 % are in third place. The other two groups cover about 10 % of words.

Analysis of studies of Arabic-Iranian (Persian) borrowings shows that Arabic-Iranian elements in medieval Turkic written monuments comprise 36.7 %. In the language of Kissa-dastans published in the late 19th and early 20th centuries they make more than 30 %, and Arabic words among them exceed three times Persian words. As stated by L.Z. Rustemov [6], about 15 % of Arabic-Iranian borrowings are used in the active vocabulary of the modern Kazakh language (20th century), and about 7 % are used in the passive vocabulary. At the same time, scientists note that many Arabisms were not taken into account by the compilers, since they did not get into the file fund of the A. Baitursynov Institute of Linguistics [8. P. 61].

Materials and methods

In this study, we aimed at identifying a layer of words borrowed by the Kazakh language from the Arabic and Iranian languages, and investigating their semantic development. Accordingly, the following tasks were set: 1) analyze theoretical studies and dictionaries of Arabic vocabulary in the Kazakh language; 2) analyze Arabisms in the Kazakh language taking into account their ethical and religious meaning, identified by processing religious and philosophical works of Muslim scientists; 3) identify specific manifestations of the semantic narrowing of Arabisms meanings.

A descriptive method and methods of lexicographic and lexico-semantic analysis of words were applied to describe the semantic development of Arabic-Iranian borrowings.

Lexical borrowings were selected from the classical Sufi work [13] and were further defined in the lexicographic sources: Explanatory dictionary of the Kazakh language, Kazakh-Russian and Russian-Kazakh online dictionary, Philosophical Encyclopaedic Dictionary, A Modern Arabic-English Dictionary, Dictionary of Religious Terms, Arabic-Kazakh Explanatory Dictionary. Arabic-Iranian borrowings were comparatively analyzed by the results of the free associative experiment conducted with the word-stimulus Islam among the native speakers of the Kazakh language [14].

Analysis and discussion

Lexical borrowings were analyzed in the classical Sufi work [13], from which, in particular, about 100 words with a specifically religious meaning (explained in detail in the text by the author of the work) were extracted. The words that entered the Kazakh language through the medium of other languages have long been assimilated by it and, having lost their specifically religious content, were included in the active vocabulary of the modern Kazakh language: *адам* (*man*), *айқын* (*obvious*), *ақиқат* (*truth*), *ақымақ* (*fool*) *ақыл* (*reason*), *аманат* (*mandate, pledge*), *аспан* (*heaven*), *асыл* (*valuable*), *әлем* (*peace*), *әмір* (*command*), *ғарыш* (*cosmos*), *ғарип* (*unhappy, destitute*), *ғұлама* (*scientist*), *дәреже* (*degree*), *дидар* (*face*), *дүние* (*world*), *діл* (*mentality*), *жан* (*soul*), *зат* (*thing, essence*), *керемет* (*miracle, wonderful, very*), *кілем* (*carpet*), *кітап* (*book*), *қалам* (*pen*), *қаһарман* (*hero, hero*), *қиял* (*dream*), *қияли* (*dreamy*), *қуат* (*strength, might*), *құдірет* (*might*), *назар* (*attention*), *нұр* (*light*), *махаббат* (*love*), *мұғалім* (*teacher*), *мұхит* (*ocean*), *мүсәпір* (*wanderer; needy, homeless*), *мысал* (*example*), *Отан* (*homeland*), *парасат* (*intelligence; sanity*), *рас* (*truth*), *раушан* (*rose*), *рух* (*spirit*), *рухани* (*spiritual*), *рұқсат* (*permission*), *сиқыр* (*magic, witchcraft*), *себен* (*reason*), *сипат* (*quality*), *сұхбат* (*communication*), *табиғи* (*natural*), *тағам* (*food, food*), *тағдыр* (*fate*), *тәртіп* (*order*), *хабар* (*message*), *хал* (*state*), *қадір* (*respect*), *хайуан* (*animal*), *халық* (*people*), *ыждағат* (*diligence, diligence*), *ілім* (*teaching*) and

many others. The meanings of these words in the modern Kazakh language is given in parentheses.

Lexical and semantic analysis demonstrated that the original meaning of many modern Kazakh words of Arabic-Iranian origin is associated with ethical categories, spiritual and moral values preached in the past by religious figures. In the process of semantic development of Muslim terms in the Kazakh language most of them have undergone a process of reinterpretation, and entered the literary Kazakh language with a new meaning. We do not exclude that the process of desacralization of religious concepts signified by these words could occur in languages from which these words were later borrowed by the Kazakh language (Turkish, Tatar, Uzbek, Tajik, etc.). Desacralization is “the devaluation of sacred (sacred) patterns, religious beliefs, ideological attitudes, etc.” [15].

As a result of the comparative analysis of the semantics of some words in the modern Kazakh language and their religious and terminological content, the specificity of the semantic development of Arabic-Iranian borrowings was identified. The Kazakh word *имандылық* is derived from the Arabic borrowing *إيمان* *imān* — “faith or belief” denoting in Islamic theology “a believer’s faith in the metaphysical aspects of Islam” [16–17]. In the dictionaries of the Kazakh language, the term *имандылық* has the following definitions: “humanity and its norms” [18. P. 354] “morality; humanity” [19]. The adjective *иманды* (from *иман* “faith”), from which the analyzed word is derived, is translated as follows: “1) believer; righteous; 2) conscientious; honest; decent” [19]. Thus, the derived word *имандылық* lost the semantic feature linking this word with religion (“believer, righteous”). At the same time, recently we have seen the actualization of this feature in connection with the revival of Islam in Kazakhstan and the emergence of a large number of Muslim literature in which the word *имандылық* is used in the original meaning “piety, righteousness”.

The word *нұр* (*nur*) is represented in the dictionaries of the modern Kazakh language in the meaning of “ray, light, radiance” [18. P. 619]; “light; ray of the sun; radiance” [19]. In the Arabic language *نور* is defined as light, brightness, gleam, glow, illumination [20]. The original religious meaning of this term is “divine light” [21. P. 14]. Thus, in the Kazakh language, this word has lost the semantic sign of “divine”, that is, we can talk about narrowing the meaning.

The word *сұхбат* (*sohbat*) in the modern Kazakh language is used in several meanings “1) conversation between two or more people; 2) meeting, conversation; 3) Interview taken by a correspondent” [18]; “1) conversation; dialogue; conversation; 2) interview” [19]. The original meaning of this word is “spiritual conversation on religious topics”: “One of the common methods used <...> in the process of spiritual education <...> is the “word”, or *sohbet* (conversation). Every word of a person who cleansed his heart and *nafs* reflects his spiritual state. Sincere words spoken from the heart find their way to the heart of the interlocutor, exerting

a beneficial influence on him” [21. P. 255]. The meaning of the analyzed word was associated with spiritual conversations of religious content.

The words “sahaba” and “sohbet” are formed from the same root. In the Arabic language صحاب (sahaba) is defined as “the companions of the prophet” [20]. As stated in Topbash, “sahaba” means a person who, having believed in the Prophet (sallallahu alayhi wa sallam), was honored to attend his spiritual conversations” [21. P. 271]. Here we observe a narrowing of the meaning, namely the loss of features “spiritual”, “religious”.

In the reinterpretation of the word *наңси* (nafs), the narrowing of the semantic scope is clearly presented. In the dictionaries of the modern Kazakh language it is defined as “sexual desire, lust” [18. P. 615]; “lust; sensual attraction; lust” [19], though in the Arabic language نفس is defined as “1) soul, spirit, psyche, mind; 2) soul, human being, person, individual; 3) self, person, being, essence, nature” [20]. At the same time, according to Muslim ethics, *nafs* is “the low side of the soul” [21. P. 33], “the animal (passionate) soul of man” [13. P. 4]. Being one of the manifestations of the ego, *nafs* is all the low aspirations of the soul aimed at satisfying the needs of the flesh beyond necessity, immoderation in anything: “Unlike Christianity, Muslim ethics did not consider the presence of carnal desires to be something shameful. The main thing was to have moderation in them. Excessive in Islam was replaced by synonyms “vile, shameless” (Ethics). “The biggest obstacle that needs to be overcome in the test called life is “nafs”. *Nafs* is always associated with negative traits, although it is based on an invaluable propensity that encourages positive behavior. The task is to purify *nafs* from negative qualities by spiritual education and extracting precious essence from it” [21. P. 114]. The manifestations of *nafs*, among other things, include a tendency to gluttony and slander, envy, greed, lust, contempt for others, etc. In the Kazakh language, we observe narrowing of the semantic scope of the word: the semantic component “carnal” that includes various low aspirations of a person is reinterpreted as “lustful”.

We also observe the loss of the religious component in the functioning of the word *ықылас* (ikhlas) defined in Kazakh as “1) good intention. 2) diligence” [18. P. 942]; “1) attention; desire; sincere feeling; diligence; 2) diligence; zeal; diligence; 3) initiative” [19]. In Arabic language صالخال means “sincerity, honesty, integrity” [20]. The religious meaning of the term *ikhlas* is “sincere service to Allah”: “In religious terminology, the word “*ikhlas*” is used to denote the fulfillment of prescribed actions only for the sake of the Lord’s satisfaction, which excludes even the shadow of other intentions from falling on them, and protecting the heart from any self-interest, committed with the desire to get closer to the Almighty Creator” [21. P. 37]. There is a semantic narrowing because of the loss of features “service”, “Allah, Lord”.

Analysis of Kazakh phrases and paremias represented by religious terms demonstrate expanding of the semantic volume of a word in the Kazakh language. Thus, the word *дүние* (dunie) is a key word-representative of the concept of the

same name of Kazakh culture, as evidenced by the Kazakh linguists Zhirenov [22], Nurdauletova [23] and others.

Дүние (dunie) is a word of Arabic origin, the religious and philosophical meaning of which is “life on earth” [10. P. 26]. In modern dictionaries of the Kazakh language, the word *дүние* (dunie) has several meanings: “1) the world, the universe (earth with everything that exists on it); light (world, universe); 2) light, life; 3) wealth, goodness; property” [24. P. 221]; “1) the world; the universe (the earth with everything that exists on it); light (world, universe); 2) life; light; 3) wealth; good; property” [19]. In the Explanatory Dictionary of the Kazakh language by T. Zhanuzakov, the meanings of the word *дүние* (dunie) are presented as follows: “1) the whole world, the world; 2) property, furniture; 3) treasure, wealth, buried treasure; 4) life; 5) a group, a set of natural and social phenomena existing in a certain environment; 6) (In combination with some words) a lot, pretty much, much [18. P. 209].

Phrasemes and paremias with a component *дүние* (dunie) can be categorized into the following groups:

“*world*”: *дүние жүзі* (dunie zhuzi) “the whole world; the globe”, *дүние тану* (dunie tanu) “to know the world”, *дүниенің төрт бұрышы* (duniening tort buryshy) “literally: four sides of the world”, *жан дүниесі* (zhan duniesi) “inner world”, *дүниеге кең* (duniege keng) “a generous person”, *жануарлар дүниесі* (zhanuarlar duniesi) “animal world”, *өсімдіктер дүниесі* (osimdiketr duniesi) “flora”, *рухани дүние* (rukhani dunie) “spiritual world”; *дүние кезді* (dunie kezdi) “to wander”, *дүниенің жартысындай* (duniening zhartysyndai) “huge, literally: like half of the world”;

“*life*”: *жарық дүние* (the bright world), *бұл дүние* (“this” world as opposed to the “beyond the grave”), *дүниеге келу* (to be born; literally: to come into this world), *дүниеден хабары жоқ адам* (a person who is not versed in anything, literally: a person who does not know life), *қайда қалмаған дүние* (where ours did not disappear), *дүниеге бойын алдырды* (to go to all the trouble, to surrender to the temptations of life), *дүние есігін ашты* (to be born, literally: to open door to the world), *дүние есігін теуіп ашты* (to be born, literally: to kick open the door), *дүниені кең салды* (to enjoy life), *дүниені көрді* (to know life), *дүниені қан сасытты* (to destroy, to exterminate, literally: to give the light a bloody smell), *дүниенің азабын/машақатын/бейнетін тартты/шектеді* (to be humiliated), *дүниенің дәм-тұзын татты* (to wander a lot, to know life), *дүниенің тозығы* (life adversity, humiliations), *дүниенің тұтқасын ұстады* (to hold power in his hands), *дүниенің тілін біледі* (about a wise, prudent person, who has seen a lot, literally: he who knows the language of life), *дүниені тәрік қылды* (to be disappointed in life), *дүниені тептірді/дүниені шайқап өтті/шалқытты* (to live a happy life full of pleasures), *дүние өртеніп бара жатса да...* (whatever difficulties, trials be, literally: even if the world is engulfed in fire), *дүниесі тар* (to be preoccupied with something, to concentrate on thoughts about someone, literally: his world is small);

“*death*”: *о дүние* (the afterlife), *дүние салу* (to die, literally: to leave this world), *дүниелік* (a hopeless person (about a sick person), *дүние бақи* (to die, leave this life), *дүниеден өтті /кетті/озды/көшті/жөнелді/қайтты/дүние салды* (to die);

“*frailty*”: *бұл дүниеден кім өтпеген?* (there are no immortals, literally: who has not left this life, from this world?), *дүние сарсаң* (confusion, empty, aimless existence, worthless life), *дүние — шыр айналған бір дөңгелек* (changeable mortal world, literally: life is a rotating wheel), *дүние өтті* (life has passed), *дүние кезек* (In life it is this or that; life is changeable), *дүние боқ/дүниенің боғы* (mortal world, outdated: property, literally: life is shit), *дүние сөзі* (empty talk about everyday trifles), *дүниенің бұты — бір ақ тиын* (life is a penny), *дүние жалған (фәни)* (changeable, mortal world);

“*good/wealth/property*”: *дүние жинау* (to collect property; to collect goods), *дүние шашу* (to be wasteful), *үй ішінің бар дүниесі осы* (this is all the property that is in the house);

“*money-grubbing*”: *дүниеқоңыз* (things; property, literally: wealth is a dung beetle), *дүние қоңыздық* (materialism, philistinism), *дүние қуу* (chase after wealth), *дүниеге қызығу* (be seduced by good), *дүниеге тарлық ету* (to be greedy for good), *дүниенің түбіне жетпессің* (you cannot grab everything, as addressed to the money-grubber), *дүние — көздің құрты* (you cannot resist wealth; wealth is seductive, literally: wealth is an eye worm), *дүниеге көзі тоймаған* (greedy, literally: the eyes were not satiated with goods), *дүниені бір тиын(ға) санамады/есеп көрмеді/дүниені тиын құрлы көрмеді* (did not regret wealth, despise profit) [24. P. 221; 25. pp. 194–196; 19].

The largest group is represented by the phrasemes in which the word *дүние* is actualized in the meaning of “life on earth, existence”. At the same time, we see the development of the semantic volume of the word: “mortal life ↔ wealth, goodness, property ↔ money-grubbing, love of profit”.

Semantic development in the direction of “mortal life” is caused by the semiotic opposition of the sacred and profane “бақи ↔ фәни” (baqı ↔ fәni), in the Kazakh version “о дүние ↔ бұ(л) дүние” (o dunie ↔ bu(l) dүnie), which exists in the religious-philosophical system. The contempt for the mortal, changeable, transient world coming from Sufi asceticism is most pronounced in the combinations of “*дүние боқ/дүниенің боғы*” (dunie boq/dunienin bogy) “*дүние жалған (фәни)*” (mortal world, changeable, perishable world), where the word *жалған* is used in the meaning of “lie, falsehood, untruth”. Used as a definition or predicate, the adjective *жалған* 1) “false; imaginary; fictitious” (*жалған дос* (zhalgan dos) → imaginary friend, *zhangan laagap* → false rumors, *zhangan soz* → false words; false, *zhagan tusinik* → false representation, *zhangan suileu* → tell a lie)” homonymous with the noun *жалған* 2) “outdated: mortal world; life” (*жалғанда жаным сүйген жарым сенсің* (zhaganda zhanim suigen zharym sensin → folklore: you are my beloved in this life (In this mortal world),

(*жалғанды жалпағынан басу* (zhalgandy zhalpagynan basu) → live in grand style, getting all the pleasures) [24. P. 272].

In the Explanatory Dictionary of the Kazakh Language, these words are presented in a slightly different way: *жалған* (i) *жарық дүние, өмір, тіршілік* (zharyq dunie, өmir, tirshilik) “world, life, existence”; *жалған* (ii) 1) *шын емес, алдамшы, өтірік* (shyn emes, aldamshy, өtirik) “fake, changeable, deceptive”; 2) *жай, жасанды* (zhay, jasandy) “artificial, fake” [18. P. 256]. The noun is defined by the author without a mark “outdated”.

The homogeneity of these homonyms (i.e. a single source of their origin) is beyond doubt. The semantic component “fake, false, deceptive” in the word “mortal world, life” did not appear by chance. The concept *жалған* in the Kazakh worldview is used as an opposition to the concept “eternity” in the context of the Islamic doctrine of life and death *фәни* ↔ *бақи* (fәni ↔ baqi). According to the religious view, a short human life is transitory, deceptive, it is just a segment of the path leading to true life — eternity.

The frailty of human life permeates the works of the majority of Kazakh zhyrau (Shalkiz, 15th-16th centuries; Shal Kulekeuly, 18th-19th centuries, etc.), poets of the 19th century (Shakarim Adayberdiyev, Makhambet Utemisov, Shangerey Bokeyev, Murat Monkeuly), in the poetic lines of which the variability, frailty, limitation of human life is included in the concept *дүние жалған* (dunie zhalgan) “mortal, changeable world” [26]. This motive is popular in modern Kazakh song lyrics, and the appearance of the film of the same name “Жалған дүние” (2012) allows us to imagine the degree of relevance of this concept in modern Kazakh linguistic culture.

The frequency of the syntagmatic connection *жалған дүние* “mortal, changeable world” in opposition to the “true, eternal” world (In opposition to *фәни-бақи* (fәni-baqi) contributed to the substantiation of the adjective *жалған* over time, which in the modern Kazakh language is a noun and synonymous with the word *фәни* (fәni) “mortal world”:

жалғанға тоймау (zhalganga toymau) “insatiable to love life”, *жалғанды жалпағынан басу* (zhalgandy zhalpagynan basu) “to live on a grand scale, getting all the pleasures”, metaphor *жалғанның жаннаты* (zhalgannyng zhannaty) “worldly paradise, paradise life”. Thus, the appearance of the homonym *жалған* (i) *жарық дүние, өмір, тіршілік* (zharyq dunie, өmir, tirshilik) “world, life, existence” was affected by the process of rethinking of *жалған дүние* → *жалған* (zhalgan dunie → zhalgan), the so-called substantivation took place.

We observe further development of the semantics of the word *дүние* (dunie) in the groups “good/wealth/property” and “money-grubbing”. The word acquires the utilitarian meaning of “property, wealth”, and numerous phrasemes of the group “money-grubbing” testify to the negative (disapproving, contemptuous) assessment that accompanies the word in this meaning. So, in the combinations of *дүние қоңыз* (dunie kongyz) “things; property”, *дүние қоңыздық* (dunie kongyzdyk) “materialism, philistinism”, the internal form “dung beetle” reminiscent of the

scarab beetle (*қоңыз* (kongyz) “beetle”), is clearly presented. The paremia *дүние — көздің құрты* (dunie — kozding kurty) “one cannot resist wealth”; “wealth is a temptation” figuratively compares wealth to a worm that eats away the eye.

The derivatives of the word *дүние* are mostly represented with a semantic component “property”, including a negative assessment as well: *дүние-ай* (dunie-ai) “oh, life” (with regret), *дүниетану* (dunietanu) “world cognition”, *дүниелі* (dunieli) “prosperous”, *дүниелік* (dunielik) “property”, *дүниелік дүние/мал* (dunielik dunie/mal) “prosperity, wealth”, *дүние-мүлік* (dunie-mulik) “all property”, *дүниежанды* (duniezandy), *дүниешіл* (dunieshil) “muckworm”, *дүниеқор* (duniekor) “curmudgeon”, *дүниеқорлану* (duniekorlanu) “to hoard”, *дүниеқорлық* (duniekorlyk) “greed”.

Thus, the semantic structure of the lexeme *дүние* consists of the components ‘false’, ‘untrue’, ‘deceitful’, ‘changeable’, ‘abused’ (In relation to the meaning “life on earth”), as well as axiological notions ‘disapproving’, ‘contemptuous’ (In relation to the meaning “property”).

We observe a significant expansion of the semantic volume on the example of the religious term *иман* (iman). “Iman” is the most important, main pillar, the spiritual foundation of Islam” [27]. The religious meaning of the term *иман* is indicated in Mukhitdinov’s dictionary: “Iman is a religious conviction, faith. This word as a term means indisputable belief in everything that was commanded to believe by Allah and his prophet ..., and the proof of this in practice by actions” [10. P. 39].

“The manifestation of cultural and national semantics in the collective consciousness through linguistic units” shows that *иман* has turned into a “national cultural concept” in Kazakh linguistic culture [28. P. 192].

According to Nurtazina, “the nomadic way of life did not prevent its representatives from assimilating religious morality, the ideas of Sharia, and realizing themselves as Muslims (that is, to accept “iman”) [27]. In Islam, for conversion, it is considered sufficient to accept and pronounce aloud the formula of the confession “La ilaha illa Allah Muhammad rasul allah” (“There is no God but Allah, and Muhammad is his prophet”) <...>. The confession of faith was pronounced in various versions and in the native language: *Ұрқым мұсылман, дінім ислам, Алла бір, Құран шын, Пайғамбар хақ, құбылам Қазба* (Urkyum musylman, dinim Islam, Alla bir, Quran shyn, Paygambar khak, Kubylam Kagba) “A Muslim by birth, religion is Islam, Allah is the only, the Quran is true, the Prophet is true, qibla — Kaaba” or simply *Алла бір, Құран шын, Пайғамбар хақ* (Alla bir, Quran shyn, Paygambar hak). The popularity of words “Bismillah al-Rahman al-Rahim” (In the name of Allah, most gracious and most merciful) without which no business began, the saying *Сөздің басы бісмілла, бісмілласіз іс қылма* (Sozdin basy bismilla, bismillasiz is qylma) “The beginning of speech is Bismillah, don’t do anything without it” among Kazakhs speaks about their adherence to Muslim religion [27. P. 13].

Earlier “Kazakhs . . . had a special type of religious consciousness and behavior, in many respects close to the ideal of Sufism, in which morality, conscience *ар-ұждан* (ar-uzhdan) came to the fore, and the ritual side was considered secondary” [27. P. 114]. This opposes the true religiosity of nomads to ostentatious religiosity of sedentary Muslims at the end of the 18th-19th centuries — the period of the crisis of Muslim civilization, when “among the sedentary Muslims, many evils flourished, carefully covered by external, ostentatious religiosity” [27. P. 114].

And further: “The best proof of the Islamization of the popular consciousness is the spiritual heritage of the Kazakh Middle Ages, which shows the indissolubility of all spheres of Kazakh culture from their spiritual core — *иман* (iman) “faith” — the creed of a Muslim, the “heart” of the Muslim religion” [27].

The fact that the concept *иман* (iman) “faith” has acquired a conceptual-value character in the Kazakh language has become a key category of the traditional moral and ethical system, evidenced by the analysis of the linguistic material.

According to modern dictionaries, *иман* means 1) faith (one of the five commandments of Islam, the belief that there is no other god but Allah; faith, religious convictions); 2) honesty, decency, conscientiousness; humanity; 3) conviction. *Имандай* (imandai) denotes 1) as a symbol of faith (In Allah) 2) true, honest; *имандай сырым осы!* I honestly admit (In my thoughts, actions). *Иманды* (imandy) means 1) believer, righteous; 2) conscientious, honest, decent. <...> *Имансыз* (imansyz) denotes 1) unbeliever, apostate; 2) dishonest, shameless. *Имансыздық* (imansyzdyk) means 1) disbelief in God; 2) dishonesty [24. P. 347].

The phrasemes and plemias give similar meanings:

“faith”: *иман айту* (iman aytu) “to recite a prayer of death before death”, *иманын үйіру* (imanyn uyiru) “to lead to faith before death”, *иманы жолдас/кәміл/саламат болсын!* (imany zholdas/kamil/salamat bolsyn! “wish to the deceased: may faith be with him!” *иманын берсин!* (wish to the deceased: may Allah give faith), *иман сұрау/тілеу* (iman surau/tileu) “wait for the best, ask for faith”, *иманды құлға жолықсын / иманды құл кез келгір* (imandy qulga zholyqsyn/imandy kez kelgir) “wish: let him meet a believing slave (of God), *иман келтіру* (iman keltiru) “believe; accept Islam”, *иман салу* (iman salu) “read the verses of the Quran at the head of a dying person”, *иман табу* (iman tabu) “become a believer”;

“righteousness, honesty, decency, conscience, humanity”: *иманды адам/кісі* (imandy adam/kisi) “righteous, decent, conscientious, honest person”, *ұят кімде болса, иман сонда* (uyat kimde bolsa, iman sonda) “who is conscientious, he fears God”, *иманы жоқ* (imany zhoq) “shameless, dishonest, impudent”, *иманы бар* (imany bar) “decent, conscientious, humane”, *иман жүзді* (iman zhuzdi) “friendly person”, *иманмен қаптап қойғандай* (imanmen qaptap koyganday) “righteous, literally: as if covered with iman”, *иманы бетінде үзіліп тұр* (iman betinde uzilip tur) “modest, respectful, educated”, *иманын таразыға салу* (imanyn tarazyga salu) “evaluate, weigh”, *бетінен иманы тамған* (betinen imany tamgan) “a fair, decent person; friendly, with pure intentions”;

“conviction”: *иманы кәміл болды* (imany kamil boldy) “to be deeply convinced”, *ол иманына берік* (ol imanyuna berik) “he is faithful to his conviction”, *иманындай сақтау* (imanyndai saqtau) “to keep a secret, literally: to protect like faith”, *иманын сату* (imanyн satu) “to betray”);

“mental balance/imbalance”: *иманын ұшырды/иманы ұшып кетті /иманы қалмады/, иманы қапты* (imanyн ishyrды/imany ushyр ketti/imany kalmady/imany kashty) “very frightened”, *иманы қасым болды* (imany kasym boldy) “very frightened, horrified”, *иманы таяқтай болды* (imany tayqtay boldy) “to be horrified”, *иманы түршікті* (imany turshikti) “shudder, the hair stood on end”, *иманы тас төбесінен шығу* (imany tas tobесinen shygu) “very much frightened, literally: iman came out through the top of the head”, *иманы таразы қалыпқа келу* (imany tarazy qalypka келu) “calm down, come to his usual state” [24. P. 347; 25. pp. 301–303; 19].

In the semantics of phrasemes and pemiias of the latter group, derived meanings associated with the “loss” of *иман* (iman) are found. The internal form of Kazakh phrases testifies that *иман* can “fly away”, “run away”, “disappear”, “freeze (like a stick)”, “go out through the crown of the head” reflecting the different degrees of fear experienced by a person. Phraseological unit *иманы таразы қалыпқа келді* (imany tarazy kalyпка keldi) “calm down, come to your usual state” literally means “(his) iman came into balance”.

Thus, the presence of iman in a person means security, peace of mind, harmony, while its loss causes a feeling of fear and horror.

The semantic component ‘justice’ is contained in pemiia with the word *иман* widespread during the period of the institute of biys: *Тура биде туган жоқ, туганды биде иман жоқ* (Tura bide tугan zhoq, tugandy bide iman zhoq “A fair biy has no relatives, a biy who reckons with kinship is unfaithful”.

Biy was an arbitrator who administered justice in the Kazakh steppe until the introduction of Russian administrative courts in the second half of the 19th century. Muslim ethics and philosophy were at the basis of sermons, winged words of Kazakh biys, who created a specific genre of Kazakh poetry — *билік сөзі* (bilik sozi) “biys’ words”. Biys were “educated, well versed in Sharia (which was the basis of legislation in the Kazakh state)”. They “keenly grasped the essence of the doctrine and Muslim law, adapting it to the specifics of the situation, folk customs” [27. P. 105].

Biy-orators were only those people who strictly followed the principles of honesty, incorruptibility, justice, irreconcilability to godlessness. Unlike modern judges, in the steppe judicial practice, biys were not appointed, but were elected by the people. When solving litigations, disputes, and the parties agreed on which biy they would turn to, after which the biy’s decision was made by both parties unconditionally. The crisis of this form of steppe democracy was caused in the 19th century by the introduction of administrative-colonial rule in the Kazakh steppe. The highest justice demanded to be above clan and tribal relations. In this

respect, the Kazakh biys stood on the positions of religious universalism” [27. P. 105]. Biys Tole, Ayteke, Kazybek, Zilqara, Baidibek, Shabanbai, Edige, Boltirik, Baizhigit and others, like the steppe poets-zhyrau, condemned the indulgence of their ego — *nafs* (*һәңси*) followed the norms.

Thus, in the traditional religious and ethical system of the Kazakh people, *иман* (*iman*) supposes not only “faith in Allah”, and *имансыз* (*imansyz*) — not only “unbeliever”. The semantic structure of the Kazakh lexeme *иман* (*iman*) “faith” contains the components “righteousness”, “humanity”, “conscientiousness”, “moral rectitude”, “honesty”, “fairness”, “modesty”, “friendliness”, “purity of intentions”, “harmony of soul”, “conviction”, “devotion”, “faith” — moral traits as key categories of ethnic culture based on humanistic principles.

The authors conducted a free associative experiment among the native speakers of the Kazakh language, including Kazakh-Russian bilinguals [14] within the framework of the comprehensive study of the concept of Islam based on the semantic-cognitive method [29–30]. The results of the experiment confirmed that the Arabic-Iranian borrowings analyzed in the present study exist among semantic features of the concept “Islam” ($n=877$) in the linguistic consciousness of the Kazakhs. In particular, the lexemes *имандылық* / “humanity and its norms, morality” and *иманды* / “1) believer; righteous; 2) conscientious; fair; decent” were found among other similar reactions in the respondents’ answers to the word-stimulus *Islam*: *иман* (faith) — 43; *имандылық* (piety, righteousness) — 32, *тазалық* (purity) — 13; *верующий* (believer) — 4; *адалдық* (honesty), *адамгершілік* (humanity), *жүрек* (heart), *ниет* (intention), *иманды* (believer, righteous), *мейірімді* (kind), *мәдениет* (culture), *адамды тәрбиелеу* (education of man), *руханилық дін* (pure religion), *өте жақсы дін* (a very good religion), *адамды дұрыс жолға салатын дін* (religion leading a person on the right path), *ақ жүрек* (sincere, kind), *тәубеге келу* (repentance), *мейірім* (good), *мейірімділік* (kindness), *верность* (loyalty), *верный* (faithful), *жақсылық* (good), *сабырлық* (patience, restraint), *сыйластық* (mutual respect), *сапалық* (quality), *татулық* (harmony), *қамқорлық* (care), *дружелюбие* (friendliness), *кішіпейіл* (modest, courteous), *шыншыл* (honest), *бейбітшілік* (peace), *спокойствие* (calmness), *тлеулес* (well-wisher), *тәрбие* (education), *тәлім-тәрбие* (upbringing, training), *имандылыққа тән* (characteristic of God-fearing), *имандылық қазаққа тән* (piety characteristic of the Kazakhs), *таза* (clean), *ең таза* (the cleanest), *чистый* (clean) — 1 [14. P. 142].

Thus, the analysis of semantic development of Arabic-Iranian borrowings in the Kazakh language confirmed that the spiritual and ethical culture of the Kazakh people was largely formed under the influence of Muslim ethics, and many modern Kazakh terms and word usage of the ethical and philosophical plan go back to Muslim terminology. The study findings go in line with Manczak [31], stating that number of meanings of a word borrowed from one language into another diminishes. Arabic borrowings in Kazakh have fewer meanings in Kazakh than in Arabic.

Conclusions

The Arabic-Iranian vocabulary borrowed by the Kazakh language makes up a significant layer of the modern Kazakh lexicon and covers almost all spheres of life.

The analysis of examples of the functioning of Arabisms and Iranisms in the modern Kazakh language shows that Muslim terminology, having penetrated at one time along with the Muslim spiritual and religious culture, has been reinterpreted over time. The reinterpretation of the Arabic-Iranian vocabulary in the Kazakh language included desacralization of the concepts and narrowing of their meanings. At the same time the analysis of a number of lexemes indicates a significant expansion of their semantic volume, as the Muslim terminology, having lost its religious content over time, entered the literary Kazakh language to denote various concepts of spiritual (ethical) culture.

However, introduction of the Kazakh people to the traditional spiritual and religious culture and Muslim ethical literature due to revival of religious consciousness in the 20th century expanded the semantic scope of a number of Arabisms in the Kazakh language because of the parallel use of lexemes in their original religious meaning and to designate moral and ethical concepts.

The study results are employed in the development of a methodology for teaching Kazakh as a foreign language through a system of ethnocultural units. The development and implementation of this methodology is facilitated by the rationale for including the words under study, associated with ethical categories and spiritual and moral values.

References

1. Ilminskiy, N.I. (1861). Introduction to reading in the course of Turkish-Tatar language. *Scientific notes of Kazan University*, 3, 60–176. (In Russ.).
2. Talzhanov, S. (1936). On the impact of Persian language on Kazakh. *Linguistic Collection*, 2, 32–41. (In Russ.).
3. Mussabayev, G.G. (1959). *Modern Kazakh language: in 3 parts: Textbook on Kazakh lexis for faculty of philology of pedagogical HEI and universities*. Alma-Ata. (In Russ.).
4. Sabitov, N.G. (1944). *On Arabic and Iranian Borrowings in Kazakh*. Alma-Ata. (In Russ.).
5. Kuryshzhanov, A. (1962). Arabic-Persian Elements in Kumyk Language. *Issues on History and Dialectology of the Kazakh Language*. (In Russ.).
6. Rustemov, L.Z. (1991). *Arabic-Iranian borrowings in Kazakh*. Alma-Ata: KSU.
7. Rustemov, L.Z. (1963). *A word about word. Notes on Arabic-Iranian Borrowings in the Kazakh Language*[dissertation]. Almaty: Rauan. (In Kaz.).
8. Burkitbai, G.Zh. (2003). *Lexicographic manifestation of Arabisms in Kazakh explanatory dictionaries* [dissertation]. Almaty. (In Kaz.).
9. Ondasynov, N.D. (2010). *Arabic-Kazakh Explanatory Dictionary*. In: A.T. Kaidarov. Almaty: Bilim. (In Kaz.).
10. Mukhitdinov, R.S. (2012). *Dictionary of Religious Terms*. Almaty: Kazakh University. (In Kaz.).
11. Nurtazina, N.D. (2009). *Islam in Kazakh Khannate*. Almaty: Kazakh University. (In Russ.).

12. Sultangalieva, A.K. (1998). *Islam in Kazakhstan: history, ethnicity and society*. Almaty: Kazakh institute of strategic research under President of RK. (In Russ.).
13. Al-Gazali, A.Kh. (2009). *Kimija-ji-sa'adat. Elixir of happiness. Classical Sufi study*. Kazan: Academy of knowledge. (In Russ.).
14. Zhanpeissova, N.M. (2016). *Concept Islam in the Kazakh Concept Sphere*. Almaty: Nur-Print. (In Russ.).
15. Philosophical Encyclopaedic Dictionary. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/ (accessed: 20.10.2022) (In Russ.).
16. Farahi, M. (1998). *Tafāsīr*. Lahore: Faran Foundation.
17. Denny, F.M. (2015). *An Introduction to Islam*. Taylor & Francis.
18. Explanatory dictionary of the Kazakh language (2008). T. Zhanuzakov (Ed.). Almaty: Daik Press. (In Kaz.).
19. Kazakh-Russian and Russian-Kazakh online dictionary. URL: <http://sozdik.kz/ru/dictionary/translate/kk/ru/> (accessed: 20.10.2022). (In Russ.).
20. Baalbaki, R. (1995). *Al-Mawrid. A Modern Arabic-English Dictionary*. Lebanon: Dar El-Ilm Lilmalayin.
21. Topbash, O.N. (2008). *From Iman to Ikhsan*. Almaty: Khikmet. (In Russ.).
22. Zhirenov, S.A. (2007). Cognitive characteristics of the concept Dunie (life) in language. *Tiltanym*, 1(25), 130–135. (In Kaz.).
23. Nurdauletova, B.I. (2008). *Conceptual image of world in zhyrau poetics* [dissertation]. Almaty. (In Kaz.).
24. Kazakh-Russian Dictionary. (2008). R.G. Syzdykova., K.Sh. Khusain (Eds.). Almaty: Daik Press. (In Rus.).
25. Kenesbayev, I. (2007). *Dictionary of Praseology*. Almaty: Arys. (In Kaz.).
26. Zhumagul, S.B. (2012). Clever quick my sultan. Newspaper Mother tongue. URL: <http://anatili.kz/?p=10073> (accessed: 20.10.2022). (In Russ.).
27. Nurtazina, N.D. (2008). To accept a nomad as a muslim. <http://dalaruh.kz/articles/view/312> (accessed: 20.10.2022). (In Russ.).
28. Abdrakhmanova, K.Kh. (2012). Concept *God* in national cognition and Yassawi's "Diuani Hikmet". *Journal of Tajik National University*, 4/6 (97), 191–194. (In Russ.).
29. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2007). *Cognitive linguistics*. Moscow: AST: East-West. (In Russ.).
30. Kuzembayeva, G., Maigeldiyeva, Zh., & Maydangalieva, Zh. (2022). The Perception of Medical Doctors on the Part of Hindu, Russian and Kazakh Linguoculture Bearers: Association Experiment. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(2), 567–580. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-567-580>
31. Manczak, W. (2011). Semantic development of borrowings. *Historical Semantics — Historical Word-Formation*. In: J. Fisiak (Ed.). Berlin, New York: De Gruyter Mouton, pp. 367–376. <https://doi.org/10.1515/9783110850178.367>

Библиографический список

1. Ильминский Н.И. Вступительное чтение в курсе турецко-татарского языка // Ученые записки Казанского университет. Т. 3. Казань, 1861. С. 60–176.
2. Талжанов С. К вопросу о влиянии персидского языка на казахский // Лингвистический сборник. 1936. Вып. 2. С. 32–41.
3. Мусабаяев Г.Г. *Современный казахский язык*. Алма-Ата: Изд-во АН Каз ССР, 1959.
4. Сабитов Н. Об арабских и иранских заимствованиях в казахском языке. Алма-Ата: Изд-во АН Каз ССР, 1944.
5. Курьшижанов А.К. Арабо-персидские элементы в куманском языке (На материале лексики) // Вопросы истории и диалектологии казахского языка. 1962. Выпуск 4.

6. *Рустемов Л.З.* Сөз туралы сөз / Слово о слове: Заметки об арабско-иранских заимствованиях в казахском языке. Алма-Ата: Рауан, 1991.
7. *Рустемов Л.З.* Арабо-иранские заимствования в казахском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата: Изд. Казах. гос. ун-та, 1963.
8. *Бүркітбай Г.Ж.* Қазақ тілі түсіндірме сөздіктерінде арабизмдердің лексикографиялануы: филол. ғылым. ... канд. диссертация. Алматы, 2003.
9. *Оңдасынов Н.Д.* Арабша-қазақша түсіндірме сөздік: қазақ тіліндегі араб сөздері / Жалпы ред. бас. акад. Ә.Т. Қайдаров. Алматы: Білім, 2010.
10. *Мухитдинов Р.* Діни терминдердің сөздігі. Алматы: Қазақ университеті, 2012.
11. *Нұртазина Н.Д.* Ислам в Казахском ханстве (XV–XVIII вв.). Алматы: Қазақ университеті, 2009.
12. *Султанғалиева А.К.* Ислам в Казахстане: история, этничность и общество. Алматы: Казахский институт стратегических исследований при Президенте РК, 1998.
13. *Аль-Газали А.Х.* Кимийа-йи-са'адат (Эликсир счастья). Классическое суфийское учение. Казань: Академия познания, 2009.
14. *Жанпейсова Н.М.* Концепт ислам в казахской концептосфере. Алматы: Нур-Принт, 2016.
15. Философский энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/ (дата обращения: 20.10.2022).
16. *Farahi M.* Tafāṣīr. Lahore: Faran Foundation, 1998.
17. *Denny F.M.* An Introduction to Islam. Taylor & Francis. Routledge, 2015. <https://www.perlego.com/book/2192655/an-introduction-to-islam-pdf> (дата обращения: 20.10.2022). (Original work published 2015).
18. Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі / Жалпы редакциясын басқарған Т. Жанұзақов. Алматы: Дайк Пресс, 2008.
19. Казахско-русский и русско-казахский онлайн-словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sozdic.kz/ru/dictionary/translate/kk/ru/> (дата обращения: 20.10.2022).
20. *Vaalbaki R.* Al-Mawrid. A Modern Arabic-English Dictionary. Lebanon: Dar El-Ilm Lilmalayin, 1995.
21. *Топбаши О.Н.* Тасаввуф: от имана к ихсану : пер. с турецкого. 1-е изд.. Алматы: Хикмет, 2008.
22. *Жиренов С.А.* Тілдік қолданыстағы Дүние концептісінің танымдық сипаты // Тілтаным. 2007. 1 (25). 130–135.
23. *Нұрдаuletова Б.И.* Жыраулар поэтикасындағы дүниенің концептуалдық бейнесі. Филол. докт. дисс. Алматы, 2008.
24. Kazakh-Russian Dictionary. Казахско-русский словарь / под ред. Р.Г. Сыздыковой, Л.Ш. Кусайын. Алматы: Дайк Пресс, 2008.
25. *Кеңесбаев І.* Фразеологиялық сөздік. Алматы: Арыс, 2008.
26. *Жұмағұл С.Б.* Алғыр жүйрік сұлтаным... (2012). Ана тілі газеті [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://anatili.kz/?p=10073> (дата обращения: 20.10.2022).
27. *Нұртазина Н.Д.* Признать кочевника мусульманином [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dalaruh.kz/articles/view/312> (дата обращения: 20.10.2022).
28. *Абдрахманова К.Х.* Концепт Бог в национальном миропонимании и в произведении Кожа Ахмета Яссави “Diواني Hikmet” // Journal of Tajik National University. 2012. № 4/6 (97). С. 191–194.
29. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. М.: Аст: Восток-Запад, 2007.
30. *Kuzembayeva G., Maigeldiyeva Zh., Maydangalieva Zh.* The Perception of Medical Doctors on the Part of Hindu, Russian and Kazakh Linguoculture Bearers: Association Experiment // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2022. № 13(2). P. 567–580. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-567-580>
31. *Manczak W.* Semantic development of borrowings / Historical Semantics — Historical Word-Formation // Fisiak (Ed.). Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 2011, pp. 367–376. <https://doi.org/10.1515/9783110850178.367>

Information about the authors:

Naziya M. Zhanpeissova, Doctor in Philology, Professor of the Department of Foreign Languages and Literature of Baishev University (Aktobe, Kazakhstan); *Research interests*: Cultural Linguistics, Comparative Linguistics, Cognitive Linguistics, Bilingualism, Intercultural Communication, Sociolinguistics; *e-mail*: nazija040658@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0690-5172

Gulzhana A. Kuzembayeva, Candidate of Philology, Doctor in Philosophy (PhD), Associate Professor of the Department of English and German Languages, K. Zhubanov Aktobe Regional University; *Research interests*: Psycholinguistics, Linguoculturology, Comparative Linguistics; *e-mail*: kuzembayeva@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8964-3683; eLIBRARY SPIN: 1510–2232.

Zhumagul A. Maydangalieva, Candidate of Pedagogical Sciences, Doctor in Philosophy (PhD), Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Literature of Baishev University; *Research interests*: Comparative Linguistics, Linguoculturology, Methods of Teaching the Russian Language and Literature; *e-mail*: maydangalieva@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3189-8880; eLIBRARY SPIN: 4996–8927.

Сведения об авторах:

Жанпеисова Назия Маденовна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и литературы, Баишев Университет (Актобе, Казахстан); *сфера научных интересов*: лингвокультурология, сравнительное языкознание, когнитивная лингвистика, билингвизм, межкультурная коммуникация, социолингвистика; *e-mail*: nazija040658@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0690-5172

Кузембаева Гульжана Айтжановна, кандидат филологических наук, доктор философии (PhD), доцент кафедры английского и немецкого языков, Актюбинский региональный университет имени К. Жубанова; *сфера научных интересов*: психолингвистика, лингвокультурология, сравнительное языкознание; *e-mail*: kuzembayeva@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8964-3683; eLIBRARY SPIN-код: 1510–2232.

Майдангалиева Жумагуль Алдияровна, кандидат педагогических наук, доктор философии (PhD), доцент кафедры иностранных языков и литературы, Баишев Университет; *сфера научных интересов*: сравнительное языкознание, лингвокультурология, методика преподавания русского языка и литературы; *e-mail*: maydangalieva@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3189-8880; eLIBRARY SPIN-код: 4996–8927.

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-1-123-134

EDN: QHZGLV

УДК [811.14:811.161.1]’373.43:578.834.1:616-036.21

Научная статья / Research article

Новые слова в греческом и русском языках в период пандемии COVID-19

В.Г. Урумиду

Афинский национальный университет им. И. Каподистрии,
Афины, Греция

 ouroumidou@slavstud.uoa.gr

Аннотация. Описание фактов лексической динамики коронавирусного периода сосредоточено на выявлении сходств и различий в лингвистической практике неологизации греческого и русского языков. Через призму воздействия глобальных процессов рассматриваются особенности вхождения заимствованных слов в употребление и последующее освоение новой лексики в современном социокультурном контексте данных языков. Исследование проводится на лексико-семантическом, словообразовательном и частично на морфологическом уровнях. Материалом для наблюдений послужила лексика, извлеченная из лексикографических источников. Новизной работы является сопоставительный анализ, выявивший на материале описываемой лексики общие для исследуемых языков процессы, например, пополнение словаря путем заимствования из одного языка-источника, так и специфические для каждого языка процессы, как например, обратные заимствования в греческом языке. На основе проведенного анализа новой лексики греческого и русского языков можно сделать вывод о том, что большинство неологизмов в этих языках происходят из английского языка — источника коронавирусной лексики во многих языках. При этом на фоне определенных сходств протекания процессов проникновения новых элементов в исследуемые языки, дальнейшее освоение лексических единиц в каждом языке имеет индивидуальный характер и особенности, которые часто активизируют собственные механизмы неологизации.

Ключевые слова: языковые контакты, заимствования, неологизмы, терминология, греческий язык, медицинская лексика, словообразование

История статьи:

Дата поступления: 01.08.2022

Дата приема в печать: 15.12.2022

Для цитирования:

Урумиду В.Г. Новые слова в греческом и русском языках в период пандемии COVID-19 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 1. С. 123–134. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-123-134>

© Урумиду В.Г., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

New Words in Greek and Russian During the COVID-19 Pandemic

Victoria G. Ouroumidou

National and Kapodistrian University of Athens,
Athens, Greece

 ouroumidou@slavstud.uoa.gr

Abstract. The description of the facts of the lexical dynamics of the coronavirus period focuses on identifying similarities and differences in the linguistic practice of neologization of Greek and Russian languages. The features of the incorporation of loanwords and the subsequent adaptation of new lexical items in the modern socio-cultural context of these languages are considered through the prism of the impact of global processes. The research is conducted at the lexical-semantic, word-formation, and partially morphological levels. The material of the research was taken from lexicographic sources of modern Greek and Russian languages. The comparative analysis revealed processes common to both languages, such as vocabulary replenishment by borrowing from the same source donor language, and processes specific to each language, such as reborrowing in Greek in a different form or with a different meaning. Based on this analysis, we can conclude that most of the neologisms in these languages come from English, the donor language of the coronavirus lexicon in other languages. At the same time, despite certain similarities in the processes of penetration of new elements into Greek and Russian, the further assimilation of lexical units in each language has an individual character and features that often activate their own mechanisms of neologization.

Keywords: language contact, loanwords, borrowings, neologisms, terminology, Greek, medical terms, word-formation

Article history:

Received: 01.08.2022

Accepted: 15.12.2022

For citation:

Ouroumidou, V.G. (2023). New Words in Greek and Russian During the COVID-19 Pandemic. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(1), 123–134. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-123-134>

Введение

В период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 традиционные для развития языков процессы стали проходить с невероятной скоростью, а языковые изменения оказались синхронными в определенной степени для многих языков. Социальные причины и последствия этих изменений, прежде всего, нашли свое отражение на лексическом уровне. Стало очевидно, что такие лексические процессы, как появление новых слов и словосочетаний, формирование новых значений, переход терминов в разряд общеупотребительной лексики и рост частотности употребления редких слов, вызваны внеязыковыми причинами и обусловлены глобальностью происходящих событий.

В данном исследовании в контексте взаимодействия и взаимообогащения языков рассматривается проблема языковых изменений на лексическом уровне в греческом и русском языках в период пандемии. В рамках сопоставительного анализа дается характеристика основных особенностей лексики, изучается проблема лексического заимствования как универсальное языковое явление и проблема его адаптации как индивидуальное, внутрисистемное явление.

Основными лексикографическими источниками данного исследования стали специализированные словари греческого и русского языка, такие как: «Англо-греческий и греко-английский глоссарий терминов пандемии COVID-19» (издание 13, содержащее 1397 слов)¹; «COVID-19: το λεξικό» («COVID-19: словарь»), который содержит 650 словарных статей, слов и понятий²; «Словарь русского языка коронавирусной эпохи», в котором представлено около 3500 слов, появившихся или актуализированных в русском языке в 2020–2021 гг.³

Языковые контакты: история и современность

Одним из главных условий языковых контактов традиционно считается наличие контакта языка-реципиента и языка-источника, при этом особой, и не менее важной, составляющей взаимодействия языков народов является расположение общества к принятию заимствований [1. С. 142]. На протяжении исторического развития как греческий, так и русский языки сталкивались с влиянием других языков и культур. Если говорить о языковых контактах новогреческого языка, то для него источником заимствований до Второй мировой войны служил французский язык, который долгое время дипломатия считала языком международных отношений. После войны языковая ситуация поменялась. Международная роль французского языка ослабла вследствие расширения влияния и роста престижа английского языка. Таким образом, английский стал языком-источником заимствований для многих языков, в том числе и для греческого. Более того, из английского в греческий проникали слова, связанные с другими культурами — бывшими колониями англичан [2. С. 140]. Однако несмотря на это процессы заимствования лексики из французского языка не прекращались, но уже имели меньший масштаб.

¹ Αγγλοελληνικό και ελληνοαγγλικό γλωσσάριο όρων της πανδημίας COVID-19 Έκδοση 13 (1397 λέξεις), Ελληνική Εταιρεία Ορολογίας Γενικό Επιστημονικό Συμβούλιο (ΓΕΣΥ), 2022. Режим доступа: http://www.eleto.gr/download/Bodies/COVID-19_ELETO-Glossaries.pdf (дата обращения: 15.07.2022).

² Κατσογιάννου Μ., Στεφανίδου Ζ. COVID-19: το λεξικό. Αθήνα: Kavvadia Crew Publications, 2020. Режим доступа: <https://covid19.algolysis.com/glossary> (дата обращения: 15.07.2022).

³ Словарь русского языка коронавирусной эпохи, М.Н. Приемышева (отв. ред.). СПб.: Ин-т лингв. исслед. РАН, 2021.

Относительно русского языка в это период складывается совершенно другая ситуация. Из-за охлаждения отношений между СССР и западными странами после 1945 года новые лексические заимствования не принимались, а уже укоренившиеся изгонялись из употребления. В 60-х годах, как отмечает Л.П. Крысин, отношение к иноязычным словам стало терпимым. И только после распада СССР образовались политические, экономические и культурные условия, активизировавшие связи между народами и способствовавшие принятию и употреблению иноязычной лексики в разных сферах жизнедеятельности [1. С. 142].

Из английского языка, выступающего в качестве средства международного общения, во многие языки, и в том числе в исследуемые, продолжает заимствоваться лексика. В период пандемии COVID-19 интенсивность этих процессов возросла. В греческом и русском языках активно стали употребляться лексические заимствования в разных сферах деятельности, а на основе интернациональных слов и морфем динамично образовываться новые производные.

Ключевые слова и понятия эпохи пандемии COVID-19

С самого начала пандемии, последствия которой мы сейчас переживаем, возникла необходимость создать новые термины для описания современной научной и социальной реальности⁴, а также интерпретировать старые, которые использовались с обновленным значением или не были известны и понятны широкой общественности. Так, основу дискурса периода пандемии в современном греческом и русском, как и в других языках, составила незнакомая медицинская лексика и научная терминология, которые пришлось понять и освоить за короткое время, чтобы эффективно общаться в контексте новой ситуации и нормы.

С самого начала дискуссия развернулась между учеными и экспертами в сфере языка и здравоохранения, вокруг новых понятий и терминов, происходящих преимущественно из английского языка. По мере того как распространялся вирус, многие термины стремительно осваивались в общеупотребительном лексиконе национальных языков, а некоторые из них, в силу частотности употребления, стали ключевыми в контексте пандемии COVID-19.

В рамках данной статьи исследование ключевых слов периода пандемии представляется важным, поскольку именно эти слова, в первую очередь, обозначают явления и понятия, находящиеся в фокусе социального внимания, во-вторых, широко используются в процессах словообразования как базовые основы и, наконец, оказывают воздействие на отношения между словами в лексико-семантической системе языка [3. С. 92].

⁴ См., например, работу Zholobova, A. (2021). Linguistic innovation during the COVID-19 pandemic. *XLinguae*, 14 (2), 331–349. <https://doi.org/10.18355/XL.2021.14.02.24>

Пандемия COVID-19 и терминология

Медицинская лексика, которая ранее имела узкую сферу употребления, стала массово обсуждаться в СМИ и пользователями интернета, и тем самым привлекла внимание лингвистов. При этом главным термином-интернационализмом, который перешел из узкой профессиональной сферы в общеупотребительный лексикон, можно по праву считать название заболевания — *coronavirus* (мед. латынь) — *κορονοϊός* (греч.) — *коронавирус* (рус.). Вопрос о том, как правильно писать в национальных языках заимствованное из английского языка слово *coronavirus*, оказался первым в ряду лингвистических проблем, вызванных пандемией.

В греческом языке слово *κορονοϊός* является словообразовательной калькой, сложным образованием, созданным путем перевода морфем английского *coronavirus*: *κορονοϊός* < *κορόν(α)* + *-ο-* + *ϊός* < *англ. coronavirus*. В указанных выше словарях зафиксировано 4 варианта написания этого термина/сложного слова: (1) *κορονοϊός*, (2) *κοροναϊός*, (3) *κορωνοϊός*, (4) *κορωναιϊός*. Интересно отметить, что каждый тип имеет свое обоснование произношения и правописания. Тип (1) *κορονοϊός* состоит из двух греческих слов «*κορόνα*» (*корона*) и «*ϊός*» (*вирус*), основы которых объединены соединительной гласной *-ο-*. С одной стороны, именно этот вариант произношения и написания соответствует правилам словосложениям греческого языка (например, *θάλασσα + ταραχή = θαλασσοταραχή και κάρτα + τηλέφωνο = καρτοτηλέφωνο*)⁵, приводится в словарях первым и, согласно статистическим данным Национального корпуса греческого языка (Εθνικός Θησαυρός Ελληνικής Γλώσσας), считается самым употребительным⁶. График ниже наглядно иллюстрирует процентное соотношение использования всех возможных вариантов:

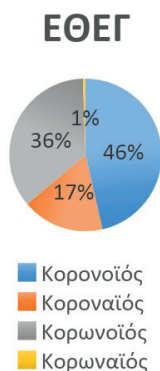

Рис. 1. Процентное соотношение использования слова *κορονοϊός*

Figure 1. Percentage of the use of the word *κορονοϊός*

⁵ Κατσογιάννου Μ., Στεφανίδου Ζ. COVID-19: το λεξικό. Αθήνα: Kavvadia Crew Publications, 2020. Режим доступа: <https://covid19.algolysis.com/glossary> (дата обращения: 15.07.2022).

⁶ Εθνικός Θησαυρός Ελληνικής Γλώσσας (ΕΘΕΓ) Режим доступа: http://hnc.ilsp.gr/index.php?current_page=main (дата обращения: 15.07.2022).

С другой стороны, словосложение греческого языка не исключает сохранения окончания **-α** в первой части сложного слова (*αγοραφοβία*, *αγοραπωλησία* и *αγορανομία*), как в типе (2) *κορωναϊός*, который подчинен аналогии следующих моделей сложных слов (словообразовательных калек): *αρεναϊός* < *arenavirus* (в англ. возможен вариант *arenovirus*), *παπιλομαϊός* < *papillomavirus*, *παποβαϊός* < *parovavirus*, *πικορναϊός* < *picornavirus*, *τογκαϊός* < *togavirus*. Однако, как правило, **-α** сохраняется в сложных словах, образованных из слов (основ) иноязычного происхождения, а соединительной гласной **-ο** отдается предпочтение в сложных образованиях, созданных из слов и морфем греческого происхождения.

Варианты (3) *κορωνοϊός* и (4) *κορωναϊός*, с точки зрения словообразования, соотносятся с типами (1) и (2), описанными выше. В этих вариантах допускается написание первого компонента сложного слова с буквой омикрон **-ο** или с омега **-ω** (во втором слого слова *κορώνα* или *κορώνω*). Разница написания с омикрон **-ο** или с омега **-ω** заключается в обосновании типа заимствования: в первом случае речь идет о заимствовании из итальянского (*κορώνα* < *итал. corona*) и согласно правилам орфографии иноязычные заимствования как слышатся, так и пишутся, т.е. когда в заимствованных словах слышится [o], пишется гласная омикрон **-ο**. Во втором случае написание второго слога с **-ω**, по мнению современного греческого лингвиста и лексикографа Йоргоса Бабиньотиса [4], обусловлено происхождением заимствования из древнегреческого, т.е. в современном греческом слово *κορώνα* является обратным заимствованием из древнегреческого *αρχ. κορώνη* (*κορώνα* обратное заимствование < *итал. corona* «*στεφάνη* — *στέμνα*» («корона — венец») < *лат. corona* «*στεφάνη*» («корона») < *αρχ. κορώνη* «*κουρούνα* — *κυτό ή καμπύλο αντικείμενο*» («корона — изогнутый или кривой предмет»)).

В русском языке прочно закрепилось написание *коронавирус*, поскольку это слово является калькой медицинского термина латинского происхождения *coronavirus* и пишется кириллицей так же, как латиницей⁷. Из других терминов пандемии следует отметить, что в русском языке укоренился *ковид*, который пишется кириллицей и произносится с ударением на второй слог, и от которого образовался ряд производных слов: *ковидариум*, *ковилизация*, *ковидеть*, *ковидище*, *ковидло* и др. В отличие от русского в греческом языке этот термин не получил широкого распространения. В речи употребляется как акроним, пишется латиницей *COVID-19* или *Covid-19* и произносится с ударением на первый слог.

К производным от термина можно отнести лексику, возникшую в результате расширения значения и актуализации слов и понятий узких профессиональных сфер, данные слова описывают разные области жизнедеятельности,

⁷ Справочная служба портала Грамота.ру Режим доступа: <http://www.gramota.tv/spravka/buro/search-answer?s=%20&start=1590> (дата обращения: 15.07.2022).

на которые оказала влияние пандемия. Основываясь на лексикографическом материале из исследуемых словарей греческого и русского языков коронавирусной эпохи, предлагаем следующую классификацию лексики по тематических группам:

- Медицина: *ασθενής μηδέν* — нулевой пациент, *αναπνευστήρας* — респиратор, *ασπίδα προσώπου* — экран-маска защитная, *αντισηπτικό* — антисептик, *αναπνευστική οδός* — дыхательные пути, *άμεση επαφή* — прямой контакт, *ανοσία αγέλης* — коллективный иммунитет, *διασωλήνωση* — интубация, *επιβεβαιωμένο κρούσμα* — подтвержденный случай (ковид);
- Общество: *αρνητής μάσκας* — противник ношения масок, *ατομική ευθύνη* — личная ответственность;
- Образование: *εξ αποστάσεως διδασκαλία* — дистанционное обучение, *(α) σύγχρονη διδασκαλία* — (а)синхронное обучение;
- Политика: *νέα κανονικότητα* — новая реальность, *άρση περιορισμών* — отмена ограничений;
- Экономика: *καταναλωτικές μέθοδοι* — потребительские методы: *click-away*, *drive-through*, *αποπαγκοσμιοποίηση* — деглобализация, *επανεκκίνηση* — перезапуск, *κορονοομόλογο* — корона-облигация;
- Информация: *fakenews*, *θεωρία συνωμοσίας* — теория заговора.

Пандемия COVID-19 и заимствования

Каждый язык по-своему обрабатывает заимствования и включает их в языковую систему. Приведем несколько примеров [6. С. 251] заимствований из лексикона коронавирусной пандемии из языка-источника английского в языках-реципиентах — греческом и русском. Первый пример, английский термин *herd immunity*, который в греческом языке сначала пандемии перевели словосочетанием *ανοσία της αγέλης* (ср. в русском языке *стадный иммунитет*), а позже предложили использовать синонимичное словосочетание *συλλογική ανοσία* (ср. в русском языке *коллективный, массовый иммунитет*). Второй пример — *fatality rate* и *mortality rate*. Для перевода этих терминов в греческом языке сначала пандемии использовался один термин «*δείκτης θνησιμότητας*», однако позже для обозначения *fatality rate* был предложен термин «*δείκτης θνητότητας*» (Ср. в русском языке «*летальность*»), а для *mortality rate* — «*ρυθμός θνησιμότητας*» (Ср. в русском языке «*смертельность*»). И последний пример, *lockdown*, который перевели выражением *απαγόρευση κυκλοφορίας* ‘комендантский час’, а впоследствии *περιορισμός της κυκλοφορίας* ‘ограничение передвижения’. В греческих специализированных словарях эпохи пандемии приводятся еще такие варианты перевода этого слова, как *γενικό κλείσιμο* ‘общее, полное закрытие’ и *απαγορευτικό* (от греч. *απαγορευτικός* ‘запрещающий’). Для сравнения, в русском языке английский *lockdown* переводится следующими синонимичными единицами разных частей речи: наречием

взаперти, существительным *изоляция* и *карантин*, глаголом *заблокировать* [7. С. 116]. Несмотря на такую вариативность перевода, этот термин широко используется в каждом из исследуемых языков и пишется буквами национальных алфавитов: греч. *λοκνάουν* (*το*) (сущ. среднего рода) и русск. *локдаун* (сущ. мужского рода).

На примере последнего заимствования можно обсуждать прагматическую значимость в современной ситуации, его освоенность и недоосвоенность [8. С. 58] как в греческом, так и в русском. В обоих языках существует ряд альтернативных и конкурирующих вариантов, среди которых есть перевод и транслитерация, однако ни один из них не может полностью передать тот социокультурный контекст, которым обладает это слово в английском языке [7].

В греческом языке предпринимаются попытки заменить сравнительно недавно или давно заимствованные слова греческими аналогами, например тот же *lockdown/λοκνάουν* → *απαγορευτικό*, или лексика в сфере услуг доставки, употребление которой значительно возросло из-за строгих коронавирусных мер, например, *delivery/ντελίβερι* → *τροφοδιαγωγή* (*доставка еды*), *ντελίβεράς* → *τροφοδιαγομέας* (*курьер по доставке еды*), *takeaway* → *για έξω/για το σπίτι* (*тэйк-эвэй — еда, которую можно взять с собой из ресторана*) [9. С. 79]. Среди заимствований можно еще отметить псевдозаимствования. Таковым является псевдоанглицизм «*click-away*», который заимствован из фразы «*just a click away*» (*με το πάτημα ενός κουμπιού/всего один щелчок кнопки мыши*) и появился в языке в период строгих и длительных локдаунов в Греции, когда магазины обслуживали покупателей только при условии предварительного заказа онлайн или по телефону с возможностью лично забрать покупку, но не заходя в магазин.

В греческих словарях короновирусной лексики также зафиксированы заимствования, представленные в оригинальной латинской графике. Они составляют около 4 % словаря (из 650 слов 21) и в своем большинстве являются аббревиатурами графически не освоенными: *COVID-19*, *MERS*, *PCR*, *RNA*, *SARS*. Как правило, английские аббревиатуры трудно переводятся и транслитерируются в греческом языке, поэтому эти номинации пишутся и произносятся латинскими буквами. При этом лексико-семантическое освоение прослеживается в свободном употреблении слова без перевода и объяснения его значения, а грамматическое освоение проявляется в том, что с аббревиатурой используется артикль, который служит указателем рода и согласуется с исходным словом или словосочетанием, образующими аббревиатуры. Например, *COVID-19* употребляется с артиклем женского рода, если в качестве ссылки взяты слова *αρρώστια* ‘болезнь’, *πνευμονία* ‘пневмония’ или *ασθένια/νόσος* ‘заболевание’, которые в греческом языке женского рода. С этой же аббревиатурой используется артикль среднего рода, когда ссылаются на респираторный синдром, поскольку в греческом языке слово *το σύνδρομο* ‘синдром’ среднего рода.

В русском языке заимствования в общем и аббревиатуры в частности осваиваются графически и фонетически. Но в то же время аббревиатуры от современных наименований в сфере технологий, науки, медицины могут сохранить свое оригинальное произношение и графику [13; 14].

Пандемия показала, что лексические заимствования из (древне)греческого языка наряду с латынью продолжают служить источником создания новых медицинских и научных международных терминов. Так, многие слова греческого происхождения либо заново вошли в греческий язык, либо на их основе были созданы неологизмы, которые затем проникли в качестве заимствований во многие другие языки. Например, слово *rapasea* (< греч. πανάκεια) — от латинского *rapasēa*, от имени древнегреческой богини др.-греч. Πανάκεια «Панакия, Всеисцелительница»; слово *randemic* — от греческого πᾶν, «все» и δῆμος, «народ» (< греч. *randemic* в современном значении).

На уровне морфологии и словообразования в греческом языке наблюдается рост частотности употребления и образования слов (производных, сложных слов) с формообразующими элементами из классических языков, такими как (1) первая часть сложного слова **αὐτο-** (авто-), со значением свой, относящийся к себе, напр. *αυτοαπομόνωση* (самоизоляция), *αυτοπαρακολούθηση* (самонаблюдение), (2) аффикс **τῆλε-** (теле-) со значением «на расстоянии, далеко» в словах *τηλεκπαίδευση*, *τῆλε-γενέθλια*, *τῆλε-κάλαντα* и заимствованная приставка **e-** в словах, связанных с электронной коммуникацией, например, *e-συνέδριο*. Особенно продуктивным, и не только в греческом языке, является первый компонент латинского происхождения сложных образований *corona-*, имеющий отрицательное значение нарушения правил и мер поведения, например, *короно-пάρτι* (ср. в русском языке *корона-вечеринка*), *короно-πρόστιμο* (ср. в русском языке *коронаштраф* или *корона-штраф*), *короно-χρέη* (дословно переводится как *корона-долги*, в словаре русского языка коронавирусной эпохи близкое по значению *ковид-должник*) *короно-πόλεμος* (ср. в русском языке *коронавойна* или *корона-война*), *короно-στήριξη* (дословно переводится как *корона-поддержка*, связано с государственными мерами поддержки населения во время COVID–19), *короно-ομόλογο* (дословно переводится как *коронавирусная облигация*, связано с облигациями, выпущенными во время COVID–19), *κρόνο-επίδομα* (дословно переводится как *корона-пособие*, пособие в связи с эпидемией коронавируса COVID-19), *короно-τουρίστες* (Ср. в русском языке *коронатуристы* или *корона-туристы*), *короно-ιστορίες* (дословно переводится как *корона-истории*, истории в связи с эпидемией коронавируса COVID-19) и др.

В русском языке в коронавирусной лексике достаточно продуктивными оказались элементы (древне)греческого происхождения, в частности вторые компоненты сложных слов, образованные путем сложения, в том числе контаминации, или заимствованные из английского: **-фил** (*вакцинофил*, *ка-*

рантинофил, ковидофил, коронафил, маскофил), **-филия** (вакцинофилия, ковидофилия, коронафилия, маскофилия), **-фоб** (вакцинофоб, карантинфоб, ковидофоб, коронафоб), **-фобия** (вакцинофобия, карантинфобия, ковидофобия, коронафобия, пандемιοфобия), **-демия** (гречкодемия, коронадемия, паникодемия, фуфлодемия), **-мания** (гречкомания, карантиномания, ковидомания, коронамания, маскомания), **-филия** (вакцинофилия, ковидофилия, коронафилия) и др.

К собственным новообразованиям греческого языка следует отнести такие существительные женского рода, как *αγκωναψία*, *ποδαψία* и *υροθαψία* (соприкосновение локтями, ногами и кулаками в знак приветствия), образованные на базе англицизмов по аналогии с греческим словом *χειροψία* (*рукопожатие*) сущ. жен. р., состоящим из двух древнегреческих морфем *χείρ* (*рука, кисть*) και *ἄπτο* (*прикасаться*). Еще один пример неологизма, образованного в греческом, представляет слово *κορονοϊόπληκτος* (в значениях: 1. пострадавший от негативных последствий мер по борьбе с пандемией; 2. пострадавший от коронавируса).

К неологизмам-калькам, вошедшим в употребление в греческом и русском языках, относятся следующие примеры: словосочетание *νέα κανονικότητα* (*новая реальность*), *asymptomatic* > *ασυμπτωματικός* (*асимптомный*), *close contact* > *στενή επαφή* (*близкий контакт*), *confirmed cases* > *επιβεβαιωμένα κρούσματα* (*подтвержденные случаи*), *conspiracy theories* > *θεωρίες συνωμοσίας* (*теория заговора*), *physical distance* > *φυσική αποστασιοποίηση* (*физическое дистанцирование*), *self-isolate* > *αυτοαπομόνωση* (*самоизоляция*), *social distancing* > *κοινωνική αποστασιοποίηση* (*социальное дистанцирование*), *teleworking* > *τηλεργασία* (*телеработа*), *contact tracking* > *ιχνηλάτηση επαφών* (*отслеживание контактов*), *patient zero* > *ασθενής μηδέν* (*нулевой пациент*) и другие. [9. С. 81].

Заключение

Сопоставление языковых изменений, происходящих на лексическом уровне в греческом и русском языках в период пандемии COVID-19, позволяет сделать вывод о том, что проблема исследования заимствований как источника неологизмов в национальных языках по-прежнему является актуальной. Как показало исследование, появление новых терминов и слов, с одной стороны, способствовало обновлению и обогащению словарного состава национальных языков, а с другой стороны, обеспечило эффективное протекание коммуникативных процессов на глобальном и национальном уровнях. При этом импульсы, порожденные экстралингвистическими факторами, в каждом национальном языке стали восприниматься и обрабатываться индивидуально, запуская новые лексические процессы внутри языковой системы исследуемых языков.

Βιβλιογραφικησ список

1. *Katsoyiannou M., Stefanidou Z. COVID-19: το λεξικό*. Αθήνα: Kavvadia Crew Publications, 2020. Режим доступа: <https://covid19.algolyis.com/glossary> (дата обращения: 15.07.2022).
2. *Κрысин Л.П.* Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*. М.: Языки русской культуры, 2000.
3. *Αναστασιάδη-Συμεωνίδη Α.* Νεολογικός Δανεισμός: Άμεσα Δάνεια από τη Γαλλική και την Αγγλοαμερικανική // *Μορφολογική Ανάλυση*. Θεσσαλονίκη, 1994.
4. *Земская Е.А.* Активные процессы современного словопроизводства // *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*. М.: Языки русской культуры, 2000.
5. *Κινεζικός ιός: κορωνΑϊός ή κορωνΟϊός ή κορωνιός*; Режим доступа: <https://www.babiniotis.gr/lexilogika/leksilogika-2/467-kinezikos-ios-koronaios-i-koronoios-i-koronios> (дата обращения: 15.07.2022).
6. *Κατσογιάννου Μ., Τοράκη Κ., Μουτάφης Δ.* Ορολογικά έργα για την πανδημία του κορονοϊού, ΕΛΕΤΟ — 13ο Συνέδριο «Ελληνική Γλώσσα και Ορολογία» 11–13 Νοεμβρίου 2021, Διαδικτυακό. Режим доступа: http://www.eleto.gr/download/Conferences/13th%20Conference/Papers-and-speakers/13th_18_29_34_KatsoyannouMarianna_TorakiKaterina_MoutafisDimitris2_Paper_V04_Teliko.pdf (дата обращения: 15.07.2022).
7. *Вепрева И.Т., Куприна Т.В.* Локдаун, карантин, самоизоляция: новое английское заимствование в синонимичном ряду коронавирусной лексики русского языка // М.Н. Приемышева (Ред.). *Русский язык коронавирусной эпохи*. СПб: Институт лингвистических исследований Российской академии наук, 2021. С. 113–124.
8. *Κρονγκαуз Μ.* Изменения в русском языке лексика, семантика и прагматика // *La Revue Russe*. 2003. № 23. Ρ. 55–64. Режим доступа: https://www.persee.fr/doc/russe_1161-0557_2003_num_23_1_2183 (дата обращения: 15.07.2022).
9. *Φλιατούρας Α.* Από το σουμπλιμέ της ισπανικής γρίπης στο λοκντάουν του κορονοϊού: μια διαχρονική και συγχρονική μελέτη της επίδρασης των πανδημιών στο λεξιλόγιο της ελληνικής // *AWPEL*. 2021. № 3. Ρ. 72–90.
10. Εθνικός Θησαυρός Ελληνικής Γλώσσας (ΕΘΕΓ) Режим доступа: http://hnc.ilsp.gr/index.php?current_page=main (дата обращения: 15.07.2022).
11. Γλωσσική ακηδία, ένα μείζον θέμα του Γιώργου Μπαμπινιώτη // Η Καθημερινή, UPD: 18.12.2020. Режим доступа: <https://www.kathimerini.gr/opinion/561194020/glossiki-akidia-ena-meizon-thema/> (дата обращения: 15.07.2022).
12. Κορονοϊός και ηθικός πανικός του Χριστόφορου Χαραλαμπίκη // *Χάρτης*, 16.04.2020. Режим доступа: <https://www.hartismag.gr/hartis-16/klimakes/koronoios-kai-hoikos-panikos#> (дата обращения: 15.07.2022).
13. *Ходжагельдыев Б.Д., Шурупова О.С.* Особенности заимствования английских аббревиатур // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. № 12(66). Режим доступа: www.gramota.net/materials/2/2016/12-1/55.html (дата обращения: 15.07.2022).
14. *Дьяков А.И.* Словообразовательный потенциал и словообразовательная активность англицизмов в русском языке // *Вестник науки Сибири*. 2012. № 4 (5). Режим доступа: <https://jwt.su/journal/article/view/312> (дата обращения: 15.07.2022).

References

1. Katsogiannou, M. & Stefanidou, Z. (2020). *COVID-19: the dictionary*. Athens: Kavvadia Crew Publications. URL: <https://covid19.algolyis.com/glossary> (In Greek.).
2. Krysin, L.P. (2000). *Foreign-language word in the context of modern social life. Russian Language of the End of the Twentieth Century (1985–1995)*. Moscow: Languages of Russian Culture.
3. Anastasiadis-Symeonidis, A. (1994). *Neologikos Danismos tis Neoellinikis [Neological borrowing in Modern Greek]*. Thessaloniki: Institute for Modern Greek Studies. (In Greek.).

4. Zemskaya, E.A. (2000). *Active processes of modern word-production. The Russian Language of the End of the Twentieth Century (1985–1995)*. Moscow: Languages of Russian Culture.
5. Chinese virus: coronavirus or coronavirus or corona virus? URL: <https://www.babiniotis.gr/lexilogika/leksilogika-2/467-kinezikos-ios-koronaiois-i-koronoiois-i-koronios> (accessed: 15.07.2022). (In Greek.).
6. Katsogiannou, M., Toraki, K. & Mutafis, D. (2021). Terminology projects for the coronavirus pandemic. In: *ELETO — 13th Conference “Hellenic Language and Terminology” 11–13 November 2021*, Online. URL: http://www.eleto.gr/download/Conferences/13th%20Conference/Papers-and-speakers/13th_18_29_34_KatsoyannouMarianna_TorakiKaterina_MoutafisDimitris2_Paper_V04_Teliko.pdf (accessed: 15.07.2022). (In Greek.).
7. Vepreva, I.T. & Kuprina, T.V. (2021) *LOCKDOWN, CARANTINE, SELF-ISOLATION: a new English borrowing in a synonymous series of coronavirus Russian vocabulary, Russian Coronavicular Era Language*. Saint Petersburg. URL: <https://iling.spb.ru/dictionaries/neology/coronavirus/book.pdf> (accessed: 15.07.2022).
8. Krongauz, M. (2003). Changes in Russian Language Words, Semantics and Pragmatics. *La Revue Russe*, 23, 55–64. URL: https://www.persee.fr/doc/russe_1161-0557_2003_num_23_1_2183 (accessed: 15.07.2022).
9. Fliatouras, A. (2021). From the sublime of the Spanish flu to the lockdown of the coronavirus: a diachronic and synchronic study of the impact of pandemics on the vocabulary of Greek, *AWPEL*, 3, 72–90. (In Greek.).
10. Electronic Dictionary of Modern Greek Language Pataki URL: <http://lexicon-neohel.patakis.gr/el/lexikon/lemma?id=117590> (accessed: 15.07.2022). (In Greek.).
11. Corona virus or coronavirus? (2020). Nikos Sarantakos’ blog about language, literature and... everything else. January 24, 2020. URL: <https://sarantakos.wordpress.com/2020/01/24/coronavirus/> (accessed: 15.07.2022). (In Greek.).
12. Coronavirus and moral panic by Christoforos Charalambakis. *Map*, 16.04.2020. URL: <https://www.hartismag.gr/hartis-16/klimakes/koronoiois-kai-hoikos-panikos#> (accessed: 15.07.2022).
13. Khodzhageldiev, B.D. & Shurupova, O.S. (2016). Features of borrowing English abbreviations, *Philological Sciences. Voprosy teorii i praktiki*, 12(66). URL: www.gramota.net/materials/2/2016/12-1/55.html (accessed: 15.07.2022).
14. D’yakov, A.I. (2012). Word-formation potential and word-formation activity of Anglicisms in Russian, *Vestnik nauki Sibiri*, 4 (5). URL: <https://jvt.su/journal/article/view/312> (accessed: 15.07.2022).

Information about the author:

Viktoria G. Ouroumidou, PhD in Philology, Lecturer at the Department of Russian Language and Literature and Slavic Studies National and Kapodistrian University of Athens; *Research interests*: lexicology and lexicography, language contacts, Russian as foreign language; *e-mail*: ouroumidou@slavstud.uoa.gr
ORCID: 0000-0002-5922-3669; eLIBRARY SPIN-code: 2249–1912, ResearcherID: GQP-0321-2022.

Сведения об авторе:

Урумиду Виктория Георгиевна, кандидат филологических наук, преподаватель отделения русского языка и литературы и славистики, Афинский национальный университет им. И. Каподистрии; *сфера научных интересов*: лексикология и лексикография, языковые контакты, русский язык как иностранный; *e-mail*: ouroumidou@slavstud.uoa.gr
ORCID: 0000-0002-5922-3669; eLIBRARY SPIN-код: 2249–1912, ResearcherID: GQP-0321-2022.

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-1-135-155

EDN: PXTRSI

UDC [811.133.1:811.161.1]373.423

Research article / Научная статья

Questions of Lexicographic Description of French-Russian Lexical Parallels

Elena N. Baryshnikova¹ , Manetu Ndyay², Dmitrii V. Kazhuro¹

¹Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198

²Cheikh Anta Diop University,
10700, Senegal, Dakar

 kzhuro-dv@rudn.ru

Abstract. The research discusses key issues of the dictionary description of formally coinciding and semantically similar/dissimilar units of the vocabulary of the French and Russian languages. The relevance of the study is dictated by the absence of a dictionary of French-Russian lexical parallels in Russian lexicography and the significance of such a dictionary for the translation and linguo-didactical sphere of activity in the conditions of the spread of artificial bilingualism in modern globalized world. The novelty of the research lies in the representation of the dictionary description of French-Russian lexical parallels, different from the lexicographic experience of V.L. Muravyev. The purpose of the article is to analyze the existing interlexical semantic relations of dialexemes of the Russian and French languages and selectively present the results of their systematic lexicographic description in a number of so-called 'new generation dictionaries'. The research material was associatively correlated lexemes of the Russian and French languages, identified and selected by bilingual and explanatory dictionaries, as well as national text corpora of the languages under consideration. The methodology of the study consisted of the methods of continuous and selective sampling; quantitative, contrastive, comparative analysis; description; as well as the distributive method. The research focuses on the selection of a word-list, on the specifics of its organization and representation in dictionary entries. The work on the format and content of the dictionary is based on the standard model of the dictionary of lexical parallels for two synchronously compared languages, developed and implemented by V.V. Dubichinsky. The article presents a brief-course into the history of the description of lexical parallels, including false friends of the translator, lexical internationalisms of French origin and gallicisms in the Russian language and identifies the main points of V.V. Dubichinsky's theory of lexical parallels. The authors comment on the issue of the terminological apparatus of the phenomenon described and analyze the typology of French-Russian lexical parallels and the principles of their lexicographing. Each of the existing types of French-Russian lexical parallels is considered separately. In order to internationalize Russian as a second language in the global communicative space and to facilitate the study of the Russian language by French-speaking students, we propose a modern model of the dictionary description of full, partial and false lexical parallels, as well as interlingual homonyms and interlingual paronyms of Russian and French.

© Baryshnikova E.N., Ndyay M., Kazhuro, D.V., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Keywords: cultural and linguistic contacts, internationalisms, false friends of a translator, gallicisms, interlingual homonyms, interlingual paronyms

Article history:

Received: 01.08.2022

Accepted: 15.12.2022

For citation:

Baryshnikova, E.N., Ndyay, M. & Kazhuro, D.V. (2023). Questions of Lexicographic Description of French-Russian Lexical Parallels. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(1), 135–155. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-135-155>

Вопросы лексикографического описания французско-русских лексических параллелей

Е.Н. Барышникова¹ , М. Ндьяй², Д.В. Кажуро¹

¹Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

²Университет Шейха Анты Диопа,
10700, Сенегал, Дакар

 kazhuro-dv@rudn.ru

Аннотация. Рассматриваются ключевые вопросы словарного описания формально совпадающих и семантически сходных/несходных единиц лексики французского и русского языков. Актуальность исследования продиктована отсутствием в отечественной лексикографии словаря французско-русских лексических параллелей и значимостью такого словаря для переводческой и лингводидактической сферы деятельности в условиях распространения искусственного билингвизма в современном глобализованном мире. Новизна исследования заключается в репрезентации словарного описания французско-русских лексических параллелей, отличного от лексикографического опыта В.Л. Муравьева. Цель исследования — проанализировать существующие межлексические семантические отношения диалексем русского и французского языков и выборочно представить результаты их системного лексикографического описания в ряду так называемых «словарей нового поколения». Материалом исследования стали ассоциативно соотносящиеся по форме лексемы русского и французского языка, выявленные и отобранные по двуязычным и толковым словарям, а также национальным корпусам текстов рассматриваемых языков. Методологию исследования составили метод сплошной и селективной выборки, квантитативный, контрастивный, метод сравнительно-сопоставительного анализа, метод описания, а также дистрибутивный метод. В центре внимания исследования — отбор словника, специфика его организации и репрезентации в словарных статьях. Работа над форматом и содержанием словаря производится в опоре на типовую модель словаря лексических параллелей для двух синхронически сравниваемых языков, разработанную и реализованную В.В. Дубичинским. Производится экскурс в историю описания лексических параллелей, в том числе ложных друзей переводчика, лексических интернационализмов французского происхождения и галлицизмов в составе русского языка. Вычленяются основные моменты теории лексических параллелей В.В. Дубичинского. Комментируется проблема терминологического аппарата описываемого явления, анализируются типология французско-русских лексических параллелей и принципы их лексикографирования. Отдельно рассматривается каждый из существующих типов французско-русских лексических

параллелей. В целях интернационализации русского языка в общемировом коммуникативном пространстве и для облегчения изучения русского языка франкоязычными учащимися предлагается современная модель словарного описания полных, неполных и ложных лексических параллелей, а также межъязыковых омонимов и межъязыковых паронимов русского и французского языка.

Ключевые слова: культурно-языковые контакты, интернационализмы, ложные друзья переводчика, галлицизмы, межъязыковые омонимы, межъязыковые паронимы

История статьи:

Дата поступления: 01.08.2022

Дата приема в печать: 15.12.2022

Для цитирования:

Baryshnikova E.N., Ndyay M., Kazhuro D.V. Questions of Lexicographic Description of French-Russian Lexical Parallels // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 1. С. 135–155. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-135-155>

Introduction

As is known that in the process of the historical development of languages among their linguistic systems there might appear various kinds of connections (language contacts), some languages influence others (U. Weinreich, E. Haugen, A. Martinet, V. Bertholdi, A. Rosetti, I.V. Tarakanov, etc.). Most remarkable of all, these processes are embodied in vocabulary: for the naming of not yet named concepts and closely contacting languages can borrow lexemes from each other, sometimes in an unchanged form, but more often significant changes occur in the grammatical and semantic characteristics of borrowed words [1]. For this reason, outwardly similar words of interacting languages become not completely equivalent to each other when translated or not equivalent at all. Observations on semantic relationships between lexical units of different languages are the focus of attention of various linguistic disciplines, such as general linguistics, linguistic geography, contact linguistics, linguistic etymology, comparative linguistics, contrastive linguistics, psycholinguistics (theory of bilingualism), translation studies and — last but not the least — lexicography.

The diverse interest in this phenomenon is due to the need of specialists from different fields of knowledge (i.e., users of various fields of language: specific term systems of science, technology and art) to overcome the interfering effect caused by the similarity of words in two languages, to distinguish between coincidences and false associations in their semantic structure within each language. These are the needs not only of professional translators, but also of all those who, to one degree or another, study a foreign language (French or Russian as a foreign language). This is dictated today by the demand of the time, when globalization processes and the intensification of language contacts associated with them have become commonplace, and the knowledge of at least one foreign language is an urgent need for competitiveness in the labour market

for everyone who seeks to enter the international level in building a career. Satisfying this kind of needs is impossible without mass publication of special reference literature on this issue.

The analysis of language contacts makes it possible to consider interlexical semantic relations, which, on the one hand, already has some history of study, and on the other hand, still needs systematic lexicographic coverage. In this connection, N.K. Garbovsky distinguishes 4 types of similar semantic relations between lexemes of different languages that are similar in form: 1) **externality** (when the volumes of concepts completely exclude each other); 2) **equivolume** (or **equivalence**) (relations of equivalence of concepts); 3) **subordination** (when the volume of one concept is completely absorbed by the volume of another); 4) **crossing** (when the scope of each of the concepts includes both objects common to them and different ones) [2. P. 336–349].

To designate borrowed words that are associatively correlated in graphic sound form in two languages and, based on this, enter into various kinds of semantic relationships in bilingual linguistic consciousness, Yu.O. Zhluktenko proposes the term ‘*dialexemes*’ [3. P. 11]. The most traditional type of dialexemes in translation studies is considered to be translation *pseudo-equivalents* or ‘*false friends of the translator*’, which are understood as “words of two languages that cause erroneous associations due to sound or letter similarity and lead to incorrect perception of information in a foreign language, distortion of content and errors associated with stylistic colouring, lexical compatibility and word usage in translation” [4].

The number of *false friends* and their origin differ in individual language pairs, depending on the genetic and historical ties of specific languages [5. P. 373]. It is known that French cultural influence in Russia lasted for 150 years (18th—19th centuries) and most of all affected the life of the aristocracy, nobility and intelligentsia, who had a sufficient knowledge of the French language (sometimes better than their native language) and systematically used French words and expressions in their speech in Russian. In addition, in Tsarist Russia, French was one of the languages of education (along with Latin and German); without knowledge of the French language, it was difficult to enter the service and make a career [6. P. 105–107]. As a result of this cultural influence, the Russian language was replenished with a large number of lexical borrowings, calques from the French language and French suffixes. So, in the *Historical Dictionary of Gallicisms of the Russian Language* by N.I. Epishkin, there are 44,356 lexemes borrowed from French¹.

The history of a special systematic study of interlexical semantic relations of dialexemes of different languages begins in 1928 with the experience of French scientists M. Koessler and J. Derocquigny describing French—English and English—French ‘false friends of a translator’ (*faux amis du traducteur*) [7]. The

¹ *Epishkin N.I. Historical Dictionary of Gallicisms of the Russian Language*. Moscow: ETS, 2010.

name they proposed is firmly entrenched in the linguistics of many countries (false friends of a translator in English, falsche Freunde des Übersetzers in German, falsos amigos del traductor in Spanish, etc.). In the future, interest in this phenomenon received significant lexicographic practice: “Many dictionaries of this kind are united by the feature that they do not replace — for the words under consideration — ordinary bilingual dictionaries, but are collections of peculiar, often very valuable, but sometimes random comments on them. Such comments are aimed at preventing errors in the use of a foreign language, sometimes at improving the quality of translations into the native language, and even simply at improving the culture of native speech” [5. P. 376]. There have been published textbooks, reference books and dictionaries of Russian-English and English-Russian², Russian-German and German-Russian³, Russian-French and French-Russian⁴, Russian-Ukrainian⁵, Spanish-Russian⁶, Russian-Polish⁷ and Ukrainian-Polish⁸ ‘false friends of a translator’.

As is noted by V.V. Akulenko, “in theoretical and practical terms, dictionaries of ‘false friends of a translator’ are more useful, giving a description of all the meanings inherent in each word and reflecting its stylistic, emotionally expressive, most important grammatical characteristics and lexical compatibility” [5. P. 376]. In this regard, a significantly new type of dictionary description of such lexemes was the format of the dictionary of ‘lexical parallels’ (LP) proposed by the chairman of the Kharkiv Lexicographic Society (KLS) V.V. Dubichinsky. This term “unites into a single terminological system the traditional linguistic concepts of ‘internationalisms’, ‘false friends of a translator’, ‘interlingual homonyms’, ‘interlingual paronyms’, etc.” [8. P. 82]. Although the KLS announced work on a Russian-English, Russian-French and Russian-Spanish dictionary of lexical parallels back in 1993, and later on, work on Russian-English-German, Russian-Polish and Russian-Ukrainian-Polish [9], at this moment, only two such dictionaries

² Akulenko V.V., Komissarchik S.Yu., Pogorelova R.V., Yukht V.L. English-Russian and Russian-English dictionary of ‘false friends of a translator’. Moscow: Soviet encyclopedia, 1969. Krasnov K.V. English-Russian dictionary of ‘false friends of a translator’ = English-Russian dictionary of ‘false friends’. Moscow: Sodruzhestvo A. Bogatyh and E. Rakitskaya, 2010.

³ Gottlieb K.G.M. Dictionary of ‘false friends of a translator’: Russian-German, German-Russian. Moscow: Russian language, 1985. Borgwardt U., Fehler W.H. ABC German-Russian. Stuttgart, 1999.

⁴ Muravyov V.L. Faux amis, or ‘false friends’ of a translator. Moscow: Prosveshcheniye, 1969. (In Russ.). Muravyov V.L. ‘False friends of a translator’: A manual for the teacher of the French language. Moscow: Prosveshcheniye. 1985. (In Russ.).

⁵ Kochergan M.P. Dictionary of Russian-Ukrainian interlingual homonyms. Kyiv: Akademia, 1997.

⁶ Kanonich S.I. 300 false friends of a translator: Spanish-Russian reference dictionary. Moscow: Manager, 2000.

⁷ Kusal K.Ch. Russian-Polish dictionary of interlingual homonyms. Wroclaw, 2002.

⁸ Kononenko I., Spivak O. Ukrainian-Polish dictionary of intermediate homonyms and paronyms. Kiev: Vishcha shkola, 2008.

have been published: Russian-Spanish⁹ and Russian-German. In recent years, the work on the Russian-Polish dictionary of LP has been most actively carried out [10]. The textbook by V.L. Muravyov remains the only description of Russian-French and French-Russian lexical parallels today. The different type of description of Russian and French dialexemes proposed in this article determines the novelty of this study.

Since the subject of our study is the interlingual lexical-semantic relations of Russian and French, the focus of our attention is on gallicisms in the composition of the Russian language in their comparison with etymons in the source language. Many works are devoted to the study of the semantic adaptation of borrowings in the Russian language and, in particular, gallicisms (N.N. Amosova, E.E. Birzhakova, E.F. Volodarskaya, I.F. Zhdanova, B.A. Ilyish, M.M. Makovsky, R.Sh. Nasibullin, T.A. Rastorguev, L.P. Krysin, E.V. Marinova, A.V. Blokhina, I.N. Kuznetsova, S.V. Gretsova, A.I. Tomilova, etc.). The most complete lexicographic source here is the *Historical Dictionary of Gallicisms of the Russian Language* mentioned above. In addition, as already noted, the concept of lexical parallels also includes international words. We earlier gave a review of the precedents of the dictionary description of lexical internationalisms [11]. The synchronic and diachronic aspect of internationalisms of French origin is studied by Yu.N. Kochurova [6; 12]: 1325 lexical parallels are given in the appendix to the researcher's dissertation.

The purpose of this article is to analyze the existing interlexical semantic relations of Russian and French dialexemes and selectively present the results of their systematic lexicographic description in a series of so-called 'new generation dictionaries'. For this purpose, it is supposed to comment on the problem of the terminological apparatus of the described phenomenon, to identify the typology of French-Russian lexical parallels and the principles of their lexicography.

The issue of terminology of lexical parallels

The term '*lexical parallels*' (LP), introduced into scientific use in 1993 [13], is understood as "words of two or more synchronously compared languages, coinciding in terms of expression and similar / dissimilar in terms of content" [8. P. 62]. Despite the fact that the metaphorical wording 'false friends of a translator' has already become traditional, having become widespread in the linguistics of various languages and recognized by many scientists (In this regard R.A. Budagov wrote in 1971: "although the combination of 'false friends of a translator' is considered too long and open to be called a term, it, apparently, does not have a shorter equal equivalent" [14]), however, V.V. Dubichinsky proposes to replace it with a more specific term *false lexical parallels*, which, however, has not yet become widely

⁹ *Dubichynskiy V., Chaikhieva T., Conacova E.* Diccionario didáctico de paralelos léxicos ruso-español. Granada: Ed. Univ. de Granada, 2006.

known, but deserves recognition. As a reason, the scientist points to the fact that the former name of the phenomenon does not take into account the difference between ‘false friends’-words (‘false lexical parallels’) and ‘false friends’-meanings (In V.V. Dubichinsky’s terminology — *‘idiosememes’*). Thus, in traditional translation studies, the position of polysemantic dialexemes with separate coinciding meanings (*‘intersememes’*) and other non-coinciding ones turns out to be controversial. Often, in the practice of teaching foreign languages, they are also considered false friends of a translator, while this is true not for the entire semantic structure of the contacting words, but only for some meanings. Or, on the contrary, mismatched meanings (*intersememes*) are not taken into account, and the word is considered as completely international, while the incompleteness of this internationality reveals itself in contexts that realize specific meanings, which makes such words false lexical parallels in these contexts. Therefore, the term proposed for this phenomenon — partial lexical parallel, seems to be more correct, since it conveys something in between a false lexical parallel and a true interlexeme: these are partial interlexemes and at the same time not completely false lexical parallels (partial ‘false friends of a translator’). Below we discuss the typology and terminology of lexical parallels in more detail.

Materials and methodology of the study

The material of this study became the lexemes of the Russian and French languages that are associatively related in form, identified and selected according to bilingual and explanatory dictionaries, as well as national corpora of texts of the languages under consideration.

In the course of the study, the following methods were used: quantitative — to calculate the total number of lexical parallels of the Russian and French languages, contrastive — to identify the contrastive value of each word in bilingual and explanatory dictionaries of Russian and French, method of continuous and selective sampling (basic method of lexicographic analysis), method of comparative analysis — for comparing linguistic and metalinguistic data of explanatory dictionaries and text corpora of the Russian and French languages, descriptive method — for compiling definitions of each word from the list of selected lexemes, distributive method — for distributing values in the hierarchy of the semantic structure of each lexeme based on frequency.

LexicographYing of Russian-French lexical parallels

Developed by V.V. Dubichinsky, the model of lexicographic analysis of lexical parallels includes a number of typical procedures: 1) selection of heading units, 2) arrangement of meanings, 3) construction of a dictionary entry, and 4) definition. Since the dictionary of lexical parallels, by the nature of lexemes’ description,

by purpose and by the addressee, obviously belongs to the dictionaries of the educational type, the first of the listed procedures is implemented taking into account the needs of users of the dictionary, the contrastive value of the word and the educational and methodological expediency of selecting a dictionary. The second one should take into account the relevance of the word for living modern Russian speech. The structure of the dictionary entry includes: the heading unit of the Russian active vocabulary with its French correspondences; a brief grammatical description of the heading unit; interpretation of each meaning of a Russian word and its French correlate; transfer equivalent; stylistic, territorial and other lexicographic marks.

Considering the fact that the interpretation via semantic language requires a number of systematic studies, which have not yet been carried out in full by semanticists of different years, including representatives of Moscow Semantic School (for example, L.A. Novikov writes: “explaining the meaning of lexical ... units ... and other phenomena should be carried out on the basis of a limited number of initial, undefined and well-known words to students ... representing an ‘explanatory minimum’ ” [15. P. 714]), we follow the authors of the dictionaries of Russian-Spanish and Russian-German lexical parallels, and define lexemes based on our own linguistic intuition.

Typology of Russian-French lexical parallels

Typologically, according to the terminological system by V.V. Dubichinsky, lexical parallels are divided into full interlexemes, partial interlexemes and false lexical parallels (Figure 1) [8. P. 66].

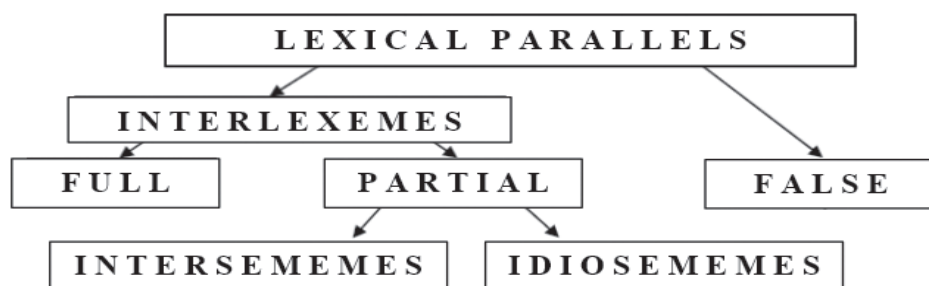

Figure 1. Typology and terminology of lexical parallels by V.V. Dubichinsky

Рис. 1. Типология и терминология лексических параллелей В.В. Дубичинского

Such a division of lexical parallels’ types is consistent with the typology of interlingual semantic relations of correlate words by N.K. Garbovsky: full lexical parallels reflect the relationship of equal volume (equivalence) of concepts, partial lexical parallels are in the relationship of subordination and crossing, and false lexical parallels convey the relationship of outsidership.

Full lexical parallels

Full lexical parallels (full interlexemes) of Russian and French are represented by international words (In traditional terminology). According to the definition by V.V. Akulenko, internationalisms are “lexemes that are similar to the degree of identification in a graphic (usually narrower: orthographic) or phonemic respect with fully or partially common semantics, expressing concepts of international significance and coexisting in several (practically at least three) synchronously compared languages (including unrelated or not closely related)” [16. P. 61].

According to some researchers, the international lexical fund includes over 2,000 whole-formatted lexical units of French origin, which are divided into the following layers:

- 1) primordial gallicisms (the form, meaning and functioning of the word are etymologically connected only with the own history of the French language);
- 2) mediated gallicisms (French acts as a recipient language and an intermediary language);
- 3) pseudo-gallicisms (words formed from lexical and morphological elements of the French language, but already in other languages) [17. P. 18].

According to Yu.N. Kochurova, there are not so many words with completely identical semantics among all possible types of lexical parallels. “This group consists of terms and other lexical units that are words of the scientific sphere of use” and “which, as a rule, are unambiguous” [12. P. 131].

The following pairs of words can be cited as examples of Russian—French full interlexemes: *сантиметр* — *centimètre* ‘centimetre’; *луна* — *lune* ‘moon’; *оратор* — *orateur* ‘speaker’; *коридор* — *corridor* ‘corridor’; *реклама* — *réclame* ‘advertisement’; *том* — *tome* ‘volume’; *туалет* — *toilette* ‘toilet’; *хор* — *choeur* ‘chorus’; *театр* — *théâtre* ‘theatre’.

Partial lexical parallels

The semantic structure of polysemantic lexical parallels is asymmetric, as a rule: the vast majority here are partial interlexemes. This indicates the importance of the lexicographic description of such words for clarifying the share of international and false international (national-specific) meanings in the semantic structure of the compared dialexemes.

Since the LSV (lexico-semantic variants) of words are unequal in nature and content, it is necessary, based on the facts of each of the compared languages, to present these meanings in the form of a certain hierarchy. Lexical semantics traditionally singles out different ranks of meanings in the semantic structure of a word: general meaning, main and particular meanings, primary and secondary semantic function of language units. Under the general meaning is understood a certain theoretical construction, an invariant of meaning. The main value, as noted by L.A. Novikov, is most paradigmatically conditioned

and “is in the position of the least conditionality from the environment, the least dependent on the context. But it cannot be absolutely independent of it, not determined by it...” [18. P. 538]. Particular meanings, on the contrary, as the least fixed paradigmatically, need more syntagmatic conditioning, “in an identification context” [18. P. 539].

Based on the above provisions, it is possible to represent the semantic structure of a partial lexical parallel in the form of a hierarchical system of intersemes and idiosemes, built on the basis of the degree of contextualization of each of its specific meanings. In the lexicographic representation of the semantic structure of incomplete interlexemes, for each idioseme, a suitable translation equivalent is indicated. In some cases, in addition to indicating the equivalence of a dialexeme, synonyms are given for intersememes in the target language. Idiosemes in the semantic structure of partial lexical parallels are marked with *. Meanings (intersememes) of partial lexical parallels coinciding in two languages are marked with =. We will demonstrate several examples of describing partial LPs in the dictionary of lexical parallels.

МИНИСТР, -а, м:

высшее должностное лицо,
входящее в состав правительства.

‘senior official,
belonging to the government’

МИТИНГ, -а, м:

массовое собрание
для неотложных
политических
и общественных
вопросов текущей жизни.

‘mass meeting
for urgent
political
and public
issues of current life’

ШОФЁР, -а, м:

водитель автомобиля.

‘car driver’

Ministre, m:

1. = министр;
2*. пастор.

‘1. = minister;
2*. pastor’

Meeting, m:

1. = митинг;
2*. соревнование, спортивная встреча.

‘1. = meeting (political);
2*. competition, sports meeting’

Chauffeur, m:

1. = шофёр;
2*. кочегар.

‘1. = driver;
2*. stoker’

False lexical parallels

False lexical parallels are the most familiar lexicographic phenomenon for the dictionary user's eye, supplemented, however, with a description of all meanings in the semantic structure of a false semantic pair of polysemantic words. In the LP dictionary, they are marked with the sign \triangle . Here are a few examples of such words with a mandatory indication of a possible adequate equivalent in translation.

\triangle **АНЕКДОТ**, м:
небольшой забавный,
смешной рассказ
– *histoire (f) drole;*
blague (f).

‘short funny story’

\triangle **МАТЕРИАЛ**, -а, м:
1. ткань
– *étouffe (f), tissu (m);*
2. сырьё, документы
– *matériaux (m, pl).*

1. ‘cloth
2. raw materials, documents’

\triangle **МИНУС**, -а, м:
1. математический знак
– *moins (m);*
2. недостаток, пробел,
недочёт
– *défaut (m).*

1. ‘mathematical sign
2. deficiency, gap, defect’

\triangle **РЕМОНТ**, -а, м:
починка, устранение
неисправностей
– *réparation (f).*

‘repair, fault elimination’

\triangle **Anecdote**, f:
рассказ пикантного содержания
о малоизвестном событии.

‘funny story about an unknown event’

\triangle **Matérielle**, f:
разг. деньги на жизнь.

colloq. ‘money to get by’

\triangle **Minus**, m:
глупец, олух.

‘fool’

\triangle **Remonte**, f:
1. поездка;
2. *воен.* пополнение конским составом.

1. ‘trip;
2. *military* ‘replenishment
by horse stock’.

Interlingual lexical homonyms

Lexical parallels can sometimes be combined into some complex interlingual lexical structures. Among them there are the so-called ‘interlingual lexical homonyms’. Under them V.V. Dubichinsky understands “outwardly (oral/written) similar and semantically similar/dissimilar parallel homonymous oppositions of two or more synchronously compared languages” [8. P. 55]. Homonymy as a lexical category is “a semantic relation of internally unrelated (unmotivated) meanings expressed formally by similar signs (lexemes) and differing in the text due to different contextual environments. Like polysemy, homonymy is a ‘semasiological’ category that requires additional (textual) means of differentiating formally identical units” [15. P. 592]. The interference effect here is caused by the homonymy of words both within each language and between them; it consists in attributing to the word of a foreign language the meaning of an outwardly similar or similar word from the native language. To some extent, this category of words is a lexicographic Abstraction: in most cases it is simultaneously represented by a full and false lexical parallel in various combinations of semantic relations between them (parallel and cross), however, the accentuated allocation of such mixed interlingual associative correlations into a separate category allows us to streamline the dictionary reader’s lexical knowledge in each of the languages under consideration. In the lexicographic description, interlingual lexical homonyms are denoted by Roman numerals. Let us give an example of such a description.

КЛУБ I, -а, м:

общественная организация
культурно-просветительского,
спортивного или иного характера.

‘social organization:
cultural and educational,
sports or otherwise.

⚠ КЛУБ II, -а, м:
шарообразная летучая
дымчатая масса
– bouffée (f) (о дыме),
tourbillon (m) (о пыли).

‘spherical volatile
smoky mass
– bouffée (f) (about smoke),
tourbillon (m) (about dust)’

Club I, m:

= клуб I;

= club I’

⚠ Club II, m:

клюшка для гольфа.

‘golf club’

According to V.V. Dubichinsky, interlingual lexical homonyms should be represented in the dictionary by at least a four-term pair structure. At the same time, it should be noted that there are quite frequent examples of interlingual homonyms, which are structures of the “1 to 2” or “1 to 3” type. In our opinion, the selection of such unpaired structures has a right to exist, since the mechanisms of interference action are similar here, and therefore the words in the composition of such unpaired structures also need to be considered together. For this phenomenon, we propose the name *unidirectional interlingual lexical homonymy*. Accordingly, unpaired structures of the “1 to 2” type will be *unidirectional interlingual lexical homonyms*, and four-term paired structures will be *mutually directed interlingual lexical homonyms*. The following examples of such structures can be given:

АДВОКАТ, -а, м:
юрист, который защищает
чьи-л. интересы, защитник
в суде.

‘lawyer who defends
smb’s interests, protector
intermediary’
in a court’

ФАКУЛЬТЕТ, -а, м:
учебно-научное
и административное
подразделение вуза.

‘educational, scientific
and administrative
division of the university’

Avocat I, м:
1. = адвокат;
2*. ходатай, проситель, посредник.

⚠ **Avocat II**, м:
плод авокадо, аллигаторова груша.

‘1. = lawyer;
2*. intercessor, petitioner,

⚠ avocado fruit, alligator pear’.

⚠ **Faculté I** (f):
способность, право, полномочие.

Faculté II (f):
= факультет.

⚠ ‘ability, right, authority.

= faculty’

In the described sphere of interlingual lexico-semantic phenomena, there are also completely false interlingual lexical homonyms, which V.V. Dubichinsky calls *non-correlative interlingual homonyms*:

⚠ **ЛИСТ I**, -а, м:
 орган воздушного питания и
 газообмена растений в виде
 тонкой, обычно зелёной
 пластинки
 – feuille (f).

‘organ of plant air supply and
 gas exchange in the form of
 thin, usually green plate’

⚠ **ЛИСТ II**, -а, м:
 тонкий, плоский кусок,
 пласт какого-л. материала
 – feuille (f).

‘thin, flat piece, layer of material’

⚠ **Liste I**, f:
 лента, поддерживающая
 волосы на голове.

‘band that holds up
 hair on the head’.

⚠ **Liste II**, f:
 1. список, опись, перечень;
 2. ведомость.

‘1. list, inventory;
 2. sheet’

Interlingual paronyms

Other complex interlingual lexical structures are *interlingual paronyms* (I.N. Kuznetsova suggests the term ‘diaparonyms’ [19]) — V.V. Dubichinsky defines them as “those words of compared languages, which in each of the considered languages have the status of paronyms” [8. P. 55–56]. Among the members of such complex structures in the bilingual consciousness, arise complex associative connections due to the presence of two words that are similar but do not match in form (or two potential translation options); this regularly provokes both interlingual interference errors and intralinguistic ones. The mechanism of linguistic conjecture and ignorance of the existence of a similar lexical pair in one of these words can be misleading when choosing a translation equivalent; at the same time, the discovery of such lexical pairs or even prior knowledge of them still leads to confusion when choosing an equivalent. In this case, the dictionary should explicate the delimitation of interlingual analogies of the word, grouping them, marking false associations and pointing to the only correct equivalent of the two possible ones. Let’s illustrate this category of words.

АБОНЕНТ, -а, м:
 лицо, организация, учреждение,
 которые имеют абонемент.

‘person, organization, institution
 that has a subscription’

Abonné, m:
 = абонент.

= ‘subscriber’.

АБОНЕМЕНТ, -а, -м:
право пользования чем-либо
в течение определённого срока,
а также документ,
удостоверяющий это право.

‘the right to use something
for a certain period and
a document certifying this right’

Abonnement, m:
= абонемент.

= ‘subscription’.

Just as for interlingual homonymy, we consider it legitimate to single out *unidirectional interlingual paronymy*. In our examples, it is observed only in the direction from Russian to French. In the opposite direction, there is no interfering phenomenon of interlingual paronymy, there is only one full lexical parallel (full interlexeme) and one false lexical parallel. Here are a few examples to support this idea:

КРИТЕРИЙ, -я, м:
признак, на основании
которого производится
оценка, определение или
классификация чего-либо.
соревнования.

‘a sign based on which an assessment,
definition or classification
of something is made’

Critère, m:
= критерий.

⚠ **Criterion**, m:
отборочные спортивные
соревнования.

⚠ ‘qualifying sports competitions’

ЮМОР, -а, м:
беззлобно-насмешливое
отношение или качество чего-л.,
вызывающее смех; изображение
чего-л. в смешном виде.

Humour, m:
= юмор.

‘a mildly mocking attitude or
quality of smth that causes laughter;
image of smth in a funny way’

= humour’

⚠ **Humeur**, f:
1. органическая жидкость,
влага в организме;
2. настроение, расположение духа;
3. плохое настроение, досада.

⚠ ‘1. organic liquid, moisture in the body;
2. mood;
3. bad mood, annoyance.

Observations on interlingual relations of associative correlations of words reveal a special group of lexical parallels — false interlingual paronyms, which V.V. Dubichinsky calls *non-correlative interlingual paronyms*:

⚠ **МАЙОР**, -а, м:
офицерское звание выше
капитана и ниже полковника,
а также лицо, носящее
это звание
– commandant (m);
и хозяйственной части;

⚠ **Maieur, Mayor**, м:
мэр.

⚠ **Major**, м:
1. интендант, помощник
командира по административной

2. лучший курсант;
3. *уст.* военный врач.

‘an officer’s rank above captain
and below colonel,
and the person having this rank’

‘mayor.

1. quartermaster, assistant commander
in administrative and economic affairs;

2. the best cadet;
arch. military doctor’

Research results

Having summarized the language material of the previous studies of Russian-French language contacts and the lexicographic data of bilingual dictionaries, we have selected a vocabulary of 1357 items. The resulting list of words was analyzed from the point of view of the composition of the semantic structure of each word according to the explanatory dictionaries of Russian¹⁰ and French¹¹. The data of explanatory dictionaries on the content of the semantic structure of each selected lexeme were checked and refined based on a sample of contextual word usages

¹⁰ *Morkovkin V.V., Bogacheva G.F., Lutskaya N.M.* Big universal dictionary of the Russian language. Moscow: Dictionaries of the 21st century, 2017. (In Russ.). *Shvedova N.Yu.* Russian semantic dictionary: Explanatory Dictionary, systematized by classes of words and meanings. Moscow: Azbukovnik: Institute of the Russian Language of Russian Academy of Sciences, 2014. (In Russ.). *Efremova T.F.* Modern explanatory dictionary of the Russian language. Moscow, 2005. (In Russ.). *Kuznetsov S.A.* Big explanatory dictionary of the Russian language. St. Petersburg, 2000. (In Russ.). *Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu.* Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow, 1994. (In Russ.).

¹¹ The 9th edition (1992-...) of the Dictionary of the French Academy. URL: <https://academie.atilf.fr/9/> (accessed: 27.02.2022). Computerized Treasure of the French Language. URL: <http://atilf.atilf.fr/tlfi.htm> (accessed: 27.02.2022).

Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/> (accessed: 27.02.2022).

from the National Corpus of the Russian Language¹² [20] and French-language corpora of texts¹³ [21]. This made it possible to fill the proposed V.V. Dubichinsky typology of lexical parallels in the new Russian-French language material.

Some inaccuracies in the interpretation of the semantic structure of individual lexemes and, as a result, the degree of their internationality and equivalence in translation were also corrected. So, for example, N.V. Krasnokutskaya qualifies the lexical parallel *avocat* — *адвокат* ‘lawyer’ as words with a complete coincidence of meanings [22. P. 7], however, as we saw above, in this case there is only a partial coincidence. Based on the data of the analysis presented in the article and with the involvement of the linguistic material of previous studies, there can be made a full-fledged lexicographic comparison and description of Russian-French lexical parallels.

Conclusion

The analysis of the branched typology of Russian-French lexical parallels convincingly shows that without a special lexicographic reference book, even a highly qualified translator is not able to master all the features and subtleties of the word usage of lexical parallels in order to easily navigate them when working with two languages, and — what is more — neither can do a person who is just starting to learn a foreign language (Russian or French). Which is why the types of words considered here require a scientifically based collection, delimitation, classification and lexicographic description. From the point of view of the methodology of teaching foreign languages, such work will also clarify the boundaries of the potential vocabulary of a French speaker (or a user of French as a second language of communication) who studies Russian as a foreign language (and vice versa). Despite the long history of study and dictionary description, full, partial and false lexical parallels, as well as interlingual homonyms and paronyms of Russian and French, still do not have a full-fledged lexicographic fixation. Given current trends towards international cooperation in the field of globalization of education and intercultural communication and taking into account the activities of educational institutions for teaching French-speaking students the Russian language around the world (as well as tasks of teaching French to Russian speakers) and the work to create teaching aids for a particular language contingent of students [23–25], the need for a dictionary of this kind is felt especially acutely. The development of dictionaries of lexical parallels for other pairs of languages is still relevant.

¹² National corpus of the Russian language. URL: <https://ruscorpora.ru/> (accessed: 27.02.2022). (In Russ.).

¹³ Lexiquum. URL: <http://retour.iro.umontreal.ca/cgi-bin/lexiquum>

References

1. Novikov, L.A. (1963). On semantic re-formation of borrowed words in the Russian language [O semanticheskom pereformlenii zaimstvovannykh slov v russkom yazyke]. *Russkiy yazyk v shkole*, 3, 5–10. (In Russ.).
2. Garbovsky, N.K. (2007). Translation theory [Teoriya perevoda]. Moscow: MSU publ. (In Russ.).
3. Zhluktenko, Yu.O. (1966). Language contacts. Problems of interlinguistics [Movni kontakti. Problemy interlingvistiki]. Kiev: Kiev University publ. (In Ukr.).
4. Gotlieb, K.G.M. (1972). German-Russian and Russian-German Dictionary of “False Friends of the Translator”. Moscow: Sovetskaja Entsiklopedija. (In Russ.).
5. Akulenko, V.V. (1969). About the “false friends of the translator” [O lozhnykh druž'yakh perevodchika]. In: *English-Russian and Russian-English Dictionary of “False Friends of the Translator”*. Moscow: Sovetskaja Enciklopedija. pp. 371–384. (In Russ.).
6. Zelenina, T.I., Malykh, L.M., Butorina, N.V., Kochurova, Ju.A. & Fedotova, I.A. (2014). Comparison of vocabulary of European languages in diachrony and synchrony [Svravenie leksiki evropeyskikh yazykov v diakhronii i sinkhronii: kollektivnaya monografiya]. Izhevsk: Udmurt University publ. (In Russ.).
7. Koessler, M. & Derocquigny, J. (1928). Les faux amis ou les trahisons du vocabulaire anglais (conseils aux traducteurs). Paris: Librairie Vuibert.
8. Dubichinsky, V.V. & Reuter, T. (2015). Theory and lexicographic description of lexical parallels [Teoriya i leksikograficheskoe opisanie leksicheskikh paraleley: monografiya]. Kharkiv: Pidruchnik NTU “KhPI» publ. (In Russ.).
9. Web-site page of Kharkiv Lexicographic Society. URL: <http://users.kpi.kharkov.ua/ukrosm/khlex.html> (accessed: 27.02.2022).
10. Kozdra, M. (2017). Principles of lexicography in the Russian-Polish dictionary of lexical parallels [Printsipy leksikografirovaniya v russko-pol'skom slovare leksicheskikh paraleley]. *Philology*, 1 (7), 95–100. (In Russ.).
11. Baryshnikova, E.N. & Kazhuro, D.V. (2019). Interlexicography in teaching Russian as a second language. *The European Proceedings in Social and Behavioral Sciences*. LXXVI, 234–242. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.12.04.33>
12. Kochurova, Yu.N. (2010). Internationalisms of French origin in synchrony and diachrony [dissertation]. Izhevsk. (In Russ.).
13. Dubichinsky, V.V. (1993). Lexical parallels [Leksicheskie paralleli]. Kharkiv: Kharkiv Lexicographic Society. (In Russ.).
14. Budagov, R.A. (1971). A few remarks about the “false friends of the translator” [Neskol'ko zamechaniy o «lozhnykh druž'yakh perevodchika»]. *Masterstvo perevoda. Sbornik vos'moj*.
15. Novikov, L.A. (2001). Selected Works. Vol. II. In: Aesthetic aspects of the language. Miscellanea. Moscow: RUDN publ. (In Russ.).
16. Akulenko, V.V. (1961). Is there an international lexis? [Sushchestvuet li internatsional'naya leksika?] *Voprosy jazykoznanija (Topics in the study of language)*, 3, 60–68.
17. Bankav, A.Ja. (1986). The role of the French language in the internationalization of the vocabulary of Germanic languages [Rol' frantsuzskogo yazyka v internatsionalizatsii slovnogo sostava neromanskikh yazykov]. *Sovremennyye problemy romanistiki: funktsional'naja semantika*. Vol. I. Kalinin: Kalinin State University publ. pp. 17–19. (In Russ.).
18. Novikov, L.A. (2001). Selected Works. In 2 vols. Vol. 1. Problems of linguistic meaning. Moscow: RUDN publ. (In Russ.).
19. Kuznetsova, I.N. (2021). Theory and practice of lexical interference (based on the material of French and Russian languages) [Teoriya i praktika leksicheskoy interferentsii (na materiale frantsuzskogo i russkogo yazykov): monografiya]. Moscow: Nestor Akademik publ. (In Russ.).
20. Russian National Corpus. URL: <https://ruscorpora.ru/> (accessed: 27.02.2022).
21. Lexiquum. URL: <http://retour.iro.umontreal.ca/cgi-bin/lexiquum> (accessed: 27.02.2022).

22. Krasnokutskaya, N.V. (2018). The problem of interlingual homonymy in teaching Russian as a foreign language to European students. *World of Science. Pedagogy and psychology*, 1(6). URL: <https://mir-nauki.com/PDF/46PDMN118.pdf> (accessed: 15.01.2022). (In Russ.).
23. Kurguzenkova, Zh.V. (2007). A new manual for independent work of students studying French. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 2, 122–124. (In Russ.).
24. Ndiay, M. (2008). The Russian language in the conditions of the educational system of Senegal. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 4, 44–48. (In Russ.).
25. Khavronina, S.A. (2003). Practical course of the Russian language for francophones: linguodidactic basics. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 1, 156–151. (In Russ.).

Библиографический список

1. Новиков Л.А. О семантическом переоформлении заимствованных слов в русском языке // РЯвШ. 1963. № 3. С. 5–10.
2. Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: МГУ, 2007.
3. Жлуктенко Ю.О. Мовні контакти. Проблеми інтерлінгвістики. Київ: Вид-во Київськ. ун-ту. 1966.
4. Готлиб К.Г.М. Немецко-русский и русско-немецкий словарь «ложных друзей переводчика». М.: Сов. энциклопедия, 1972.
5. Акуленко В.В. О «ложных друзьях переводчика» // Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика». М., 1969. С. 371–384.
6. Зеленина Т.И., Малых Л.М., Буторина Н.В., Кочурова Ю.А., Федорова И.А. Сравнение лексики европейских языков в диахронии и синхронии: коллективная монография. Ижевск: Удмуртский университет, 2014.
7. Koessler M., Derocquigny J. Les faux amis ou les trahisons du vocabulaire anglais (conseils aux traducteurs). Paris: Librairie Vuibert, 1928.
8. Дубичинский В.В., Ройтер Т. Теория и лексикографическое описание лексических параллелей: монография. Харьков: Підручник НТУ «ХПІ», 2015.
9. Веб-страница Харьковського лексикографічного об'єднання. [Електронний ресурс] Режим доступу: <http://users.kpi.kharkov.ua/ukrosm/khlex.html> (дата звернення: 27.02.2022).
10. Коздра М. Принципи лексикографування в руско-польському словарі лексических параллелей // *Phylology*. 2017. № 1 (7). С. 95–100.
11. Baryshnikova E.N., Kazhuro D.V. Interlexicography in Teaching Russian as a Second Language // *The European Proceedings in Social and Behavioural Sciences*. 2019. Vol. LXXVI. P. 234–242. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.12.04.33>
12. Кочурова Ю.Н. Интернационализмы французского происхождения в синхронии и диахронии: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19. Ижевск, 2010.
13. Дубичинский В.В. Лексические параллели: монография. Харьков: Харьковское лексикографическое общество, 1993.
14. Будагов Р.А. Несколько замечаний о «ложных друзьях переводчика» // Мастерство перевода. 1971. Сб. восьмой. С. 362–368.
15. Новиков Л.А. Избранные труды. Т. II: Эстетические аспекты языка. Miscellanea. М.: РУДН, 2001.
16. Акуленко В.В. Существует ли интернациональная лексика? // Вопросы языкознания. 1961. № 3. С. 60–68.
17. Банкав А.Я. Роль французского языка в интернационализации словарного состава нероманских языков // Современные проблемы романистики: функциональная семантика: тез. V всесоюз. конф. по романскому языкознанию. Т. I. Калинин: Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1986. С. 17–19.

18. Новиков Л.А. Избранные труды. Т. I: Проблемы языкового значения. М.: РУДН, 2001.
19. Кузнецова И.Н. Теория и практика лексической интерференции (на материале французского и русского языков). М.: Нестор Академик, 2021.
20. Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 27.02.2022).
21. Lexiquum. Режим доступа: <http://retour.iro.umontreal.ca/cgi-bin/lexiquum> (дата обращения: 27.02.2022).
22. Краснокутская Н.В. Проблема межъязыковой омонимии в преподавании русского языка как иностранного европейским учащимся // Интернет-журнал «Мир науки». 2018. №1. Режим доступа: <https://mir-nauki.com/PDF/46PDMN118.pdf> (дата обращения: 27.02.2022).
23. Кургузенкова Ж.В. Новое пособие для самостоятельной работы студентов, изучающих французский язык // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2007. № 2. С. 122–124.
24. Ндяй М. Русский язык в условиях образовательной системы Сенегала // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2008. № 4. С. 44–48.
25. Хавронина С.А. Практический курс русского языка для франкофонов: лингводидактические основы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2003. № 1. С. 156–151.

Information about the authors:

Elena N. Baryshnikova, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian Language and Teaching Methods, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); *Research interests*: language contacts in the lexicology of the Russian language; linguoculturological analysis of borrowed vocabulary In russian language; psycholinguistics; bilingualism; methods of teaching the Russian language as foreign; linguistic, linguoculturological and methodological foundations creation of nationally-oriented didactic materials on the Russian language as a foreign; *e-mail*: baryshnikova-en@rudn.ru
ORCID: 0000-0003-4228-1763 elibrary SPIN-code: 9044–9815; ResearcherID: AAM-8931-2020.

Manetu Ndyai, PhD in Pedagogy, Professor, Head of the Department of Russian Language, Cheikh Anta Diop University; *Research interests*: linguistics, linguoculturological and methodological foundations of didactic materials on RFL for the French-speaking audience of students, the system of language education in Senegal; *e-mail*: manetu.ndyay@ucad.edu.sn

Dmitry V. Kazhuro, Postgraduate student of the Department of Russian Language and Teaching Methods, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); *Research interests*: lexicology and lexicography, linguodidactics and methods of teaching Russian as a foreign language, methods of teaching vocabulary; *e-mail*: kazhuro-dv@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-1276-1208; elibrary SPIN code: 2357–2308; ResearcherID: U-7064-2018.

Сведения об авторах:

Барышникова Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета, Российский университет дружбы народов; *сфера научных интересов*: языковые контакты в лексикологии русского языка; лингвокультурологический анализ заимствованной лексики в русском языке; психолингвистика; билингвизм; методика обучения русскому языку

как иностранному; лингвистические, лингвокультурологические и методические основы создания национально-ориентированных дидактических материалов по русскому языку как иностранному; *e-mail*: baryshnikova-en@rudn.ru
ORCID: 0000-0003-4228-1763 elibrary SPIN-код: 9044–9815; ResearcherID: AAM-8931-2020.

Манету Ндяй, кандидат педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка, Университет им. Шейха Анты Диопа; *сфера научных интересов*: лингвистические, лингвокультурологические и методические основы создания дидактических материалов по РКИ для франкоязычной аудитории учащихся; система языкового образования в Сенегале; *e-mail*: manetu.ndyay@ucad.edu.sn.

Кажуро Дмитрий Валерьевич, аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета, Российский университет дружбы народов; *сфера научных интересов*: лексикология и лексикография, лингводидактика и методика преподавания русского языка как иностранного, методика обучения лексике; *e-mail*: kazhugo-dv@rudn.ru.
ORCID: 0000-0002-1276-1208; elibrary SPIN-код: 2357–2308; ResearcherID: U-7064-2018.

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-1-156-170

EDN: PVYCTM

UDC [811.581:811.161.1]'373:316.77

Research article / Научная статья

Seventy-Year History of Sino-Russian Relations through the Prism of Borrowed Vocabulary

Ekaterina M. Nedopekina , Ha Cong Peoples' Friendship University of Russia, (RUDN University),
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198 nedopekina-em@rudn.ru

Abstract. The purpose and objectives of this study relate to the field of interlanguage contacts and, in particular, to the observation of the process of lexical borrowing as a result of the interaction of non-closely related Russian and Chinese languages. This article discusses the question of the correlation between the nature of Sino-Russian relations and some processes in the vocabulary of the languages of these states. The objective of the study is to identify patterns in the change in the volume and features of borrowed vocabulary, depending on the specifics of the development of interstate relations between China and the USSR, and later the Russian Federation in the period from 1949 to 2022. Within 70 years since the establishment of diplomatic contacts between China and the Soviet Union in 1949, relations between the two countries have gone through three different stages — from warm to cool, and then a period of strategic cooperation — in all areas of public life: humanitarian, scientific, educational, political, military and economic. During these three different periods, the number and nature of Chinese borrowings in Russian and Russian borrowings in Chinese also underwent significant changes. They are reflected in the features of the process of adaptation of borrowed words at the phonetic, grammatical and semantic levels. The frequency of borrowed words use in the period under review in the media texts of both countries is of particular interest. Statistical data on the use of lexemes of Russian origin in Chinese and lexemes of Chinese origin in Russian, obtained from the data of national corpora of the two languages, allow to draw some conclusions about the popularity of certain foreign words at each of the three identified historical stages.

Keywords: language contacts, media texts, Russian language, Chinese language, State interaction

Article history:

Received: 01.08.2022

Accepted: 15.12.2022

For citation:

Nedopekina, E.M. & Ha, Cong (2023). Seventy-Year History of Sino-Russian Relations through the Prism of Borrowed Vocabulary. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(1), 156–170. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-156-170>

© Nedopekina E.M., Ha Cong, 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Семидесятилетняя история российско-китайских отношений сквозь призму заимствованной лексики

Е.М. Недопекина , Ха Цун

Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
 nedopekina-em@rudn.ru

Аннотация. Цель и задачи исследования относятся к области межязыковых контактов и, в частности, к наблюдению за процессом лексического заимствования в результате взаимодействия неблизкородственных русского и китайского языков. Рассматривается вопрос о корреляции между характером российско-китайских отношений и некоторыми процессами в лексике языков этих государств. Задачей исследования является выявление закономерностей в изменении объема и особенностей заимствованной лексики в зависимости от специфики развития межгосударственных отношений между Китаем и СССР, а позднее Российской Федерацией в период с 1949 по 2022 год. За 70 лет с момента установления дипломатических контактов между Китаем и Советским Союзом в 1949 г. отношения между двумя странами прошли три различных этапа — от теплых до прохладных, а затем периода стратегического сотрудничества — во всех областях общественной жизни: в гуманитарной, научной, образовательной, политической, военной и экономической области. В эти три различных периода количество и характер китайских заимствований в русском языке и русских заимствований в китайском языке также претерпели значительные изменения. Они отражаются в особенностях процесса адаптации заимствованных слов на фонетическом, грамматическом и семантическом уровнях. Особый интерес представляет частотность использования заимствованных слов рассматриваемого периода в текстах СМИ обеих стран. Статистические данные об использовании лексем русского происхождения в китайском языке и лексем китайского происхождения в русском языке, полученные благодаря данным национальных корпусов двух языков, позволяют сделать некоторые выводы о популярности тех или иных иностранных слов на каждом из трех выделенных исторических этапах.

Ключевые слова: языковые контакты, медийные тексты, русский язык, китайский язык, государственное взаимодействие

История статьи:

Дата поступления: 01.08.2022

Дата приема в печать: 15.12.2022

Для цитирования:

Nedopekina E.M., Ha Cong. Seventy-Year History of Sino-Russian Relations through the Prism of Borrowed Vocabulary // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 1. С. 156–170. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-156-170>

Introduction

One of the first linguists who used the term *language contact* in the scientific literature is U. Weinreich; in his book *Language in Contact* [1], and he quite broadly interpreted this concept as the alternate use of different languages by one person in his or her speech. The scientist suggested that language contacts can be direct

(In the case of face-to-face communication between interlocutors) and indirect. At the same time, U. Weinreich noted that indirect language contacts concern only lexical system of the language. In the texts of the Sino-Russian media, we observe an indirect type of linguistic contact, therefore, lexical phenomena, their causes and processes of adaptation through the prism of interstate relations are of the greatest interest. Thus, an attempt to find a correlation between various stages in the development of relations between Russia and China and the nature of lexical processes occurring in the Russian and Chinese languages in the selected periods can be considered the novelty of this study.

Sino-Russian relations have a long history marked both by periods of friendly contacts and by periods of weakening political, economic and cultural ties [2; 3]. On October 1, 1949, the foundation of People's Republic of China was proclaimed. At that time, the capitalist society, led by the United States, pursued a policy of isolating China in the international arena. On October 2, 1949, the government of the USSR decided to establish diplomatic relations with the PRC (People's Republic of China), and both states exchanged ambassadors. The Soviet Union was the first in history to establish diplomatic relations with China, and in 1950, the Chairman of the PRC Mao Zedong and Secretary General of the USSR I.V. Stalin signed the 'Treaty of Friendship, Alliance and Mutual Assistance'. The Soviet Union became the first country to provide economic assistance to the new China. However, in 1960, serious disagreements arose between the leading parties of the two states, and Sino-Soviet ties began to weaken. Relations between the two states remained antagonistic for almost 30 years. On March 24, 1982, Secretary General of the USSR L.I. Brezhnev delivered his 'Tashkent speech' in the capital of the Uzbek SSR, expressing his readiness to make every effort to improve relations with China. In May 1989, General Secretary of the CPSU (Communist Party of the USSR) Central Committee M.S. Gorbachev visited China, and Sino-Soviet relations began to normalize. After the dissolution of the Soviet Union on December 25, 1991, Sino-Soviet relations were replaced by Sino-Russian ones. In the 21st century, the development of relations between the two countries entered a period of strategic cooperation in the political, economic, scientific, educational and cultural fields.

All historical stages in the development of interstate relations are reflected in the language of both peoples. Even during the period of cooling between the two countries, contacts were not completely broken, as evidenced by the facts of the language and, above all, this is noticeable at the level of vocabulary. Words borrowed from Russian into Chinese and vice versa are found in media texts on political, economic, scientific and technological, educational, cultural and other topics throughout the entire period from 1949 to 2022. However, the volume and specificity of these borrowings differ, which is of great interest to linguists. According to the remark by N.V. Perfilieva and Hu Peipei, "borrowings appear in a field of human activity that is new, not fully mastered by various languages, and this is a convenient and quick way to fill semantic and linguistic gaps using

a common information space” [4. P. 69]. Therefore, this research is devoted to the study of the development of relations between China and the USSR (after 1991, the Russian Federation) through the prism of the adaptation of Chinese and Russian lexemes at the level of phonetics, grammar, semantics and style and their use in media texts of the two countries.

Research methodology

As the material of this study, we used the dictionary units of the database of the national corpus of the Russian language¹ and the national corpus of the Chinese language², both reflect the references to borrowed vocabulary, which is the focus of this study. The convenience of using the language bases mentioned above also lies in the fact that texts containing the vocabulary of interest to us are classified into oral, written, newspaper, poetic and regional, which contributed to a quick and efficient search and further analysis of lexical units. In addition, in the national corpora of these languages, it is possible to view the frequency of use of a particular lexeme by year. This fact made it possible to study the intensity of the use of Chinese lexical borrowings in mass media texts and to identify possible reasons for their popularity in different historical periods.

The approach to the analysis of the adaptation of Russian lexical borrowings in the Chinese language and Chinese lexical borrowings in Russian was carried out from different angles: in terms of graphics, in a phonetic aspect, in the field of grammar and semantics, and also in the context of the style of a particular media article. Media texts were chosen as the sources of the studied vocabulary, since, according to the remark by M.V. Zagidullina and A.K. Kiklewicz, “the language of journalistic discourses <...>function ... in a broader socio-cultural context, under the influence of processes taking place in society at a certain historical stage” [5. P. 402], which once again indicates the importance of correlating the historical stages of development of interstate relations and the lexical processes that are observed during these periods.

Research Results

Sino-Soviet comprehensive cooperation from 1950 to 1960

In October 1949, the People’s Republic of China was formally proclaimed. The Soviet Union became the first country to recognize the new state and establish diplomatic relations with it. On February 14, 1950, the leader of the PRC, Mao Zedong, and the General Secretary of the USSR, I.V. Stalin signed the bilateral ‘Sino-Soviet Treaty of Friendship, Alliance and Mutual Assistance’, after which

¹ Russian National Corpus. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (accessed: 20.08.2022).

² Chinese National Corpus. URL: <http://www.ncorpus.org> (accessed: 10.08.2022).

relations between China and the Soviet Union entered a period of close cooperation in various spheres of public life.

In the field of political interaction, the PRC Chairman and the USSR General Secretary continued to exchange visits and actively supported inter-party cooperation. China studied the political system of the Soviet Union, and the leaders of the CCP (Chinese Communist Party) carefully examined the experience of the modernization of the Soviet Union as a possible model for the development of their own political system. In economic terms, we observe widely developed and active interaction and trade between the Soviet Union and China. In 1950, the total of imports and exports between the two countries was 338 million US dollars, and as of 1950, the Soviet Union was China's largest export partner. In 1959, it increased to 2,097 billion US dollars, which was about 50 % of China's total imports and exports and 20 % of the Soviet Union's total exports and imports³. During this period of warm relations between the two states, the Soviet Union sent China a large amount of financial assistance and delegated experts in energy, raw materials, military and civil engineering to help restore the economic situation of their partner and provide appropriate technical guidance. In the field of culture and education, there was also an intensive development of bilateral contacts: in the 1950s, 8,357 Chinese students preferred the Soviet Union to acquire the necessary knowledge and professional skills⁴. In 1950, 19 universities in China, including Renmin University, successively integrated faculties of the Russian language. At the same time there were opened 7 Russian-language special educational institutions, with an enrollment of more than 4,000 people; Russian was also taught in many secondary schools. From 1950 to 1963, China sent 9,594 foreign students to study abroad; 8,357 of them went to the Soviet Union, 925 travelled to Eastern Europe and 17 departed to Western Europe and Asia, thus Russian became the most popular foreign language among Chinese schoolchildren and students⁵. The country began a large-scale reduction of multidisciplinary universities, which were replaced by highly specialized educational institutions. Religious universities were closed everywhere. Thus began the development of unified teaching materials and curricula, the number of students studying the humanities decreased, but the number of students studying the natural sciences increased⁶.

In the context of almost complete acceptance of the political, economic and cultural guidelines of the Soviet Union during this period, a large number

³ Lu, N. (2008). A Brief History of Sino-Soviet Economic and Trade Relations. *Eurasian Economy: Russia Central Asia Eastern Europe Markets*, 6, 6–14. (In Chinese).

⁴ Zhang, Q., Jiang, L. & Yao, F. (2008). Sending students to the Soviet Union in the early years of the new China. *Centennial tide*, 11, 1–5. (In Chinese).

⁵ Wang, C. (2010). Analysis of History and Current State of Russian Language Education in China. *Journal of Sichuan Polytechnic University, Social Science Publication*, 3 (25), 95–98. (In Chinese).

⁶ Zhou, C. (2000). *Atlas of the history of the People's Republic of China*. Hong Kong: Zhonghua Bookstore Publ. (In Chinese).

of Russian borrowed vocabulary appeared in the Chinese language, for example, words such as 全民所有制 [quán mǐn suǒ yǒu zhì] *всенародная собственность* [vsenarodnaya sobstvennost'] 'national property', 生产指标 [shēng chǎn zhǐ biāo] *производственная норма* [proizvodstvennaya norma] 'production norm', 教研室 [jiào yán shì] *кафедра* [kafedra] 'university chair', 人造卫星 [rén zào wèi xīng] *спутник* [sputnik] 'satellite', etc. At the same time, a certain amount of Chinese vocabulary was borrowed into Russian, for example, the words *Маоизм* [maoizm] 毛泽东思想 [máo zé dōng sī xiǎng] 'Maoism', *китайский юань* [kitayskiy yuan] 元 [yuan] 'Chinese yuan' and *пиньинь* [pinin] 拼音 [pīn yīn] 'pinyin'.

The general characteristic of Chinese borrowed words in the Russian language and vice versa, Russian words in Chinese in the period from 1949 to 1960 is manifested in the fact that these vocabulary units serve a wide range of areas of life of the two peoples: social, political, industrial, scientific, educational, technical, cultural, and the sphere of everyday human life. We have found less than 20 Chinese borrowings in Russian, while more than 170 Russian borrowings have been spotted in Chinese, as evidenced by the data of etymological dictionaries. These words were mainly used to nominate the concepts of the semantic field of politics, economics, education and culture.

Among the reasons why there are much more Russian borrowed vocabulary units in Chinese than Chinese borrowings in Russian, we can mention the following. Firstly, during the described period, due to the political blockade imposed on China by the capitalist countries led by the United States, and as a result of the policy of state development following the example of communist Russia pursued by China, the knowledge of Western languages (especially English) and communication in them were strictly limited. Secondly, for ideological reasons, Russian was almost the only foreign language that was used for interstate contacts between the two countries at a time when cooperation between China and the Soviet Union became especially close. Thirdly, the strong influence of the Russian language in the PRC was ensured by its use by Chinese students who returned from the Soviet Union after their studies, by a large number of Soviet specialists who provided comprehensive support to China, and by intensive international communication in the fields of production, technology, science, culture and control systems. Thus, the Russian language became not only the main source of replenishing the vocabulary of the Chinese language but also served as an intermediary language for assimilation the words of other foreign languages in Chinese. For example, words from European languages such as *shampoo* (Eng.) 洗发香波 [xǐ fà xiāng bō] *шампунь* [shampun], *summit* (Eng.) 峰会 [fēng huì] *саммит* [sammit] are pure phonetic borrowings that entered Chinese through Russian [6].

In the process of adaptation, borrowings in Russian as a successor language most often find themselves in a situation of sound borrowing, that is, transcription (if we are talking about oral speech) or transliteration (if words are fixed in writing). For example, the word from the semantic field 'politics' of this period *маоизм* [maoizm]

‘Maoism’, which denotes a system of views that manifested itself in the policy of the Chinese leadership during the reign of Mao Zedong in the 1950s—1960s [7], is an example of phonetic borrowing and is a semi-calque. This word contains the Chinese borrowed root 毛 [máo] -*mao*- [mao] ‘mao’, which is the surname of the first chairman of the PRC, Mao Zedong. However, the lexeme is not a calque in the strict sense of this term, since the Russian suffix -изм- [izm] ‘ism’ joined the root and helps to form masculine nouns in the Russian language, which are the names of socio-political, scientific or aesthetic teachings, trends, an ideological system [8]. In Russian, this word refers to Abstract masculine nouns, since it has the meaning of objectivity, answers the question “what?”, does not have plural forms and ends in a consonant, in speech it is expressed as one or another member of the paradigm of case word forms of this lexeme.

According to the National Corpus of the Russian Language, in the period from 1949 to 1960, the word *маоизм* ‘Maoism’ is mentioned 9 times. It first appeared in 1955 in issues 7–9 of the *Neva* magazine. In Russian-language texts, the word *маоизм* ‘Maoism’ is also present, for example, in the book *Diary* by A.S. Chernyaev, published in 1973: “And vice versa, having believed Mao and supporting him ideologically (the philosophy of the cultural revolution), he politically takes *Maoism* only with a plus”⁷. The context indicates the positive connotation of a given word in both the source language and the successor language. However, in the future, the word does not go out of use and is repeatedly mentioned in the texts of the media after 1960.

Since the PRC chose the political and economic system of the Soviet Union as a model, during this period a large number of Russian loanwords appeared in the Chinese language precisely from these areas. For example, in the aspect of the economic system, the word 五年计划 [wǔ nián jì huà] *пятилетка* [pyatiletka] ‘five-year plan’ — “a method of planning the development of countries, including the development of targets for socio-economic development for a period of 5 years” [9]. This lexeme is a complete semantic borrowing, a calque. In Russian, *пятилетка* [pyatiletka] ‘five-year plan’ is a lexical condensate, that is, a kind of slang expression from the economic field, which is an abbreviation of the expression “five-year plan” by removing the second word of this expression and adding suffix -к- [k] to the first word and the feminine ending -а [a]. Once in the Chinese language, the word splits into two parts, each of which is translated into Chinese: 五年 [wǔ nián] ‘five-year’ and 计划 [jì huà] ‘plan’.

This word came to the Chinese language, retaining its original meaning “economic development plan in the course of five years” [10], as evidenced by the use of this word in Chinese media texts, for example, in the book by R. Wang *Philosophical Common Sense* (1957): «中国人民经过一系列的斗争,建立了工人阶级领导的人民民主政权,制定了改造自然和伟大的五年计划,向着社会主义社会的目标一步步地胜利前进» [After a number of battles, people of China

⁷ Chernyaev, A.S. (1973) *Diary: private life, politics and public life*. Moscow: TERRA. (In Russ.).

have established a people's democratic political power led by the working class, determined the general line for the transition period, formulated the great *five-year plan* for the transformation of nature and society, and is victoriously advancing step by step towards the goal of building a socialist society]⁸. In this sentence, the author of the article specifies that the development of a five-year plan is a necessary element of economic policy for building a socialist society in New China and uses the adjective 伟大的 [wěi dà de] 'great' giving this word a positive connotation.

This vocabulary unit occurs only 81 times in the national Chinese corpus. The earliest use is in 1935, but most often it is recorded in the 1980s. In the period from 1949 to 1960, it occurs in Chinese texts 11 times, and in 1980–1990–52 times.

The period of deterioration of Sino-Soviet relations from 1960 to 1989

In 1958, the Soviet Union proposed to its Asian partner that they create a common fleet on Chinese territory and in territorial waters. These demands, affecting China's sovereignty, were immediately and decisively rejected by Mao Zedong and other Chinese leaders. Shortly thereafter, Sino-Soviet relations began to deteriorate rapidly.

In 1966, L.I. Brezhnev was elected General Secretary of the Central Committee of the CPSU; he advocated the deployment of more troops and weapons on the Sino-Soviet border as well as the deployment of bombers with nuclear weapons in the Far East. Particular tension between China and the Soviet Union existed due to disputes over the Damansky (Zhenbao) and Kirkinsky (Qiliqin) Islands. In the 1970s, Chinese Communist Party chairman Mao Zedong refocused his country's foreign policy towards uniting with Third World states and building a front with the United States against Soviet hegemony.

During this period, the Sino-Soviet Treaty of Friendship, Alliance and Mutual Assistance became invalid. As early as in July 1960, the Soviet Union decided to recall all specialists from China, broke 243 cooperation agreements and stopped 257 scientific and technical cooperation projects. The deterioration of relations between the two states led to a significant decrease in the intensity of bilateral trade. According to the Central Statistical Bureau of the USSR, in 1960 the volume of Sino-Soviet trade was still 14.9 % of the total foreign trade of the Soviet Union, but in 1961 it fell sharply to 7.8 %. Since then, it continued to decline annually, and in 1981, the volume of trade between China and the Soviet Union was only 0.1 % of the total foreign trade of the Soviet Union, which was the lowest value in the history of interaction between the two countries⁹.

⁸ Wang, R. (1957). *Philosophical Common Sense*. Wuhan: Training Journal Press. (In Chinese).

⁹ Ceng, C. (1990). *Dictionary of foreign words of the Chinese language*. Beijing: Commercial Press. (In Chinese).

Significant changes also took place in the sphere of culture and education. The Chinese Cultural Revolution of 1966–1976 led to a decrease in the number of academic exchanges between China and the Soviet Union. At the same time, the Chinese withdrew their journalists from the Soviet Union, and on the pages of the Chinese media in the 1960s and 1970s, the Soviet Union was increasingly characterized negatively and associated with such concepts as hegemony and dictatorship.

Against the backdrop of political, economic and cultural confrontation between the two countries during this period, the number of Chinese borrowings in the Russian language and Russian borrowings in Chinese dramatically decreased in comparison with the previous period. For example, sinicisms defining the events of the Cultural Revolution in China in the 1960s were borrowed into the Russian language: *дацзыбао* [datszybao] 大字报 [dà zì bào] ‘handwritten wall newspaper’, *хунвейбин* [khunveybin] 红卫兵 [hóng wèi bīng] ‘members created in 1966–1967 years of detachments of student and school youth in China’, etc. And in Chinese appeared the words 导弹 [dǎo dàn] *управляемый снаряд* [upravlyayemyy snaryad] ‘guided projectile’, 空间站 [kōng jiān zhàn] *космическая станция* [kosmicheskaya stantsiya] ‘space station’.

The Chinese lexeme of the semantic field ‘politics’ of this period, *дацзыбао* [datszybao] means “leaflets and posters written by hand and posted on the walls of buildings in China in the 1950s—1970s” [11]. This word is an example of phonetic borrowing. In the successor language, it consists of three syllables, as well as in the source language. The vowels in the first and third syllables are directly transliterated according to the rules of pinyin notation: in the second syllable, [zi] is pronounced as *цзы* [tszy]. Instead of a sequence of three syllables of the fourth Chinese tone in Russian, the lexeme gets the stress on the third syllable. The first syllable *да* [da] — *dà* means ‘big’, the second syllable *цзы* [tszy] — *zì* means ‘hieroglyph’ and the last syllable *бао* [bao] — *bào* is interpreted as ‘newspaper’, that is, literally this word is interpreted as ‘newspaper of large hieroglyphs’. In Russian, it refers to nouns, since it has the meaning of objectivity and acquires a formal meaning of the middle gender (In the initial form it ends with the letter [o]) and in Russian texts it does not change in cases and numbers.

According to the statistics of the National Corpus of the Russian Language, in the period from 1960 to 1989, the word *дацзыбао* [dà zì bào] occurs 13 times in media texts in Russian. It is noted in the book *Diaries* by V.A. Rubin published in 1968: “Others wrote *dazibao*, supporting those who rose to the Cultural Revolution, welcomed the deed with gongs and drums, helped the illiterate write *dazibao* about the struggle with their egoism”¹⁰. The text expresses irony towards those who write *dazibao* to promote the ‘glorious deeds’ of the Chinese, since in fact *dazibao* is an instrument of open criticism of the individual and control of public

¹⁰ Rubin, V.A. (1968). *Diaries. Letters: Book 1*. Jerusalem: Biblioteka-Aliya. (In Russ.).

opinion. This word first appeared in 1959 in the *Ogonyok* magazine, and until 2017 it was widely used in Russian media.

During this period of interruption of political, economic and cultural contacts between the two countries, the number of language contacts also decreases, therefore, a small number of Russian borrowings in Chinese is recorded. However, the success of the USSR in the aerospace industry in the early 1960s was noted throughout the world, including in China, as evidenced by the facts of the language. So, for example, the phrase 空间站 [kōng jiān zhàn] ‘space station’ is borrowed into Chinese. However, this borrowing is possible given cultural and mental characteristics of Chinese speakers as a necessary aspect of interethnic interaction, as Jean Langlois spoke about in his article [12]. Therefore, the Russian lexical unit *космическая станция* [kosmicheskaya stantsiya] ‘space station’ is fixed in the successor language as a ‘multi-purpose spacecraft designed to provide a comprehensive solution of scientific and applied problems’ [13]. This lexical unit is an example of semantic borrowing. In Chinese, this word is represented in three hieroglyphs. The first hieroglyph 空 [kōng] means ‘a place above the ground’, the second hieroglyph 间 [jiān] means ‘separated and disconnected’, the last hieroglyph 站 [zhàn] is translated as ‘transit place to stop’. Three separate hieroglyphs joined together form this Chinese word. Once in the Chinese language, the Russian phrase *космическая станция* [kosmicheskaya stantsiya] ‘space station’ (which reflects the complex grammar of the inflectional Russian language) was transformed into one word, which is typical in a language with an isolating type of grammar. In Chinese, this word can be combined with verbs (对接空间站 [duì jiē kōng jiān zhàn] ‘dock to a space station’) and adjectives (国际空间站 [guó jì kōng jiān zhàn] ‘international space station’).

According to the National Corpus of Chinese, this lexeme was used in media materials in Chinese only 6 times from 1960 to 1989, precisely because the relations between the states during this period were very tense. The word first appeared in the popular science magazine *Star Envoy X-6* in 1979. The use of this lexeme increased rapidly at the beginning of the 21st century, with a total of 2,282 uses in the media, indicating its significant popularity in the Chinese media today.

Period of normalization and development of strategic Sino-Russian relations from 1989 to 2022

In March 1985, M.S. Gorbachev became the General Secretary of the Central Committee of the CPSU. In May 1989, he visited China and had a meeting with Zhao Ziyang, the General Secretary of the CCP Central Committee, Deng Xiaoping, the Chairman of the CCP Central Military Commission, and other top CCP leaders. This was the first official meeting of the leaders of the two countries in three decades, which meant some positive changes in relations between the two states.

On December 25, 1991, the Soviet Union dissolved, and Sino-Soviet contacts became Sino-Russian relations, which became closer as a result of the changing international geopolitical climate. At the beginning of the 21st century, the relations between the two states reached a new level. In the field of political interaction, the leaders of the two countries regularly exchange high-level meetings. China and Russia insist on remaining reliable partners, good friends and neighbours, refraining from alliances with unfriendly third parties or mutual confrontation. There have been significant positive developments in economic cooperation, with Sino-Russian trade reaching \$146.87 billion in 2021, surpassing \$140 billion for the first time in history, up 35.9% in comparison with the previous year. These data show that China has been Russia's main trading partner for twelve consecutive years¹¹. In addition, the two countries are also actively involved in cultural and academic exchanges. At 18 Russian universities, including Moscow Lomonosov State University, there are Confucius Institutes, and since 2020, an exam in Chinese as a foreign language has been included in the unified state exam of Russia. According to the official statistics of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, by 2020 Russia and China had managed to achieve a total indicator of bilateral educational exchanges of students of 100,000 people. In 2012, the total number of Russian students in China was about 15,000 people, Chinese students in Russia — more than 25,000 people. By the end of 2019, the number of Russian students in China increased by 36% and amounted to more than 20,000 people. The number of Chinese students in Russia has almost doubled to 48,000¹².

Thanks to the growing cooperation between China and Russia in the field of political, economic and cultural relations during this period, language contacts between the two countries also intensified. However, as a result of China's economic policy of 'reforms and opening up' and 'socialist market economy' in the 1980s, contacts between China and other countries, especially the United States and Japan, gradually began to develop. As a result of this process, the vocabulary of English and Japanese became the main object of borrowing into Chinese. Unlike the situation in the 1950s, when Russian was the only foreign language that the Chinese preferred and actively used for lexical borrowing, in the last 30 years the influence of Russian vocabulary on Chinese has been gradually weakening. Therefore, today in Chinese there are only a few words of Russian origin from the period 1989–2022, for example, 独联体 [dú lián tǐ] *ЧИГ* [SNG] 'CIS', 无情哈拉少 [wú qíng hā lā shào] *очень хорошо* [ochen' khorosho] 'very good', etc. Since the economic power and international status of China has increased significantly, the Chinese language

¹¹ Liu, Y. & Zhang, D. (2022). *Ministry of Commerce: In 2021, bilateral trade between China and Russia will exceed \$140 billion for the first time*. URL: <https://m.gmw.cn/baijia/2022-01/27/1302781596.html> (accessed: 24.08.2022). (In Chinese).

¹² Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. Russia and China have reached the level of academic mobility of 100,000 people. 2021. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/26080/> (accessed: 25.08.2022). (In Russ.).

begins to influence Russian more in terms of borrowing. A significant amount of vocabulary comes from Chinese into Russian, which deals with various spheres of human life, for example, *Таобао* [taobao] 淘宝 [táo bǎo] ‘an online store focused on the end user’, *вэйчат* [weychat] 微信 [wēi xìn] ‘a mobile communication system for transmitting text and voice messages’, *тайконавт* [taykonavt] 太空员 [tài kōng yuán] ‘astronaut of the Chinese space program’, etc.

The word *тайконавт* [taykonavt] is one of the latest examples of words of Chinese origin in Russian. This lexeme was borrowed into the Russian language in two versions: *тайконавт* [taykonavt] or *тайкунавт* [taykunavt]. It means ‘Chinese cosmonaut, astronaut’ [14] and in terms of shape it is an example of a half-calque. In the process of borrowing into the Russian language, this word has undergone morphological changes. The root of this word *-тайко-* [taiko] comes from the Chinese word 太空 [tài kōng], which is a phonetic borrowing that means ‘space’. At the same time, the suffix *-навт-* [navt] replaces the last hieroglyph of this word of Chinese origin 员 [yuan], which is a derivational unit that forms personal nouns from stems that are foreign in origin [15]. In Russian, this lexical unit refers to nouns, since it has the meaning of objectivity and acquires a formal meaning of the masculine gender (it ends in a consonant sound and has a zero ending), in Russian-language texts it changes in numbers and cases.

According to the Russian National Corpus, the word *тайконавт* [taykonavt] (or *тайкунавт* [taykunavt]) first appeared in April 2002 in a news article *Third ‘Magic Boat’ Landed in Inner Mongolia*, published on the website www.lenta.ru: “International media even came up with a name ‘taikonaut’, which they are going to call Chinese astronauts in the future”¹³. It is interesting that in the texts of the Russian media this lexeme is used to refer specifically to Chinese cosmonauts. In the period from 1989 to 2022, this word occurs 50 times in the media texts in Russian, which indicates its popularity among journalists.

In the context of the weakening of the influence of the Russian language on Chinese, the number of Russian borrowings in Chinese has noticeably decreased. However, during this period, some new Russian borrowings which belong to the sphere of politics appeared in the Chinese language. For example, the abbreviation 独联体 [dú lián tǐ] ‘CIS’ is a sematic borrowing in Chinese. In the source language, this lexeme is an abbreviation composed of the first letters of three Russian words (*Союз Независимых Государств* [soyuz nezavisimyh gosudarstv] ‘Commonwealth of Independent States’), translated in Chinese as 独立国家联合体 [dú lì guó jiā lián hé tǐ]. In the successor language, this word is also divided into three separate Chinese words 独立国家的 [dú lì guó jiā de], 联合的 [lián hé de] and 团体 [tuán tǐ], which are replaced by corresponding hieroglyphs for shortening: 独 [dú] ‘independent’, 联 [lián] ‘united’ and 体 [tǐ] ‘organization’.

¹³ Russian online news publication: Lenta.Third ‘Magic boat’ landed in inner Mongolia. 2002. URL: <https://lenta.ru/news/2002/04/01/spacecraft/> (accessed: 25.08.2022). (In Russ.).

This lexeme is mentioned in Chinese media texts 322 times between 1989 and 2022, according to the Chinese National Corpus. The word was first used in 1992 in the article *Speech at the Conference on National Economic Work*, which was published in the official Chinese newspaper *People's Daily*.

Conclusion

In the modern world in the international arena, Russia and China are major powers with colossal political and economic influence. The two countries have maintained diplomatic relations for over seventy years and have been closely linked by decades of friendly neighbourly relations. The historical development of contacts between the two countries is reflected in their languages. The number and nature of lexical borrowings testify to the deep humanitarian, economic and political ties established between the two countries. In the period from 1949 to 1960, the Soviet Union provided significant economic assistance to China, and at that time a large number of borrowings from the Russian language appeared in the Chinese language in various thematic areas, which is reflected primarily in media texts. At the stage of confrontation between the two countries from 1960 to 1989, interstate ties almost broke off, and, as a result, the number of language contacts between the two countries decreased, followed by a decrease in the volume of borrowings. In 1989, the relations between the two countries normalized. With the dissolution of the Soviet Union and the rise of China's all-encompassing power, the number of words of Chinese origin in Russian and the number of words of Russian origin in Chinese also changed proportionately. The number of words of Chinese origin in Russian significantly exceeds the number of words of Russian origin in Chinese. In the 21st century, the number of words borrowed into Russian from Chinese and vice versa is increasing as cooperation between the two countries intensifies. However, it should be noted that in recent years, the vocabulary of the Chinese language has been significantly more influenced by European languages, primarily English, than Russian due to the active development of information technology and technical innovation, where China and the United States remain world leaders.

References

1. Weinreich, U. (1953). *Languages in Contact, Findings and Problems*. New York: Linguistic Circle of New York.
2. Li, N. (2018). "One belt, one road" initiative as a new cooperation model of the PRC with Russia and Central Asia countries. *RUDN Journal of World History*, 10(4), 382–392. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2018-10-4-382-392> (In Russ.).
3. Chunyue, L. (2019). The evolutionary process of normalization of Soviet-Chinese relations and its historical significance. *RUDN Journal of World History*, 11(3), 222–234. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-3-222-234> (In Russ.).

4. Perfilieva, N.V. & Hu, P. (2012). Word building patterns of neologisms loanwords in Russian and Chinese in *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 4, 69–75. (In Russ.).
5. Zagidullina, M.V., & Kiklewicz, A.K. (2021). Some aspects of the Russian language democratization in modern media. *Russian Language Studies*, 19(4), 401–418. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-4-401-418> (In Russ.).
6. Guo, F. (2006). *A study of the development and change of Chinese vocabulary since the formation of New China*. Shijiazhuang: Hebei University Press. (In Chinese).
7. Burlatsky, F.M. (1967). *Maoism or Marxism?* Moscow: Politizdat. (In Russ.).
8. Efremova, T.F. (2005). *Explanatory dictionary of word-formation units of the Russian language: 1900 word-formation units*. Moscow: Astrel: AST. (In Russ.).
9. Olsievich, Yu.Ya. & Gregory, P. (2000). *Planning system in retrospect: Analysis and interviews with planning leaders of the USSR*. Moscow: Teis. (In Russ.).
10. USSR State Committee on Statistics. (2021). *The national economy of the USSR for 70 years*. Moscow: Kniga po Trebovaniyu. (In Russ.).
11. Egorova, T.V. (2014). *Dictionary of Foreign Words in Modern Russian*. Moscow: Adelant. (In Russ.).
12. Langlois, J. (2020). Language and cognitive science: How language affects reasoning and memory. *Training, Language and Culture*, 4 (3), 66–76. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2020-4-3-66-76>
13. Li, Y. (2016). *Journey to Paradise — Manned spacecraft*. Beijing: Chinese Aerospace Press. (In Chinese).
14. Burov, V.G. & Semenas, A.L. (2007). *Chinese-Russian Dictionary of New Words and Expressions*. Moscow: Vostochnaya kniga. (In Russ.).
15. Efremova, T.F. (2000). *New explanatory and derivational dictionary*. Vol. 1. A–O. Moscow: Russkiy yazyk. (In Russ.).

Библиографический список

1. Weinreich U. Languages in Contact. Findings and Problems. New York: Linguistic Circle of New York, 1953.
2. Лу Н. Инициатива «один пояс, один путь» как новая модель сотрудничества КНР с Россией и странами Центральной Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2018. № 10(4). С. 382–392. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2018-10-4-382-392>
3. Чуньюе Л. Нормализация советско-китайских отношений и ее историческое значение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2019. № 11(3). С. 222–234. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-3-222-234>
4. Перфильева Н.В., Ху П. Словообразовательные модели неологизмов-заимствований в русском и китайском языках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. № 4. С. 69–75.
5. Загидуллина М.В., Киклевич А.К. Некоторые аспекты демократизации языка современных российских СМИ // Русистика. 2021. № 19 (4). С. 401–418. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-4-401-418>
6. Го Ф. Исследование развития и изменения китайской лексики с момента образования Нового Китая. Шицзячжуан: издательство Хэбэйского университета, 2006.
7. Бурлацкий Ф.М. Маоизм или марксизм? М.: Политиздат, 1967.
8. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка: 1900 словообразовательных единиц. М.: Астрель: АСТ, 2005.
9. Ольсевич Ю.Я., Грегори П. Плановая система в ретроспективе: Анализ и интервью с руководителями планирования СССР. М.: Теис, 2000.

10. Государственный комитет СССР по статистике // Народное хозяйство СССР за 70 лет. М.: Книга по требованию, 2021.
11. *Егорова Т.В.* Словарь иностранных слов современного русского языка. М.: Аделант, 2014.
12. *Langlois J.* Language and cognitive science: How language affects reasoning and memory // *Training, Language and Culture*. 2020. №4 (3). P. 66–76. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2020-4-3-66-76>
13. *Ли И.* Путешествие в рай — пилотируемый космический корабль. Пекин: Китайская аэрокосмическая пресса, 2016.
14. *Буров В.Г., Семенов А.Л.* Китайско-русский словарь новых слов и выражений. М.: Восточная книга, 2007.
15. *Ефремова Т.Ф.* Новый толково-словообразовательный словарь. Т. 1 А—О. М.: Русский язык, 2000.

Information about the authors:

Ekaterina M. Nedopekina, PhD in Philology, PhD in Slavic Studies, Associate Professor of the Department of General and Russian Linguistics, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); *Research interests*: translation studies, language contacts, Russian language abroad; *e-mail*: nedopekina-em@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-5922-3669; eLIBRARY SPIN-code: 2249–1912, ResearcherID: GQP-0321-2022.

Ha Cong, PhD student at the Department of General and Russian Linguistics, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); *Research interests*: comparative linguistics, grammar and lexicology; *e-mail*: 1042218071@rudn.ru
ORCID: 0000-0001-9460-9957

Сведения об авторах:

Недопекина Екатерина Михайловна, кандидат филологических наук, PhD по славяноведению, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российский университет дружбы народов; *сфера научных интересов*: переводоведение, языковые контакты, русский язык зарубежья; *e-mail*: nedopekina-em@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-5922-366; eLIBRARY SPIN-код: 2249–1912, ResearcherID: GQP-0321-2022.

Ха Цун, аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов; *сфера научных интересов*: сопоставительное языкознание, грамматика и лексикология; *e-mail*: 1042218071@rudn.ru
ORCID: 0000-0001-9460-9957

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-1-171-188

EDN: PWGICA

УДК [811.161.1:811.133.1:811.581]³4

Научная статья / Research article

Сравнительный анализ фонетических систем русского, французского и китайского языков

О.К. Трубач , Д.И. Горшкова , Л.Н. Скляр

Московский технический университет связи и информатики (МТУСИ),

111024, Российская Федерация, г. Москва, ул. Авиамоторная, 8а

 olga_troubatch@yahoo.com

Аннотация. Исследование посвящено сравнению фонетических систем трех языков: русского, французского и китайского. Выбор данного материала для сравнения обусловлен тем, что в процессе обучения русскому языку иностранных учащихся преподаватели сталкиваются с необходимостью работы в мультиязычной аудитории, в состав которой могут входить носители разных, часто не родственных языков, при этом сформированность фонетических навыков является непременным условием адекватного речевого общения и успешной речевой коммуникации в целом. Именно эти обстоятельства стали причиной выбора для сравнительного анализа именно трех языков. Основной целью подобного сравнения является возможность прогнозирования возможных интерферентных ошибок в речи иностранцев на фонетическом уровне. Сравнительный анализ позволил выявить, что, несмотря на колоссальное структурное различие французского и китайского языков, можно найти немало точек соприкосновения, на основе которых вполне реально прогнозировать общие для французской и китайской аудитории ошибки в произношении. В результате исследования авторы пришли к выводу, что сходными чертами фонетических систем французского и китайского языков, ведущих к интерферентным ошибкам, можно считать принадлежность обоих языков к вокалическому типу. Проблемы, относящиеся к правилам позиционных изменений, связанные с характерным для русского языка консонантизмом, также являются общими для носителей французского и китайского языков. При сопоставлении ритмических и интонационных особенностей трех языков становится очевидно, что и в этом аспекте для носителей французского и китайского языков характерны общие типичные ошибки: отсутствие редукции безударных гласных, неправильное выделение ударного слога, неразличение интонационных конструкций. Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки национально-ориентированных курсов по фонетике, которые позволяли бы правильно выстроить работу по локализации и предупреждению интерферентных ошибок в речи иностранных учащихся в мультиязычной аудитории.

Ключевые слова: вокализм, консонантизм, дифференциальные признаки фонем, ассимиляция, ударение, редукция, тон, интонация

© Трубач О.К., Горшкова Д.И., Скляр Л.Н., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Дата поступления: 01.08.2022

Дата приема в печать: 15.12.2022

Для цитирования:

Трубач О.К., Горшкова Д.И., Скляр Л.Н. Сравнительный анализ фонетических систем русского, французского и китайского языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 1. С. 171–188. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-171-188>

Comparative Analysis of Phonetic Systems of the Russian, French and Chinese Languages

Olga K. Trubach , Daria I. Gorshkova , Lidia N. Sklyar

Moscow Technical University of Communications and Informatics (MTUCI),
8a, Aviamotornaya Street, Moscow, Russian Federation, 111024

 olga_troubatch@yahoo.com

Abstract. This choice of this material for comparison — the phonetic systems of three languages: Russian, French and Chinese — is due to the fact that in the process of teaching the Russian language to foreign students, teachers face the need to work with a multilingual audience, which may include speakers of different and often unrelated languages while the formation of phonetic skills is an indispensable condition for adequate verbal communication and successful verbal communication in general. It was these circumstances that led to the choice of three languages for comparative analysis. The main purpose of such a comparison is the possibility of predicting possible interference errors in the speech of foreigners at the phonetic level. Comparative analysis revealed that, despite the colossal structural difference between French and Chinese, there are many points of contact, on the basis of which it is quite realistic to predict common pronunciation errors for French and Chinese audiences. As a result of the study, the authors came to the conclusion that similar features of the phonetic systems of French and Chinese, leading to interference errors, can be due to the belonging of both languages to the vocal type. Problems related to the rules of positional changes associated with the consonantism characteristic of the Russian language are also common to speakers of French and Chinese. When comparing the rhythmic and intonational features of the three languages, it becomes obvious that in this aspect, the speakers of French and Chinese are also characterized by common typical mistakes: the lack of reduction of unstressed vowels, the incorrect allocation of a stressed syllable, and the indistinguishability of intonational structures. The relevance of the study is due to the need to develop nationally-oriented courses in phonetics, which would allow to correctly build work on the localization and prevention of interference errors in the speech of foreign students in a multilingual audience.

Keywords: vocalism, consonantism, differential features of phonemes, assimilation, stress, reduction, tone, intonation

Article history:

Received: 01.08.2022

Accepted: 15.12.2022

For citation:

Trubach, O.K., Gorshkova, D.I. & Sklyar, L.N. (2023). Comparative Analysis of Phonetic Systems of the Russian, French and Chinese Languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(1), 171–188. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-171-188>

Введение

Важность вводно-фонетического курса при обучении иностранных учащихся русскому языку трудно переоценить, поскольку нарушения произносительной структуры слов (то есть ошибки в произношении звуков, в ритмике и интонации) неизбежно приводят к серьезным коммуникативным проблемам, даже если в речи говорящего нет ошибок лексического и грамматического характера [1].

При недостаточной отработке фонетического материала в речи иностранцев возникают и закрепляются ошибки, связанные с влиянием фонетической системы родного языка на фонетическую систему языка изучаемого. Ошибки, которые возникают в интерферированной речи иностранцев на фонетическом уровне, традиционно называют иностранным акцентом [2]. Чаще всего фонетические курсы для иноязычной аудитории строятся с учетом так называемого «отрицательного материала» [3], то есть тех отклонений, которые фиксируются в речи иностранцев. Однако иностранный акцент (т.е. ошибки фонетического характера, связанные с межязыковой интерференцией), можно изучать и корректировать, не только учитывая «отрицательный материал», но и прогнозируя возможность возникновения акцента в речи иностранцев путем сравнения фонетических систем родного и изучаемого языков [4].

В процессе обучения иностранцев русскому языку преподаватели нередко сталкиваются с проблемой, которая усложняет построение фонетического курса, — необходимость работы в мультиязычной аудитории, т.е. в аудитории, в состав которой входят учащиеся, являющиеся носителями разных, зачастую неродственных языков. Нередкой оказывается ситуация, когда в одной группе обучаются, например, студенты из Китая и из Северной Африки (франкофоны). Сложность овладения произносительными навыками в подобных группах заключается в том, что перед преподавателем встает задача подбора материала, который бы учитывал негативные последствия интерференции из двух языков, имеющих колоссальные структурные различия. Тем не менее, создание фонетического курса, учитывающего мультиязычность аудитории, представляется задачей хотя и трудной, но не невозможной. В данной статье предлагается опыт сопоставительного описания фонетических систем русского, китайского и французского языков, который может быть положен в основу создания фонетического курса для смешанной аудитории и который нацелен на прогнозирование возможных ошибок.

Сравнение фонетических систем

Русский язык является ярким представителем языка консонантного типа [4. С. 143]. Французский считается языком вокалическим. Несмотря на богатый набор согласных фонем, китайскому языку также свойственны черты во-

калического типа, судя по следующим параметрам: 1) количественное соотношение согласных и гласных фонем; 2) характер построения слога (стремление к открытости или закрытости) и, как следствие, внешний фонетический облик слова; 3) наличие/отсутствие стечения нескольких согласных в пределах одного слога/слова [5].

В русском языке традиционно выделяются 35 согласных фонем, одна полугласная и 5 гласных. Во французском языке — 17 согласных фонем, 3 полугласных и 15 гласных [6. С. 73]. В китайском языке насчитывается 21 согласная фонема, от 5 до 10 (по мнению разных лингвистов) [5–7.] гласных фонем, которые образуют большое количество дифтонгов и трифтонгов. Итак, мы видим, что количество согласных фонем значительно больше, а гласных фонем меньше в русском языке, чем во французском и китайском.

При сравнении правил построения силлабем выявляются следующие закономерности. В русском языке значительное количество лексем имеет закрытые слоги. Так, большинство глаголов несовершенного вида, существительные мужского рода 2 склонения и женского рода 3 склонения оканчиваются на согласный звук (*смотреть, портрет, Париж, мышь*). Во французском языке слова с закрытыми слогами немногочисленны, поскольку по правилам чтения в абсолютном конце французского слова почти никогда не произносятся согласные *t, d, s, x, z*, а также «г» в окончаниях глаголов 1 спряжения: *regarder* [rə:gardə]; *portrait* [portre:]; *Paris* [pari]; *souris* [souri]. Исключением являются примеры, в которых действуют фонетические законы *liaison* (озвучивание конечного непроносимого согласного перед следующим словом, начинающимся с гласного или *h* непридыхательного) и *enchaînement* (слитное произнесение конечного согласного с гласной последующего слова) [8. С. 92–93]. Во фразе *C'est un diamant* первый *t* звучит, поскольку за ним идет слово, начинающееся с гласной, а второй *t* — немой, так как это абсолютный конец не только слова, но и фразы.

В русском слове слог может состоять из разного количества звуков. Например, слово *всплеск* имеет один слог, включающий в себя 7 звуков (из них 1 гласный и 6 согласных). При этом звуки могут идти в любой последовательности. Каждый из них может стоять в начале, в середине или в конце слога [8. С. 78]. Стечение 2–4 согласных является частым случаем: *содействовать, встреча*. Во французском языке следование даже 3 согласных подряд — явление чрезвычайно редкое. Слог в китайском языке имеет особенную, исключительно «жесткую» структуру, но так же, как во французском, в большинстве случаев является открытым. Китайский слог состоит из одного (и не более!) начального согласного — инициала и гласной части — финали, инициаль может отсутствовать [9. С. 143]. Финаль представляет собой чистую гласную, дифтонг или трифтонг: 知道 [zhīdào]; 我说 [shuō]; 快[kuài]. Всего в китайском 21 инициаль и 36 финалей: их объединение в слоги жестко регламентируется определенными правилами, поэтому в китайском языке

возможна только 421 слоговая комбинация. Следствием этого является то, что структура китайского слога имеет следующие ограничения:

- максимальное количество звуков в слоге — четыре [10. С. 9];
- в слоге может быть только один согласный, который всегда стоит в начале;
- невозможно стечение согласных в пределах одного слога и слова;
- конечный элемент финали (терминаль) может быть представлен только двумя согласными — назальными смычными [n]: 电[diàn]; 跟[gēn] или [ŋ]: 糖[táng]; 眼镜[yǎnjìng]. В остальных случаях на конце слогов всегда будет гласный или полугласный: 我住在莫斯科 *Wǒ zhù zài mòsīkē*.

Наличие назальных гласных во французском и 17 назальных финалей в китайском, которые часто превращаются в носовые гласные в диалектах китайского языка, также говорит о стремлении этих языков к «открытости» слога: *bonbon; jardin* ср. 听[tīng]; 房子[fángzi].

Разница в организации силлабемы в русском и во французском с китайским языках, а, следовательно, и в фонетическом облике слов в целом приводит к нарушениям в русском произношении:

- учащиеся часто не произносят согласный на конце слова. Иногда это связано с нарушением смысла: *спорт* и *спор*; *борт* и *бор*;
- китайские и франкоговорящие студенты испытывают сложности с произнесением стечения согласных звуков в одном слове. Это выражается в типичных ошибках: вставлением гласного звука: *преподаватель* звучит как [па]реподаватель: *к другу* — [кы] другу) или выпадением согласного: *сестра* [ситра]) [11];
- в русской речи носителей китайского и французского языков также возможно появление носовых гласных: *Монголия* — М[ã]голия, *банка* — б[ã]ка, при этом слово *конгресс* китайский студент прочитает с [у] носовым, так как на пиньине (拼音) сочетание *ong* произносится как [uŋ] 中国 [Zhōngguó].

Кроме того, в речи иностранцев часто возникают ошибки, связанные с разным набором согласных фонем, т.к. система русских согласных «характеризуется четырьмя дифференциальными признаками: местом образования, способом образования, глухостью/звонкостью и твёрдостью/мягкостью» [12], тогда как во французском языке согласные противопоставляются по глухости/звонкости, но нет дифференциации по твёрдости/мягкости. Важно понимать, что, несмотря на то, что в позиции перед [а] более мягко произносятся [k], [g]: *gare; cas*; звук [l] звучит полумягко, подобное смягчение не является полным, а главное — не носит смыслоразличительный характер, как это происходит в русском (*мать* и *мять*; *угол* и *уголь* и др.). В китайском языке отсутствует разделение согласных не только по признаку твёрдости/мягкости (смычно-щелевые *q* [tʃʰ] и *j* [dʒ] всегда звучат палатализовано), но и по глухости/звонкости. В путунхуа (普通话) выделяются только четыре звонких согласных: *m, n, l* и *r* (написание на пиньине), этот звук произносится как

среднее между русским [ж] и сочетанием [аыр] — 人 ren). Остальные китайские согласные являются глухими или полувзвонками. «Голосовые связки не вибрируют до образования звука» [13. С. 4]. Смыслоразличительную роль в фонетической системе китайского языка играет противопоставление согласных по наличию/отсутствию придыхания: 白 *bái* [пай] — 排 *pái* [пхай]; 个 *gè* [кы] — 课 или 刻 *kè* [кхы] [14. С. 108].

Несмотря на то, что «место и способ образования звуков являются универсальными признаками: они есть в любой языковой системе мира, состав, характеристика фонем, артикуляция звуков может значительно отличаться [15]. В трёх сопоставляемых языках есть дифференцированность на губно-губные и губно-зубные согласные по месту образования. Однако французские губно-губные *b, p, m* и губно-зубные *v, f* произносятся более чётко и напряжённо, с более энергичным размыканием в конце по сравнению с русскими коррелятами. Так, при произнесении глухого *f* и звонкого *v* губа с силой упирается в верхние зубы, а русские аналоги произносятся со «спокойной» артикуляцией [16. С. 24–25].

Китайские корреляты также произносятся более напряженно, чем русские. Напомним, что звук *p* является придыхательным, похожим на русское сочетание *пх*, фонема *b* — непридыхательной, полувзвонкой, часто для уха русскоговорящих кажется глухой. Звук *v* отсутствует в китайском языке. Есть мнимо похожий губно-губной полугласный *w*, однако неразграничение китайского *w* и русского *v* и их смешение вызывает непонимание: [*w*]/илка — из-за непривычного звучания слова.

Фокус артикуляции переднеязычных согласных в русском языке сдвинут к передним зубам, в китайском — к альвеолам [10. С. 10], во французском эти согласные считаются дентально-альвеолярными. При этом русские согласные дорсальные (кончик языка опущен к нижним зубам, в смычке участвует «спинка» языка), китайские переднеязычные, как и большая часть согласных этого языка, апикальные (работает кончик языка), а французские согласные этого же места образования можно назвать дорсально-апикальными. В русском языке существуют только две апикальные согласные — «л» и «р'». Дорсальный характер артикуляции большинства русских согласных подчеркивается наличием палатализации в русском и ее отсутствием во французском и китайском языках [13. С. 4].

Аналог русскому глухому переднеязычному щелевому «с» есть в обоих сопоставляемых языках, незначительное отличие связано с большей напряженностью при его произнесении, более передней артикуляцией и более узкой щелью между языком и твёрдым нёбом во французском языке по сравнению с русским. Ту же разницу в образовании звука имеют французское «z» и русское «з». В китайском языке есть близкий русскому по артикуляции звук «s», однако отсутствуют корреляты русским «з» и «з'», поэтому часто происходит интерферентное замещение русского звука «з» китайской аффрикатой

«z» 在[zài], то есть: зовут — [дз]овут, а фонемы «з'» мягкой смычно-щелевой «j» 进[jìn], например: земля — [д'з']емля [13. С. 5].

В отличие от русского и китайского, во французском языке отсутствуют аффрикаты, поэтому постановка двух русских смычно-щелевых звуков [ц] и [ч] требует особого внимания в работе с франкоговорящими студентами. Артикуляция русской аффрикаты «ц» достаточно легко объясняется: на первой стадии произносится русский смычный переднеязычный звук «т», на второй образуется щель и звук переходит в русский щелевой «с».

В китайском языке 6 аффрикат, о некоторых из них речь шла выше. Это является несомненным плюсом, так как смычно-щелевой характер артикуляции звука знаком носителям данного языка. Однако нужно учитывать, что китайская аффриката «с» (написание на пиньинь), стоящая перед гласными непереднего ряда, придыхательная, звучит как [цх] по-русски: 菜 [cài], поэтому необходимо в китайской аудитории опираться на сочетание этого звука с гласным переднего ряда «i», перед которым «с» произносится без аспирации: 一次 [Yīcì]. При постановке звука «т» нельзя забывать, что артикуляция русского «т» отличается в большей степени от китайского и в меньшей от французского «t» дорсальным характером работы языка и дентальным фокусом смычки.

Русская аффриката «ч» не имеет аналога ни в китайском, ни во французском языке. Сложность заключается в том, что этот звук по своей природе всегда мягкий, складывается из смычного мягкого глухого [т'] и редкого во многих языках долгого мягкого переднеязычного передненёбного двухфусного «щ». Напомним, что в сопоставляемых языках отсутствует категория палатализации, соответственно, оба звука, из которых состоит аффриката «ч», также не представлены. Итак, во французском, как и в китайском, нет ни одного из названных звуков ([т'], [щ], [ч]). В китайском языке есть смычно-щелевой звук ch [tʂ] 茶 [chá], мнимо похожий на «ч», но, в отличие от русской фонемы, он является твёрдым звуком, произносимым с аспирацией.

Постановка мягкого аффрицированного (с призвуком «с» после взрыва смычки) русского «т'» очень важна, так как данный звук встречается в форме несовершенного вида большинства русских глаголов, а также в значительном количестве существительных 2 и 3 склонения: думать [думат'], тетрадь [т'итрат']. Кроме того, правильное произношение «т'» необходимо для постановки звука [ч], как уже говорилось выше.

Русские шипящие переднеязычные и передненёбные согласные «ш» и «ж» — какуминальные (то есть при их произнесении кончик языка приподнят) и всегда твёрдые, губы немного выдвинуты вперед. Французские звуки [ʃ] «ch» — chemise и [ʒ] (чтение букв «j» и «g» перед «e», «i», «u»: jouie; giraffe; gens; gymnastic) произносятся более мягко и с большей лабиализацией, чем русские корреляты, имеют более продвинутый вперед дентальный характер. Артикуляция китайского «sh» 是 [shì] близка русскому «ш», хотя китайский

звук образуется немного дальше в ротовой полости. Полувзвонкий (или один из четырех звонких, по мнению некоторых лингвистов) китайский «r» 认识 [rènshí] отличается от русских звуков «ш» и «ж» более приподнятым положением кончика и спинки языка. Щель, через которую проходит воздух, более узкая, чем при произнесении русских аналогов [8. С. 82].

В китайском и французском языках отсутствуют передненёбные дрожащие звуки «р» и «р'». На их месте франкоговорящие студенты произносят также дрожащий, но ретрофлексный увулярный [r], мнимо схожий звук в родном языке. То, что артикуляционно и перцептивно (по восприятию) эти звуки сильно различаются, не мешает субституции (замене) и не ведет к коммуникативной ошибке [4. С. 148]. Постановка звуков «р» и «р'» в китайской аудитории требует большого количества времени, сил и не всегда увенчивается успехом. Особенную сложность составляет выработка вибрирующей артикуляции кончика языка [8. С. 87]. В речи носителей китайского языка часто происходят фонологическое смешивание [p], [l] [ж], что приводит к неразличению многих лексических единиц: *пожар* и *пожал*; *жил* и *рыл*.

Русский переднеязычный дентальный твёрдый «л» артикуляционно сильно отличается от французского полумягкого «l», произношение которого ближе к русскому «ль», однако есть разница в положении средней части языка. При произнесении «ль» она поднята, при французском «l» опущена [16. С. 24]. Сравните: *лампа* — *la lampe* и *люстра* — *le lustre*. В китайском языке присутствует звук, похожий на русский «л», но его артикуляция, в отличие от русского, более задняя: 来 [lá]. Постановка мягкого [l'], как и любого палатализованного звука, требует отдельного внимания и должна опираться на различие артикуляции твёрдых и мягких согласных. (Наложение дополнительной палатальной артикуляции при произнесении мягких согласных — поднятие средней части языка к среднему нёбу) [8. С.88].

Русским заднеязычным задненёбным твёрдым согласным «к» и «г» есть аналоги в обоих сопоставляемых языках. Однако артикуляция китайских коррелятов более задняя, а французские аналоги имеют позиционные изменения, о которых мы скажем ниже.

Мягкие русские согласные «к'» и «г'» являются среднеязычными и средненёбными и не имеют прямых аналогов во французском и китайском языках.

Фонемы «х» и «х'» отсутствуют во французском языке, что приводит к частому непроизнесению данного звука в речи франкоговорящих. В китайском языке есть схожий с русским «х» фарингальный звук «h», артикулируемый глубоко в ротовой полости.

Если состав согласных фонем в русском, китайском и французском сильно отличается (русские консонанты часто не имеют коррелятов в сравниваемых языках), то пять гласных фонем [а, о, у, э, и] русского языка имеют аналоги в обоих сопоставляемых языках, в которых вокальная система представлена более богато. Наибольшая подвижность губ при про-

изнесении гласных звуков характерна для французского языка. Русскому также свойственно достаточно активное использование лабиальной зоны. Китайская артикуляция звуков характеризуется наименьшей активностью губ [14. С. 112].

Фонема [и] после твёрдых согласных реализуется звуком среднего ряда среднего подъёма [ы], который отсутствует в обоих сопоставляемых языках. Частой ошибкой в речи китайских и франкоговорящих студентов бывает замена гласного среднего ряда среднего подъёма «ы» на гласный передний ряд верхнего подъёма «и».

Учитывая всё вышеизложенное, можно прийти к выводу, что расхождение в составе фонем в системах русского, французского и китайского языков приводят к большому количеству ошибок в русском произношении и формированию устойчивого акцента:

- отсутствие мягких согласных в языке отражается в ошибочной вставке полугласного «й» или переднего гласного «и»: *тётя как* [тйотйа], *сколько как* [сколика]) или замене мягкого звука на полумягкий: [чут'] *вместо* [чут'];
- неразграничение согласных по глухости/звонкости китайскими студентами влечет за собой непонимание и частую подмену лексических единиц: *там — дам, том — дом*, на письме: *хотят и ходят* [4. С. 144–145];
- частотно непроизнесение звука [h] студентами-франкофонами: *хорошо звучит как* [арашо];
- смешение в речи китайцев дрожащего и бокового согласных «р» и «л»: *работать* [л]аботать. В речи китайских учащихся одинаково звучат некоторые слова: *получать и поручать; голод и город*. Франкофоны произносят русский сонорный переднеязычный звук «р» как заднеязычный глухой увулярный [г], что изредка вызывает коммуникативные сложности;
- подмена звонких «з» и «з'» на китайские аффрикаты «z» [dz] и мягкой смычно-щелевой «j» [dž]: *зал как* [дз]ал или произнесение твёрдого свистящего [с] вместо русской аффрикаты [ц]: *Оте[с] хотел учи[с]а*;
- произнесение китайскими студентами взрывного глухого русского звука с придыханием: [кхот] или [пхыл'] вместо *кот* и *пыль* [17];
- замена русского гласного среднего ряда высокого подъёма [ы] в речи иностранных учащихся на гласный звук переднего ряда [и] как результат отсутствия подобного звука во французском и китайском языках: *бил* вместо *был*, [мил]о *вместо* *мыло* [18. С. 20].

Итак, мы рассмотрели основные ошибки, возникающие в речи китайских и франкоговорящих студентов из-за разницы работы артикуляционных органов, а также расхождения в составе фонем в системе этих языков. Наряду с вышеизложенным, необходимо уделять большое внимание позиционным изменениям в фонетическом облике слов, которые основаны на законах фонетики каждого конкретного языка. В работе с иностранной аудиторией «учёт звуковой системы родного языка особенно важен» [19].

Е.А. Бархударова подчёркивает, что «наиболее стойкие черты иноязычного акцента» обусловлены различием в позиционных закономерностях разных языков [4].

Одним из обязательных позиционных изменений в русском языке является оглушение звонких парных согласных в абсолютном конце слова. В речи носителя русского языка слова «род» и «рот» звучат одинаково. Во французском языке оглушение на конце слова не происходит: *La maison est grande* [grand] при -е немом. Нельзя забывать, что размыкание артикуляционных органов в конце слова в русском языке происходит с призвуком [ы], а во французском — с [ə]. Следовательно, в речи франкофонов слово «род» может звучать как: родə. Отсутствие оглушения парных звонких согласных в конце слова порождает заметный акцент, мешает свободному восприятию речи, отвлекая от смысла сказанного, хотя напрямую не связано со смысловоразличением. Исключением является ситуация, когда позиционные явления выполняют задачу пограничного сигнала, например, на стыке знаменательных слов и энклитиков [4. С. 150]. Благодаря оглушению конечного согласного в слове, в русском языке различаются такие фразы, как: *Замёрзли* [зам'орс-ль] *ночью?* и *Замёрзли* [зам'орзль] *ночью?* В речи франкофонов разница не будет слышна.

Для китайских студентов трудность правильного произнесения подобных русских фраз сопряжена только с тем, что в китайских словах не встречается согласный, кроме [п] и [п̚], на конце слова, поэтому произнесение любой другой согласной вызывает сложность. Отсутствие в китайской фонетической системе звонких согласных [б], [г] и [д] играет положительную роль в правильном произнесении конца русского слова, где эти фонемы заменяются в речи носителей китайского языка на полувзвонкие согласные, как правило, воспринимаемые русскоговорящими как глухие. В речи китайских студентов часто слышится после конечной согласной призвук гласной [i].

Кроме оглушения парных звонких согласных на конце слова, в русском языке действует закон ассимиляции согласных в середине слова и на стыке некоторых лексем (обычно при сочетании значимого слова с предлогом). В речи русскоговорящих ассимиляция бывает полная и частичная. В обоих случаях в литературном русском языке — регрессивная, то есть последующий звук оказывает влияние на предыдущий. При полной ассимиляции происходит абсолютное уподобление звуков по всем дифференциальным признакам: месту, способу образования, глухости/звонкости и твёрдости/мягкости: *шить* [шшит']; *разжечь* [ражжэч']. Переднеязычные зубные «с» и «з» соответственно становятся переднеязычными передненёбными «ш» и «ж». Способ образования остается тот же — щелевой. В слове: лётчик [л'оч'ик] твердый смычный переднеязычный зубной согласный «т» (*летать* — [л'итат']) превращается в мягкую передненёбную аффрикату «ч'». При этом две согласные произносятся обычно как одна.

Частичная ассимиляция является уподоблением по глухости/звонкости или твердости/мягкости, или обоим этим признакам сразу: *лодка* [лотк]а; *сдал экзамены* [здал] э[гза]мены — ассимиляции по глухости/звонкости: *дверь* [д'в'эр']; *сетка* [с'эткь] (но: *сеть* [с'эт']) — ассимиляция по твёрдости/мягкости, *все* [ф'с'э] — уподобление по обоим дифференциальным признакам.

Сравните примеры разного рода ассимиляции: *без шума* [бишшумь] (полное уподобление) и *без конца* [бисклнца] (частичная ассимиляция).

В русском языке возможна ассимиляция по месту образования преграды. Так, сочетания букв «т» и «с» дает звук «ц» [ts]: *учиться* [учица]; *детский* де[ц]кий, а буквенное сочетание «с» и «ч» читается как «щ»: *счастье* [щ]астье; *считать* [щ]итать.

Во французском языке так же, как и в русском, часто наблюдается неполная ассимиляция согласных внутри слова: *absolut* [apsolu] — вместо звонкого [b] звучит глухой [p]; *médecin* [metsɛ̃] — при выпадении гласного «е» в потоке речи происходит регрессивное уподобление звонкого «d» глухому «с» и превращение его в глухой «t». Однако на стыке двух слов не происходит даже частичной ассимиляции французских согласных: *une route droite* [yn-rut-drwa:t]; *une robe courte* [yn-rob-curt]. В русском языке ассимиляция согласных на стыке слов обязательна только в ситуации объединения этих слов в одну ритмическую группу (произносимых с одним ударением): *из Пари́жа* [ис-пари́жь]; *с дру́гом* [з-дру́гъм].

Надо иметь в виду, что есть ситуации, где в русском языке не происходит регрессивной ассимиляции, в отличие от французского. Так, в речи франко-фонов перед губно-зубными «в» и «в'» часто происходит озвончение глухого шумного «с» по аналогии с французским произношением «sv» как [zv]: *свой* — [z]вой; *до* [z]видания. В русском языке звонкие согласные «в» и «в'», как и сонорные, никогда не меняют произношение предыдущих звуков: *смотреть* [сматрй]; *с Новым* [с-новъм] *годом*; *сразу* [сразу]; *свобода* [свалбодь], но: *сдать* [здат']; *надкусить* [нъткусйт'].

Как говорилось выше, в русском литературном языке возможна только регрессивная ассимиляция согласных. Прогрессивная ассимиляция, которая происходит при удержании того или иного признака артикуляции предшествующего звука и его распространения на последующий, встречается только в диалектах русского языка (в южных говорах произношение «кя», «кю»: *Манькя* [ман'к'а], *чайкю* [ч'ийк'у]), а северных и среднерусских «гя», «хя», «гю», «хю»: *деньгям* — день [г'ам], *сверхю* свер[х'у]).

Во французском языке после губных звонких согласных может возникнуть прогрессивная ассимиляция по звонкости (как в глаголе: *subsister* [subzisté]), которая в результате интерференции приводит к ошибочному произношению: *всегда* [vz]егда; *общество* [obʒ]ество.

Жесткая структура китайского слога — один согласный (может отсутствовать) + гласный, дифтонг или трифтонг исключает возможность ассими-

ляции согласных, поскольку отсутствует ситуация соседства двух согласных в одном слоге/ слове: *Zhè shì wǒ dìdì*.

Еще одним законом позиционного изменения в произношении является аккомодация, при которой взаимодействуют разнотипные звуки (гласные и согласные). Фонетическая аккомодация является неотъемлемой составляющей русской звучащей речи. Так, при прогрессивной аккомодации экскурсия последующего звука приспособливается к рекурсии предыдущего, например, мягкие согласные меняют артикуляцию следующих за ними гласных «а», «о», «у», «э», продвигая их вперёд: *мал* [мал] и *мял* [м'ал]; *сэр* [сэр] и *сер* [с'эр]. Мы видим, как замена твёрдой фонемы на мягкую ведёт к изменению артикуляции последующей гласной. Обратный процесс мы наблюдаем в таких примерах, как: *из Ирана* [из-ырань], *под именем* [пад-ы]менем. Твёрдый согласный, влияя на произношение последующей гласной, превращает ее из гласного переднего ряда [и] в гласный звук среднего ряда [ы].

В современном русском языке гласные, как правило, приспособляются к артикуляции согласных. *Дал* [дал] и *даль* [да•л] — мягкий согласный делает артикуляцию предыдущей гласной более передней по ряду и более верхней по подъёму. Сравните четыре слова, где одна и та же ударная гласная будет звучать по-разному: *мат* [мат] — отсутствие аккомодации, *мать* [ма•т'] — регрессивная аккомодация, *смят* [м'ат] — прогрессивная аккомодация, *мять* [ма•т'] — прогрессивно-регрессивная аккомодация. Нужно учитывать, что во французском языке аккомодация из-за частичной мягкости согласного происходит только в случае буквенных сочетаний «са» «ga», «gue»: *cavalcade* [k•avalk•ad], *gare* [g•ar], *guerre* [g•εr]. В китайском языке также нет категории твёрдости/ мягкости, но зачастую конечное переднеязычное [n] произносится смягченно, что вызывает более переднее и верхнее произнесение предыдущих гласных: *кан* [kha•n].

В русском, французском и китайском языках происходит процесс изменения артикуляции согласных под воздействием последующих лабиализованных гласных. *Путь* [п'у•т'], *ночь* [н'о•ч'] — губы говорящего вытягиваются вперед уже при произнесении [п] и [н], но *ночной* [нл•ч']*ной*. Сравните французские слова: *pir* [pir] и *pur* [p'yr] и китайские:

bù [p'u] и *哥哥* [gēgē]. По уровню лабиализации звуков французский на первом месте, русский — на втором, а китайский наименее активно использует лабиальную зону для артикуляции (носители китайского меньше вытягивают губы, произнося «у» [u] и «о» [o], нешироко растягивают губы, произнося «и» [i]).

Консонантный характер русского языка приводит к такому явлению как упрощение групп согласных, которое обязательно в буквенных сочетаниях -СТН- и -ЗДН-: *честный* [ч'эсный], *поздний* [позн'ий]. В группах согласных -НТСК-, -НДСК-, -СТСК-, РДЦ-, -НТСТВ-, -СТЛ-, -НТГ- и некоторых других:

гигантский — [г'иганск'ий], *голландский* [глланск'ий], *журналистский* [журнлал'иск'ий], *сердце* [с'эрцэ], *агентство* [аг'энствъ], *счастливый* — сча[сл'ивый], *рентген* [р'инг'эн] — также обычно не произносится средний согласный, а в консонантном стечении -ЛНЦ- и -ВСТВ- не озвучивается начальный согласный в группе: *солнце* [сонцэ], *чувство* [чувствъ] .

Непроизнесение одного согласного звука в консонантной группе не встречается в китайском языке и очень редкое явление во французском, поскольку эти языки, как говорилось выше, являются более или менее вокалическими, то есть стечение согласных в пределах одного слова для них невозможно или не свойственно. Так, во французском языке зафиксировано только выпадение согласного «р» перед «т» после носового гласного «õ»: *compter* [сõté], однако выпадение гласных частое и нередко обязательное явление в определенных позициях: *acheter* [аште], *trop de gens* [трод-ʒã].

Оглушение звонких парных согласных на конце слова, явление полной и частичной ассимиляции, аккомодация, упрощение групп согласных в большинстве случаев имеет императивный характер для всех, говорящих по-русски. Сравнение русского, китайского и французского языков выявило, что перечисленные правила позиционного изменения фонетического облика слова не существуют, редки или необязательны для французского и китайского, в отличие от русского. Именно поэтому в практике преподавания русского языка иностранцам этому уделяется большое внимание.

Важную задачу при освоении звучащей речи представляет собой не только изучение сегментных единиц языка (фонемного состава, особенностей позиционного изменения звуков), но и овладение суперсегментным уровнем, то есть ритмом, мелодикой, тембром и интонацией, которые присущи изучаемому языку. Мелодический рисунок фразы (и речи в целом) в том или ином языке зависит от особенностей ударения или тона и интонации.

В русском языке словесное ударение демонстрирует чередование силовых пропорций в слогах. Ударная гласная произносится наиболее отчётливо, длительно, громко и напряжённо и не подвергается редукции. Безударные гласные в большой или меньшей степени редуцируются. Выделяются две степени редукции [20. С. 77]:

1. Гласная в первом предударном слоге и в абсолютном начале слова подвергается количественной и иногда качественной редукции [18. С. 22]. Так, звуки «и», «у», «ы» (реализация фонемы «и» после твёрдых согласных) и «а» (после твёрдого согласного) произносятся в данной позиции менее напряжённо и длительно, но не меняются качественно. Сравните: *мир* [мир] — *миры́* [миры́]; *сад* [сат] — *сады́* [сды́]; *путь* [пут'] — *пути́* [пут'и]; *сыр* [сыр] — *сыры́* [сыры́]. Звуки «о», «а» (после мягких согласных) и «э» (после твёрдых и мягких согласных) подвергаются не только количественной, но и качественной редукции. Например: *стол* [стóл] — *столы́* [сталы́]; *мясо* [м'ась] — *мясо́й* [м'исно́й]; *это* [эть] — *эта́ж* [ита́ш]; *лес* [л'эс] —

лесной [л'исной]. В начале слова гласная имеет похожую степень редукции: *апельсин* [ап'ил'с'ин]; *экономика* [икном'ькь].

2. Гласный звук в предударном (но не в первом и не в абсолютном начале слова!) и во всех ударных слогах претерпевает сильное количественное и качественное изменение. Звуки произносятся сверхкратко. Сравните: *дом* [дом] — *дома* [длмá] — *домовой* [дъмловóй]; *ряд* [р'ат] — *ряды* [р'иды́] — *рядовой* [р'ьдлвóй]; *сеть* [с'эт'] — *нет сети* [с'ит'й] — *сетевой* [с'ьт'ивóй]; *холод* [хóльт], *на кухне* [на-кúхн'ь]. При качественном изменении после твёрдых согласных звучит сверхкраткий [ь], после мягких — [ь].

По правилам русского языка каждое слово имеет одно ударение. Второе (дополнительное) ударение возможно только в сложных словах. Например: *соковыжималка* [сókвьыжымáлкь] — дополнительное ударение падает на первый слог, гласная в котором в небольшой степени редуцируется количественно, так как это не основное ударение, но качественного изменения не происходит. В одну ритмическую группу (с одним ударением) объединяются, как уже упоминалось выше, слова с энклитиками (предлогами и частицами): *о Москвё* [л-мáскв'э], *Надо же!* [нáдь-жь].

В русском языке, в отличие от французского, ударение нефиксированное, разноместное (может падать на любой слог: *кóмната*, *рабóта*, *коридóр*) и подвижное (часто меняется место ударения в разных формах одного и того же слова: *окно́* — *о́кна*, но: *у окнá.*) [21. С. 149]. Ударение различает омографы: *зáмок* и *замóк* и разные грамматические формы слова: *ру́ки* /мн.ч. Им.п./ и *две руки́* /ед.ч. Р.п./.

Для фонетической системы французского языка характерна высокая степень напряжённости в произношении гласных звуков — как в ударной, так и в безударной позиции. Французскому вокализму свойственна однородность (гомогенность), которая означает, что все гласные звуки произносятся без количественного и качественного изменения на протяжении всего звучания слова. Сравните: *эволю́ция* [ивл'у́цьйь] и *évolution* [évolusjõ] [22. С. 54–55].

Отдельное французское слово имеет ударение всегда на конце: *pará*, однако в потоке речи происходит утрата ударений в некоторых словах и объединение их в ритмические группы с одним ударением на конце. Напомним, что в русском языке практически каждое слово сохраняет своё ударение в потоке речи. Сравните: *Мы́ чита́ем хоро́шую кни́гу* (четыре ударения в предложении). *Nous lisons / un bon livre* (два ударения в фразе).

В китайском языке нет словесного ударения как такового, поскольку это язык тоновый, а «тон и ударение — это два несовместимых явления» [23. С. 46]. Китайские учащиеся произносят все гласные в слове одинаково (можно сказать, с ударением), поскольку нет интонационного выделения слогов в составе слова [23. С. 46]. Таким образом, отсутствие редукции безудар-

ных гласных — черта, свойственная как франкофонам, так и носителям китайского языка, соответственно, можно спрогнозировать появление похожих ошибок в речи носителей этих языков.

Кроме трудностей, связанных с особенностями русского словесного ударения, нелёгкой задачей является овладение интонационной спецификой русского языка, в котором насчитывается семь основных интонационных конструкций (ИК). При этом коммуникативное задание реализуется не только общим интонационным рисунком, но и смысловым выделением слова внутри высказывания. Фразы, произнесенные как ИК—2: *Мы идём в кино* и *Мы идём в кино*, имеют оттенки смысла. Высказывание 1: мы, а не кто-то другой. Высказывание 2: идём, а не едем. Произнесение той же фразы как ИК—1 акцентирует наше внимание на слове «кино» [24].

Наличие фразового ударения на конце во французском языке и тоновый характер китайского языка порождает меньшую (по сравнению с русским) динамичность, подвижность интонации. Носителям данных языков трудно распознать как основной, так и дополнительный смысл коммуникативного задания русского высказывания. Там, где смысл фразы в русском языке зависит только от интонации, во французском и китайском коммуникативное задание формируется с помощью лексических и синтаксических средств: порядка слов, специальных конструкций, частиц. Особенную сложность может представлять ИК—3, используемая в ситуации общего вопроса. Фразы: *Мы идём в парк* и *Мы идём в парк?* в русском языке отличаются только интонацией. В китайском языке для общего вопроса используется либо вопросительная частица, либо особенный порядок слов с повторением предиката: 我们去公园。[wǒmen qù gōngyuán.] — 我们去公园吗? [wǒmen qù gōngyuán ma?] Или 我们去 去公园? [wǒmen qù bù qù gōngyuán?] Во французском языке возможно использование специальной вопросительной конструкции или обратного порядка слов. *Est-ce que nous allons au parc?* или *Allons nous au parc?* Несмотря на то, что короткие общие вопросы в разговорной речи франкофонов часто создаются так же, как и в русском языке, только с помощью использования ИК-3: *Nous allons au parc?*, следует помнить, что во французском языке интонационный пик будет на конце. В русском же языке место поднятия тона зависит от смысла высказывания. Сравните: *Мы (= никто другой) идём в парк?* *Мы идём в парк* (не в театр)? И *Мы идём в парк?* (нейтральный общий вопрос: идём или нет). При этом в первых двух примерах два интонационных пика. Для передачи смысла, который формируется в русском языке с помощью дополнительного поднятия тона (интонационного пика), во французском используется специальная синтаксическая конструкция. *C'est toi qui a pris le stylo?* *Ты (а не кто-то другой) взял ручку?*

Сопоставляя ритмические и интонационные особенности трёх языков, можно сделать вывод, что для носителей французского и китайско-

го языков возможны такие интерферентные ошибки в русском произношении, как отсутствие редукции безударных гласных, неправильное выделение ударного слога, неразличение интонационных конструкций, неверное определение интонационного пика, а вследствие этого коммуникативная неудача.

Заключение

В результате сравнения фонетических систем русского, китайского и французского языков можно прийти к заключению, что существует довольно большое количество точек соприкосновения (вокализм французского и китайского языков; правила позиционного изменения фонетического облика слова, связанные с характерным для русского языка консонантизмом и не являющиеся смыслоразличительными для французского и китайского языков; особенности русского словесного ударения и интонационная специфика русского языка, приводящие к общим для носителей французского и китайского языков интерферентным ошибкам), на которых можно построить общий для носителей китайского и французского языка фонетический курс.

Библиографический список

1. *Шутова М.Н., Орехова И.А.* Фонетический аспект в методике преподавания русского языка как иностранного // Русистика. 2018. Т. 16. №3. С. 261–278. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2018-16-3-261-278>
2. *Абдрахимов Л.Г.* Контрастивные различия языковых систем китайского и русского языков // *Universum: Филология и искусствоведение: электронный научный журнал*. 2016. №5 (27). Режим доступа: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/3208> (дата обращения: 25.08.2022).
3. *Щерба Л.В.* Фонетика французского языка. М: Издательство литературы на иностранных языках, 1963.
4. *Бархударова Е.Л.* Основы сопоставления фонетических систем изучаемого и родного языков в контексте обучения произношению // *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*. 2015. №3. С. 139–154. https://vestnik.philol.msu.ru/issues/VMU_9_Philol_2015_3
5. *Алексахин А.Н.* Теоретическая фонетика китайского языка. М.: АСТ: Восток-Запад, 2006.
6. *Барро М.* Типы морфофонологических именных чередований в русском и французском языках // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2014. №2. С. 72–80. <https://journals.rudn.ru/linguistics/article/view/9449>
7. *Сенченкова М.В.* Акцентуация, вокализм, консонантизм. Сходство и различие во французском и русском языках // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*. 2019. №6. С. 92—96.
8. *Каверина В.В.* Обучение русскому произношению лиц, говорящих на китайском языке (на основе сопоставительного анализа китайской и русской фонетических систем) // *Язык, сознание, коммуникация: сб. научных статей, посвященных памяти Галины Ивановны Рожковой*. Вып. 6. М.: Диалог-МГУ, 1998.

9. Кондрашевский А.Ф., Румянцева М.В., Фролова М.Г. Практический курс китайского языка: в 2 т. Т. 1. М.: Издательский дом ВКН, 2019.
10. Арзютова С.Н. Особенности обучения фонетической стороне речи русского языка как иностранного студентов из Китая в Пермском государственном гуманитарно-педагогическом университете // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2020. Вып. 16. С. 7–11.
11. Скобёлкина Н.М. Лингвометодический аспект преодоления фонетических трудностей китайских студентов при обучении русскому языку // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Том 13. Выпуск 4. С. 206–210. <https://www.gramota.net/materials/2/2020/4/41.html>
12. Юцзя Чжу. Сопоставление состава согласных звуковых единиц в русском и китайском языках в контексте обучения китайцев русскому произношению // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 2 (68) в 2-х ч. Ч. 1. С. 210–215.
13. Грязнова В.В., Лузикова С.Н. Типологические и специфические черты звукового строя русского, китайского, вьетнамского и корейского языков в целях построения вводно-фонетического курса русского языка для учащихся Юго-Восточной Азии // Интернет-журнал «Науковедение». 2013. Вып. 6. С. 1–9.
14. Юньша Ду. Углубленный анализ звуков китайского языка как элемент обучения русскому произношению // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 4 (59). С. 108–113.
15. Ning Wang. Acoustic study of occlusive phonemes of wu (China) // La Linguistique. 2018. № 2 (Vol. 54). P. 103–126. <https://doi.org/10.3917/ling.542.0103>
16. Попова И.Н., Козакова Ж.А., Ковальчук Г.М. Французский язык: учебник для 1 курса институтов и факультетов иностранных языков. М.: Нестор Академик, 2014.
17. Пруцких Т.А., Скобёлкина Н.М. Языковая интерференция в лингводидактическом аспекте // Педагогический ИМИДЖ. 2018. № 3 (40). С. 71–78.
18. Березовская Я.Л., Минвэй Ду. Специфика мелодического контура высказываний в русском языке в восприятии носителей китайского языка: лингводидактический аспект // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 7 (441). Филологические науки. Вып. 121. С. 21–27.
19. Рожкова Г.И. Фонетическая система русского языка и методика работы по фонетике // Методика преподавания русского языка иностранцам / под ред. С.Г. Бархударова. М., 1967.
20. Ван Дэндэн, Ли Сьюй. Анализ материалов по обучению китайских студентов фонетической природе русского языка: произношение, ритмика, ударение // Педагогическое образование в России. 2021. № 4. С. 74–83.
21. Моради М. Анализ языковой интерференции в процессе освоения русского ударения в условиях отсутствия языковой среды // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2014. № 1. С. 149–158. <https://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/article/view/7240>
22. Горина В.А. Особенности усвоения фонетической системы французского языка, изучаемого в качестве второго иностранного // Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. 2017. Вып. 6 (785). С. 50–61. http://libranet.linguanet.ru/prk/Vest/6_785
23. Малышев Г.И., Киселевич Я.Е., Митчелл П.Д. Трудности в изучении фонетики китайского языка русскоговорящими студентами: основные ошибки и способы их устранения // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. 2018. Т. 23. № 173. С. 43–48.
24. Брызгунова Е.А. Практическая фонетика и интонация русского языка. М. 1963.
25. Хромов С.С. Интонация акцентного выделения в языках агглютинативного типа (в сопоставлении с русским языком) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 1. С. 195–205.

Сведения об авторах:

Трубач Ольга Кировна, старший преподаватель кафедры философии, истории и межкультурной коммуникации, Московский технический университет связи и информатики; *сфера научных интересов*: теоретическое и прикладное языкознание; *e-mail*: o.k.trubach@mtuci.ru

ORCID: 0000-0003-2174-2911; eLIBRARY SPIN code: 4009–8755

Горшкова Дарья Ивановна, старший преподаватель кафедры философии, истории и межкультурной коммуникации, Московский технический университет связи и информатики; *сфера научных интересов*: теоретическое и прикладное языкознание; *e-mail*: d.i.gorshkova@mtuci.ru

ORCID: 0000-0001-8881-1198; eLIBRARY SPIN code: 2201–5621

Скляр Лидия Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, истории и межкультурной коммуникации, Московский технический университет связи и информатики; *сфера научных интересов*: история повседневности; *e-mail*: l.n.skliar@mtuci.ru

ORCID: 0000-0002-4791-4737; eLIBRARY SPIN code: 4472–8292

СЕМИОТИКА И ИССЛЕДОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА SEMiotics AND LITERARY TEXT STUDIES

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-1-189-207

EDN: PPCJHS

UDC 811.161.1:82-1:159.9

Research article / Научная статья

Ethno-cultural Aura of Language Images in the Light of Cognitive Linguopoetics

Said Abdelhameed¹ , Nikolay F. Alefirenko² ,
Zukhra Kh. Shakhputova³

¹Ain Shams University,
El-Khalifa El-Maamoun St., Abbasiya, Cairo, Egypt, 11566

²Belgorod State National Research University,
85, Pobedy St., Belgorod, Russia, 308015

³L.N. Gumilyov Eurasian National University,
2, Satpayev St., Astana, Kazakhstan, 010008

 alefirenko@bsu.edu.ru

Abstract. The nature and essence of the language image are considered from the standpoint of modern cognitive linguopoetics, its differences from the general philological concepts of “image” and “imagery” are shown. According to the authors’ idea, the language image is considered in line with creative discursive activity. It is proved that language images integrating real ideas about the world picture and the author’s emotional attitude to them synergetically create an ethno-cultural aura of a literary text. Discourse, due to the multiplicity of its components, is a speech-thinking platform for forming a language image. The latter is considered by us as a synergetic phenomenon in the aspect of a multichannel derivative stimulus and a self-organizing phenomenon in open systems of linguocreative thinking. The article substantiates that in a literary text a language image is generated not by a real, but by a so-called communicative and aesthetically significant event, i.e. a literary discourse — the denotative aura of language images. The analysis shows that the language image is formed not only by the text itself, but also by various extralinguistic factors (knowledge of the world, opinions, values) that play an important role in understanding, interpreting and perceiving verbal images of a communicative event. Therefore, the work interprets all the main (event and non-event) elements of the text’s discursive situation, forming a complex language image. The extralinguistic factors determining the semantic architectonics of the internal context and actively participating in the formation of the ethno-cultural shell of language images

© Abdelhameed Said, Alefirenko N.F., Shakhputova Z.Kh., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

are revealed. Each of these images serves as a shadow cloud of the internal context, an element of the ethno-cultural aura of the speech activity. In contrast to the existing stereotypes, according to which the concept and image are considered products of different mental operations: the first is analytical, and the second is synthetic, the article proves that the genesis of language image is characterized by their fusion. At the initial stage, there is an analytical perception of the signs of a denotative situation, and at the final stage, their synthesis. Ultimately, the genetic connection of such phenomena as literary text, discourse and concept generates the ethno-cultural aura of a pictorial-speech work.

Keywords: literary concept, discursive-modus concept, literary text, literary discourse, synergy of a communicative event

Article history:

Received: 01.02.2022

Accepted: 15.10.2022

For citation:

Abdelhameed, Said, Alefirenko, N.F. & Shakhputova, Z.Kh. (2023). Ethno-cultural Aura of Language Images in the Light of Cognitive Linguopoetics. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(1), 189–207. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-189-207>

Authors' contribution:

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interest.

Этнокультурная аура языковых образов в свете КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВОПОЭТИКИ

А. Саид¹ , Н.Ф. Алефиренко² , З.Х. Шахпурова³

¹ Айн-Шамский университет,

11566, Египет, г. Каир, ул. Эль-Халифа Эль-Мамун, Аббасия

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет,

308007, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85, корп. 12

³ Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева,

010008, Республика Казахстан, г. Астана, ул. Сатпаева, 2

 alefirenko@bsu.edu.ru

Аннотация. Природа и сущность языкового образа рассмотрены с позиций современной когнитивной лингвопоэтики, показаны его отличия от общефилологических понятий «образ» и «образность». Согласно авторской концепции, языковой образ рассматривается в русле творческой дискурсивной деятельности. Доказано, что языковые образы, интегрирующие в себе реальные представления о картине мира и эмоциональное отношение автора к ним, синергетически создают этнокультурную ауру художественного текста. Дискурс, в силу множественности своих компонентов, является речемыслительной площадкой для формирования языкового образа. Последнее рассматривается нами как синергетическое явление в аспекте многоканального производного стимула и самоорганизующееся явление в открытых системах лингвотворческого мышления. Обосновывается, что в художественном тексте языковой образ порождается не реальным, а так называемым коммуникативно-эстетически значимым событием, то есть художественным дискурсом — денотативной аурой языковых образов. Анализ показал, что языковой образ формируется не только самим текстом, но и различными экстралингвистическими факторами (знанием мира, мнениями, ценностями), играющими важную роль в понимании, интерпретации и восприятии вер-

бальных образов коммуникативного события. Поэтому в произведении интерпретируются все основные (событийные и несобытийные) элементы дискурсивной ситуации текста, образующие сложный языковой образ. Выявляются экстралингвистические факторы, определяющие семантическую архитектуру внутреннего контекста и активно участвующие в формировании этнокультурной оболочки языковых образов. Каждый из этих образов служит тенью облаком внутреннего контекста, элементом этнокультурной ауры речевого произведения. В отличие от существующих стереотипов, согласно которым концепт и образ считаются продуктами разных мыслительных операций: первая — аналитическая, а вторая — синтетическая, доказывается, что генезис языкового образа характеризуется их слиянием. На начальном этапе происходит аналитическое восприятие признаков денотативной ситуации, а на завершающем этапе их синтез. В конечном итоге генетическая связь таких явлений, как художественный текст, дискурс и концепт, формирует этнокультурную ауру изобразительно-речевого произведения.

Ключевые слова: художественный концепт, дискурсивно-модусный концепт, художественный текст, художественный дискурс, синергия коммуникативного события

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2022

Дата приема в печать: 15.10.2022

Для цитирования:

Abdelhameed Said, Alefirenko N.F., Shakhputova Z.Kh. Ethno-cultural Aura of Language Images in the Light of Cognitive Linguopoetics // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 1. С. 189–207. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-189-207>

Вклад авторов:

Авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Highlighting the issue under then study

The cognitive nature and linguopoetic essence of the ethnocultural aura of language images are genetically linked to the fundamental object of language science — the text and the concept of discourse gaining popularity despite its controversial turbulence. An adequate interpretation of currently existing aspects of the relationship between these traditional and innovative concepts is in the focus of cognitive linguopoetics. Without its tools it becomes increasingly difficult to penetrate into the speech-thinking secrets of generating works of verbal and artistic creativity in general and the underlying mystery of language images.

According to our conception, the language image owes its origin to communicants' creative and discursive activity [1]. In the verbal-creative paradigm these are, first of all: a) an author as a creator of the figurative-speech architectonics of a literary text and b) readers interpreting it. This means that the motivator and the source for generating a language image is a discourse, if it is understood not as a speech, but as a special communicative-pragmatic category of cognitive linguopoetics. We consider it important to prove that it is a discourse, due to the multiplicity of its components, to serve as a speech-thinking platform for generating a language image. The latter is comprehended as a synergistic

phenomenon in the aspect of a multichannel derivative stimulus and a self-organizing phenomenon in open systems of linguo-creative thinking [see: 1a]. For methodological argumentation of such a complex postulate, the identification of the genetic correlation of the following phenomena (defined as artistic) as text, discourse and concept is of great importance. It is they that form the ethno-cultural aura of language images — the categorical basis of any pictorial speech activity.

The purpose of the study: in line with the ideas of cognitive linguo-poetics, to show the nature and essence of linguistic images, their role in the formation of the ethno-cultural aura of a literary text. The achievement of this goal is carried out using the author's method — the discursive-hermeneutic analysis of linguistic images as part of an artistic concept (hereinafter — HC), consisting of the following research procedures:

- 1) clarifying of the experienced mental construct as the dominant of the plot dynamics of a literary text or its fragment;
- 2) identifying ways to verbalize HC;
- 3) determining its metaphor-generating potential;
- 4) understanding the ways for formation of figurative meanings of the representative word LC;
- 5) finding the allusion that form the language image of LC;
- 6) identifying contextual means for representation of connotative meanings of LC;
- 7) modeling the figurative-semantic field of LC and the main vectors of its irradiation (Lat. *irradiare* — ‘radiate’) in the form of an ethno-cultural aura.

The theoretical basis of the analysis is the combinatorial interpretation of the relationship between the concepts of a language image, a discursive-modus concept, a literary text and a literary discourse [see our research: 2. P. 15–28; 3. P. 7–12].

Language images in the light of the relationship between text and discourse

In the triad “concept — discourse — text”, the theoretical understanding of the text, despite its fundamental status in philology, continues to be the subject of linguo-poetic discussions (V.G. Gak, I.R. Galperin, S.I. Gindin, T.M. Nikolaeva, E.V. Paducheva, etc.). In one of our previous works an attempt was made to find the “golden mean” of the modern text-centric paradigm [see: 4. P. 71], according to which the text is comprehended as a sequence of linguistic signs united by a semantic connection. It's generally recognized properties are connectedness (cohesion, coherence) and integrity. The main means of the text's connectedness are: (a) grammatical (unity of tense and person, features of verb forms, modality, etc.), (b) homogeneity of vocabulary, (c) theme-rhematic sequences, (d) coreference (subordination of all elements to one topic) and (b) various lexical means of communication. Cf.: fragment of V. Bryusov's sonnet “Egypt” (in Russian):

*«Исканьем тайн дух человека жил,
И он сберег Атлантов древних тайны,
В стране, где, просверлив песок бескрайный.
Поит пустыню многоводный Нил».*

There is no doubt, thanks to these means of coherence, the unity of the text's form and content is achieved. And yet, this judgment in terms of the relationship between text and discourse cannot be considered final. This encourages the search for additional markers of text and discourse. First of all, two statements often found in modern publications are considered confusing. First, the text is defined as a communicative unit of the highest level. Second, any speech works are considered as the text [cf.: 5–7]. Such controversial positions are smoothed out by the cognitive strategy of speech generation, where the text is considered as a speech realization of the author's idea.

In text comprehension we consider the stage called linguopoetic to be significant. It expands the parameters of the text vision as a work of literary and artistic creativity, finds specific forms for its analysis that differ from related philological approaches (first of all, from literary poetics and stylistics). In this regard, K.E. Stein's idea of the text as "a harmonic unity appearing in the integrity of horizontal and vertical connections ... it is a harmonious system in which everything is brought into line" [8. P. 12] deserves attention. The harmonious unity of these connections is well demonstrated in N. Gumilyov's poem "Sahara" (in Russian):

*«Все пустыни друг другу от века родны,
Но Аравия, Сирия, Гоби, –
Это лишь затиханье сахарской волны,
В сатанинской воспрянувшей злобе.*

*Плещет Красное море, Персидский залив,
И глубоки снега на Памире,
Но ее океана песчаный разлив
До зеленой доходит Сибири».*

The horizontal dynamics of the text is carried out by its deployment along the time axis: from its beginning to the end [see: 7]. Vertical links of the text are generated by its formal thematic content (author's idea, theme, subthemes, microthemes and, finally, individual statements). Such unity provides literary texts with a special "aesthetic structure", a poetic aura thanks to which the use of typical words of the ordinary lexicon is able to create individual author's artistic worlds. Their comprehension is subordinated to the "tools" of literary discourse, the nature of which is determined by its eidos, the text's original appearance: discourse is a kind of communicatively significant event. In a literary text, it does not appear to be real, but a so-called communicatively and aesthetically projected event, e.i. a literary discourse — a denotative aura of language images. It is formed not only by the text itself, but also by various extralinguistic factors (knowledge of the world, opinions, values) that play an important role in understanding, interpreting and perceiving verbal images

of a communicative event. The elements of the text's discursive situation forming a complex language image, are event and non-event components [9. P. 11]. The first include the events described and the participants of these events. To the second relate "non-events" (circumstances accompanying the events, background, assessment of the participants of the event, etc.).

Thus, the discursive situation of the story of the Kazakh writer S. Muratbekov "The bitter smell of wormwood" is determined by the author's reflections on his military childhood, his friend Ayana and his native village. The epicenter of the discursive event is the image of wormwood (the author's symbol of the native hearth), which evokes memories of a strong orphan boy, who had a hard time, which he heroically endures. He does not show his tears, having lost his grandmother after the death of his mother, and then his father. The boy firmly believes in victory and is waiting for his father. Having learned to read and write, he begins to write letters to his father. Having sprained his ankle, Ayan does not despair that he can no longer play the Red Army with other children but begins to compose fairy tales. Every time he comes up with a new discursive situation where he and his friends, helping their fathers and brothers, bravely fight on the battlefield. Figurative associations serve as a semantic background for the coherence of the text, for example: "– This morning I saw Dad, he said in the voice of a man who received an unprecedented gift. — Really, really. Yesterday my dad's coat was laid out for me, and it smelled like Dad. It looks like the smell of wormwood. My grandmother used to say when she was alive: "I'm your father, do you know where I gave birth? I gave birth on Wormwood Hill, at the very top. I went after the cattle and now I gave birth." Apparently, since then, Dad has had the smell of wormwood, bitter, bitter and good. I buried my nose in my coat, lay there for a long time, and fell asleep. And I dreamed of Dad, healthy, cheerful. He looks at me and laughs everything" (S. Muratbekov. The bitter smell of wormwood).

The image of wormwood serves as the author's symbol of the native steppe, native village, fatherland: "A breeze blew and brought a familiar tart aroma from the Sagebrush Hill. And I thought: if Ayan is alive, he will definitely come here. Because sooner or later the bitter smell of wormwood will beckon him" (S. Muratbekov. The bitter smell of wormwood). Held together by coherent threads of artistic discourse, linguistic images increase the semantic tension of the text. That's just the vector of such semantic tension in the text and discourse is different. If the text is characterized by the connections and relationships of its internal elements that create its propositional and illocutionary structure [see: 11. P. 12; 13], then the discourse is built by conditions external to the verbal canvas, emanating from real or imaginary reality. Extralinguistic factors, determining the semantic architectonics of the internal context, actively participate in the formation of the ethno-cultural shell of linguistic images. Each of these images serves as a shadow cloud of the internal context, an element of the ethno-cultural aura of the speech work.

Thus, the discursive situation of the story by Kazakh writer S. Muratbekov “The Smell of Wormwood” is determined by the author’s thoughts on his military childhood, his friend Ayan and his native village. The epicenter of the discursive event is the image of wormwood (the author’s symbol of the native hearth) that evokes memories of a strong orphan boy who had a hard time he heroically endures. He does not show his tears, having lost his grandmother after the death of his mother. The boy firmly believes in victory and is waiting for his father from the war. Having learned to read and write, he begins to write letters to his father. Having sprained his ankle, Ayan does not despair that he can no longer play the Red Army with other children but begins to compose fairy tales. Every time he comes up with a new discursive situation where he and his friends, helping their fathers and brothers, bravely fight on the battlefield. Figurative associations serve as a semantic background for the coherence of the text, for example: «*Guys, something amazing happened to me. If I tell you, you won’t believe it. Early this morning I saw my dad’, he said in the voice of a man who has received a wondrous gift. ‘Really, really. Yesterday they put dad’s coat on my bed, and it smelled of my dad. Like the smell of wormwood. When granny was alive, she used to say: “Do you know where I gave birth your father? I had him on Wormwood Hill, right up on the very top. I followed the cattle up and I had him there”. And obviously the smell of wormwood must have stayed with my dad ever since then — so bitter, so bitter and good. I buried my nose in the coat and lay like that for a long time, until I fell asleep. And I dreamt of dad, strong and cheerful. Looking at me and laughing all the time*» (S. Muratbekov p. 133).

The image of wormwood serves as the author’s symbol of the native steppe, native village, fatherland: «*A gentle gust of wind brought the familiar pungent scent from Wormwood Hill. And I thought, If Ayan’s alive, he’ll definitely come back here. Because sooner or later the bitter smell of wormwood will lure him here*» (S. Muratbekov p. 146). Held together by coherent threads of literary discourse, language images increase the text’s semantic tension. However, the vector of such semantic tension in the text and discourse is different. If the text is characterized by the connections and relationships of its internal elements creating its propositional and illocutionary structure [see: 11. P. 12; 13], then the discourse is built by conditions external to the verbal canvas emanating from real or imaginary reality. Extralinguistic factors determining the semantic architectonics of the internal context actively participate in the formation of ethno-cultural shell of language images. Each of these images serves as a shadow cloud of the internal context, an element of ethno-cultural aura of a speech work.

The internal context of a speech work correlates with the discursive situation as its denotation. The deep structure of the extralinguistic context (communicative event) is embodied in various surface structures which we call event language images. Each such language image combines a word with predicate semantics denoting a discursive situation, and a subject-sensory representation. From the

viewpoint of the discursive situation expressed by predicate expression, the event language image integrates the ethno-cultural and individual author components. This is facilitated by the conjugation of predicate semantics with a subject-sense representation that connects the language image with real world [see: 14–16]. However, it would be erroneous to assume that the objective-sensory representation is a real event existing outside of us. The fact is that the visual sensory image of objects and situations of the described event is in the discursive consciousness in a state of constant lability (Lat. ‘sliding, unstable’), discursive mobility. After all, by its etymology, discourse is something mobile (*discursus* from Latin — ‘movement, circulation’). Discursive consciousness is also mobile at the moment of text generation. The discursive awareness of a communicative event contains semantic correlates of the word which are the connotative elements of the figurative layer of the literary concept — the nuclear component of the discursive situation.

The discursive situation reflects in the communicants’ discursive consciousness structured knowledge about a communicatively significant event [see: 17] in the form of cognitive concepts objectified by signs of the thought code, invested in words with text-generating acts. Cognitive concepts acquire the status of poetized folk concepts precisely in artistic discourse, where they, as “clots of the cultural environment in the human mind”, “are not only thought of but experienced” [18. P. 41].

A distinctive feature of literary concept, according to V.A. Maslova, is their associative nature, thanks to which it integrates emotive meanings and imaginative ideas about conceivable objects [see: 19]. Due to the dominance of the emotive-figurative principle in the structure of literary concept, its verbalization is carried out through language images. In N. Gumilyov’s quatrain, the emotive concept of “Sugar” is represented by exotic language images of Burnouts, Tuareg and Tibbus (in Russian):

*«Но здесь часто звучит оглушающий вой,
Блещут копы и веют бурнусы.
Туарегов, что западной правят страной,
На востоке не любят тиббусы».*

Language images are “*blown by burnous*” (*burnous* is a spacious and very wide cloak with a hood made of cloth or thin felt, on which an ornament is embroidered with a braid), “*tuaregs*” (a matriarchal tribe of western Sahara), “*tibbuses*” (Tibbuses, Tibbu or Teda — tribes of eastern Sahara).

In connection with this thesis, attention is drawn to a peculiar interpretation of the relationship between literary concept and image, presented by I.A. Tarasova [20. P. 742]. The author, relying on the concepts of eidos and logos used in A.F. Losev’s works as the sources of two types of meaning formation, expresses her understanding of the relations between literary concept and image. Even ancient thinkers by acquiring the world designated with the term eidos (from ancient

Greek — image, appearance, kind) “what is visible.” Then it was imbued with a very deep semantic significance, including “the objectivity of thought”, “the concrete manifestation of the Abstract” as a way of organizing the existence of a conceivable object. This, in fact, is the cognitive-poetic purpose of the language image. Logos reveals to consciousness the reality behind the image which in its entirety connects the image with the universe. Therefore, we do not consider eidos and logos “products of different mental operations: the concept is the result of analytical thinking, and the image is synthetic” [ibid.: P. 742]. Noting the undoubted creativity of the researcher’s approach, we think it necessary to clarify the judgment expressed, adapting it to an understanding the essence of language image. Its nature is featured by the fusion of these mental operations. The results of the analytical reflection of the objects of the communicative event by the concept at the initial stage and its verbalization at the final stage are synthesized into a holistic representation.

The language image acts as a means explicating the results of the subjective experience of a literary concept embodying its two main components — emotive-semantic and evaluative-valuable. As a result, the literary concept turns out to be a product of analytical and synthetic activity of creative thinking. Such an interpretation of literary concept will allow us to consider it a perception quantum of a communicative event structured in the author’s discursive consciousness. Proceeding from this judgment, the conclusion follows: a literary concept through its main components — discursive-modus and value-evaluative — serves as a means of representing this event in the poetic world picture created by the writer which, according to N.S. Bolotnova, has “an aesthetic essence and figurative means of expression conditioned by the author’s intention” [21. P. 206]. However, being a complex mental formation, it “belongs not only to individual consciousness, but also <..> to the psychomental sphere of a certain ethno-cultural community” [22. P. 40] that implies its involvement in semiosis, the process of “signification”, in which the signifier of the sign is interfaced with the objects of a communicative event.

All of the mentioned above serves as a convincing reason to assert that the means of verbalization of a literary concept is a language image — a verbal sign together with the associative discursive situation created by linguistic and non-linguistic factors denoted by it. Consequently, permeating the entire structure of the speech work the literary concept overcoming the text’s limits begins to correlate associatively with the historical, cultural, social and mental constants of the corresponding ethnos. The “associative transcendence” of poetic concepts in its entirety forms a conceptsphere — an open complex that creates an appropriate ethno-cultural aura of a literary text.

The conceptual sphere forms the artistic world of the work at the level of the meaning constructed by the author with the system of language images conveying, as the medieval thinker P. Abelard stated, the author’s mind, spirit and thought [see: 23]. Therefore, the conceptual sphere of a literary text can be represented by language

images only up to a certain line behind which lies a certain spiritual reality in the form of an ethno-cultural aura — the figurative and semantic halo of a speech work formed in the linguistic consciousness. The emergence of an ethno-cultural aura is due to the very nature of the language image denoting not a static object, but a labile discursive situation which can be represented as a structure consisting of a predicate literary concept (hereinafter referred to as PLC) and various actors.

PLC being a nuclear element of a discursive situation performs within its framework the function of an associative connection of objects of thought. The discursive situation represents the corresponding communicative event (hereinafter referred to as CE) in its semantic correlation with the real “state of affairs” projecting an artistic world picture. Its artistic status is due to the pragmaticon [24] of the language image embodying in language the subjective perception of the world by the author, and then by the reader.

The pragmaticon of language image is the module in which various personal perceptions of the author and characters are intertwined with certain elements of a communicative event.

Causal connections (interdependence) of the language image establishing its connections with other elements of the discursive situation create prerequisites for the appearance of a halo in the form of a visual-semantic field. It overlaps the mental and metaphorical layers of literary discourse. At their intersection which generates creative imagination the ethno-cultural aura of a speech work arises.

The essence of creative imagination is determined by the fact that it “does not repeat individual impressions about a communicative event in the same combinations and in the same forms “ but “builds some new series of previously accumulated impressions”, as a result of which “a new, previously non-existent image arises” [25. P. 8], what is reflected in Fig. 1.

This first form of connection between fantasy and reality shows to what extent their opposition to each other is wrong. The combining activity of our brain turns out to be not something completely new compared to its preserving activity, but only a further complication of this first one [26]. Fantasy is not the opposite of memory; it relies on it and arranges its data into new and new combinations. The combining activity of the brain is ultimately based on the same thing — the preservation of traces of previous excitations in the brain, and the whole novelty of this function boils down only to the fact that, having traces of these excitations, the brain unites them into combinations that have not been encountered in its actual experience.

Imagination relies on impressions received from a communicatively significant event arranging them into new combinations in those elusive sensations that create an ethno-cultural aura of the artistic world. This is achieved by a special refraction of a communicatively significant event in the minds of communicants (the author and readers). To realize the creative idea, the writer transforms the cognitive concept into an artistic one. The main mechanism of such transformation is the nuclear-

peripheral redistribution of the semantic elements of the concept. Communicatively indifferent semantic atoms are displaced to the periphery of its structure, while others demanded by the discursive situation either move to the zone of the semantic core or, acquiring additional connotations, form the evaluative-valuable tier of the literary concept.

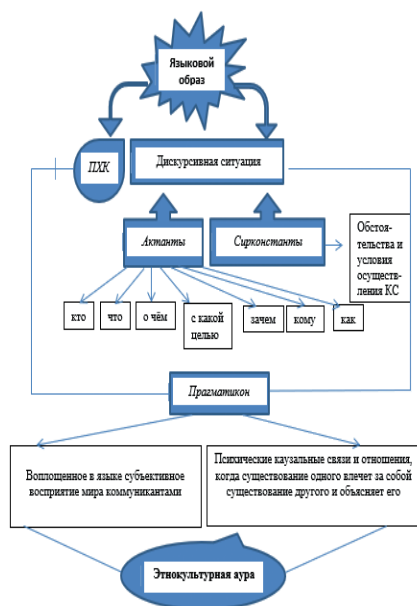

Figure 1. Taxonomy of the language image

The peculiarity of the discursive-modus concept is determined by its secondary formation. We distinguish between (a) concepts of a preverbal origin and (b) concepts of a discursive-derived type. Concepts of the first type, in fact, became the initial object of attention of concept theory founders (S.A. Askoldov, D.S. Likhachev, etc.). Their preverbal nature was presented mainly metaphorically as a “foggy cloud”, “germ” of thought, etc. Then there was the period of comprehending the mechanisms of their “linguization” and transformation into artistic concepts of a discursive-derived type which arise and function in a peculiar way in a literary text (lyrical and prose). The study of such concepts generating meanings of linguistic and extra-linguistic genesis, is based on the understanding of discourse as a speech-thinking model of a communicatively significant event that makes it possible to adequately interpret the author’s creative (metaphorical) thinking — a mechanism for generating literary concepts of a discursive-modus nature.

The concept “discursive-modus concept” introduced by us has been prepared by deep, though not indisputable studies of cognitive metaphor (J. Lakoff, M. Johnson). In the light of this approach, cognitive metaphor is considered as a thinking mechanism of creative thinking based on the syncretism of cognitive,

sensory and semantic factors in the formation of language images representing discursive-modus concepts. At the same time, we rely on the ideas of T. van Dijk which allow to interpret such language images as products of the “imagination of imagination” (Kant’s term of noematic epistemology). The creative imagination of the imagination is the most important component of the cognitive metaphor, thanks to which it is able to produce a discursive–modus concept, and the noematic associativity is the choice of verbal representatives of the discursive-modus concept.

The developed algorithm of analyzing linguistic images in their composition is aimed at identifying the literary concepts’ functional of a discursive-modus nature.

The proposed method is based on the category of literary discourse the nature of which is determined by the specifics of its linguopoetic mode [27; 28].

Being a kind of discourse in general, its peculiarity consists in aesthetic value, cultural significance and the ability to translate the ideas about the structure of being generally accepted in this community into an artistic world picture. The origins of the existential image of the world are the objective side of everyday experience formed by a person’s attitude to the surrounding reality in the form of object-sensory images. Various kinds of relationships create a modality — the objective hypostasis of the worldview. The most important information about the objective world for a person is concentrated in it. The objective world, fixed in the format of sensory representations, is built into an ordinary world picture consisting of ontologized images of non-reflexive origin. Cf. (in Russian):

*«Египта властитель единый,
Уж колышется Нильский разлив,
Над чертогами Елефантины,
Над садами Мемфиса и Фив».*

The language images in the structure of the concept “Egypt” (the Nile Flood, the palaces of Elefantina, the gardens of Memphis and Thebes) explicate the objective existence of the realities of the surrounding reality (the Nile is the largest river on Earth; Elefantina is an island and a city of the same name on the Nile River; Memphis and Thebes are cities of ancient Egypt), although the objectivity of their existence cannot be called absolute. After all, a person is dealing not with the objective world itself but with ideas about it which are not always removed from our world view (the Nile is the river of Eternity; Memphis is a legendary city, necropolis, the first capital of ancient Egypt; Thebes is the cultural and religious polis of Upper Egypt, a witness to the former splendor of Egypt; the ancient name of Uast — letters. ‘ruling’). Thus, the poet conveys mythological views on the world, places the subjects of a communicative event in a mythological shell [cf.: 29. P. 95]. Moreover, such ideas about the world are the product of ontological reflection.

Artistic reflection as a mechanism for the formation of an ethno-cultural aura

Artistic reflection is a spiritual activity of an axiological nature aimed at searching (In the process of mental modeling a discourse) for the plot harmonization of heterogeneous, fragmentary, sometimes incoherent mental acts. When constructing a discursive framework with the help of reflection, correspondence between the structure of the external world and its spiritual (internal) interiorization in the form of a figurative representation of a communicative event is established. Thus, an intentional attitude to one's own being is created. In addition, artistic reflection serves as an emotive and semantic "bridge" between a discursive event and its recipient. Acting as such a link between the reader and the episode described in the text, the discursive consciousness of the communicant is a subjective semantic space — the product of his cognitive-reflexive activity. Despite the established interest in this phenomenon since the beginning of the 20th century in the works of Z.G. Mints, Yu.I. Levin, I.P. Smirnov, Yu.M. Lotman, V.N. Toporov, and in our time in the studies of V.I. Tupa, in cognitive linguopoetics the idea of artistic reflection still remains in the zone of turbulence. However, the already existing judgments about this phenomenon allow us to state that it is aimed at understanding the meaning and value-aesthetic world of a literary text. In this regard it serves as an effective means of interpretation [30. P. 254] of its architectonics.

Artistic reflection manifests itself as plastic, figurative-objective thinking that correlates each step with the feeling of the general intonation of the artistic whole. In this regard, artistic reflection serves as an important element of the creative heuristic activity of the author and readers. It manifests itself in the subject-figurative understanding of the discursive situation in unity with the perception of the general architectonics of the created verbal and artistic canvas (in Russian):

*Шейхи молятся, строги и хмуры,
И лежит перед ними Коран,
Где персидские миниатюры –
Словно бабочки сказочных стран.*

Artistic reflection serves as a mechanism for the formation of personal meanings and the establishment of links between the communicative situation and the writer's worldview. Thus, it encourages to turn to the events of the past for their display in the ethno-cultural consciousness, as if to imagine the situation from the outside. From this point of view, any language images in the form of metaphor, epithet, symbol, portrait, landscape, subtext can be the epicenter and object of artistic reflection. This kind of effect is explained by the fact that such details of creative thinking perform, in addition to text-forming, also meaning-generating functions. They contribute to (a) the disclosure of the aesthetic and semantic aura of tropeic

means, (b) their correlation with ethno-cultural phenomena, (c) penetration into the inner world of the characters of the work (into their experiences, thoughts, feelings and value attitudes).

The subject of artistic reflection is not the real world itself, but its intermediary — the picture of the world [31; 32]. The recipient is characterized by the illusion of perceiving reality as an objective entity. Such illusions arise due to the inherent property of intentionality in communicants — the ability of the psyche to project ideal images, internal mental constructs onto the outside world. The so-called intentionality of the image arises that as one of the well-known specialists of the human psyche A.N. Leontiev explained as follows: “in the image we are given not our subjective states, but the objects themselves. <...> For the subject, the image is, as it were, superimposed on the thing” [33. P. 44]. K.G. Jung called such correlations of reality and image externalization: “localization of sensory perception in space”, in a “spatially localized object” [34. P. 352]. The artistic image is reflexively superimposed on the perceived object of a communicatively significant event, as a result of which a figurative picture of the world appears in literary text, and its emotive-aesthetic sensation creates an ethno-cultural aura of the speech work.

An artistic picture of the world is a product of the communicant’s reflection on perceived reality. In the process of this kind of reflection, there is an understanding of the connections and dependencies of the surrounding being space, which forms the attitude of the members of the ethnos to the world, their feelings, thoughts and actions. As a result, consciousness is enriched with ontologized object images, and the ethnic community has a historically and socially conditioned perspective of world perception and worldview (in Russian):

*Точно дивная фата-моргана,
Виден город у ночи в плену,
Над мечетью султана Гассана
Минарет протыкает луну.*

When a writer has communicatively significant intentions arising under their influence, personal experiences of a communicative event are formed. It is precisely such experiences that give rise to suggestion (from Latin *suggestio* — suggestion, hint) — the need to convey one’s experiences to others in order not only to inspire them with the significance of the event being experienced, but also to cause similar experiences in recipients. Suggestion is always biased since it contains something intimate, difficult to perceive the essence of the subject images of the world creating an ethno-cultural aura in autochthonous literary discourse, since the suggestion of literary discourse synchronizes the “voice of the subject” and the melody of the soul of the perceiving subject (author and reader).

L.R. Fakhrutdinova penetrated most deeply into the cognitive-pragmatic essence of the impression. In her interpretation, “it is an experienced cognitive trace, imprint, impression, manifested as the result of the impact of a complex phenomenon or a set of phenomena” [34. P. 463–466; see also: 26].

Conclusion

Language images, creating an ethno-cultural aura, integrate real ideas about the picture of the world and the emotional attitude of the author to them. As a result, a word image arises — a form of verbal representation of the impression of the reality object not directly, but through its interpretation in the light of the author’s aesthetic ideal. For this purpose, indirect means for explication of the received impression and its suggestive effect on the addressee are used. The synergy of the cognitive pragmatics of the word image and its ethno-cultural aura is mainly due to the impression of precepting a communicatively significant event. The linguopoetic significance of impression in the synergistic formation of the suggestive function of word forms is revealed through its empathy which is understood as a multilevel and complex phenomenon including cognitive, emotional and behavioral interactions of the characters of a speech work. As a result of empathy, ontologized images are transformed into language images by means of linguopoetic reflection on the realities of a communicatively significant event. And the primary picture of the world, integrating knowledge and collective experience accumulated by a certain ethnic group, forms an artistic discourse as a subjective, individual author’s model of a literary text that still exists in an intentional format, in the writer’s plan. The essence of the creative idea is predetermined by the primary image of the future work, sketches of its content, the twists and turns of storylines, the characters of the heroes. The authors under study draw language images of speech constructions from their own life experience, someone’s stories. Usually, the impulse to create a verbal-figurative canvas is a deep personal experience, an autobiographical event or observations on someone else’s life. However, the private is always subject to socially significant generalizations. The primary stage of realization of the author’s idea is a mental scheme (model) of a literary text embodied in a literary discourse which displays not only the skeleton of an event significant for the writer, but also the originality of his subjective worldview.

The originality of literary discourse as a communicatively directed architectonics of the conceived speech work is determined by aesthetic value and linguistic and cultural significance. In this regard, artistic discourse appears as a product embodying in a figurative form a special artistic picture modeled by the author as a complex kind of communication — artistic and literary, the subjects of which are not only the author and the reader, but also the characters.

References

1. Linguistic images: linguocreative symbols of ethnocultural spirituality. In: *Proceedings of the 5th International Scientific Conference, dedicated to 75th anniversary of the Award Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philology, Professor N.F. Alefirenko, Belgorod, September 17–19, 2021*. Belgorod: Epicenter LLC. (In Russ.).
2. Denisenko, V.N., Rybakov, M.A. & Povalko, P.Yu. (2017). The phenomenology of linguistic means in the semiosis of a literary text (based on the material of T.N. Tolstoy's novel "Kys"). *Moscow university bulletin. Series 7. Philosophy*, 3, 69–78. (In Russ.).
3. Alefirenko, N. & Nurtazina, M. (2018). Metaphorical discourse. In: *Searching for the Essence of Speech Images. Cuadernos de Russie Espanyola*, 14, 15–28.
4. Alefirenko, N.F. (2016). Discursive-modus concept as a source of phrasosemiosis. *Actual problems of philology and pedagogical linguistics*, 3, 7–12. (In Russ.).
5. Alefirenko, N.F. & Shakhputova, Z.Kh. (2021). Literary discourse in the light of ethnocultural interpretation of the text. *Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. Philology series*, 3 (136), 71–82. (In Russ.).
6. Chernyavskaya, V.E. (2013). *Linguistics of the text. Linguistics of the discourse*. Moscow. (In Russ.).
7. Kubryakova, E.S. *About the text and the criteria for its definition* [Electronic resource]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/kubryakova-01.htm> (accessed: 18.09.2015).
8. Moskalchuk, G.G. (2001). *Vertical and horizontal components of the dynamics of the structure of the text. Culture and text*. Barnaul: Altai State Pedagogical University publ. (In Russ.).
9. Stein, K.E. (2004.). Artistic Everyday thinking: the domestic onomatopoeic paradigm. In: *Ethics and sociology of the text. Proceedings of the «Hort» scientific and methodological seminar*. Iss. 10. St. Petersburg-Stavropol. pp. 12–23. (In Russ.).
10. Dijk, T.A. van. (1981). *Research in the field of discourse pragmatics*. The Hague: Mouton.
11. Kozhemyakin, E.A. (2009). *Conceptual and methodological substantiation of the discursive form of being of culture* [dissertation]. Belgorod. (In Russ.).
12. Gibbs, R.U. (2016). The cognitive-psychological reality of image schemes and their transformations. In: *Cognitive linguistics: basic readings*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter.
13. Styron, U. (2010). *Sophie's choice*. New York: Random House.
14. Whorf, B.L. (2016). *Language thought and reality: Selected works of Benjamin Lee Whorf*. John B. Carroll. (Ed.). New York: Wiley.
15. Stubbs, M. (1994). *Discourse Analysis. The Sociolinguistic Analysis of Natural Language*. Chicago: University of Chicago Press.
16. Wordsmith Dictionary online. URL: <https://www.wordsmith.net>. (accessed: 01.04.2018).
17. Stepanov, Yu.S. (2004). *Constants: Dictionary of Russian Culture*. M.: Akadem. project. (In Russ.).
18. Maslova, V.A. (2004). *Poet and culture: Marina Tsvetaeva's Conceptosphere*. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.).
19. Tarasova, I.A. (2010). Artistic concept: a dialogue of linguistics and literary studies. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 4 (2). 742–745. (In Russ.).
20. Bolotnova, N.S. (2021.). Word — image — concept in modern stylistics. *Linguistic images: linguocreative symbols of ethnocultural spirituality*. Belgorod: "Epicenter", 201–208. (In Russ.).
21. Miller, L.V. (2000). Artistic concept as a semantic and aesthetic category. *The world of the Russian word*. 4. 39–45.
22. Abelar, P. (2010). *Theological treatises / comp., transl. from Latin, introduction. article, comments, indexes by S. Neretina*. M: Canon+. (In Russ.).
23. Blakemore, D. (1993). Understanding Utterances. In: *An Introduction to Pragmatics*. Cambridge: Wiley-Blackwell.

24. Vygotsky, L.S. (1997). *Imagination and creativity in childhood*. Saint Petersburg: Soyuz (In Russ.).
25. Johnson, M. (2010). *The Body in the Mind: The Bodily Basis of Cognition*. Chicago: University of Chicago Press.
26. Alefirenko, N.F., Nurtazina, M.B., & Shakhputova, Z.Kh. (2021). Autochthonous synergy of Russian literary discourse. *Russian Language Studies*, 19(3), 253–270. <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-3-253-270>. (In Russ.).
27. Mamardashvili, M. (1993). *Cartesian reflections*. M.: Progress. (In Russ.).
28. Bogin, G.I. (2001). Gaining the ability to understand: An Introduction to philological hermeneutics. Moscow: Psychology and Business OnLine. (In Russ.).
29. Rybalchenko, T.L., Rezanova, Z.I. & Tubalova, I.V. (2009). *Pictures of the Russian world: images of language in discourses and texts*. Tomsk: SK-S. (In Russ.).
30. Novikova, M.L., Denisenko, V.N. & Krasina, E.B. (2015). Functional semantics and semiotics of language systems. *Bulletin of the Russian Humanitarian Foundation*, 1(78), 254–258. (In Russ.).
31. Afanasyeva, N.A. (2020). Russian poetic picture of the world: a linguistic approach. *Philological class*, 25 (4), 80–87. (In Russ.).
32. Leontiev, A.N. (1979). Psychology of the image. *Moscow University Psychology Bulletin. Series 14. Psychology*, 14 (2), 3–14. (In Russ.).
33. Jung, K.G. (1997). *Psychology of transference*. Moscow: Refl-buk, Kiev: Vakler. (In Russ.).
34. Fakhruddinova, L.R. (2013). Experience, impression, and existential experience. *Man, subject, personality in modern psychology*. Iss. 1. Moscow: IP RAS. pp. 463–466. (In Russ.).

Библиографический список

1. Языковые образы: лингвокреативные символы этнокультурной духовности: сб. научных трудов по итогам 5-й Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию заслуж. деятеля науки РФ, д. ф. н., проф. Н.Ф. Алефиренко, г. Белгород, 17–19 сент. 2021 г. Белгород: Белгород: Эпицентр, 2021.
2. *Денисенко В.Н., Рыбаков М.А., Повалко П.Ю.* Феноменология языковых средств в семиозисе художественного текста; на материале романа Т.Н. Толстой «Кысь» // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2017. № 3. С. 69–78.
3. *Alefirenko N., Nurtazina M.* Metaphorical Discourse. In: Search for the Essence of Speech Imagery // Cuadernos de Rusística Española. 2018. Vol. 14. P. 15–28.
4. *Алефиренко Н.Ф.* Дискурсивно-модусный концепт как источник фразеосемиозиса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики: научный журнал. 2016. № 3. С. 7–12.
5. *Алефиренко Н.Ф., Шахпуртова З.Х.* Художественный дискурс в свете этнокультурной интерпретации текста // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия Филология. № 3 (136). 2021. С. 71–82.
6. *Чернявская В.Е.* Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М.: Флинта Наука, 2013.
7. *Кубрякова Е.С.* О тексте и критериях его определения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/kubryakova-01.htm> (дата обращения: 18.09.2015).
8. *Москальчук Г.Г.* Вертикальная и горизонтальная составляющие динамики структуры текста // Культура и текст. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. пед. ун-та, 2001.
9. *Штайн К.Э.* Повседневное художественное мышление: отечественная ономато-поэтическая парадигма // Этика и социология текста: сб. статей науч.-метод. семинара «ТЕХТУС». Вып. 10. СПб-Ставрополь: СГУ, 2004. С. 12–23.
10. *Dijk T.A. van.* Studies in the Pragmatics of Discourse. The Hague, 1981.
11. *Кожмякин Е.А.* Концептуально-методологическое обоснование дискурсивной формы бытия культуры: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Белгород, 2009.

12. *Gibbs R.W.* The Cognitive psychological reality of image schemas and their transformations / R.W. Gibbs // *Cognitive linguistics: basic readings*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2016.
13. *Styron W.* Sophie's choice. New York, 2010.
14. *Whorf B.L.* Language, thought and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf. Ed. John B. Carroll. New York: Wiley, 2016.
15. *Stubbs M.* Discourse Analysis. L., 1994.
16. *Wordsmith Dictionary* online. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.wordsmith.net> (дата обращения: 01.04.2018).
17. *Степанов Ю.С.* Константы // *Словарь русской культуры*. М.: Академ. проект, 2004.
18. *Маслова В.А.* Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой М.: Флинта: Наука, 2004.
19. *Тарасова И.А.* Художественный концепт: диалог лингвистики и литературоведения // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2010. № 4 (2). С. 742–745.
20. *Болотнова Н.С.* Слово — образ — концепт в современной стилистике // *Языковые образы: лингвокреативные символы этнокультурной духовности*. Белгород: «Эпицентр», 2021. С. 201–208.
21. *Миллер Л.В.* Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // *Мир русского слова*. 2000. № 4. С. 39–45.
22. *Абеляр П.* Теологические трактаты / сост., перевод с латыни, вводн. статья, комментарии, указатели С. Неретиной. М.: «Канон+», 2010.
23. *Blakemore D.* Understanding Utterances. An Introduction to Pragmatics, Cambridge, 1993.
24. *Выготский Л.С.* Воображение и творчество в детском возрасте, СПб: «Союз», 1997.
25. *Johnson M.* The Body in the Mind: The Bodily Basis of Cognition, Chicago: University of Chicago Press, 2010.
26. *Алефиренко Н.Ф., Нуртазина М.Б., Шахпуртова З.Х.* Автохтонная синергия русского художественного дискурса // *Русистика*. 2021. Т. 19. № 3. С. 253–270. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-3-253-270>
27. *Мамардашвили М.* Картезианские размышления. М.: Прогресс, 1993.
28. *Богин Г.И.* Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. М: Психология и Бизнес ОнЛайн, 2001.
29. *Рыбальченко Т.Л., Резанова З.И., Тубалова И.В.* Картины русского мира: образы языка в дискурсах и текстах / ред. проф. З.И. Резанова. Томск: СК-С, 2009.
30. *Новикова М.Л., Денисенко В.Н., Красина Е.А.* Функциональная семантика и семиотика языковых систем // *Вестник Российского гуманитарного фонда*. 2015. 1(78). С. 254–258.
31. *Афанасьева Н.А.* Русская поэтическая картина мира: лингвистический подход // *Филологический класс*, 2020. Т. 25. № 4. С. 80–87.
32. *Леонтьев А.Н.* Психология образа // *Вестник МГУ*. Сер. 14. 1979. № 2. С. 3–14.
33. *Юнг К.Г.* Психология переноса. М.: Рефл-бук, Киев: Ваклер, 1997.
34. *Фахрутдинова Л.Р.* Переживание, впечатление и экзистенциальный опыт // *Человек, субъект, личность в современной психологии*. М.: ИП РАН, 2013. Т. 1. С. 463–466.

Information about the authors:

Saied Abdelhamed, Candidate of Philology, Lecturer at the Department of Russian, Ain Shams University (Cairo, Egypt); *Research interests*: linguoculturology, phraseology, text; *e-mail*: said_abdelhameed@alsun.asu.edu.eg
ORCID: 0000-0002-8363-3326

Nikolay F. Alefirenko, Doctor in Philology, Professor at the Department of Russian Language and Russian Literature, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia); *Research interests*: text, discourse, phraseology, semantics, semasiology; *e-mail*: alefirenko@bsu.edu.ru

ORCID: 0000-0002-4030-1612

Zukhra Kh. Shakhputova, Master of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan); *Research interests*: literary discourse, innovative methods of teaching foreign languages, assessment; *e-mail*: zukhrakhad@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7706-078X

Сведения об авторах:

Абдельхамид Саид, кандидат филол. наук, преподаватель кафедры русского языка, Айн-Шамский университет, Каир, Египет; *сфера научных интересов*: лингвокультурология, фразеология, текст; *e-mail*: said_abdelhameed@alsun.asu.edu.eg

ORCID: 0000-0002-8363-3326

Алефиренко Николай Федорович, доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка и русской литературы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия; *сфера научных интересов*: текст, дискурс, фразеология, семантика, семасиология; *e-mail*: alefirenko@bsu.edu.ru

ORCID: 0000-0002-4030-1612

Шахпутова Зухра Хаджимуратовна, магистр пед. наук, ст. преподаватель кафедры иностранных языков, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан; *сфера научных интересов*: литературный дискурс, инновационные методы преподавания иностранных языков, оценивание/ экспертиза; *e-mail*: zukhrakhad@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7706-078X

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-1-208-230

EDN: PSWQWM

UDC 811.512.122'37:82-3

Research article / Научная статья

Mythologism of Modern Kazakhstani Prose: Lexico-Semantic Aspect

Ruslan U. Shanayev¹ , Bayan U. Joldasbekova¹ ,
Inkar T. Kakilbayeva¹ , Alexander G. Kovalenko² ,
Zhadyra A. Bayanbayeva¹

¹Al-Farabi Kazakh National University (KAZNU),

71, Al-Farabi av., Almaty, Republic of Kazakhstan, 050040

²Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),

6, Miklukho-Maklay st., Moscow, Russian Federation, 117198

 rus.shanaeff@gmail.com

Abstract. The research attempts to determine the nature of mythologism in modern prose of Kazakhstan, to explain the use of myths in the novels by Abdizhamil Nurpeisov, A. Zhaksylykov and N. Verevochkin, which are representatives of the spiritual and intellectual stream in the modern literary process. The subject of the authors' research is the multifunctionality of myth, its semantics and structure-forming function in the works of Kazakhstani prose writers of the late XXth — early XXI centuries. In the first part of the article, the main attention is paid to the mythopoetics of A. Nurpeisov's dilogy "Last Duty", the interpretation of mythologeme and the meaning of the actions of the protagonist, which we consider as a mythological hero. The second part is devoted to the analysis of the mythological plot of Aslan Zhaksylykov's novel "Singing Stones", the interpretation of the symbolism of the sacred stone Yin-Yang. The next section deals with the novel of Nikolai Verevochkin, which we treat as a myth-novel.

Keywords: myth, mythologeme, multifunctionality of myth, mythological plot, intertext, myth-making

Article history:

Received: 01.10.2022

Accepted: 15.12.2022

For citation:

Shanayev, R.U., Joldasbekova, B.U., Kakilbayeva, I.T., Kovalenko, A.G. & Bayanbayeva, Z.A. (2023). Mythologism of Modern Kazakhstani Prose: Lexico-Semantic Aspect. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(1), 208–230. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-208-230>

© Shanayev R.U., Joldasbekova B.U., Kakilbayeva I.T., Kovalenko A.G., Bayanbayeva Z.A., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Мифологизм современной казахстанской прозы: лексико-семантический аспект

Р.У. Шанаев¹ , Б.У. Джолдасбекова¹ , Э.Т. Какильбаева¹ ,
А.Г. Коваленко² , Ж.А. Баянбаева¹

¹Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
050040, Республика Казахстан, г. Алматы, проспект аль-Фараби, 71

²Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

 rus.shanaeff@gmail.com

Аннотация. Исследование проведено с целью определить характер мифологизма в современной прозе Казахстана, объяснить использование мифов в романах А. Нурпеисова, А. Жаксылыкова и Н. Веревошкина, являющихся представителями духовно-интеллектуального течения в современном литературном процессе. Предметом исследования авторов является полифункциональность мифа, его семантика и структурообразующая функция в произведениях казахстанских прозаиков конца XX — начала XXI вв. В первой части статьи основное внимание уделено мифопоэтике дилогии А. Нурпеисова «Последний долг», интерпретации мифологем и смысла поступков главного героя, рассматриваемого нами как мифологического героя. Вторая часть посвящена анализу мифологического сюжета романа Аслана Жаксылыкова «Поющие камни», толкованию символики священного камня Инь-Ян. В следующем разделе речь идет о романе Николая Веревошкина, трактуемого нами как роман-миф.

Ключевые слова: миф, мифологема, полифункциональность мифа, мифологический сюжет, интертекст, мифотворчество

История статьи:

Дата поступления: 01.10.2022

Дата приема в печать: 15.12.2022

Для цитирования:

Shanayev R. U., Joldasbekova B. U., Kakilbayeva I. T., Kovalenko A. G., Bayanbayeva Z. A. Mythologism of Modern Kazakhstani Prose: Lexico-semantic Aspect // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 1. С. 208–230. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-208-230>

Introduction

Modern Kazakhstani prose is characterized by a steady interest in myths, both national, and Western European and ancient, which can be explained by the influence of postmodernism and the tendency to complicate the plot structure of works. On the other hand, the appeal of literature to ancient national sources, to eternal spiritual truths against the backdrop of the dehumanization of modern society also actualizes this problem.

The article makes an attempt to consider the poetics of the novels of modern writers of Kazakhstan Abdizhamil Nurpeisov [1], Aslan Zhaksylykov [2] and Nikolai Verevochkin [3] in the mythological aspect, to identify the functions of the mythologems, allowing to interpret certain plot situations using parallels

from mythology. In our opinion, a myth in a work of art can be used as a plot unit, and as a source of motives and images illustrating the author's idea. The mythological plot is created by myth-making thinking, that is, it is directly related to the author's myth. Such a research approach to the interpretation of the plot of myths in the novels we are considering allows us to understand the deep meaning of the author's intention.

Methodology and research methods

The methodology of the article is based on a multidimensional approach, which involves the use of several research methods:

- comparative-historical, allowing you to consider the similarities and differences of plot situations in the text based on direct contacts;
- historical-genetic — to identify the sources of myths, to understand the reasons for the mythologism of the novel;
- structural-semantic — in order to explore the features of the functioning of individual techniques in the artistic structure of the novel.

Literature review

The problem of mythologism in modern literary criticism has been developed quite thoroughly, but nevertheless, in Kazakhstani literary criticism there are many little-studied aspects and blank spots on this topic. Although in recent years there have been many serious studies on the mythologism of Kazakh literature, on the use of mythopoetic images by writers in their works. Determining for us is the statement of Yu.M. Lotman that “the constant interaction of literature and myth proceeds directly, in the form of a “transfusion” of myth into literature, and indirectly: through the visual arts, rituals, folk festivals, religious mysteries, and in recent centuries, through the scientific concepts of mythology, aesthetic and philosophical teachings and folkloristics” [4].

At the end of the 20th century, there is a steady interest in myth in world culture, which gives a person living in a crisis era faith in his rebirth. It is no coincidence that R. Barthes argued that “myth as a living memory of the past can cure the ills of our time” [5. P. 72–130]. Research practice of Yu.M. Lotman [4], V.N. Toporov [6], S.S. Averintsev [7] on the interpretation of the problems of the mythopoetics of the literary text allowed us to conclude that A. Nurpeisov [1], A. Zhaksylykov [2] and N. Vereochochkin [3] turn to mythological plots with the aim of modeling modern life according to the laws of mythological thinking.

M. Eliade warned in “Aspects of a Myth” that “... myth is one of the extremely complex realities of culture, and which can be approached and interpreted from various and complementary viewpoints” [8]. C. Levi-Strauss proposed to consider myth as “a category of our thinking that we arbitrarily use to combine under the

same term of attempts to explain natural phenomena, creations of oral literature, philosophical constructions and cases of the occurrence of linguistic processes in the consciousness of the subject” [9]. E. Cassirer considered the myth “a closed symbolic system, united by the nature of functioning and the way of modeling the world around us” [10]. Therefore, Roland Barthes calls modernity “the privileged field for mythologizing” [11] and, following M. Eliade, proposes to consider socialism as a new eschatological myth.

In recent years, researchers of Turkic mythology have been talking about the emergence of a mythological school in Kazakh literature, called itself “spiritual and intellectual stream” (S. Kondybai [12]; Z. Naurzbaeva [13]; E. Tursunov [14]; B. Zhetpisbaeva [15]; K. Zhanabaev [16]; T. Asemkulov [17]). Studies on mythopoetics, archetypes, symbols, mythologems that appeared as part of this trend formed the methodological and scientific basis for our study of the mythologism of modern prose. In their opinion, the mythologism of the prose of modern Kazakhstani authors is explained by the aspiration to investigate what is happening in modern life with the help of myth, to resist the chaos that destroys people’s lives and threatens modern civilization.

The modern Kazakhstani prose in the person of one of its best representatives, Abdizhamil Nurpeisov [1], is an aesthetic whole that exists in a multicultural space and is actively included in the wider context of the world literary process. Researchers and critics call Abdizhamil Nurpeisov unconditionally passionate person, and his “Blood and Sweat” and “Last Duty” are the Kazakhstani five-books set, equal in value to the five-books of F.M. Dostoevsky. In eastern literature, this kind of work is presented in the khamsa genre, recall the “Five poems” by Nizami, Rumi, Navoi. But at the same time, Nurpeisov’s last novel has not yet received a proper rating: he is mainly mentioned in passing, in articles of an anniversary character.

The exception is the Moscow scientist N.A. Anastasiev [18], who considers the novels of A. Nurpeisov in the context of Western European literature, is looking for something in common with the novels of E. Zola, W. Faulkner, M. Proust. In the book “The sky in a cup of flower. Abdizhamil Nurpeisov and his books in the world literary landscape”, he emphasizes the spiritual correspondence of the Kazakh writer with the world space, talks about the “dialogue” of A. Nurpeisov with his teachers and contemporaries [18. P. 125], reveals the features of the intertextual component of prose of A. Nurpeisov and pays attention to the mythologism of his five books.

Despite the severity of the issues and topics raised by A. Nurpeisov [1] in the “Last Duty” dilogy, critics and literary scholars reacted with restraint to her appearance. Of the Russian researchers, articles by Lev Anninsky are especially significant in “Friendship of Peoples”, “Trail on the Ice floe” [19] and in the journal “Niva” “Day? Night?: notes on the dilogy of A. Nurpeisov “The Last Duty””; from Kazakhstani researchers of the writer’s work, A. Artsishevsky [20]; V.V. Badikov

[21]; V. Vladimirov [22]; Val. Mikhailov [23]; A. Mashakova [24]; E. Kakilbaeva [25] and others can be noted. Researchers unanimously note the special fatalistic attitude of the writer, suffering from the tragedy of the Aral Sea unfolding before his eyes. L.A. Anninsky believes that A. Nurpeisov is a truly strong personality who had to tell people how the world conquered and built by the Kazakhs after 17 was crumbling: The heroes of “Blood and Sweat” believed that the world that they had suffered would belong to them. Their grandchildren and great-grandchildren feel how this world is freezing and falling apart [19. P. 160–173]. In his opinion, it is precisely the feeling of an approaching universal catastrophe that determines the particular mythological thinking of the artist himself, which is reflected in cross-cutting and leitmotif mythologies. The circle of problems of the existential plan posed by the writer in the novel also requires philosophical reflection, which determines the peculiarities of the mythopoetics of the novel: who is guilty of the chaos and is responsible for the story? Therefore, “Last Duty” by A. Nurpeisov was called a catastrophe novel, an eschatological novel that predicts the end of the world.

The unusual nature of this poetry of the trilogy of the Russian-speaking writer Aslan Zhaksylykov [2] gave rise to the most unexpected conclusions and comparisons: the researcher Murat Auezov believes that it is close in style to Zhusupbek Aymautov’s “Akbilek” novel, Berik Zhylkibaev compares it with Bunin’s “Cursed Days”, more often comparisons and analogies arise songs of Asan Kaygi and the acts of Korkyt-ata. V. Badikov sees stylization in the spirit of the “stream of consciousness” in the novels, while others, focusing on the apocalyptic theme, insist on associations with Marcel Proust, Albert Camus, Jerome Bosch. A noteworthy comparison is with Gabriel Marquez, in whom the hero-colonel continuously sculpts goldfish, breaks and sculpts them again. One of the capacious characteristics of the novels belongs to Auezhan Kodar, who called the novels about human ecology, the encyclopedia of Kazakhstani life in terrible forms of infringement of human rights, infringement of the most elementary norms of existence. These points of view were expressed during the presentation of the book by Aslan Zhaksylykov on March 25, 2006 at the National Library [26].

Literary critic O.K. Abisheva explores “the shift in modern Kazakhstani prose associated with the publication of the novel, and to be precise, the cycle of novels “Dreams of the Cursed”, which was a literary event, not of the year, but of the last ten or fifteen years of our chaotic inter-time period” [27]. L.V. Safronova speaks of a completely obvious postmodern paradigm in the work of a Kazakhstani writer [28], Sh.T. Adibaeva in her study “The Poetics of Myth in the Artistic Prose of the End of the XX — Beginning of the XXI Century” [29] notes the elements of postmodern poetics in the works of A. Zhaksylykov in comparison with V. Pelevin’s prose. The novel we are considering in the aspect of plot composition and the identification of the functions of symbols in it was reflected in the works of O.A. Valikova, who examined the contextual field of “Singing stones” along with other novels by A.Zh. Zhaksylykov “Dreams of the Cursed”, “Another Ocean” with the aim

of establishing meaning-forming links between the domains of Russian-speaking (Kazakhstani) and classical Russian literature [30], and A.A. Dzhundubaeva, who devoted her work to identifying the features of the narrative strategy of the postmodern novel [31].

Nikolai Verevochkin's novel "Tooth of a mammoth (chronicle of a dead city)" became the object of attention of researchers and critics immediately after appearing in print in 2003. One of the serious works devoted to this work is an article by Kazakhstan cultural expert Zira Naurzbaeva "Adzhigerey, Ruslan and M: the three fates of Kazakhstan's culture. Non-mythological notes about the modern Kazakhstani novel" [13. P. 199]. In her opinion, Verevochkin's novel is dedicated to the fate of modern man in the modern world. The researcher calls it philosophical and myth-making and considers the plot of the novel as "a myth about the fate of the Russian intellectual culture in Kazakhstan" [13. P. 200]. Of particular interest to the critic and literary critic Leonid Terakopyan is the fate of people who find themselves in the breakdown of eras, which he calls ascetics [32. P. 206]. A Moscow researcher perceives what happened to the virgin city of Stepnorsk, which was built in Soviet times on the site of the flooded village of Ilyinka, as a tectonic cataclysm and compares its effect with the Big Bang in the Universe, which suddenly released the decay energy.

K.O. Tattimbetova [33], like her colleagues from Al-Farabi Kazakh National University A.S. Afanasyeva [34], B.U. Dzholdasbekova [35], believes that the story about the life of the North Kazakhstan virgin town is mythological, and the symbolism is multi-layered. B.U. Dzholdasbekova in the article "The genre of the novel in Russian literature of Kazakhstan of the end of the twentieth — the beginning of the eleventh centuries" mentions that "...Nikolay Verevochkin raises a serious topic for our time: where can a modern person find *pou sto* in a world in which everyone is familiar, at first glance, reliable, unshakable structures collapsed..." [35]. Researchers are unanimous in defining N. Verevochkin's novel as mythological, they believe that it was created under the influence of postmodern poetics, but its "surrealism" does not contradict the "truth of life" [35. P. 220].

Results of the research

"The Last Duty" by Abdijamil Nurpeisov as a novel-myth

The process of revival of myths became especially intense in the literature of Kazakhstan in the new era, when it became possible to free oneself from ideological fetters, from censorship, and a "free, non-pathetic attitude to myth, in which an intuitive understanding is complemented by irony, parody and intellectualistic analysis and which is carried out through probing the mythical fundamental principles often in the simplest and most ordinary things and notions" arose [36].

Dilogy of Abdijamil Nurpeisov's "Last Duty" is a kind of continuation of the epic "Blood and Sweat", but in social conditions that are completely modern for us. The novel of myth conveys the pain of a writer who turned out to be a happenstance witness to the death of a unique creation of nature — the Aral Sea. The plot action in the dilogy has clearly defined spatial and temporal boundaries: it fits in one day, which is reflected in the titles of the parts "There was a day" and "There was a night". But the inner plot is inexhaustible, permeated by the work of memory and intuition, the work of the mind and heart. Not only the drama of the main character was found in it, but also the drama of each of the characters, the chronotope knows no boundaries, hence the constant access to the heavenly and transcendental worlds.

The influence of the Bible, especially the chapters on the creation of the world: "And there was evening and there was morning" is especially clearly felt in the structure of the dilogy. According to the writer, this is not only about the fate of the Aral Sea, but about all the catastrophes of the world.

Human destroys the nature created by God. The artist's mythological thinking is set to show the path of humanity and of an individual person from the creation of the world to its death. In 1984, he called the first part "Duty", and in 2000 gave the book a different name — "Last Duty", changing intonation and including it in a different context ("Farewell to Matera" and "Deadline" by V. Rasputin, "Last Bow »V. Astafiev) and in another, mythological space. The writer gives everyone the opportunity to consider the novel as mythological, tragic, and therefore shows the "slow process of transforming the Aral Sea into a kind of independent substance, unbridled, unpredictable. He answers the challenge with a challenge, inviting into tallied forces which are much more powerful than the notorious Big House. And the dull resistance of these forces determines the tragedy" [25. P. 54]. In this context, the epigraph to the novel, taken by the writer from the "Book of the Dead", which is a statement of the acts of a mortal man and is perceived as a reproach to all mankind, has a special function:

I did not do evil to people ...

I did not kill ...

I did not block the path of running water ... [1].

The symbol-image that gives rise to the main mythologem that unites space and time is the Aral itself, drying out, full of personal and public tragedies, which is shown as having memory, living in the memories of nature, people, fish and animals. It is open to people and recalls the former beauty of the miracle of nature that arose among the sands, it was strong and powerful, and now it has become "a victim of human greed and recklessness". It is no coincidence that the Kyrgyz director Bolot Shamshiev, who made a film about the Aral Sea based on the novel by Nurpeisov, calls the writer an eyewitness to the Aral Sea Hiroshima, and Bel-Aran, a small village on the shores of the Aral Sea, where the action takes place,

is the epicenter of despair, calling for help in the face of impending catastrophe, threatening death all of humanity.

There is no coincidence that the image of the ice floe in the plot, which became a mythologem during the story's unfolding: the three main characters — Jadiger, Bakizat and Azim turned out, by chance, on an ice floe torn from the island, which is carried away by a strong wind into the open sea, that is, into eternity: “A frantic storm raging by night, blew a snowy snowstorm in vague darkness, rampaged and raged throughout the earth...The Aral Sea was wildly howling and humming, the waves roared, a dull universal circle of darkness laid heavy shackles on the whole huge raging world...” [1]. The madness of nature that is happening in front of people is a symbol of the violation not just of everyday life, but of the being of human existence, an apocalypse that happened through the fault of people, a formidable warning of nature, expressing protest against people. Therefore, the ice floe takes on universal dimensions, is likened to the cosmos, and the mythological thinking of the writer A. Nurpeisov himself is reflected in this transformation-symbol. Chaos is not only on this dangerous ice floe, but throughout the universe, and it is akin to Pasternak's “It snowed and snowed, the whole world over ...”.

In the novel, a special role is assigned to the main character, Jadiger Amirzhanov: the collective farm chairman, honest worker, fisherman with a university diploma, as his wife contemptuously dignifies, “Top Performer” — as the mother-in-law pronounces mockingly. He was shown by the writer to be far from an ideal hero, crushed by hard work, a constant desire to fulfill the overstated plan for fishing, descended from above. Jadiger in everyday life is an uncomfortable person in communication, corresponds to the semantics of his name: “a thing in itself”, he is merciless in relation not only to himself, but also to others, furious in anger, unkind to people. But deep down, he is a bearer of active goodness and compassion, he has a tender and defenseless soul, with faith in the best, in the bright, which he hopes to achieve not only for himself and his family, but for all of humanity.

The action in the novel begins with a description of the traces of this hero: “The tall dark-faced man, stooping, looked back at his traces” [1], “the uneven, heavy traces of the tired man” evoke dull anguish in the hero, he notes something absurd in them, not combining with the outside world. For the hero, they evoke associations with his own fate, which his wife, the beautiful Bakizat, perceived as absurdity. Thoughts about the footsteps of his steps grow into a metaphor symbolizing his life: “escalating gloom”, “listless”, “like homeless stray dogs”, “imprints of your failures” that started once and break off once, but by force the mythological character of this image of the symbol means that the clipping of traces means a new beginning: on the chest of the dying Jadiger, a small bird — the messenger of the eternal, is heated and saved by his heat. That is, the symbol develops into the myth of Eternity.

In his dreams, nightly fantasies and daydreams, Jadiger sees Kok-Oguz, he appears before the hero between sleep and reality and in the last minutes of his life. Kok-Oguz is a symbol of the end of the Aral Sea, and, as a result, a symbol-

mythologeme of the end of the world. He is insatiable and wants to drink the whole sea to the bottom. In the first dream, he descended from the western side of the island, instills terrible fear into the hero, causes streams of tears, from which Jadiger wakes up. Before his death, on the ice floe, the freezing Jadiger again sees the Kok-Oguz giant, descending from a height who wants to drink the remaining water in the shrinking sea. This dream is deeply mythological: the monster's intention coincided with the death of the hero, that is, the death of the sea also means the death of the hero.

In the plot of the novel, the mythology of the fiery red fox with the roguish muzzle, into which turns Bakizat, the teacher, the mother of two children and the unfaithful wife are also significant. She is unhappy in her personal life, a thirteen-year marriage with Jadiger, to whom she married after her beloved Azim, for the sake of a career, preferred another girl, a more profitable party, falls apart before the eyes of all Bel-Aran residents. The consequence of her uncomplicated life is unloved children born with physical disabilities (her son is over ten years old, but he is silent, a beautiful daughter without three fingers), unloved work, unloved habitat of Bel-Aran, which she has long dreamed of leaving.

Her other essence manifests itself at the moment of transformation into Mother Belorybitsa itself, whom Jadiger sees next to himself at the head of a school of fish in a dream: his fish-wife has a “young body”, “flexible, elastic, like molten silver,” she “sparkled with her dazzling scales” [1]. The writer endows his heroine with the natural initial qualities of a female, endows the ancient instincts of a predator, emphasizes the eroticism of her feminine. Jadiger admires his wife, and also pities her because of her failed life, and tries to understand her departure to Azim, perceives everything that happened to him and her as a gift of destiny, and a curse, fate.

Jadiger is fatally alone as a carrier of guilt towards the Aral Sea and nature, and this is his peculiarity as a mythological hero who is in a state of “inseparability” with the sea and with the rest of nature, with its inhabitants. Let us recall a dream in which the hero turned into the leader of a school of fish Gray Ardent and, together with the White Fish (Belorybitsa) swims to clean water, he tries to save everyone and takes special care of the little White Fish. In real life, sleep episodes confront Jadiger. When he looks at the caught catch of the fishermen, he sees a big white fish and a small White Fish, he seems alive, but the hero failed to save her: one of the fishermen, an old man Koshen spite him crushing this helpless creature.

N. Anastasiev [18] considers the death of Jadiger, a mythological hero, justified. He is responsible for the evil happening before his eyes, not being guilty of his actions. On the contrary, he, as he could, opposed this process of destroying order, but could not prevent the tragedy of the Aral Sea, therefore he considers himself guilty of what happened to him, his family and the Aral Sea. Let's remember that the mother of the hero was of the same opinion, and folk wisdom speaks through her mouth. Jadiger dies, and a hungry wolf is ready to attack him. But at the last

moment, a small piece breaking away from a large ice floe takes the predator into the sea. But Bakizat, who rushed to her husband's cooling body, sees a warbler on his chest.

Anatoly Kim admired the ending of the plot: "It is so simple, the apocalyptic pessimism is overcome, without any rhetoric." N. Anastasiev believes that "the laws of mythological thinking apply here. For example, the law of totemism, according to which the human soul is placed in the chest of an animal" [18. P. 130]. There are plots in Turkic myths when the soul of a deceased person moves to a bird that is ready to fly. As you can see, the writer A. Nurpeisov was guided by these well-known mythological interpretations, but offers his perusal of this final tragic situation: Bakizat, putting her hand to Jadiger's chest and feeling a stir, comes to life herself.

Here one more optimistic microtheme arises that overcomes the tragedy of the current situation: the resurrection of Bakizat. The magic formula "I'd like to fall victim to you" — a magic charm that saves the soul of a loved one, strictly works in the stories of love and death of young people in Kazakh dastans and a romantic epic.

Mythopoetics of A. Zhaksylykov's novel "Singing Stones"

The trilogy of Aslan Zhaksylykov [2] with the multifunctional title "Dreams of the Cursed", written at the beginning of the XXI century, represents a new level of mythopoetic mastering of reality not only in the writer's work, but, it can be said without exaggeration, in all Kazakh literature in Kazakh and Russian. Most likely, this can explain the semantic discrepancies of novels, in which, according to the remark of A. Zhaksylykov, first of all, a real pain sounds due to the shredding of the human race and the "warning at the end of the world". Well-known critics, cultural scientists and literary critics, in their very first statements, were extremely frank and completely shared the anxiety of the author, who was not indifferently observing the anthropological catastrophe taking place in the world. It is clear that from this perspective, the trilogy outgrows the scope of a purely artistic work and becomes a landmark phenomenon in the cultural life of Kazakhstan.

Within the framework of this article, our attention is drawn to the peculiarities of the author's mythological thinking, an attempt to create his own original system of mythologemes in order to fill one or another image with universal meanings and analogies.

The first part of "Dreams of the Cursed" — "Singing stones" is a story about the awakening of a person after physical and moral upheavals. The comprehension of real, true values of being takes place in the soul of the hero with the name Zhan, unusual for the Kazakh.

The semiotic fullness of this name is sacred: zhan (soul), in contrast to the flesh, lives in hope and desire to comprehend the beautiful. Therefore, the initial

episodes in the hospital associated with the “entry” into his life of a nurse named Saule play such an important role. Her appearance in Zhan’s sore, tormented by pain and memories consciousness is associated with beauty. It is Saule with the name — symbol “ray”, which absorbs warm, bright, inexpressibly feminine and surprisingly pure (these epithets are gleaned from the text) — which gives hope for salvation from nightmares and painful dreams.

The assembly composition perfectly meets the plan of the narrator hero, who is in a state of almost an embryo, to recall the past, to understand the reason for the tragedy that happened to him. And the next plot movement is connected in the character’s consciousness with another woman, indicated in this episode by the pronoun you. In the beginning, everything that happens to her now, at the moment of “remembrance”, is recalled. The hero is ironic and even sarcastic in evaluating the performance, carefully staged and played by his wife: and the neighbors sympathize with her, who goes to the hospital every day to her husband, to the “heavy drinker”, “bonker balls”, which “is not worth it”. Zhan’s wife created and polished every day the image of “a beautiful, lonely, sad woman-picture worthy of the brush of a romantic man”, “trustworthy to conjugal duty”, “lonely and suffering” — this is how she appears to others. And only her husband is “helpless, flattened in a hospital bed”, long since become a stranger, knows her value.

In this multi-layered story, a short segment from the life of the protagonist, who is also a narrator, is narrated. The description of the process of memory is justified psychologically. The hero is in a borderline state between the present and the past: “The past is only an image, a whirlwind, long, persistent. The reality is a hospital bed to which I have been confined for an eternity” [37. P. 27]. This phrase, said by the hero, before plunging into the past (“eternity”), performs several functions: denotes the tragic essence of what is happening, introduces the hero into a bizarre labyrinth world of memories and allows him to survive the process from insight to a full realization of the inevitability of what happened to him: “The circle was closed so that everything would be repeated”. This last sentence of the novel completes the framework of the first part of the trilogy.

In the stream of thoughts of the hero between life and death, the inevitability motive becomes the leading one, and the movement of the plot (thoughts) of the hero, who recalls his whole life, is in the most direct connection with this motive. The main thing in this novel is not a description of the hero’s defeat, but his liberation from falsehood, the awakening of truth. Aslan Zhaksylykov uses the principle of “discord” here, which allows him to combine events that are different in time and significance, the hero’s experiences, his thoughts, feelings, sudden associations, which are constantly intertwined “bizarrely and unusually”, interrupt each other.

The hero, realizing and accepting the idea of lying, artificiality and falsehood of his own life, the life of society and people close to him, deliberately “leaves” the bustle of the world around him. And now loneliness and self-deepening become his usual state. “Stream of consciousness” is a technique that is one of the plot-forming

principles in Aslan Zhaksylykov's trilogy. Zhan recalls, comments, searches for the causes of the tragedies not only in his personal life, but also in the fate of those around him.

In the real world, in the eyes of those around him, he is “a hopeless old man, moreover, crushed by misfortune — a serious illness”. The present is a hospital, pain, the eternal smell of bleach, delirium, a nightmare, fear. Now life for him is enclosed in the guise of eighteen-year-old nurse Saule (the detail “wet, surprisingly clean eyes of a deer girl” becomes a leitmotif in episodes with this heroine-antipode of a woman-temptress Ainur).

Zhan ended up in this huge hospital in the middle of a smoky, wondrous city after he didn't get to China and was found on the banks of Khorgos by border guards. Between bouts of pain, he understands the most important thing that happened in his life: a marriage with Ainura, which did not bring happiness, but was “not useless”, as it opened his eyes to many things. The hero understood from his own experience that his wife was a “Natural Born Actress”. The insight of the “unsuccessful” hero occurs late. The motive of loneliness that arose in the plot is perceived by him as infinity in time and space. Catharsis in his life came two years ago: this time is conceived by him as fatal. The memory episode has a symbolic meaning: Arman, an experienced tempter, destroys their fragile, ghostly union. The motive of betrayal is embodied in the image of his wife Ainura, the “woman temptress”, and bosom-friend Arman.

Arman, as the embodiment of the best masculine qualities, has everything necessary for a comfortable existence: parents — rich, wealthy people; father is a professor at a medical university, Arman graduated from the university, works in an important ministry, makes a career, is an enviable bach, has an apartment in the city center and a luxury car, travels abroad. In contrast to him, the main character, in the past — an excellent student, graduate student, university teacher, poet who never completed his dissertation, and the money collected by relatives for defending his dissertation he spent on furniture, (at the insistence of his wife), they got an apartment after eight years of standing in line, a book of poetry, appeared in print is not even noticed by critics”.

In the eyes of his wife, her family and friends, Zhan was the embodiment of absurdity and folly. His attempts to revive shamanism, friendship with station vagabonds, peculiar dervishes, picking up natural wonders, following ritualistic rites (In the eyes of his wife, uraza is just fanatical asceticism, leading to hungry fainting) are perceived as eccentricities: “Poor thing, he did not realize what time he lives. He was completely devoid of a sense of reality...” — the interpretation of his actions not only by Ainur, but by the whole society, which turned him into an outcast. But Zhan has his own idea of honor and dignity, his own system of moral values. Therefore, in reality, he is a failure (the approbation of the dissertation did not take place because of a polemic with an influential professor, whom Zhan accused of scientific incompetence).

The hero has not been doing his job for a long time. But marginality is not determined by this circumstance: it seemed to have failed in the gap of being — at the break of history. After the experience, he realizes that he has now lost his homeland, familiar environment, friendship and family ties, he has no family, no reliable roof, nothing unconditional, that is, there was a complete disconnection with real life. The stumbling block is that Zhan as a person does not exist in reality, but in the phantom of an already non-existent past. Therefore, the author introduces into the story a mass of parallel lines and characters, which, like a system of mirrors, reflect the struggle between good and evil principles in the hero's complex, unsettled soul. And it seems that it is precisely the lonely path of separate from the rest of the world personality is the hope of overcoming the insuperability.

In the darkest moments of drunken delirium and turbidity, Zhan remembered one thing: somewhere in the south-east of Kazakhstan there is a shaman named Duysen baksy. He once wrote down legends about him during the folklore expeditions of university philologists. In the dilapidated mind of the alcoholic, the light of desperate hope was still glimmering — to find the shaman and rush to his feet with a prayer for salvation. Thus, the impulse of the dying Zhan is neither more nor less than the spontaneous impulse of the subconscious, a powerful unconscious push towards the return to the world of the old, traditional.

In the novel “Singing Stones”, Zhan finds the Yin-Yang stone at the most decisive and crucial moment in his life, the day before the decision to die. He understands that this is a certain sign, a hint of fate. Something must happen in his life so that everything changes. Zhan and the shepherd met in an incredible way, through the subtext of the novel we see that they were connected by a stone in a special way. The boy was brought to the meeting place by a stone that hit his head, and Zhan saw him as soon as he found a round pellet stone with the symbol of Yin-Yang. And then the boy's pain was transmitted to him, and his sufferings infected the soul of a shepherd. After all, the Yin-Yang symbol in an esoteric sense is a sign of a superhuman being which has managed to combine all the opposites, especially male and female principles. Perhaps the writer wants to say that in reincarnation this is the inevitable path of evolution of every soul.

Zhan regained his former will, the consciousness of an intellectual and his creative personality. He again began to see the field of his fate as a Maidan, that is, a battlefield, and he wanted to fight. And then the dream returned to him again. He wanted to go to Tibet in order to live in a monastery and meditate beyond the limits of meditation. He knew that there was a rocky hill towering above the border river Khorgos. He hoped that when he was in the river, the course would take him to the other side, that is, to the land of China. He needed to decide to jump. And once during an emotional race he made up his mind. Reading mantras and prayers, shouting thanks to the shaman, completing the marathon, he rushed up the slope, ran onto a rock and jumped into the river. That is, he turned himself into stone and as though he threw himself into another space. He ended up in a river.

However, Zhan did not take into account one thing that the riverbed is blocked off with a metal net, everything that gets into the water from our shore will be in the net. And he, half-deafened, in a semi-unconscious position was caught by border guards. Zhan was in the hospital, and having learned that he had a wife in Almaty, NSC investigators called her to come here. And almost the entire plot of this novel is Zhan's confession to his wife sitting at the hospital bed. Zhan repeated the fate of Mtsyri (Novice) of Lermontov. In the novel of A. Zhaksylykov laid circular, cyclic composition. Everything that happens next in other novels of this cycle is a new round of development of the fate of one hero — Zhan, that is, the human soul, which is always alone and the same on the total level.

The plot composition of the mythological novel of N. Verevchkin "Tooth of a mammoth"

The poetry of Nikolai Verevchkin's novel "Tooth of a Mammoth" [3] is multi-layered, that gives rise to a sense of its genre diversity. A. Zhaksylykov calls this novel historical, because it is devoted to the history of the life of the virgin town from its creation in the 60s and 70s to the devastation in the 90s, and philosophical, because one of the main characters Kozlov is a real philosopher who proves to everyone by its existence, that if "God exists, then he lives in the province". Other critics and researchers call him mythological. The novel "Tooth of a mammoth" by Nikolai Verevchkin is a complex genre formation, as all researchers say without exception. It has a slightly intriguing subtitle — "Chronicle of the Dead City", it presents Soviet reality in great detail, details of the ups and downs of life of the first virgin land workers in the North Kazakhstan steppes. The point of the account of history is the village of Ilyinka, which went under the water for the new city of Stepnomorsk, which became the embodiment of the myth-dream of paradise: he absorbed all the best that was in the Soviet city and the old peasant village, and there are special people here, living in conscience and in harmony with oneself, nature and society. In the plot of his novel, Nikolai Verevchkin created a myth about the fate of Russians in Kazakhstan, about the fate of the Russian intellectuals as a carrier of high culture in Kazakhstan. Therefore, from our point of view, the novel is riddled with mythological details and symbols: the village that went under water is a memory of Atlantis; a new city — a symbol of a new sinless world; the ark that did not save from the flood; the mammoth tooth, which was the beginning of all the misfortunes of the people of this city.

In this multi-layered narrative, several plot layers can be distinguished, one of them is mythological, in which the following mythologems are especially significant: the village of Ilyinka that has sunk under water (the myth of Atlantis); man-made sea and a new city (interpretation of the Soviet myth of a new world); Ark City (association with Noah's Ark, where the elect gathered in one pair); mammoth as a punishment for this sacrilege.

Each of the characters in the novel is a realization of the author's myth of the "chosen ones": the image of Marat Aubakirov, Maratik is symbolic (let's pay attention to that Verevochkin gives a name with a diminutive suffix only to him), he is almost the same age as Kozlov and Mamontov, the youngest (except demented Bulat) hero-Kazakh. He is the embodiment of a mythological story about a hero: a bulldozer driver, an extra-mural student of a construction institute, a motorcyclist, a football player, a drummer of a local VIA. The conflict with the foreman Kozlov, who wants to build on the burial site of mammoth, has deep implication: Marat, like every Muslim, has a sacred attitude to the graves of his ancestors, to their memory, but he was born and raised in the Russian environment, in a Russian village, in the virgin lands, the hero seeks to become the same as everyone around. But at the decisive moment comes the understanding that this is impossible. And his death as a mythological hero is inevitable. From our point of view, the writer is trying to understand the problem of "getting used to" representatives of a different, non-Russian nationality in a different environment. The inhabitants of Stepnomorsk, who indiscriminately and infinitely love the city and life here, try to understand the cause of the catastrophe that happened with their hometown and in such situations become philosophers, the plots about them seem symbolic, full of secret signs, with the help of which the author realizes his plan — to show how the fate of Russian intellectuals in Kazakhstan. Nikolai Verevochkin creates a modern myth about ordinary people in an unusual situation, when a person realizes that the only way to save himself is to save others. In each of the heroes lies a myth created by the writer: the hero-ascetic is a simple pensioner Kuzmich, who saves priceless exhibits of the ethnographic museum; true to his rare profession aerospace surveyor, Su-25 Grach, who believes in reviving his unnecessary profession; romantic Kozlov, the first builder of this virgin city, who remained in the dead city as a grave digger; idealist Baykin, who sincerely believed in the possibility of creating an island of communism on his state farm. The writer shows the fate of these heroes, who believe in the ideals of their time and are left with nothing and in a state of shock after the collapse of Soviet power. Particularly symbolic is the mission of the forced grave digger Kozlov, who buries not only the remaining people in a dead city, but also his ideals, faith in a bright, dignified life on this earth.

Analysis of the study results

A study of the poetics of the aforementioned modern Kazakhstani novels allows to argue that the myth is present in them in different guises, first of all, not just as a form of "a second or another reality", but as a way of perceiving the characters and the author himself. In A. Nurpeisov's dilogy, "The Last Duty," space and time lose their boundaries, there is a shift to Eternity, and events related to the fate of Bel-Aran fishermen occur in the light of eternity: "Sub species aeternitatis". In the plot of the dilogy, the Aral sea appears in various forms, of which the main

is the symbol of life, therefore, the memory of the doomed people lives a memory-legend, passing from mouth to mouth about the Aral as a blue bowl of water, the carriers of this dream are simple fishermen, headed by their collective farm chairman Jadiger Amirzhanov is opposed to the death of the sea, and their own. They do not want to leave this long-suffering patch of land, although they admit that the sea has become shallow.

This is the real state of the Aral Sea and its shores in the twentieth century (the action takes place in the seventies and eighties, during the Brezhnev stagnation). A. Nurpeisov does not indicate the exact time limits of his narrative, because it is important for him to emphasize the mythological timelessness of what is happening, reflected in the headings, tend towards the biblical: “And there was a day”, “And there was a night”, and in the author’s passionate confessions.

The image of the sea is so complex, in different plot situations it doubles, bifurcates, acts as a background, a place of action, where events take place, landscape, but above all this stands the Aral Sea as a symbol of eternity of life, as a symbol of life itself, as a creation of God, which other his creatures — people are trying to destroy.

Jadiger, like the writer himself, who created this tragic hero, is mythological. Therefore, the poetics of this image are thoroughly penetrated by mythologemes. He is a bearer of popular consciousness, or rather, of a tribal, universal human consciousness, he tirelessly thinks about the Aral Sea and about people, about the troubles that fell on them, and about who is to blame for everything that happens: shallowing of the Aral Sea, about fish escapement, about everyday difficulties of ordinary fishermen, about children to whom he feels special guilt for their injuries and inferiority. He does not relieve himself of responsibility for all the troubles that have fallen on him, his family and his countrymen, cannot agree with the decision of the authorities to relocate Bel-Aranians from these familiar spots.

The memory is the strongest feature in person’s fate — the main motive of the plot about Jadiger as a carrier of tribal memory, his wife Bakizat, who understands that she can’t build a new life, and his former friend Azim, who became the enemy, one-eared uncle Sary Shaya, and Zhaken, who became a candidate of sciences, Koshen, Red Ivan, chauffeur Kozhban, Bydyk, Mukan, who understands and perceives the tragedy of the Aral and Bel-Aran as his personal one, but is not a mythological hero, like Jadiger are endowed with the same memory about native places. For them, what is happening with the Aral and Bel-Aran is also a disaster, like the surrounding nature, along with fish, birds and animals, they tragically feel the shaken order of life, they understand that this will lead to disaster. The motive of the unity of the world of people and nature is developing intensively and grows into an eschatological motive for the end of the world and life on earth. And each of the heroes comes to the realization of his role and functions on this earth.

Jadiger on an ice floe, stirring up the past, recalls the old poplar near the student dormitory. Some critics and researchers see in this episode a roll call with

Tolstoy's oak from "War and Peace", a symbol of eternal life. We prefer the hunch of N. Anastasyev, who proposed parallels with the Koran, with its 95 surahs, and the Aral Sea with water "brought down from heaven and watered the earth" [18]. In the same mythological vein, the conversations of the "gray-bearded elders" about the end of the world heard by the hero are perceived: "By the end of the world, water will dry up in the bowels of the earth, the girls will hang on young men without shame", and the legend-myth of the island of Barsa-Kelmes, "just one name of which caused people excitement and heart tremble". According to legend, in ancient times there was a terrible jute, pestilence, snow fell: "In a word, a global flood. Then, on the eve of the end of the world, a hundred-year-old elder showed the tribe the way to paradise — to the island, where, they say, from the day of the creation of the world no man's foot has stepped, there was a serene kingdom of birds and animals; the grass there was tall, dense; spring water, was like a honey; both animals and birds did not know fear" [1].

The picture of a lost paradise, separated from the rest of the world by waters, is akin to the legendary stories and myths about the city of Kitezh, about Belovodye, about Zheruyyk. But the opposite process takes place in the story of A. Nurpeisov: the abundance that reigned not only in the paradise of Barsa-Kelmes, but also on the islands and on the shores of the miracle — the Aral Sea, was lost, the sea became shallow, the fish and bird were destroyed, the animals left, the land was abandoned, only men and old women remained. The myth has been turned into a harsh, even eerie reality: a pilot from a rescue squad, who set off in search of missing people, does not recognize his native places, houses are abandoned everywhere, there is no sign of life, that is, an apocalyptic picture of the end of life on earth.

According to Moscow researcher O.A. Valikova [30], in the mythological novel of Aslan Zhaksylykov "in the center of the artistic space there is a "myth-generating device". The main character passes through all circles of hell and purgatory. Unexpected transitions from the present to the long past (In memories): wandering, homelessness, perception of the "bottom of life" and rebirth — allow the author to show the possibilities of the human soul. But the question of whether the complete healing of a person exhausted not only by physical but also moral ailments will take place remains an open question.

Zhan spent two years outside the usual space and tangible time — he lived a long and difficult life on the banks of the Tyshkan River. A man who gave freedom to others (his wife, Arman), seeking to find inner freedom, after a long ordeal was in the hands of an old Chinese man, expert and connoisseur of precious stones. Now he is deprived of everything, from his inheritance he has only dreams in which he relives his whole life and wants to find out who he is and what are the reasons for his inner fear.

In the novel of A. Zhaksylykov, the stone found by Zhan is endowed with a multidimensional function: first, as an architectonic component, it performs a construction function. Already at the beginning of the novel, we see that a stone

hit the head of the boy — the future shepherd, and his mind has irreversibly changed. He now and then falls into a trance, sees the future, realizes his fate as a roaring stone that flies into his head. In white verses (verlibra) of the novel the word “stone” often sounds. They reflect the changed state of the hero. In a trance, the shepherd not only sees the future, but also experiences it in a state of suggestion (psychological contraction). And this suggestion brings him unbearable pain, since the boy, having not yet met with Zhan, already lives his life, and he perceives all these incomprehensible episodes as a stone. The stone transforms poetically: it is a butterfly, and a blade of grass, and a snowflake, but these ephemeral creatures bring him pain and suffering. Therefore, in the novel, the stone functions as a suggestive image of pain, concentration of moral feeling, a kind of spiritual and philosophical quintessence, that is, the magic philosophical stone Yin-Yang.

According to A.S. Afanasyeva [34], prose researcher N. Verevochokin, “his visual technique focuses on the game of scale, detalization and blurring of contours, grotesque mixing of colors, as a result of which the depicted world loses conditional realism and turns into an existential caricature”. In the novel “Tooth of a Mammoth,” Steptomorsk was punished for sacrilege, this was understood by the former foreman who was left to dig a grave in the dying city of Kozlov. Another mythologem is the special inhabitants of the city, a kind of mammoths, strong physically and mentally, creators and romantics who did not have a place in the new life that came after restructuring. All this allows to talk about the mythological nature of this novel. The action takes place simultaneously in several spaces and at different times: the lifetime of the heroes in Almaty, the time of life in the dying, enduring ecological catastrophe of the North Kazakhstan city of Steptomorsk. And the whole novel is riddled with the plot of a revived and wandering mammoth, which is presented either as a dream, a hallucination of two main characters — Kozlov and Ruslan, or as a revived mythrelict. The plot of the mammoth passes refrain through the whole story. But it should be noted that the author, in interpreting the meanings of various mythological plots, allows to “play around” with them: a mammoth, personifying the death made by hands of a man, inspiring inexplicable horror, “smells like a dog”, a skyscraper built by people’s hands, called a “tower”, is erected from adobe in the place where the mammoth bones lay for centuries, and at night it is completed by the deceased. The city with the symptomatic name of Steptomorsk turns into a chimera, is doomed to extinction, becomes a necropolis. The novel describes in detail its transformation, which in Soviet times was not just a regional center, but also a mythological paradise that existed in harmony with nature.

Conclusion

Our study of the novels of modern Kazakhstani writers, oriented both to ancient myths and to the creation of copyright mythological plots, allows to conclude that myth becomes a special way of reflecting modern reality,

makes it possible to universally comprehend the events in the face of eternity. An attempt to decode the potential and hidden meanings of the texts of Abdijamil Nurpeisov, Aslan Zhaksylykov and Nikolai Verevochochkin proves their attraction to mythological plots. A. Nurpeisov in his dilogy about the dying of the sea and people, pulled into one plot node both the life of ordinary Aral fishermen and the life of Nature, which exists according to the original laws of Being. It is no coincidence that when answering the question about what this novel was about, he replied: “Without a twist of my soul, I could answer, — about ecology. I could, on the other hand, say that this is a novel about love, about the eternal struggle between good and evil. But for some reason I want to say that, in general, in this novel — here is my settlement with a century, with time. All of me is in it” [39]. The writer, who settled with the century, is sure that he did not block the path of running water, he is clean in thoughts and deeds, but is ready to bear responsibility for the deed of man. In A. Zhaksylykov’s novel “Singing Stones”, the protagonist is a representative of the “lost generation” of the 70s of the 20th century, a person with a broken fate, searches for his self in the real and surreal space, not understood by anyone in the outside world, he turns to himself and gains the truth. Nikolai Verevochkin used new opportunities for the reconstruction of old myths and developed new methods for using the mythological plot in the myth-novel “Tooth of a Mammoth”.

Библиографический список

1. *Нурпеисов А.* Последний долг: Роман. М.: РИК «Культура», 2002.
2. *Жаксылыков А.* Поющие камни // Сны окаянных. Трилогия. Алматы: ТОО «Алматинский издательский дом», 2005. С. 12–95.
3. *Веревочкин Н.* Зуб мамонта (летопись мертвого города). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/zub-mamonta-letopis-mertvogo-goroda-maxima-library-read-295649-1.html>. (дата обращения: 15.12.2022).
4. *Лотман Ю.М.* *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Миф — имя — культура // Избранные статьи в 3-х томах. Таллин: Александра, 1992.
5. *Барт Р.* Мифологии. М.: издательство им. Сабашниковых, 1996.
6. *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс-Культура, 1995.
7. *Аверинцев С.С.* Заметки к будущей классификации типов символа. Проблемы изучения культурного наследия. М.: МАИК «Наука/Интерпериодика», 1985. С. 297–303.
8. *Элиаде М.* Аспекты мифа. М.: Академический проект, 2001.
9. *Леви-Стросс К.* Первобытное мышление. М.: Республика, 1994.
10. *Кассирер Э.* Философия символических форм. Т. 2. М.—СПб.: Университетская книга, 2002.
11. *Барт Р.* Миф сегодня // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, Универс, 1994. С. 72–130.
12. *Кондыбай С.* Қазақ мифологиясына кіріспе. Алматы: «Арыс» баспасы, 2008.
13. *Наурзбаева З.* Солнечный герой казахской мифологии // Тан-Шолпан. 2004. № 2. С. 198–200.
14. *Турсунов Е.Д.* Происхождение носителей казахского фольклора. Алматы: Дайк-Пресс, 2004.

15. *Жетписбаева Б.* Казахская художественная традиция: образ волка // Рух-Мирас. 2005. № 2. С. 58–67.
16. *Жанабаев К.* Тюркский мир и шумерский вопрос // Өркениеттер диалогындағы түркі әлемінің рөлі: Халықаралық ғылыми сипозум материалдары. Алматы: МСӨИ, 2009. С. 211–218.
17. *Асемқұлов Т.* Четыре интерпретации одного мифа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.otuken.kz/index.php/mythtalasbek/126-2010-07-29-13-48-49> (дата обращения: 18.12.2022).
18. *Анастасьев Н.* Небо в чашечке цветка. Абдижамил Нурпеисов и его книги в мировом литературном пейзаже. Алматы: Ғылым, 2004.
19. *Аннинский Л.* След на льдине // Дружба народов. 1987. № 11. С. 243–252.
20. *Арцишевский А.* Литература: мгновения и вечность: о романе А. Нурпеисова «Кровь и пот» // Централ Азия Монитор. 2008. № 24. 13–19 июня.
21. *Бадиков В.* Художественное постижение истории // Наука Казахстана. 1999. № 19–20. С. 7–10.
22. *Владимиров В.* Его незакатное солнце: к 80-летию со дня рождения А. Нурпеисова // Мысль. 2004. № 10. С. 61–68.
23. *Михайлов В.* Образ его существования: Об А. Нурпеисове — казахском писателе // Казахстанская правда. 2003. 15 февраля.
24. *Машикова А.К.* Творчество Абдижамила Нурпеисова в зарубежной литературной рецепции // Международные связи казахской литературы в период независимости. Алматы: Жибек жолы, 2008. С. 287–321.
25. *Какильбаева Э.Т.* Проза А. Нурпеисова в свете литературных традиций // Динамика литературного процесса и актуальные проблемы современного филологического образования: Материалы Международной научной конференции. Алматы, 2010. С. 53–56.
26. *Жаксылыков А.Ж.* Вселенная — шире воображения // Книголюб. Литературно-художественный портал. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://knigo.info/publ/> (дата обращения: 20.12.2022).
27. *Абишева О.К.* Опустевшие небеса, или медитации над бездной. А. Жаксылыков. Тетралогия «Сны окаянных». Роман первый «Поющие камни». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zonzkz.net/blogs/user/abdrfman-xotar1902/4317/> (дата обращения: 20.12.2022).
28. *Сафронова Л.В.* Автор и герой в постмодернистской прозе. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2007.
29. *Адибаева Ш.Т.* Поэтика мифа в художественной прозе конца XX — начала XXI веков. Алматы: КазНПУ им. Абая, 2005.
30. *Валикова О.А.* Роман-трилогия А.Ж. Жаксылыкова «Сны окаянных» в контексте русской литературы [диссертация]. Алматы, 2015.
31. *Джундубаева А.А.* Нарративные стратегии в постмодернистской прозе. Алматы, 2015.
32. *Теракопян Л.* Тектоника разлома. Николай Веревокин и его герои // Дружба народов. 2009. № 6. С. 204–212.
33. *Таттимбетова К.О.* Жанр романа в русской литературе Казахстана конца XX и начала XXI веков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность. 2015. № 5. С. 360–365.
34. *Афанасьева А.С.* Архетип дома в современной русскоязычной казахской прозе [диссертация]. Алматы. 2019.
35. *Джолдасбекова Б.У.* Жанр романа в русской литературе Казахстана конца XX — начала XXI веков // Вестник КазНУ. Серия филологическая. 2011. № 2 (132). С. 219–222.
36. *Аверинцев С.С.* Заметки к будущей классификации типов символа // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 297–303.
37. *Секербаева Ж.* «Небо в чашечке цветка», или Полчаса с Абдижамилом Нурпеисовым // Инфо-Цес. 2009. 27 февраля.

References

1. Nurpeisov, A. (2002). *Last duty: a novel*. Moscow: Culture publ. (In Russ.).
2. Zhaksylykov, A. (2005). Singing stones. In: *A. Zhaksylykov: Dreams of the Cursed. Trilogy*. Almaty: Almatinskij izdatel'skij dom. pp. 12–95. (In Russ.).
3. Verevochkin, N. *Tooth of a mammoth (annals of the dead city)*. URL: <http://www.rulit.me/books/zub-mamonta-letopis-mertvogo-goroda-maxima-library-read-295649-1.html> (accessed: 15.12.2022). (In Russ.).
4. Lotman, Yu.M. & Uspensky, B.A. (1992). *Myth — name — culture*. In: *Yu.M. Lotman: Selected articles*. Vol. 1. Tallinn. (In Russ.).
5. Barthes, R. (1996). *Mythologies*. Moscow: izdatel'stvo im. Sabashnikovoykh.
6. Toporov, V.N. (1995). *Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the field of mythopoetic*. Moscow: Progress-Culture publ. (In Russ.).
7. Averintsev, S.S. (1985). Notes to the future classification of types of symbols. In: *Problems of the study of cultural heritage*. Moscow: Nauka publ. pp. 297–303. (In Russ.).
8. Eliade, M. (2001). *Aspects of Myth*. Moscow: Academic Project publ. (In Russ.).
9. Levy-Strauss, K. (1994). *Primitive Thinking*. Moscow: Republic publ. (In Russ.).
10. Cassirer, E. & Manheim, R. (2019). *The philosophy of symbolic forms*. New York, NY: Routledge.
11. Barthes, R. (1994). In: *R. Barthes: Selected Works: Semiotics. Poetics*. Moscow: Progress, Univers publ. pp. 72–130 (In Russ.).
12. Kondybay, S. (2008). *Introduction to Kazakh mythology*. Almaty: Arys publ. (In Kazakh).
13. Naurzbaeva, Z. (2004). Sunny hero of Kazakh mythology. *Tan-Sholpan*, 2, 198–200. (In Russ.).
14. Tursunov, E.D. (2004). *The origin of the carriers of Kazakh folklore*. Almaty: Dyke-Press. (In Russ.).
15. Zhetpisbaeva, B. (2005). Kazakh artistic tradition: the image of the wolf. *Rukh-Miras*, 2, 58–67. (In Kazakh).
16. Zhanabaev, K. (2009). Turkic world and the Sumerian question. In: *The role of the Turkic world in the dialogue of civilizations: proceedings of an international scientific symposium*. Almaty: MSII. pp. 211–218. (In Kazakh).
17. Asemkulov, T. Four interpretations of one myth. URL: http://www.otuken.kz/index.php/myth_talasbek/126-2010-07-29-13-48-49 (accessed: 18.12.2022). (In Russ.).
18. Anastasiev, N. (2004). *Sky in a cup of flower. Abdijamil Nurpeisov and his books in the global literary landscape*. Almaty: Gylym. (In Russ.).
19. Anninsky, L. (1987). Trail on the ice floe. *Druzhba narodov*, 11, 243–252. (In Russ.).
20. Artsishevsky, A. (2008). Literature: Moments and Eternity: About A. Nurpeisov's novel "Blood and Sweat". *Central Asia Monitor*, 24. (In Russ.).
21. Badikov, V. (1999). Artistic comprehension of history. In: *Science of Kazakhstan*, 19–20, 7–10. (In Russ.).
22. Vladimirov, V. (2004). His sunless sunset: On the occasion of the 80th birthday A. Nurpeisova. *Mysl'*, 10, 61–68. (In Russ.).
23. Mikhailov, V. (2003). The image of his existence: About A. Nurpeisov, a Kazakh writer. *Kazakhstanskaya Pravda, February 15*. (In Russ.).
24. Mashakova, A.K. (2008). Creativity of Abdijamil Nurpeisov in foreign literary reception. In: *International relations of Kazakh literature in the period of independence*. Almaty: Zhibek Zholy publ. pp. 287–321. (In Russ.).
25. Kakilbaev, E.T. (2010). A. Nurpeisov's prose in the light of literary traditions. In: *Dynamics of the literary process and actual problems of modern philological education: Materials of the International scientific conference*. Almaty. pp. 53–56. (In Russ.).
26. Zhaksylykov, A.Zh. The Universe is wider than the imagination. In: *Booklover: Literary and artistic portal*. URL: <http://knigo.info/publ/> (accessed: 20.12.2022). (In Russ.).

27. Abisheva, O.K. *Empty heaven, or meditation over the abyss. A. Zhaksylykov. Quadrilogy "Dreams of the Cursed". The first novel "Singing stones"*. URL: <http://www.zonzkz.net/blogs/user/abdrfman-xotar1902/4317/html> (accessed: 20.12.2022). (In Russ.).
28. Safronova, L.V. (2007). *Author and hero in postmodern prose*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin publ. (In Russ.).
29. Adibaeva, Sh.T. (2005). *The poetics of myth in fiction of the late XX — early XXI centuries*. Almaty: KazNPU named after Abay. (In Russ.).
30. Valikova, O.A. (2015). *A. Zhaksylykov's novel trilogy "Dreams of the Cursed" in the context of Russian literature* [dissertation]. Almaty. (In Russ.).
31. Dzhundubaeva, A.A. (2015). *Narrative strategies in postmodern prose*. Almaty. (In Russ.).
32. Terakopyan, L. (2009). Fault Tectonics. Nikolai Verevchkin and his heroes. *Druzhba narodov*, 6, 204–212. (In Russ.).
33. Tattimbetova, K.O. (2015). Novel Genre in the Russian Literature of Kazakhstan (the end of the XX — Beginning of the XXI Centuries). *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 5, 360–365. (In Russ.).
34. Afanasyeva, A.S. (2019). *The archetype of home in contemporary Russian-language Kazakh prose* [dissertation]. Almaty. (In Russ.).
35. Dzholdasbekova, B.U. (2011). The genre of the novel in Russian literature of Kazakhstan at the end of the 20th century — the beginning of the 11th centuries. *Eurasian Journal of Philology: Science and Education*, 2 (132), 219–222. (In Russ.).
36. Averintsev, S.S. (1980). Archetypes. In: *Myths of the World: Encyclopedia*. Moscow. pp. 297–303. (In Russ.).
37. Sekerbaeva, Zh. (2009). "The sky in a cup of flower", or Half an hour with Abdijamil Nurpeisov. In: *Info-Ces*. Almaty. (In Russ.).

Information about the authors:

Ruslan U. Shanayev, Senior Lecturer, the Department of Russian Philology and World Literature, Al-Farabi Kazakh National University; *Research interests*: Poetics of prose of Russian-speaking writers of Kazakhstan, theory and methodology of teaching Russian language and literature, interpretation of literary text; *e-mail*: rus.shanaeff@gmail.com
ORCID: 0000-0003-4723-7980

Bayan U. Joldasbekova, Doctor in Philology, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Kazakhstan, Dean of the Faculty of Philology, Al-Farabi Kazakh National University; *Research interests*: Theory and methodology of teaching Russian language, theory of linguodidactic testing, formation of a polylingual and multicultural linguistic personality of a future teacher of Russian language and literature, innovations in education, linguodidactic possibilities of electronic media in forming linguistic and multimedia competence of students and its individual components, effective ways of language teaching with the help of infocommunication resources; *e-mail*: baiyan_zh@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1217-4799

Inkar T. Kakilbayeva, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, the Department of Russian Philology and World Literature, Al-Farabi Kazakh National University; *Research interests*: Poetics of the Russian and Kazakh novel, poetics of Russian and Russian-speaking literature of Kazakhstan, mythopoetics of the modern Kazakh novel, problems of literary translation, technologies of analysis and interpretation of the literary text; *e-mail*: inkar.kakil@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0122-2433

Alexander G. Kovalenko, Doctor in Philology, Professor, the Department of Russian and Foreign Literature, Philological Faculty, Peoples's Friendship University of Russia (RUDN University); *Research interests*: History of the Russian literature of the 20th century; the problems of artistic conflict and literature of the 20th century, postmodernism in modern Russian literature, contemporary Russian literature; *e-mail*: kovalenko-ag@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-6747-285X.

Zhadyra A. Bayanbayeva, Candidate of Philological Sciences, Deputy Dean of the Faculty of Philology for Research and Innovation and International Cooperation, Al-Farabi Kazakh National University; *Research interests*: Theory and methods of teaching Russian language and literature, literary studies, Russian literature; *e-mail*: bayanbaevazhadra@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1710-0791

Сведения об авторах:

Шанаев Русланбек Улугбекович, старший преподаватель кафедры русской филологии и мировой литературы, Казахский национальный университет имени аль-Фараби; *сфера научных интересов*: поэтика прозы русскоязычных писателей Казахстана, теория и методика преподавания русского языка и литературы, интерпретация художественного текста; *e-mail*: rus.shanaeff@gmail.com
ORCID: 0000-0003-4723-7980

Джолдасбекова Баян Умирбековна, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент НАН РК, декан филологического факультета, Казахский национальный университет имени аль-Фараби; *сфера научных интересов*: теория и методика преподавания русского языка, теория лингводидактического тестирования, формирование полилингвальной и поликультурной языковой личности будущего учителя русского языка и литературы, инновации в образовании, лингводидактические возможности электронных средств обучения в формировании у обучающихся лингвомультимедийной компетентности и ее отдельных компонентов, эффективные пути обучения языку с помощью инфокоммуникационных ресурсов; *e-mail*: baiyan_zh@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1217-4799

Какильбаева Энкар Толымхановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и мировой литературы, Казахский национальный университет имени аль-Фараби; *сфера научных интересов*: поэтика русского и казахского романа, мифопоэтика современных литератур Казахстана, технологии анализа и интерпретации художественного текста; *e-mail*: inkar.kakil@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0122-2433

Коваленко Александр Георгиевич, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы, филологический факультет, Российский университет дружбы народов; *сфера научных интересов*: история русской литературы XX в.; проблемы художественного конфликта и литературы XX в., постмодернизм в современной русской литературе, современная русская литература; *e-mail*: kovalenko-ag@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-6747-285X

Баянбаева Жадыра Амангельдиевна, кандидат филологических наук, заместитель декана филологического факультета по научно-инновационной работе и международному сотрудничеству, Казахский национальный университет имени аль-Фараби; *сфера научных интересов*: теория и методика преподавания русского языка и литературы, литературоведение, русская литература; *e-mail*: bayanbaevazhadra@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1710-0791

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-1-231-244

EDN: PTDKGM

УДК 811.161.1'27:82-3

Научная статья / Research article

Лингвокультурные маркеры художественных текстов Б.Л. Васильева

Е.С. Казютина¹ ✉, Е.Г. Озерова²

¹Белгородский университет кооперации, экономики и права,
308023, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Садовая, д. 116а

²Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

✉ eukaziutina@yandex.ru

Аннотация. Эффективность речевой коммуникации зависит от погружения в уникальность и специфику национальной культуры посредством познания действительности. Художественный текст транслирует фоновые знания и переживания, которые в процессе восприятия не только интерпретируются читателем, но и формируют ценностные универсалии. Диалог как форма межкультурной коммуникации обусловлен воздействием на адресата, то есть прагматическим подходом, который способствует: 1) толерантности мышления, 2) сохранению традиций и культурного опыта, 3) аккультурации как процесса и результата речемыслительной деятельности. Цель исследования — выявить лингвокультурные маркеры художественных текстов Б.Л. Васильева, которые репрезентируют национально-культурную специфику вербализации художественного слова, поскольку именно лингвокультурные факторы позволяют выявить ментальную природу текста и интерпретировать этнокультурно обусловленное смысловое содержание. Антропоцентрическая направленность коммуникативно-когнитивной методологии и поставленные задачи предопределили характер методов исследования. Ведущий метод описания этнокультурных универсалий художественного текста — контекстуально-семантический, поскольку актуализация этнокультурного влияния интерпретируется в контексте. Контекстуально-семантический метод позволяет исследовать этнокультурные константы по следующим направлениям: 1) выявление и осмысление этнокультурных маркеров художественных текстов Б.Л. Васильева; 2) восприятие и интерпретация этнокультурных констант в художественных текстах Б.Л. Васильева. Отметим, что художественные тексты Б.Л. Васильева позволяют сформировать культуру личности читателя.

Ключевые слова: коммуникативная функция, чувственное восприятие

© Казютина Е.С., Озерова Е.Г., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Дата поступления: 01.08.2022

Дата приема в печать: 15.12.2022

Для цитирования:

Казютина Е.С., Озерова Е.Г. Лингвокультурные маркеры художественных текстов Б.Л. Васильева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 1. С. 231–244. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-231-244>

Linguocultural Markers of Literary Texts by B.L. Vasiliev

Evgenia S. Kazyutina¹ ✉, Elena G. Ozerova²

¹Belgorod University of Cooperation, Economics and Law,
116a, Sadovaya Str., Belgorod, Russian Federation, 308023

²Belgorod State National Research University,
85, Pobedy Str., Belgorod, Russian Federation, 308015

✉ eukaziutina@yandex.ru

Abstract. The effectiveness of speech communication depends on the immersion in the uniqueness and specificity of the national culture through the knowledge of reality. A literary text transmits background knowledge and experiences, which in the process of perception are not only interpreted by a reader, but also form the value universals. Dialogue as a form of intercultural communication is due to the impact on the addressee, that is, a pragmatic approach that contributes to: 1) tolerance of thinking, 2) the preservation of traditions and cultural experience, 3) acculturation as a process and result of speech and thought activity. The purpose of the study is to identify linguistic and cultural markers of literary texts by B.L. Vasiliev, which represent the national and cultural specifics of the verbalization of a literary word, since those are linguocultural factors that make it possible to reveal the mental nature of the text and interpret the ethnoculturally conditioned semantic content. The anthropocentric orientation of the communicative-cognitive methodology and the tasks set predetermined the nature of the research methods. The leading method of describing the ethno-cultural universals of a literary text is contextual-semantic, since the actualization of ethno-cultural influence is interpreted in context. The contextual-semantic method allows explore ethnocultural constants in the following areas: 1) identifying and comprehending ethnocultural markers of literary texts by B.L. Vasiliev; 2) perception and interpretation of ethno-cultural constants in the literary texts of B.L. Vasiliev. Note that the literary texts of B.L. Vasiliev allow to form the culture of a reader's personality.

Keywords: communicative function, sensory perception

Article history:

Received: 01.08.2022

Accepted: 15.12.2022

For citation:

Kazyutina, E.S. & Ozerova, E.G. (2023). Linguocultural Markers of Literary Texts by B.L. Vasiliev. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(1), 231–244. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-231-244>

Введение

Для современной интерпретации мультикультурного мира диалог культур является одной из самых продуктивных форм межкультурного взаимодействия. Именно в процессе диалога культур вырабатывается общепринятая всеми сторонами универсальная система ценностей, формирующая мировую культуру, проповедующую истинные ценности и гуманизм.

Диалог культур репрезентирует многовековое взаимодействие, направленное не только на взаимное влияние культур, но и на сохранение каждой из национальных культур в своей самобытности. Череда трагедий ушедшего века и современные события подчеркивают необходимость поиска эффективности диалога, поскольку диалог между различными культурами — это понимание общей (единой) судьбы человечества в условиях глобализации мира.

Взаимообусловленность языка и культуры актуализировала исследование языковых средств в неразрывном взаимодействии обучения, воспитания и социализации через погружение в речевую культуру, национальный менталитет, мировоззрение, традиции, духовный опыт — все, что составляет феномен культуры. Лингвисты, занимающиеся исследованием соотношения языка и культуры, пришли к выводу, что изучение языка только как средства коммуникации без постижения духа культуры и национального сознания — это механическое речеупотребление, которое не имеет ничего общего со знанием языка (Н.Ф. Алефиренко, С.Н. Артановский, А.Р. Арутюнов, Н.Д. Арутюнова, М.М. Бахтин, Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, Н.В. Кулибина, Л.В. Куликова, В.А. Маслова, И.И. Николаева, Е.И. Пассов, А.А. Потенция, Ю.Е. Прохоров, А.П. Садохин, В.Н. Телия, С.Г. Тер-Минасова, Н.Н. Толстой, С.Е. Тупикова, В. фон Гумбольдт, Г. Коген, Э. Кассирер, Й.Л. Вайсгербер, М. Шеллер, К. Фосслер, Д. Моцумото, Э. Сепир, Б. Уорф).

«Национально-культурный характер художественного текста обуславливается коннотативно-смысловым содержанием конкретного художественного произведения. В современной науке данный когнитивно-дискурсивный феномен имеет широкий спектр номинаций: «культурный компонент», «культурно-цивилизированное со-значение» (Н.Г. Комлев); «национально обусловленный культурный компонент» (Ю.А. Бельчиков); «культурная коннотация» (В.И. Говердовский; Г.В. Токарев); «культурно-национальная коннотация» (В.Н. Телия), «этнокультурная информация» (Е.Л. Березович), «этнокультурная специфика концептов» (Т.А. Фесенко) [1].

Лингвокультурная специфика языковых явлений, отмечает И.А. Стернин, — «это только такое отражение в явлениях языка явлений национальной культуры, которое поддается практическому выявлению и конкретному рациональному объяснению» [2. С. 12–13]. Рассматривая язык и традиционную культуру, Е.Л. Березович отмечает: «Этнолингвистика изучает этнокультурную информацию — информацию

о мире, которая закреплена в символической форме, т.е. имеет лингвокультурную маркированность» [3. С. 9]. «Этнокультурные энграммы <...> обуславливаются законами самой лингвокультуры, отражающими внутреннюю связь поэтического арсенала <...> текста и культуры. Единство языка, точнее поэтических средств прозаического текста, и культуры здесь представлено двояко: 1) единством системы культурных ценностей, 2) структурной целостностью культурного пространства как с исторической точки зрения, так и с точки зрения современности и проявляется как на тезаурусном (словарном), так и на семиотическом (знаково-символическом) уровне» [4. С. 199].

Рассмотрим культурные ценности, культурное пространство и лингвокультурную маркированность в художественных текстах Б.Л. Васильева.

Национально-культурная и смысловая интерпретация художественных текстов Бориса Васильева

Под культурной компетентностью в работе понимается «та часть национальной культуры, которую человек усвоил и пользуется ею в теоретическом и практическом плане» [5. С. 24]. Становление человека как личности, отмечает Н.Ф. Алефиренко, «происходит в рамках определенного ценностно-смыслового поля этнокультуры по мере выявления и интерпретации особого идеального содержания в языке созидающей ее (личность) культуры. Дух, культура личности складываются в процессе интерпретации этнокультуры в формах родного языка, благодаря которой постигается смысл собственной и общественной жизни» [6. С. 62].

Дефиниция «культура» характеризуется многовекторностью трактовок, остановимся на ее признаках и авторской экспликации Б.Л. Васильева феномена «культура»: культура и есть диалог между носителями языка; диалог в процессе формирования собственного отношения через эмоции и оценки; диалог с эпохой, поколениями, иными странами и народами.

Тема культуры лейтмотивом проходит через все творчество Бориса Васильева и выступает своеобразным барометром нравственности человека и общества в целом, вербализируя языковую картину мира автора: *«Под культурой Россия понимает весь спектр духовного выживания человека и прежде всего — нравственность. Нравственность личности, мораль общества, понятие о правах человека, его чести и достоинстве, о свободе личности и прочной государственной защите этой личности <...> Культура — право каждого на свободу совести, слова, самовыражения, неприкосновенность его жилища, добровольный выбор места жительства. Это отношение к женщине, детству, старости. Культура — это историческая память народа, его тысячелетние традиции, искусство, религия, национальная кухня, система семейного воспитания, представление о долге перед обществом*

<...> всем исторически сложившимся социумом, который мы привычно именуем народом»¹.

В рассказе «Неопалимая купина» Борис Васильев устами персонажей ведет диалог с эпохой о культуре на войне: «—Знаешь, чем страшна война, кроме жертв, разрушений, горя? Тем, что лишает человека культуры. И не просто лишает, а обесценивает, уничтожает ее. — Почему это? Сколько на фронте концертов было, артисты приезжали, **а ты говоришь**. — Концерт — знак культуры, **а я говорю** об атмосфере, в которой живет современный человек и без которой он превращается в животное. Культура поведения, культура знаний, быта, общения, то есть **культура каждого дня — вот чего лишает нас война**»².

Прагматика лингвистических исследований, наряду с другими гуманитарными науками и духовно-практической деятельностью, не может и не должна оставаться в стороне от актуальности и злободневности проблемы эффективности межкультурного диалога. Диалог культур предполагает взаимопонимание и взаимоуважение на всех этапах и уровнях человеческого бытия: религия, искусство, наука, язык — с целью предупреждения конфликтов, а также отторжения господства транслируемых человечеству ценностей и идеалов какой-либо из сторон. Язык — хранитель уникального жизненного опыта, а диалектическое единство языка и культуры — это основное богатство народа и как процесса, и как результата. Речепорождающая интенция коммуникативного процесса в рассказе «Неопалимая купина» отражает духовно-нравственные ценности русского этнического сообщества в диалоге культур с мультикультурным миром.

Смыслопорождающим фактором текстов Бориса Львовича Васильева становятся антивоенные мотивы, в которых звучит голос автора: война — это мать нерожденных детей, а долг женщины — материнство, и ей вместе с любовью, как и культуре, не место на войне. У беременной Тони, командующей ротой, погибает любимый человек: «Пуля разлучила. Убила и любовь ее единственную, и все надежды разом <...> — Мне воевать надо, а не рожать. Я этому больше не обучена. — Ты женщина, у тебя есть **долг**. — Рожать — это не **долг**, это физиология. **Долг** — умирать, когда не хочется <...> Детей у нее **не было**. **Были** три ранения, были контузия и два инсульта. **Были** три ордена <...> **Были** всяческие значки <...> А вот детей у Антонины Федоровны Иваньшиной **никогда не было**»³.

¹ Васильев Б.Л. Век необычайный. Режим доступа: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27095281 (дата обращения: 12.06.2021). С. 6.

² Васильев Б.Л. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 2: Завтра была война: Повесть; Рассказы. М.: Книжный Клуб Книгоvek, 2016. С. 159.

³ Васильев Б.Л. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 2: Завтра была война: Повесть; Рассказы. М.: Книжный Клуб Книгоvek, 2016. С. 155.

Учитывая факт имплицитности сообщаемой информации, следует отметить, что речь идет о лингвистической относительности — сообщаемой и воспринимаемой информации между читателем и автором. Концепция лингвистической относительности заключается в том, что носители разных культур иначе воспринимают и оценивают одни и те же факты и категории действительности, поскольку различия определяются мышлением и когнитивными процессами в сопоставлении причинно-следственных связей, соответственно не только вербализируются, но и осмысливаются иначе.

Художественный текст, поднимающий проблемы общечеловеческих ценностей, гипертекстуален по отношению к разным культурам, потому что общность возникаемой эмпатии к персонажам и конкретным художественным ситуациям, в которых оказываются действующие лица, создает когнитивные и лингвокультурные связи между коммуникантами — автором текста и читателем, воспринимающим художественную действительность через образное слово.

Так, читатель не может остаться равнодушным к судьбе Антонины, юность которой пришлось на войну: *«все чаще начала задумываться о своей юности. Не о ее героических деяниях, не о ее страданиях и жертвах, а о счастье, которое невозможно ни заменить героизмом, ни затмить жертвами <...> Рос бы сейчас синеглазый Васильевич или Васильевна. И была бы ты, Тонька, и в самом деле и мамой и бабушкой, и не было бы счастливее тебя на всем белом свете, но разве молодость думает о собственной старости? А рос бы сын или дочь. Васильевичи»⁴.*

Таким образом, процесс восприятия художественного текста обусловлен воздействием на адресата, то есть прагматическим подходом, который способствует: 1) толерантности мышления, 2) сплоченности, развитию, сохранению традиций и культурного опыта, 3) аккультурации как процесса и результата речемыслительной деятельности.

Эффективность речевой коммуникации зависит от погружения в уникальность и специфику национальной культуры, складывающейся в языковые явления и языковую картину мира, которые отражают и экстралингвистические факты посредством познания действительности. Художественный текст транслирует фоновые знания и переживания, которые в процессе восприятия не только интерпретируются читателем, но и формируют ценностные универсалии. В рассказе «Неопалимая купина» слово задает систему координат модели культурного действия в семантическом пространстве античеловечности войны: *«Ты делалась грубее, жестче, резче, тверже, непреклоннее — разве это женские достоинства? Сомнительно. Женские качества — мягкость, нежность, ласковость: все то, что тебе приходилось подавлять в себе еже-*

⁴ Васильев Б.Л. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 2: Завтра была война: Повесть; Рассказы. М.: Книжный Клуб Книговек, 2016. С. 218–219.

дневно и ежечасно <...> Тут мужской закон действует, древний, как само человечество: **убей или убьют тебя. И все, все вокруг было направлено на исполнение этого закона; все решительно: грубость, жестокость...**⁵.

Отметим, при коммуникативном подходе образность, иллюстративность и наглядность художественного слова может быть информативной составляющей познавательной деятельности и выполнять кумулятивную функцию. Собственные воспоминания Бориса Васильева становятся впечатлениями его персонажей в художественном тексте, а потому иносказательны, метафоричны и образны: *«И приехали на линию Ленинградской обороны. Все там осталось в том виде, как было в войну. Заплывшие окопы, заросшие блиндажи, колючая проволока, земля, сплошь усеянная осколками, изломанным оружием и позеленевшими патронами, будто превратившимися в семена... А может, и вправду в семена? Разве война не сеет саму себя для будущих поколений?..»*.

Культурно обусловленный релятивизм исходной системы понятий, мышления и поведения определяет поведение коммуникантов в процессе восприятия художественного текста, поэтому актуализирует коммуникативно-деятельностный подход, поскольку применяемые языковые формулы в конкретных речевых ситуациях задают направление мышлению и отражают когнитивные процессы в речи: «подавляющая масса знаний приходит к человеку через освоенные знания, т.е. через язык» [7. С. 11].

Следует отметить, что объективность сообщаемой информации по отношению к субъекту представляется несколько относительной, так как читатель погружается в тот эмотивный фон, которым наполнено смысловое содержание текста, поэтому художественный текст репрезентирует духовно-ценностные универсалии, поскольку воздействует на личность в процессе восприятия передаваемой автором художественной действительности.

Языковые средства художественного текста выступают культурным кодом в процессе межкультурной коммуникации, который является индикатором культурной жизни страны и отражает систему культурных ценностей в конкретной языковой среде через образность слова: *«мы же с вами родственники по Великой Отечественной войне, только вы яблонька, а я яблочко; а книги умирают молча; это у вас они — легкие, а у меня... как свинцовый сурик»* (о простреленных легких)⁶.

Функции повторов лексических и синтаксических конструкций способствуют порождению эмотивного восприятия текста. В финале рассказа Тоня не умирает, а переходит в иной мир, в котором ее встречает погибший Василий: *«так они познакомились»*, *«им еще непросто было»*, *«сердце в ней*

⁵ Васильев Б.Л. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 2: Завтра была война: Повесть; Рассказы. М.: Книжный Клуб Книговек, 2016. С. 231.

⁶ Там же.

оборвалось... и еще раз в ней все оборвалось», «зарубцевалось и это ранение», «так возникла система... так сложилось... так и продолжалось... и так шло...», «А она никогда не была невестой, но об этом потом — после, потом. Об этом потом», «вновь отыскала в себе силы и смысл жить дальше», «он. Тот самый... он...», «А может, ты и вправду моя мама, тетя, Тоня?»⁷.

Языковое пространство художественных текстов Б.Л. Васильева характеризуется разнообразием выразительно-изобразительных средств, что позволяет выделить его специфику: 1) индивидуальная маркированность выразительно-изобразительных знаков; 2) образность внутренней формы слова; 3) коннотативная имплицитность смыслового содержания, раскрывающаяся при помощи дискурсивной экспликации скрытых когнитивных ресурсов. Художественно-образное речемышление — главное свойство языка художественных текстов Б.Л. Васильева.

В процессе межкультурной коммуникации наблюдается стремление найти общие точки соприкосновения, опору для дальнейшего успешного сосуществования и социализации в данном обществе. Взаимопонимание в данном случае не предпосылка, а результат осознания общности, принятие иного мировосприятия, уважение к традициям — духовным ценностям народа, преодоление психологических, эмоциональных и смысловых барьеров. Рассказ «Неопалимая купина» — это тот текст, который отображает взаимодействие человека с собственной культурой, воздействие культуры на человека и человека на культуру, смысловое пространство текста наглядно поднимает проблемы общечеловеческих идеалов, соответствующих эстетическим и нравственным ожиданиям читателя. Борис Васильев является выразителем общечеловеческих духовно-нравственных ценностей, стремлений к трансформации и динамике развития личности, к обновлению и возрождению.

Деясь душевной теплотой и заботой, принимая за дочерей девушек-студенток, молодея душой, поворачивая время своей жизни вспять, главная героиня отдает дань молодости и следующему поколению, потому что у Б. Васильева время условно и циклично: мы — это они, они — это мы: *«А они сегодняшние просто-напросто свободнее нас вчерашних. Свободнее, раскованнее, естественнее — это мы им дали свободу. Там, на залитых кровью полях Великой Отечественной <...> Мы не другие, мы новые, понимаете? Вы старые, а мы новые. Новые! <...> И это абсолютно верно: они действительно новые. Качественный скачок, оплаченный нашими жертвами. Кровью, болезнями, голодом и холодом всего народа. Вот что следует непременно проследить в книге: рост новых людей, новой поросли нашей страны»⁸.*

⁷ Васильев Б.Л. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 2: Завтра была война: Повесть; Рассказы. М.: Книжный Клуб Книговек, 2016. С. 155.

⁸ Там же. С. 211–212.

Очерстнев душой на войне, Тоня смогла возродить свою душу к любви, поэтому время для нее текло иначе, то есть в обратную сторону, и она молоде- ла душой. Автор трансформирует художественное время, стирая его границы для героини, которая мыслит не о собственном комфорте, а о благополучии других людей. Денотативное пространство текста писатель измеряет даже не столетиями и веками, а эрами, преобразуя из линейного в циклическое, наполняя семантику пространства вечностью.

Героиня учит историю, но не понимает *«каким образом дата рождения всяких там <...> Александров Македонских в абсолютном цифровом выражении больше, чем дата смерти. — Ну это же все до нашей эры, понимаешь? Потому и считают наоборот. —⁹ Какой же может быть оборот во времени? — Условность такая, Антонина. От новой эры — плюс, до новой — минус. Ну, от рождения Христа. <...> девчонок она жалела <...> она чувствовала себя неизмеримо старше. Старше даже тех, кто годами обогнал ее, будто время, которым измеряла она собственную жизнь, тоже считалось «наоборот», как до нашей эры»¹⁰.*

Здесь следует отметить следующий факт: настенные часы в доме Бориса Васильева тоже шли наоборот, об этом вспоминал В. Глебов, будучи частым гостем: *«Главным объектом внимания в прихожей были часы <...> Не стоило бы о них и вспоминать, если бы они не шли вспять, супротив времени! Стрелки на них двигались противосолонь, то есть справа налево»¹¹.*

В процессе восприятия текста важно формировать позитивное отношение как к национальной, так и к мировой культуре через язык как когнитивный механизм репрезентации кодирования «языка внутренней речи» [8]: с ее понятностью, выразительностью, содержательностью и действенностью. Вследствие этого художественный текст является средством приобщения к культуре как системе ценностей нации, поскольку аккумулирует лингвокультурную информацию посредством символов, библейских мотивов и образов, характерных для культуры страны. Например, Борис Васильев использует библейский образ «неопалимая купина».

Концепт «Неопалимая купина» «в русской лингвокультуре соотносится с мифологизированными фрагментами действительности. В основе мифа, отмечает Н.Ф. Алефиренко, «лежит архетип — устойчивый образ, постоянно актуализирующийся в сознании каждого члена данного языкового сообщества и имеющий этнокультурную ценность» [6. С. 210]. Посредством прецедентного феномена Б.Л. Васильев имплицитно отождествляет главную героиню с Птицей Феникс, которая, как горящий, но не сгорающий терновый куст, возрождается из пепла, тем самым автор обращается не только к наци-

⁹ Есть такая профессия...: Борис Васильев в воспоминаниях современников / под общей редакцией Т.В. Кузовлевой. М.: Фонд СЭИП, 2014. С. 27.

¹⁰ Там же. С. 163–164.

¹¹ Там же. С. 27.

ональным, но и общекультурным архетипам, эксплицируя их в лингвокультурные маркеры художественных текстов.

Именно смысловая интерпретация способствует пониманию художественного текста, так как «смысловая структура текста формируется на основе необычайно сложных и многоаспектных (контактных, дистантных, ассоциативно-семантических, логических, грамматических и др.) связей и отношений всех элементов, прежде всего лексических, творчески интерпретируемых читателем» [9. С. 187].

Художественные тексты Бориса Львовича Васильева учат, воспитывают, выступают средством экстралингвистических сведений об истории и традициях русского народа, являются объектом описания реалий языка, а художественный текст, отмечает Н.С. Болотнова, «погружен в культурное пространство эпохи, культурологический тезаурус адресата, отражает особенности авторской личности, его знания, лексикон, образ мира, конкретные цели и мотивы. Текст несет на себе, таким образом, печать культуры определенного этапа в истории общества, культуры определенного народа с его традициями, устоями, менталитетом» [9. С. 230].

Отметим, что важной представляется воспитательная роль и воздействующая функция художественных текстов Б. Васильева: «В его книгах всегда можно найти общественно-значимые идеи, не оставляющие читателей равнодушными <...> любовь, ненависть, дружба, его гражданская позиция и патриотический дух. Содержание его писательских трудов всегда многопланово и, в то же время, ясно и понятно писатель призывает к сохранению в человеке его исторических и национальных корней и традиций, сохранению моральных качеств, доставшихся от предков, он выступает за бережное, уважительное отношение друг к другу, к женщине, как символу жизни на земле и к самой земле, которая нуждается в защите и помощи» [10. С. 236–237].

Предупреждая возникновение коммуникативных неудач в процессе восприятия текста, необходимо помнить, что помимо фоновых знаний значимым представляется чувственное восприятие художественного текста, которое обусловлено национально-культурными универсалиями, а «чувство, являясь исконно русским словом, эксплицирует духовную природу русской авторской мысли» [4. С. 136].

Американский лингвист Д.Х. Хаймс вводит термин «коммуникативная компетенция» и обосновывает необходимость обучения ситуативной практике, моделям речи в процессе социализации, когнитивного и экспрессивного поведения, где тексты художественной литературы выступают учебным полигоном. Под компетенцией понимается способность владения языком как стратегией и тактикой ориентирования во внеязыковых факторах. Уместность высказывания, определяющая выбор ситуативных речевых актов, обуславливается системой ментальных и речевых действий и коммуникативной ролью говорящего: «... какие сведения о речи, помимо правил грамматики и сло-

варя, усваиваются в процессе превращения в полноправного члена данного языкового общества» [11. С. 42].

Развить коммуникативную компетенцию и преодолеть языковой барьер помогает использование лингвокультурных парадигм при работе с художественными текстами, выявление их стилистического потенциала и лингвистическая эмпатия. Например, концепция нарративной эмпатии, поиск истины, справедливости, человеческого достоинства, противостояние добра и зла, библейские мотивы объединяют творчество Б.Л. Васильева с Л.Н. Толстым, а его литературу, в свою очередь, с М. Сервантесом и Ч. Диккенсом.

Б. Васильев — последователь мировых классиков художественной литературы, продолжает их традиции: *«Истина была в Добре. Весь опыт прошлого требовал прямого пути к нему <...> Лев Николаевич из всей мировой литературы выше всего ставил Чарльза Диккенса <...> Добро — высшая идея, движущая сила и смысл всей жизни героев Диккенса в наиболее чистом виде, и эта чистота помыслов о Добре была для Льва Николаевича идеальным примером великого долга Литературы перед человеком»*¹².

Главная героиня рассказа Б. Васильева записывает свои воспоминания о пережитой войне, чтобы рассказать современным детям о нечеловеческих ужасах, испытаниях и страданиях, которые принесло это кровопролитие, но в то же время хочет донести всю правду без прикрас о героизме, долге, жертве миллионов людей, поэтому Тоня многократно и беспощадно переписывает тетрадные листы, задавая вопросы: *«...сейчас ей было не по себе от их (детей) послушного молчания <...> дело было в скрытом недоверии к подвигам <...> Почему? <...> А потому что перекормили <...> Исчезла искренность подвига, его порыв, боль, цена — и осталось голое перечисление. Остался реестр, длинный и нудный списочный перечень: кто, что, где и когда <...> Герасим утопил собачку, и полтора года лет рыдают над нею потрясенные дети, а мы без конца толкуем о двадцати миллионах погибших — и встречаем отсутствующие глаза. А они должны гореть и страдать, иначе и за перо братья не стоит...»*¹³.

Наряду с коммуникативной функцией речевой деятельности посредством эмоционального фона формируется этическая, эстетическая и воспитательная функция, которые реализуются в процессе работы с художественным текстом. Главная героиня — Тоня — в начале рассказа предстает перед читателем черствой, ругающей интеллигенцию и образование девушкой, которая не желает учиться, но в конце своего жизненного пути она, будучи уже директором школы, преображается: *«Теперь она думала о том, что гнев*

¹² Васильев Б.Л. Век необычайный. Режим доступа: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27095281 (дата обращения: 12.06.2021). С. 18–19.

¹³ Васильев Б.Л. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 2: Завтра была война: Повесть; Рассказы. М.: Книжный Клуб Книговек, 2016. С. 220.

не дает и не может давать радости, ибо он обладает не созидательной, а лишь разрушительной энергией»¹⁴.

Рассматривая проблемы значимости «сравнительной литературы», А. Гниши подчеркивает важность практического подхода к изучению текстов художественной литературы, где язык художественного произведения — это система средств художественного мышления и эстетического освоения картины мира [12].

Следует отметить, что национально-культурный характер художественных текстов Бориса Васильева обуславливается ценностно-смысловым содержанием произведений автора, а чувственное восприятие обеспечивает освоение смыслового содержания посредством эмотивного переживания адресата, поскольку «художественный дискурс — целостный продукт речемыслительной деятельности двух сознаний (креативного и рецептивного), виртуальная модель порождаемого текста. Первое принадлежит автору русского художественного текста, обеспечивая его многостороннюю деятельность по воплощению мысли в текст, второе — воспринимающему субъекту (читателю, слушателю или обучаемому)» [13. С. 254].

Чувственное восприятие «является не только фоном повествования, но и эксплицирует многогранные процессы, отражающие внутренний мир человека» [4. С. 133]. Эмотивное восприятие художественного текста актуализирует мыслительный процесс, вызывает эмпатию, сочувствие, посредством сопереживания происходит ассоциативное преломление с собственным жизненным опытом или духовным опытом своего народа. Эмоции стимулируют психическую регуляцию в зависимости от смысловой организации замысла предложенного текста и способствуют развитию коммуникативной компетенции. «При изучении художественных рассказов особенно ярко проявляется единство коммуникативной и воспитательной целей, так как человеку свойственно переживать чувства, способные мотивировать, организовывать и направлять восприятие, мышление и действие <...> необходимо не только получить знания, но и пережить, прочувствовать происходящее в произведении. Пройти с героем до конца, потому что этот путь затрагивает душевные струны, заставляет сопереживать, «тренирует» сердце, защищает его от черствости и равнодушия» [14. С. 181–182].

Следовательно, лингвокультурные доминанты художественных текстов Бориса Васильева порождают навык эмоциональной отзывчивости на авторский замысел текста. Данная способность развивается в процессе формирования духовно-нравственных качеств и чувств. Художественные тексты

¹⁴ *Васильев Б.Л.* Собрание сочинений: В 7 т. Т. 2: Завтра была война: Повесть; Рассказы. М.: Книжный Клуб Книговек, 2016. С. 220.

Б.Л. Васильева воздействуют на чувства и переживания читателя, наполнены проблематикой духовно-нравственных ориентиров, гуманного отношения к человеку, сострадания, чести, сохранения традиций, семьи, необходимости образования и обучения.

В книге «Борис Васильев в воспоминаниях современников» Д. Быков вспоминает: «Знаете, что интересно: Васильеву на полях его рукописей Борис Полевой рисовал «22». В терминологии Полевого «22» означал перебор — стилистический, эмоциональный...»¹⁵. Следует отметить, что это был перебор искренности, равнодушия, сочувствия и сопереживания.

Заключение

Диалог — это консенсус мировоззрений и культурного опыта: личностного, этического, национального. Диалог культур, выстраивающийся на принципах открытости (готовность к взаимодействию), процессуальности (развертывание во времени — преемственность поколений), симметрии (равноправие и свобода личности) — это условия, выполнение которых определяет лингвокультурные факторы при исследовании художественных текстов Б.Л. Васильева.

Художественный текст, поднимающий проблемы общечеловеческих ценностей, актуализирует культурно значимые смыслы, которые репрезентируют лингвокультурную сущность через образное слово.

Библиографический список

1. Алефиренко Н.Ф., Голованева М.А., Озерова Е.Г., Чумак-Жунь И.И. Текст и дискурс. М.: Флинта, 2013.
2. Стернин И.А. О понятии лингвокультурной специфики языковых явлений // Язык. Словесность. Культура. 2011. № 1. С. 8–22.
3. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007.
4. Озерова Е.Г. Русский лирикопрозаический текст: дискурсивно-когнитивный аспект: монография. Белгород: БелГУ, 2012.
5. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 2008.
6. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта: Наука, 2010.
7. Клубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
8. Выготский Л.С. Педагогическая психология / под ред. В.В. Давыдова. М.: Педагогика-Пресс, 1996.

¹⁵ Есть такая профессия...: Борис Васильев в воспоминаниях современников / под общей редакцией Т.В. Кузовлевой. М.: Фонд СЭИП, 2014. С. 11.

9. *Болотнова Н.С.* Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. М.: Флинта: Наука, 2009.
10. *Цзяо Юэмэй.* Литературная мысль Б.Л. Васильева и ее воспитательное воздействие на подрастающее поколение в свете экофеминистской литературной критики // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири *Magister Dixit*. 2012. № 3. С. 235–246.
11. *Хаймс Д.Х.* Этнография речи // Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. М.: Прогресс, 1975.
12. *Gnisci A.* La letteratura comparata // Introduzione alla letteratura comparata. Milano: Bruno Mondadori, 1999.
13. *Алефиренко Н.Ф., Нуртазина М.Б., Шахпуртова З.Х.* Автохтонная синергия русского художественного дискурса // *Русистика*. 2021. № 19 (3). С. 253–270. <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-3-253-270>.
14. *Родионова О.Ю., Малькова Т.А., Харзеева Л.И.* О реализации воспитательной цели в процессе изучения художественных текстов на занятиях по русскому языку как иностранному // *Иностранные языки в вузе и школе: сб. статей*, Витебск, 21–22 апреля 2017 года. Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2017. С. 181–182.

Сведения об авторах:

Казютина Евгения Сергеевна, преподаватель кафедры русского языка и деловых коммуникаций, Белгородский университет кооперации, экономики и права; *e-mail*: eukaziutina@yandex.ru

Озерова Елена Григорьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и русской литературы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет; *e-mail*: ozerova@bsu.edu.ru

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-1-245-259

EDN: PNDZSW

УДК 811.161.1'42:82-1

Научная статья / Research article

Интертекстуальный характер поэтического филологического дискурса

Е.Н. Антонова Государственный университет по землеустройству,
105064, Российская Федерация, г. Москва, ул. Казакова, 15 stchl@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрен поэтико-филологический дискурс, функционирующий как лингвокультурный феномен в русском интертексте. Актуальность исследования обусловлена последовательной систематизацией знаний о филологической поэзии в качестве особого типа дискурса, производится разноаспектный анализ художественных произведений поэтов-фразеологов. Цель исследования — формирование представлений об элокуции художественного мира ученого, то есть материализации когнитивной программы в творческой мастерской его филологического опыта. Материалами послужили поэтические сборники современных исследователей русского языка, специалистов в области лингвокультурологии и фразеологии, паремиологии, крылатологии. На основании работ-предшественников, посвященных русскому тексту, дискурсу, интертексту, расставлены интерпретационные, лингвокультурологические и аксиологические акценты в исследовании идиостиля с учетом профессиональной позиции автора. Методы исследования: наблюдение над филологической поэзией и описание ее характерных черт, систематизация вербальных инструментов филологов-поэтов, аналитическая работа с теоретическим и фактологическим материалом, углубление и расширение существующих исследований по специфике русского интертекста и дискурса. Опорными положениями работы стали освещение интертекстуальных свойств русского дискурса в лингвокультурологическом аспекте, анализ отличительных черт филологической поэзии в условиях интертекста и при взаимодействии творчества и науки. Выводы, сделанные в ходе исследования, определили уникальное интертекстуальное положение стихотворческих опытов ученых-языковедов, основанное на смещении центра поэтической мысли в сторону гносеологических тенденций. В заключение отмечен новаторский характер образов, символов, идей в филологической поэзии, намечены направления ее дальнейшего изучения, а также исследования русского интертекста и поэтического дискурса.

Ключевые слова: лингвокультура, языковая система, интертекст, интертекстуальность, художественный текст, поэтический дискурс, филологическая поэзия, аксиологические контрапункты

История статьи:

Дата поступления: 01.08.2022

Дата приема в печать: 15.12.2022

© Антонова Е.Н., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Антонова Е.Н. Интертекстуальный характер поэтического филологического дискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 1. С. 245–259. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-245-259>

Intertextual Character of Poetic Philological Discourse

Elena N. Antonova

State University of Land Use Planning,
15, Kazakova str., Moscow, Russian Federation, 105064

 stchl@yandex.ru

Abstract. The poetic-philological discourse functions as a linguocultural phenomenon in the Russian intertext. The relevance of the study is due to the consistent systematization of knowledge about philological poetry as a special type of discourse, a multidimensional analysis of the literary works of poets-phraseologists is carried out. The purpose of the work undertaken was to form ideas about the elocution of the scientist's artistic world, that is, the materialization of the cognitive program, in the creative workshop of his philological experience. Poetry collections of modern researchers of the Russian language, specialists in the field of linguoculturology and phraseology, paremiology, and byword studies served as materials. On the basis of the predecessor works devoted to the Russian text, discourse, intertext, interpretative, linguoculturological and axiological accents are placed in the study of idiostyle, taking into account the professional position of the author. The methods of work included the observation of philological poetry and the description of its characteristic features, the systematization of the verbal tools of philologists-poets, analytical work with theoretical and factual material, deepening and expanding existing research on the specifics of Russian intertext and discourse. The main points of the study were the coverage of the intertextual properties of Russian discourse in the linguoculturological aspect, the analysis of the distinctive features of philological poetry in the conditions of intertext and in the interaction of creativity and science. The conclusions made in the course of the study determined the unique intertextual position of the poetic experiences of linguists, based on the shift of the center of poetic thought towards epistemological tendencies. In conclusion, the innovative nature of images, symbols, ideas in philological poetry is noted, directions for its further study, as well as the study of Russian intertext and poetic discourse, are outlined.

Keywords: linguistic culture, language system, intertext, intertextuality, artistic text, poetic discourse, philological poetry, axiological counterpoints

Article history:

Received: 1.08.2022

Accepted: 15.12.2022

For citation:

Antonova, E.N. (2023). Intertextual Character of Poetic Philological Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(1), 245–259. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-245-259>

Введение

Поэтический мир — это комбинаторика индивидуально-креативных стимулов и реакций, сознательно-бессознательное применение теоретических знаний, трансцендентно-имманентные эксперименты вербального ха-

рактера, интертекстуальная интерпретация идиостилевого мировоззрения. Когнитивное изучение текста как уникального многофункционального инструмента, применимого во всех сферах деятельности, длится на протяжении многих лет, что, однако, не сокращает круг проблемных вопросов, а напротив — расширяет горизонты филологической мысли. Подчеркнутой популярностью пользуется художественный текст как особый тип дискурса, поскольку его первостепенной функцией является эмоционально-экспрессивное воздействие на духовную сферу жизни человека. При общей соотнесенности текста с дискурсом и наличием множества дефиниций данных языковых категорий в филологической среде нет научных конфликтов, вызванных дифференциацией или отождествлением рассматриваемых понятий. В большинстве своем ученые сходятся во мнении, что при наличии интегральных признаков, термины не являются синонимами, а по замечанию И.И. Чумак-Жунь, «в целом в современной лингвистике постулируется нежесткая оппозиция *текст — дискурс*» [1. С. 16]. Данная дихотомия, основанная на «признаке процессности», функциональном отношении к информации, установке касательно воспроизводимости, более применима к художественной прозе, которой также свойственно отсутствие необязательных внетекстовых связей и «компенсация несопадающих параметров коммуникативной ситуации» [1. С. 17]. В академической трактовке рассматривались такие аспекты: сосуществование феноменов текста и дискурса [2. С. 78–85], дискурсивная синергетика в лингвокультурологических условиях [3. С. 22–27], метафоризация дискурса, его типы и аспекты [4. С. 5–32], анализ текста [5], психолингвистика текста в лингвокультуре [6. С. 5–7], поэтический и прозаический текст [7], текстуальная проспекция и ретроспекция [8. С. 44–52], поэтический переводоведческий аспект [9. С. 108–111], прагматика текста [10. С. 259–336], метатекстовые особенности [11. С. 133–146]. Спектр современных исследовательских направлений не менее широк [12–15]. При этом уникальным типом дискурса является филологическая поэзия, развивающаяся в интертекстуальном пространстве.

Интертекстуальность русского дискурса: лингвокультурологический взгляд

Теории интертекста в современной отечественной науке уделяется должное внимание как на собственно филологическом уровне, так и на прагматико-этико-лингвокультурологическом. Данная когнитивно-гносеологическая область притягивает внимание исследователей своим концептуальным охватом и семантическим разнообразием, поскольку позволяет сформировать (и непрерывно обновлять, дополнять, расширять, углублять) специфическую матрицу лингвокультуры сквозь призму художественного дискурса. Его особым типом является **поэтический дискурс**, представляющий собой, по определению И.И. Чумак-Жунь, «сложную и нелинейно организованную систему

поэтических текстов, образно-речевые элементы которой представляют собой интегративное и системно связанное единство их лингвальных, прагматических, социокультурных, психических и паралингвистических свойств» [1. С. 21].

Особенности русского **интертекста** базируются на его лингвокультурологической природе, включают систематическую многофункциональность, семантическую валентность, прагматическую заряженность, в большинстве случаев эмотивную обусловленность элементов. Акценты филологических интересов смещались в сторону изучения языкового и литературного интертекстов (М.Л. Гаспаров) [16. С. 3–9], понимания текста и дискурса в аспекте интертекста (О.Н. Гришкова) [17. С. 386–387], интертекстуальности и ее стилистики (И.П. Ильин) [18. С. 186–207], функций и влиятельных способностей интертекста (А.Е. Базанова, Е.Ю. Бурдовская, Е.А. Осиповская, Е.О. Попова) [19. С. 155–158] и т.д. Несмотря на французские истоки, Н.А. Кузьмина отмечает генетическую связь термина 'интертекст' «с русской филологической традицией» [20. С. 7] и, анализируя работы А.А. Потебни, А.Н. Веселовского, В.Б. Шкловского, Ю.Н. Тынянова, М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, И.П. Смирнова, Б.М. Гаспарова, Н.А. Фатеевой, Е.Е. Бразговской, а также представителей западного постструктурализма и постмодернизма (Ж. Деррида, М. Фуко, А.-Ж. Греймас, Р. Барт, Ж. Лакан, Ю. Кристева), предлагает следующую дефиницию: «**Интертекст** — это объективно существующая информационная реальность, являющаяся продуктом творческой деятельности Человека, способная бесконечно самогенерировать по стреле времени» [20. С. 42–43]. С понятием интертекста неразрывно связано понятие **интертекстуальности**, которое Н.А. Кузьмина, ссылаясь на школу Барта-Кристевай, определяет как онтологическое «свойство любого текста вступать в диалог с другими текстами» [20. С. 41], обосновывающее его «„вписанность“ в процесс (литературной) эволюции» [20. С. 48].

Соотношение терминов и лингвистических категорий с учетом взаимодействия, функциональности, прагматики схематично представлено ниже (рис. 1).

Рис. 1. Функционирование поэтического дискурса в лингвокультуре

Figure 1. Functioning of Poetic Discourse in Linguo-Culture

Непрерывное развитие языка в результате культурного моделирования общества воспринимается исследователями как повод углублять, расширять и дополнять теорию интертекстуальных особенностей дискурса. Лингвокультурологический аспект изучения русского интертекста при этом подчиняется не только текстуальной диалогичности научной парадигмы, но и влиянию языковой моды.

Филологическая поэзия в условиях интертекстуальности: творчество и наука

Филологическая поэзия представляется дискурсивной практикой, основанной на высокой степени художественности, реализация которой происходит при глубоком теоретико-эмпирическом знании. Данный языковой феномен является своеобразным регистром места филолога в художественном мире как творца и одновременно как наблюдателя и исследователя-экспериментатора. Культурно и лингвистически значимая роль в дискурсе филологической поэзии отводится устойчивым структурам, особенно если речь идет о творчестве фразеологов.

В научном полилоге о филологической поэзии подчеркивается ее жанровая лирическая основа, совмещение поэзии и филологии, лингвокультурологическое развитие языковой способности, формирование и организация когнитивно-креативных кодов мысли и культуры [13; 21; 22]. Одной из волнующих исследователей проблем является, по выражению Н.А. Кузьминой, «разграничение языка-объекта и метаязыка описания», в поэтическом мире закономерно происходит нейтрализация разницы между ними и наблюдается смешение «средств метаязыковой репрезентации и плана выражения, и плана содержания» [20. С. 52]. Следовательно, развитие поэтического филологического дискурса происходит в условиях метаязыковой среды при интертекстуальной соотнесенности. В настоящей работе при описании филологической поэзии, ее интертекстуальных свойств и лингвокультурологической природы были использованы поэтические сборники фразеологов В.М. Мокиенко¹, Б.Ю. Нормана², А.Р. Поповой³.

Среди данных книг уникальное место занимают «Стихофразы» А.Р. Поповой, поскольку представляют собой интересный филологический эксперимент, создание и демонстрацию нового литературно-филологическо-

¹ Мокиенко В.М. Ростки безвременья: Стихи. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1997. Далее — Мокиенко.

² Норман Б.Ю. Цветок огня. Стихи разных лет / Hrsg. v. Harry Walter und Valerij Mokienko. Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald. Greifswald — Minsk — Sankt Petersburg, 2015. Далее — Норман.

³ Попова А. Стихофразы. Орёл: Горизонт, 2015. Далее — Попова.

го жанра. В результате детального анализа теории и практики формирования этих жанровых структур появилась не менее значимая в филологии монография «Жанр стихофразы: креативные возможности русской фразеологии» [23]. Авторские иллюстративные материалы включили около 50 стихофраз, ставших для самого филолога-поэта как художественной реализацией поэтического таланта, так и пространством для научного исследования нового языкового явления.

В рубрике «От автора» А.Р. Попова замечает, обосновывая обращение к своему лингвистическому эксперименту: «Наша фразеология — это еще и наша... поэзия» (Попова. С. 5). Такое утверждение возникло в процессе рассуждений о сходстве фразеологической единицы и стихотворения, заключающемся в многомерности, символичности, образности, действенности, точности, емкости, лаконичности. У филолога возникла мысль о возможности расшифровки не только заглавия стихотворения текстом, но и фразеологизма в качестве заглавия. Стихофразы как жанр художественного текста являются следствием воплощения ряда функций и признаков фразеологизмов, основываясь на специфической реализации устойчивых языковых структур [23. С. 10]. Таким образом, контаминация поэзии и фразеологии выводит автора и его читателя в иную лингвокультурологическую плоскость с особенной зоной интертекстуальности.

Особенности филологической поэзии на фонетическом, лексическом и фразеологическом уровнях

Одной из ипостасей филологической поэзии является творчество лингвистов, в котором отражается профессиональный взгляд на стихосложение и используются квалификационные знания в качестве образов, элементов, коннотаций, когнитивно-креативных идей. Посредством наблюдений и эмпирических рассуждений можно обнаружить маркеры филологической поэзии на различных языковых уровнях.

Фонетические особенности связаны со звукописью, оснащенной филологическим метатекстом, объяснениями в структуре поэтической зарисовки.

Имплицитная трактовка звукописи и эксплицитная характеристика реалий (ушедших в прошлое в данном контексте) наблюдается в поэтическом тексте В.М. Мокиенко: «*В тлене — Ленин, Сталин — обесстелен / И Дзержинский, как железо, ржав*» (Мокиенко. С. 6). Интертекстуальный характер поэтического контекста позволяет в двух строках дать оценку политическим событиям. Аналогичный прием использован автором в строках стихотворения «Что делать?»: «*И убожество — вместо Божества, / Вместо живородства — живоглоть*» (Мокиенко. С. 18). А, к примеру, у Б.Ю. Нормана в стихотворении «Где-то на свете» использована анафора:

«Что же в окне — догорает далекий закат? / Что ж над трубой — вьются птицы и не упадут?»; «Так и живет — не платя ни налогов, ни ссуд. / Так и молчит — видно, что-то решилось давно» (Норман. С. 8). В первом случае параллельные ряды представлены в качестве риторических вопросов. Ценностный ориентир в тексте — дом, от которого далеко находится лирический герой.

Многочисленные филологические включения происходят на уровне **лексики** и **фразеологии**, поскольку поэтическое слово-символ является основным инструментом стихотворца. Филологический дискурс подразумевает:

а) употребление филологических терминов: стихотворение Б.Ю. Нормана с эпиграфом «Слова М.В. Ломоносова и Б.Ю. Нормана» — «**Филологическая диетическая**: «Но неужели **запятая** / **И речь несобственно-прямая**, / **И суффикс** — могут прокормить?» (Норман. С. 63), а также: «Просто, видишь, на Тайване / **Фразеологи в цене!**» (Норман. С. 95), «к каким **подвинул силлогизмам**» (Норман. С. 3), «**семь лени**» (Норман. С. 92), «Удивительная вещь — мирозданье **текста**. / Поразительная вещь — порожденье **фраз**» (Норман. С. 24); «Где сместилось вдруг **ударенье?** / Где расставлен не там **акцент**» (Мокиенко. С. 13);

б) переосмысление и обыгрывание в художественной форме терминологического аппарата современной науки: «**люминофоры** / в них полезные сидят» (Норман. С. 4), «**архитектоника надкрылий** / и **биоэнергетика усов**» (Норман. С. 6), «**конвенция кривая**» (Норман. С. 11), «Как зелен лист, наследник **хлорофилла!**» (Норман. С. 32); «**Веры в принципы от догматизма, / Демократии от болтовни, / Революции — от катаклизма** / В чем различья? — **Поди, объясни...**» (Мокиенко. С. 12);

в) поэтизация филологических явлений за счет различных тропов и фигур речи: у Б.Ю. Нормана метафоричная поэтизация акта речевой деятельности — «Мне б **винный камень** облежить виною / И звуком речи горло **обласкать**» (Норман. С. 14), «В приют **морщинистых изюмин**» (Норман. С. 33) — подключается семантический аспект, эксплицитное жонглирование коннотациями; «Хорошо быть **переводчиком**. / Перевел себе — и все! / Независим от того, чего / Где, и как, и кто несет» (Мокиенко. С. 221);

г) неологизация: контекстуальная отсылка к словам-источникам, часто с применением каламбуров — «**свежепроглаженную скатерть**» (Норман. С. 3), «**двойная сеть заградотрядов**» (Норман. С. 15); «**белопарусье надежды**» (Мокиенко. С. 90) — в окказиональной лексеме угадывается поэтическая аллюзия-символ, «**тел цветных многосочье**» (Мокиенко. С. 151), стихотворение «**Денрожденное**» (Мокиенко. С. 50) — неологизм в качестве названия;

д) нарочитое использование фразеологизмов: в качестве целостных лирических образов, столкновение прямого значения и фразеологизма, конта-

минация с включением филологического знания и т.д. В данном случае показательным является юмористическое стихотворение Б.Ю. Нормана «Чувство языка» (Норман. С. 24), в основе которого — игра слов и каламбур, приведем в качестве примера одну из строк: *«Здесь финансы могут петь (если раки свистнут). / Здесь умеет коз доить птица козодой. / Високосный это год? Значит, косы виснут. / Худосочный человек? Значит, сок худой»*. В конце стихотворения приводятся фразеологизмы, угадывающиеся в шутливых строках. Или у В.М. Мокиенко в стихотворении «Я никогда не бегая от дела...» — *«Мышиной жизни мышья беготня»* (Мокиенко. С. 19). Фразеологизмы и паремии играют огромную роль в формировании ценностной парадигмы как основы интертекста, особенно в художественном мире, о чем свидетельствуют многочисленные филологические исследования разной направленности, к примеру [24–27].

Признаки филологической поэзии на грамматическом уровне

На уровне **грамматики** филологическая поэзия проявляется:

- **словообразование и морфемика**: в качестве художественного приема может выступать знание о деривационных процессах русского языка, объяснение путей формирования слов (обычно в шутливой форме) и т.д. — *«Будто ногти — на ногах, рукти — на руках...»* (Норман. С. 24); *«То — в надежде, а то — в отча-а-а...»* (Мокиенко. С. 218). Показательным примером в данном случае также выступает стихотворение-четверостишие В.М. Мокиенко «Наши нравы»: *«Впрочем — что «их» напрасно хулить: / И на «how» здесь можно прожить. / А у нас — и хваля, и хуля, / Не получишь, увы, ни... рубля»* (Мокиенко. С. 10);
- **морфология**: словотворчество преимущественно по продуктивным моделям языка — разъяснение морфем и вновь созданных слов в контексте стихов, использование морфем как самостоятельных лирических образов (данная черта имеет прямую связь с неологизацией на уровне лексики): *«вместо живородства — живоглоть»* (Мокиенко. С. 18), названия стихотворений — *«Заоконье»* (Мокиенко. С. 79) и *«Многобожники»* (Мокиенко. С. 164), *«незабуденность рук и лица»* (Мокиенко. С. 154); *«Так по обшарпанным вагонам / Карабкается голота»* (Норман. С. 37), *«Эдисона детище, электросвеча»* (Норман. С. 62);
- **синтаксис**: творческие эксперименты с построением синтаксических конструкций, имплицитное (реже эксплицитное) указание на пересмысливаемые явления — *«Кому — Некрасов и Панаев, / Кому — Фадеев и Катаев, / Кому — Дос Пассос и Камю»* (Норман. С. 63), *«В фойе зеркал запечатлеться / (Где б ожидалась нагота?)»* (Норман. С. 33) — данные синтаксические модели характерны и для тек-

стов В.М. Мокиенко — «Сказал однажды Лех Валенса, / (Он «Солидарность» основал)» (Мокиенко. С. 15), «Идем мы по лесам, / Идем мы по долам, / Идем мы по снегам / Глубоким» (Мокиенко. С. 95).

Синтаксис стихофраз А.Р. Поповой уникален по форме и содержанию: в качестве заголовка — известный фразеологизм, сам текст оформлен как проза — с абзацами, но без выделения строф, при этом присутствуют стихотворные ритмика и рифма. В тексте стихофразы объединяются семантика фразеологизма-заглавия и значение одноименного свободного словосочетания, происходит переосмысление языковых единиц разного порядка. Например:

«Быть на высоте*»

... и каждый день идет за сотню, и крылья мчат, и кони ржут, и начинаются высоты, где находиться — честь и жуть...».

В качестве сноски приводится дефиниция фразеологизма-заглавия:

«**Быть на высоте*. Быть в состоянии удовлетворять самым строгим требованиям, быть одним из лучших» (Попова. С. 7).

Аксиологический аспект филологической поэзии

Помимо этого, важными являются **аксиологические контрапункты** филологической поэзии в масштабном интертексте, поскольку с лингвокультурологической точки зрения ученые непрерывно сканируют язык, изучая не только языковые единицы, средства, связи и т.д. [28–34], но и социальные процессы посредством языка [35–39]. Так, в стихотворении Б.Ю. Нормана «О мухоморах и др.» ценностный аспект реализуется посредством юмористической зарисовки в защиту ядовитых грибов, основанной на аллегории — нельзя уничтожать элементы живой природы без необходимости: «*А вообще, какие споры! / Мухомор, поганка... Но / Для Кого-то — там, на хорах, — / Все мы, в сущности, одно*» (Норман. С. 4). Наблюдается теологическая отсылка при участии графических признаков (прописная буква неопределенного местоимения). Или рассуждения о смерти в стихотворении «Песня без музыки», где Б.Ю. Норман в качестве основной мысли использует рефрен «*Зимой не стоит умирать*» (Норман. С. 7). Ценностная доминанта добросовестного выполнения своей работы проявляется у В.М. Мокиенко: «*Только — Дело делать. / До конца*» (Мокиенко. С. 18) — использование прописной буквы для нарицательного существительного и парцелированной конструкции необходимо для расстановки смысловых акцентов.

Аксиологический аспект филологической поэзии особенно интересен при реализации в межъязыковом дискурсе. Показательны в этом плане русскоязычные стихи и переводы тувинского филолога Г.И. Принцевой («Память любви», «Шаанак» и др.). Данные поэтические тексты в мень-

шей мере оперируют филологическим знанием, но являются трансляторами ценностных установок лингвокультур: «...я песни пела, / колыбель качала – / вот счастья беззащитное начало» (Принцева. «Далекий месяц падающих яблок...»).

Безусловно, представленный список черт интертекстуального характера не является исчерпывающим, также перечисленные признаки не могут быть обязательными для каждого текста поэтического филологического дискурса.

Заключение

Проведенное исследование филологического знания в художественном дискурсе основано на аналитическом подходе к русскоязычному стихотворчеству современных филологов и на характеристике дискурсивного пространства языка в аспектуальном перекрещивании научности и художественности. В исследовании на первый план выступает феномен поэтического филологического дискурса в зависимости от интертекстуальных параметров языковой системы. Фоном для рассмотрения прагматико-эстетического функционала филологической поэзии стала, безусловно, лингвокультура. В процессе работы были выявлены малоизученные дискурсивные области, являющиеся свидетельством необходимости всестороннего исследования филологической поэзии. Это и определение места данной научно-художественной сферы в лингвокультурологическом интертексте, и нахождение структурно-семантических маркеров, позволяющих дать последовательное описание поэтических опытов филологов, и внимательное изучение интертекстуальных условий. Результаты проведенного исследования позволили сконцентрироваться на решении ряда языковедческих проблем и наметить новые направления работы.

Библиографический список

1. Чумак-Жунь И.И. Поэтический текст в русском лирическом дискурсе конца XVIII — начала XXI веков: монография. Белгород: Изд-во БелГУ, 2009.
2. Бисмалиева М.К. О понятиях текст и дискурс // Филологические науки. 1999. № 2. С. 78–85.
3. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурологическая синергетика дискурса // Лингвистические парадигмы и лингводидактика. Иркутск, 2005. Ч. 1. С. 22–27.
4. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: сб. / вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюнова; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.
5. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2003.

6. *Астремская Е.В.* Психолингвистические основы понимания текста как носителя определенной культуры // Русский язык в контексте современной культуры. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1998. С. 5–7.
7. *Бутакова Л.О.* Авторское сознание в поэзии и прозе: когнитивное моделирование. Барнаул: Изд-во ЦНТИ, 2001.
8. *Гальперин И.Р.* Ретроспекция и проспекция в тексте // Филологические науки. 1980. № 5. С. 44–52.
9. *Гончаренко С.Ф.* Поэтический перевод и перевод поэзии: константы и вариативность // Тетради переводчика. М.: МГЛУ, 1999. Вып. 24. С. 108–111.
10. *Дейк Т.А. ван.* Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8: Лингвистика текста / под ред. Т.М. Николаевой. М., 1978. С. 259–336.
11. *Николаева Т.М.* Метатекст и его функции в тексте (на материале Мариинского евангелия) // Исследования по структуре текста / отв. ред. Т.В. Цивьян. М.: Наука, 1987. С. 133–146.
12. *Lazareva A.* Analyzing Digital Discourse. New Insights and Future Directions. // Journal of Language and Education. 2020. № 6 (3(23)). (23). С. 185–188.
13. *Антонова Е.Н.* Реализация антропоморфного принципа в русских поговорках // IV Фирсовские чтения. Язык в современных дискурсивных практиках: материалы докладов и сообщений Междунар. научно-практич. конференции. Российский университет дружбы народов, 2019. С. 208–214.
14. *Карасик В.И., Китанина Э.А.* Контекстуализация тайны в обиходном и институциональном типах дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 4. С. 64–72.
15. *Чумак-Жунь И.И.* Эмоционально-эстетическое восприятие и информативность поэтического текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 1 (30). С. 143–146.
16. *Гаспаров М.Л.* Литературный интертекст и языковой интертекст // Известия АН. Серия литературы и языка. 2002. Т. 61. № 4. С. 3–9.
17. *Гришкова О.Н.* Интертекст в аспекте дискурсивного понимания текста // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка. М.: Изд-во МГУ, 2004. С. 386–387.
18. *Ильин И.П.* Стилистика интертекстуальности: теоретические аспекты // Проблемы современной стилистики: сб. науч.-аналит. обзоров ИНИОН АН СССР. М., 1989. С. 186–207.
19. *Базанова А.Е., Бурдовская Е.Ю., Осиповская Е.А., Попова Е.О.* Функции интертекста и их влияние на восприятие экономического медиатекста аудиторией // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 12–2. С. 155–158.
20. *Кузьмина Н.А.* Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации: монография. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009.
21. *Фатеева Н.А.* Поэзия как филологический дискурс. М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. 360 с.
22. *Антонова Е.Н.* Филологическая поэзия как аспект языковой личности // Когнитивные исследования языка. 2019. № 37. С. 968–973.
23. *Попова А.Р.* Жанр стихофразы: креативные возможности русской фразеологии: монография. Орёл: ООО «Горизонт», 2022.
24. *Новоспасская Н.В.* Лингвосемиотика. Паремнология: современные тенденции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 145–150.
25. *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Идиоматичность дублетных форм // Вопросы языкознания. 2019. № 6. С. 51–67.
26. *Попова А.Р.* Художественные приемы очеловечивания вещного мира в рассказе В. Брюсова «Бемоль» // Записки Горного института. 2008. Т. 175. С. 39–40.

27. *Уразаева К.Б., Ломакина О.В., Моклецова И.В.* Способы формирования концептуальной стратегии героя А.П. Чехова (на материале рассказов) // *Вестник славянских культур*. 2019. Т. 53. С. 156–168.
28. *Яковлев А.А.* О психолингвистической теории сознания // *Сибирский филологический журнал*. 2020. № 3. С. 298–310.
29. *Антонова Е.Н.* Аксиологический компонент в дискурсе поэтической фразеологии // *Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: материалы международной научной конференции*. 2018. С. 199–203.
30. *Бредис М.А., Димогло М.С., Ломакина О.В.* Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2020. Т. 11. № 2. С. 265–284.
31. *Бредис М.А., Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Русинская фразеология как пример культурно-языкового трансфера в славянских языках (на материале нумеративных единиц) // *Русин*. 2020. № 60. С. 198–212.
32. *Гананольская Е.В.* Фразеологический минимум русского языка: реальность и перспективы // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2020. Т. 11. № 3. С. 496–516.
33. *Ломакина О.В.* Употребление фразеологических единиц как черта языковой личности Л.Н. Толстого: из опыта анализа речи автора и персонажей художественных произведений // *Cuadernos de Rusística Española*. 2018. Т. 14. С. 39–47.
34. *Piotrovskaya, L.A., & Trushchelev, P.N.* (2022). Communicating recipient's emotions: Text-triggered interest. *Training, Language and Culture*, 6(1), 60–74. doi: <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2022-6-1-60-74>
35. *Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Концептуальная дихотомия «бог» — «дьявол» в русинской фразеологии и паремиологии (на славянском фоне) // *Вестник Томского государственного университета*. 2019. № 447. С. 55–62.
36. *Норман Б.Ю.* Сопоставительная славянская фразеология и паремиология: краеугольные камни и камни преткновения // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2020. Т. 17. № 3. С. 446–456.
37. *Селиверстова Е.И.* Явление деформации пословиц сквозь призму законов паремиологического пространства // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2020. Т. 17. № 3. С. 457–473.
38. *Семенов Н.Н.* Аксиология паремий в фокусе проблемы когнитивно-дискурсивного моделирования семантики русских пословиц // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2020. Т. 11. № 2. С. 213–232.
39. *Антонова Е.Н.* Фразеолого-паремиологический аспект языковой личности в синхронии лингвокультуры // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2020. Т. 17. № 1. С. 71–78.

Художественные источники

1. *Мокиенко* — Мокиенко В.М. Ростки безвременья: Стихи. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1997. 244 с.
2. *Норман* — Норман Б.Ю. Цветок огня. Стихи разных лет / Hrsg. v. Harry Walter und Valerij Mokienko. Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald. — Greifswald — Minsk — Sankt Petersburg, 2015.
3. *Попова* — Попова А. Стихофразы. Орёл: ООО ПФ «Горизонт», 2015. 76 с.
4. *Принцева* — Принцева Г.И. Память любви [Электронный ресурс] // Детский литературный сайт «Радуга Тувы». Режим доступа: <https://tuvacheleesh.ru/7867> (дата обращения: 16.07.2022).

References

1. Chumak-Zhun, I.I. (2009). *Poetic Text in Russian Lyrical Discourse of the Late 18th—Early 21st Centuries*: Monograph. Belgorod: BelSU publ. (In Russ.).
2. Bisimalieva, M.K. (1999). On the concepts of text and discourse. *Philological Sciences*, 2, 78–85. (In Russ.).
3. Alefirenko, N.F. (2005). Linguistic and cultural synergetics of discourse. In: *Linguistic paradigms and linguodidactics*. Part. 1. Irkutsk. pp. 22–27. (In Russ.).
4. Arutyunova, N.D. (1990). Metaphor and discourse. In: *Theory of metaphor*, Arutyunova (Ed.). Moscow: Progress. pp. 5–32. (In Russ.).
5. Babenko, L.G. & Kazarin, Yu.V. (2003). Linguistic analysis of a literary text. In: *Theory and Practice*. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.).
6. Astremenskaya, E.V. (1998). Psycholinguistic foundations of understanding the text as a carrier of a certain culture. In: *Russian language in the context of modern culture*. Ekaterinburg: Ural State University publ. pp. 5–7. (In Russ.).
7. Butakova, L.O. (2001). *Author's consciousness in poetry and prose: cognitive modeling*. Barnaul. (In Russ.).
8. Galperin, I.R. (1980). Retrospection and prospection in the text. *Philological Sciences*, 5, 44–52. (In Russ.).
9. Goncharenko, S.F. (1999). Poetic translation and translation of poetry: constants and variability. In: *Translator's Notebooks*. Iss. 24. Moscow: MGLU publ. pp. 108–111. (In Russ.).
10. Dyck, T.A. van. (1978). Questions of text pragmatics. In: *New in foreign linguistics*. Iss. 8: Text Linguistics, T.M. Nikolaeva (Ed.). Moscow. pp. 259–336. (In Russ.).
11. Nikolaeva, T.M. (1987). Metatext and its functions in the text (on the material of the Mariinsky Gospel) In: *Studies in the structure of the text*, T.V. Tsivyan (Ed.). Moscow: Nauka. pp. 133–146. (In Russ.).
12. Lazareva, A. (2020). Analyzing Digital Discourse. New Insights and Future Directions. Edited by Patricia Bou-Franch and Pilar Garcés Conejos Blitvich (2019). *Journal of Language and Education*, 6–3 (23), 185–188.
13. Antonova, E.N. (2019). Realization of the anthropomorphic principle in Russian proverbs. In: *IV Firsovskie chteniya. Language in modern discursive practices. materials of reports and messages of the International scientific-practical conference, RUDN University*. Moscow. pp. 208–214. (In Russ.).
14. Karasik, V.I. & Kitanina, E.A. (2020). Contextualization of secret in everyday and institutional types of discourse. *Issues of Cognitive Linguistics*, 4, 64–72. (In Russ.).
15. Chumak-Zhun, I.I. (2012). Emotional-Aesthetic Perception and the Poetic Text Informativity. *Issues of Cognitive Linguistics*, 1 (30), 143–146. (In Russ.).
16. Gasparov, M.L. (2002). Literary intertext and linguistic intertext. *Izvestiya AN. Seriya literaturny i yazyka*, 61(4), 3–9. (In Russ.).
17. Grishkova, O.N. (2004). Intertext in the Aspect of Discursive Understanding of the Text. In: *Russian Language: Historical Destinies and Modernity: II International Congress of Russian Language Researchers*. Moscow: Publishing House of Moscow State University publ. pp. 386–387. (In Russ.).
18. Ilyin, I.P. (1989). Stylistics of intertextuality: theoretical aspects. In: *Problems of modern stylistics*. Moscow. pp. 186–207. (In Russ.).
19. Bazanova, A.E., et al. (2019). Functions of intertext and their influence on the perception of economic media text by the audience. *Sovremennaya Nauka: Aktual'nye Problemy Teorii i Praktiki. Seriya: Gumanitarnye Nauki*, 12 (2), 155–158. (In Russ.).
20. Kuzmina, N.A. (2009). *Intertext: theme with variations. Phenomena of culture and language in intertextual interpretation*: monograph. Omsk. (In Russ.).
21. Fateeva, N.A. (2017). *Poetry as a philological discourse*. Moscow: YaSK Publishing House: Languages of Slavic Culture. (In Russ.).

22. Antonova, E.N. (2019). Philological Poetry as an Aspect of Linguistic Personality. *Cognitive Studies of Language*, 37, 968–973. (In Russ.).
23. Popova, A.R. (2022). *Genre of Stihofrazy: creative possibilities of Russian phraseology*: monograph. Orel: Gorizont LLC. (In Russ.).
24. Novospasskaya, N.V. (2020). Linguosemiotics. Paremiology: Modern trends. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(2), 145–150. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-145-150> (In Russ.).
25. Baranov, A.N. & Dobrovol'skij, D.O. (2019). Idiomaticity of reduplicated forms. *Voprosy Jazykoznanija*, 6, 51–67. <https://doi.org/10.31857/S0373658X0007546-9> (In Russ.).
26. Popova, A.R. (2008). Artistic methods of humanizing the material world in V. Bryusov's story "Flat". *Journal of Mining Institute*, 175, 39–40. (In Russ.).
27. Urazaeva, K.B., Lomakina, O.V. & Mokletsova, I.V. (2019). Methods of Chekhov's Character Conceptual Strategy Generation (Based on Short Stories). *Bulletin of Slavic cultures*, 53, 156–168. (In Russ.).
28. Yakovlev, A.A. (2020). On the psycholinguistic theory of consciousness. *Siberian Journal of Philology*, 3, 298–310. (In Russ.).
29. Antonova, E.N. (2018). Axiological component in the discourse of poetic phraseology. In: *Polyparadigmatic contexts of phraseology in the XXI century. Materials of the international scientific conference*. pp. 199–203. (In Russ.).
30. Bredis, M.A., Dimoglo, M.S. & Lomakina, O.V. (2020). Paremiology in Modern Linguistics: Approaches to Study, Text-Forming and Linguocultural Potential. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11 (2), 265–284. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284> (In Russ.).
31. Bredis, M.A., Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2020). Rusin Phraseology as an Example of Cultural and Linguistic Transfer in Slavic Languages (Based on Numerative Units). *Rusin*, 60, 198–212. <https://doi.org/10.17223/18572685/60/12> (In Russ.).
32. Ganapolskaya, E.V. (2020). Russian Phraseological Minimum: Reality and Prospects. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11 (3), 496–516. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-3-496-516> (In Russ.).
33. Lomakina, O.V. (2018). Upotreblenie frazeologicheskikh edinits kak cherta yazykovoy lichnosti L.N. Tolstogo: iz opyta analiza rechi avtora i personazhey khudozhestvennykh proizvedeniy. *Cuadernos de Rusística Española*, 14, 39–47. (In Russ.).
34. Piotrovskaya, L.A., & Trushchelev, P.N. (2022). Communicating recipient's emotions: Text-triggered interest. *Training, Language and Culture*, 6(1), 60–74. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2022-6-1-60-74>
35. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2019). The Conceptual Dichotomy "God" — "Devil" in Russian Phraseology and Paremiology (against the Slavic Background). *Tomsk State University Journal*, 447, 55–62. (In Russ.).
36. Norman, B.Yu. (2020). Comparative Slavic Phraseology and Paremiology: Cornerstones and Stumbling Blocks. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 17(3), 446–456. (In Russ.). 10.21638/spbu09.2020.306
37. Seliverstova, E.I. (2020). The phenomenon of proverb deformation through the prism of the laws of paremiological space. *Vestnik of St. Petersburg University. Language and Literature*, 17(3), 457–473. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.307> (In Russ.).
38. Semenenko, N.N. (2020). Axiology of Proverbs in the Focus of the Problem of Cognitive-discursive Modeling of Semantics of Russian Proverbs. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(2), 213–232. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-213-232> (In Russ.).
39. Antonova, E.N. (2020). Phraseological and paremiological aspect of the linguistic personality in the synchrony of linguistic culture. *Social and humanitarian sciences in the Far East*, 17(1), 71–78. (In Russ.).

Sources

1. Mokienko — Mokienko, V.M. (1997). *Sprouts of timelessness: Poems*. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University. 244 p.
2. Norman — Norman, B.Yu. (2015). *Fire flower*. Poems of different years / Hrsg. v. Harry Walter and Valerij Mokienko. Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald. — Greifswald — Minsk — Sankt Petersburg. 122 p.
3. Popova — Popova, A. (2015). *Stihofrazy*. Orel: LLC PF “Horizont”. 76 p.
4. Princeva — Princeva, G.I. Memory of love [Electronic resource]. *Children’s literary site “Rainbow of Tuva”*. URL: <https://tuvacheleesh.ru/7867> (date of access: 07/16/2022).

Сведения об авторе:

Антонова Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков, директор центра коммуникаций и медиатехнологий, Государственный университет по землеустройству. *Сфера научных интересов*: лингвокультурология, фразеология и паремиология, аксиологическая лингвистика, дискурсология, филологическая поэзия; *e-mail*: stchl@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6785-3994; eLIBRARY SPIN-код: 3393–0257.

Information about the author:

Elena N. Antonova, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign languages, Director of the Center for Communications and Media Technologies, State University of Land Use Planning. *Research interest*: Cultural Linguistics, Phraseology and Paremiology, Axiological Linguistics, Discourse, Philological Poetry; *e-mail*: stchl@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6785-3994; eLIBRARY SPIN-код: 3393–025.

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-1-260-276

EDN: OQADLQ

UDC [811.161.1+811.21+811.512.122]: 356.331

Research article / Научная статья

An Emotion-evoking Text in Cross-Cultural Aspect: Attitude and Evaluation

Elena I. Seliverstova¹ , Larisa B. Volkova¹ , Ma Xiangfei²

¹Saint Petersburg State University,
7/9, University Embank., St. Petersburg, Russian Federation, 199034

²Hangzhou Dianzi University,
1158, 2nd Street, Qiantang New Area, Hangzhou, China, 310018

 selena754@inbox.ru

Abstract. The success of reading, including reading as a part of foreign language acquisition, depends on numerous factors, such as motivation, academic emotions, engagement in reading, etc. Although the necessity to take into consideration a reader has been pointed out on many occasions, the culture-specific paradigms of emotional situations and their role in learning have hardly been discussed. The current study is aimed at exploring an emotional response to a humorous Russian-language text by representatives of two cultures; its primary target is to identify similarities and differences in the reactions of Russian and Chinese readers to a short story and the behavior of its characters. The survey was offered to Russian and Chinese university students, who had to evaluate themselves as emotional or reserved readers; to express their attitudes towards using emotion-evoking texts in the classroom and to evaluate a story from this perspective; as well as to use a list of emotional responses to choose the options describing how they felt about the story. The respondents also added to the list to specify their feelings and provided some comments. The experiment showed that emotion-evoking texts generate interest, creating a high learning motivation, which goes in favor of selecting educational texts that not only present a target language, but also truly engage learners. The survey results revealed the similarities and differences in self-identification through the lens of emotions and in the affective comprehension of a funny story, caused, among other things, by the nationally specific value systems of the respondents. Different proportions of particular emotions and different responses to the same situation in the Russian and the Chinese samples indicate the important role of cultural traditions and ethnically specific mentality. The characteristics of speech and verbalized thought observed at the emotional level of students of different cultural backgrounds should be taken into account by teachers of foreign languages.

Keywords: reading, emotional response, Russian language, Chinese language

© Seliverstova E.I., Volkova L.B., Ma Xiangfei, 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Article history:

Received: 01.12.2022

Accepted: 15.12.2022

For citation:

Seliverstova, E.I., Volkova, L.B. & Ma, Xiangfei (2023). An Emotion-evoking Text in Cross-Cultural Aspect: Attitude and Evaluation. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(1), 260–276. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-260-276>

Эмоциогенный текст в кросс-культурном аспекте: отношение и оценка

Е.И. Селиверстова¹ , Л.Б. Волкова¹ , Ма Сянфэй²

¹Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

²Институт иностранных языков Университета Ханчжоу,
310018, КНР, провинция Чжэцзян, г. Ханчжоу, р-н Цяньтан Синьцзюй, ул. Вторая, 1158
 selen754@inbox.ru

Аннотация. В качестве факторов, определяющих успешность чтения, в том числе — при на иностранном языке, отмечаются мотивированность деятельности, академические эмоции, влияющие на конечные результаты, вовлеченность в процесс чтения и т.д. Но, хотя исследователи указывают на необходимость учитывать степень восприимчивости читателя, его жизненный опыт, национальную специфику поведенческих моделей и др., парадигма эмоциональных состояний, типичных для представителей определенной культуры, в аспекте учебной деятельности остается пока практически без внимания. Данное исследование, направленное на изучение особенностей проявления эмоциональных реакций при восприятии юмористического текста на русском языке, касается носителей двух языков и культур и призвано показать сходство и различия в эмоциональных реакциях русских и китайцев на небольшой рассказ и поведение его персонажей. Проведенный опрос, в котором приняли участие студенты российских и китайских университетов, касался, во-первых, оценки респондентами себя с позиций эмоциональности и сдержанности; во-вторых, отношения к использованию в учебном процессе эмоциогенных текстов и оценки с этих позиций прочитанного рассказа; в-третьих, респондентов просили выбрать из предложенного списка эмоции, которые вызывает у них содержание текста, поведение персонажей и развязка рассказа. Также студенты выразили свое отношение, добавив свои эмоции, не включенные в список, и комментарии. Как показал эксперимент и анализ его результатов, эмоциогенный текст исключает скуку и незаинтересованность и создает высокую учебную мотивацию, что говорит в пользу тщательного отбора при обучении иностранному языку учебных текстов, не только демонстрирующих языковые образцы, но и способных по-настоящему заинтересовать студентов. Сравнение результатов анкетирования позволило увидеть сходства и различия между русскими и китайцами в самоидентификации сквозь призму эмоций, в аффективном восприятии юмористического текста и его героев, объясняемом в том числе национально-маркированной системой ценностей обучающихся. Разный удельный вес эмоций, отмеченных русскими и китайцами, и предпочтения в выборе в одной и той же ситуации разных психоэмоциональных реакций указывает на важность принятых в культуре обычаев и традиций, на этно-маркированные проявления менталитета. Специфические черты речевой и речемыс-

лительной деятельности, которые обнаруживаются на эмоциональном уровне у студентов, принадлежащих определенной культурной общности, должны учитываться преподавателями в процессе обучения.

Ключевые слова: чтение, эмоциональная реакция, русский язык, китайский язык

История статьи:

Дата поступления: 01.12.2022

Дата приема в печать: 15.12.2022

Для цитирования:

Seliverstova E.I., Volkova L.B., Ma Xiangfei. An Emotion-evoking Text in Cross-Cultural Aspect: Attitude and Evaluation // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 1. С. 260–276. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-260-276>

Introduction

Reading is considered to be one of the most important types of human activities. It is viewed from a wide range of perspectives: as a source of new knowledge and “a way of familiarizing oneself with socio-cultural information manifested in certain texts of a culture” [1. P. 3], and as a cognitive process, which “determines the intellectual and spiritual level of a society” [2. P. 164]. Reading and a reader are discussed by sociologists, psychologists, philosophers [3–5, et al.], and, of course, by educators and linguists, who point out that the ability to perceive a text, the ability to understand, interpret and evaluate its content, which to a great extent depends on a reader’s worldview and experience, both as a member of a particular society and culture and as a reader and communicator [6. P. 378–379]. Reading remains the main skill for mastering a foreign language even though in the era of information overload, the vast majority of information we receive is in the audio format.

Texts, including their genre, pragmatic and stylistic modifications are a source of information about human beings and what is happening in their world. Thus, it provides an opportunity for a critical assessment of events and serves as the basis for polythematic communication.

For someone reading in a foreign language, a text acts as an element of some country’s culture; it incorporates not only an author’s personality but also the history of his nation. Educational texts are used to introduce students to various aspects of life in the country of the target language as well as to contribute to the emergence of a broad linguistic and cultural competence. However, it needs to be noted that the criteria for selecting educational texts are by no means determined solely by their importance in the context of introducing a foreign culture. Using educational texts in teaching a foreign language is an indispensable means that exemplifies and facilitates the mastery of the grammatical structure and vocabulary of a target language. It is also of no coincidence that written and spoken texts are used to test the level of proficiency in productive and receptive

skills in a foreign language. When selecting educational texts, which is crucial for teaching a foreign language, the level of language proficiency, specific goals, and learning objectives should be taken into consideration. The higher the level of language proficiency is, the higher are the requirements of textual content, language, style, and genre.

Like any cognitive act, the comprehension of a text is emotionally marked: throughout the process of semantic interpretation of a text, the reader creates a subjective projection of its content, which reflects the reader's attitude towards and emotional assessment of this information [7]. The ability to perceive emotional information varies from person to person. Regarding the perception of imagery, V.A. Maslova points out that the subjective interpretation of images by readers and their individual modification are defined both by “the form and semantics of the language signs they are created by” and by “the personality of the reader and the extent to which the content of the imagery in question is important to him or her” [8. P. 26]. It means that the final result of perception depends not only on the characteristics of a text but also on the reader's personality, experience, values, etc. As to a personality, in this case one might refer to the so-called collective personality — the community of native speakers of a language and members of a certain culture, who share a particular mentality and view of the world. N.A. Krasavsky highlights the impact of extralinguistic factors on human emotions, listing among them the mentality of the ethnic group. These factors have to be taken into consideration when identifying and interpreting one's psycho-emotional state [9. P. 6], including the states brought about by reading and commenting a text. Shaped by the cultural stereotypes of a particular society, the collective mentality affects, among other things, foreign language acquisition [10. P. 411]. According to I.V. Arnold, the intellectual and emotional impact of a text on a reader depends on “the reader's competence and open-mindedness — the qualities that can and should be developed” [11. P. 203]. Which is why in cross-cultural communication it becomes vital to be familiar with the linguocultural codes of emotional exchange common to the speakers of both languages as well as with the dominant attributes of their respective national cultures and the ways of expressing them [12. P. 283].

Within the Russian methodology of foreign language instruction, the concept of emotive competence is defined as a set of certain emotional skills that “ensure the understanding of the student's own emotions and the emotions of native speakers, as well as the expression by various linguistic and extralinguistic means and the management of these emotions during intercultural interactions” [13. P. 140]. When selecting educational materials which target the development of students' emotive competence, one should consider factors such as specificity of the native culture's emotional sphere and the availability of traditional expressions for naming various emotions; one should also take into account the relationship between cognitive and

emotional aspects in the perception and assessment of human behavior in those cultures. Emotions are largely universal, however, “the distribution of universal emotions, their intensity, and accentuation in speech acts differ both at the individual level and at the national level” [14. P. 48–49]. Certain mental, psychological, emotional and other dominant features determined by the national cultural tradition as well as by the prevalent ideology are bound to influence the perception of foreign language text content [10. P. 411; 15].

Of all the fiction genres, it is comedy texts that attract special attention as they usually feature an emotionally charged situation which has personal relevance. V.N. Teliya points out that such situations stimulate an emotional response in a reader [16]. The evaluation of the situation can be either explicit or implicit as the means of expressing the emotive theme depend on the author. In cases where the evaluation is not articulated explicitly, it is the reader identifies the emotive nature of the text by virtue of personal experience [17].

As a specific phenomenon of national culture, humor occupies an important niche in people’s lives; it reflects the traits of the national character, values, and preferences [18]. The purpose of a humorous narrative is not to deliver new information but rather — by clashing opposing cultural scenarios — to make a reader laugh and reflect. The specific character of national humor is manifested primarily in the topics, scenarios, and types of humorous narratives, as well as in how the punchline is created. A humorous narrative may be considered successful in its perception when both interlocutors have similar social and psychological experiences, belong to the same culture, and when the discussed topic is a part of the national humor paradigm [19].

Humorous texts are frequently used as teaching materials, e.g., to relieve tension and create an informal atmosphere in the classroom, to increase students’ motivation, and to encourage their intellectual curiosity. M. Montgomery provides examples of humorous text which include elements of parody, humor, and irony; such elements express the content of the text both explicitly and implicitly [20]. However, if the author’s and the reader’s humorous worldviews do not align, the intended effect of the “punchline” may be flattened or diminished, which in turn leads to a communicative failure. As noted in today’s research, emotionalization gives significant results in teaching a foreign (second) language [21–23]. Many psychologists focus their attention on a multifaceted construct such as interest that significantly affects learning motivation [24. P. 105]. Additionally, it should become a guide for future actions of instructors.

The aim of the current study is to explore the emotional reactions to a humorous Russian-language text by representatives of the Chinese and the Russian cultures in order to identify the similarities and differences in their emotional responses to a story and its characters. The study is comprised of an analysis of survey results, where Chinese and Russian university students were polled upon reading a humorous text. Researchers generally tend to take more interest in the objective

characteristics of texts which may evoke particular feelings or evaluations [25–27, etc.]. Our purpose, by contrast, was to focus on the readers and their affective and intellectual responses to what they have read.

In the present study, a humorous text was used to help identify the Chinese students' attitude towards the use of emotive materials in Russian language instruction, their perception of humorous narratives, and their emotional response to the events and characters described in the story. The data yielded by the above study was compared to the results of a survey taken by the Russian students, who read the same text and, unlike the Chinese students, perceived it not as an educational resource but as a typically Russian humorous narrative. As a result, we obtained data which allowed us to identify the participants' attitude towards the use of emotive texts in teaching language and to determine how similar or different their emotional responses to the story and its characters were.

The study was a survey taken by university students from China and Russia, with 39 people from each of the two countries. The Chinese respondents were postgraduate students taking a course in Russian, whose level was B1 or higher. Male respondents made up 5.13 % of the Russian sample and 23.08 % of the Chinese sample. The Russian respondents were university students from Moscow and St. Petersburg. The survey was conducted in three parts. In part one, the respondents answered questions about themselves: whether they consider themselves emotional and whether they would describe themselves as reserved or reactive. Part two asked questions about using humorous texts in the language classroom. The third and main part of the survey included a humorous text and six relevant questions to answer after reading. The questions were aimed at obtaining information about the reader's emotional response to the story and its characters' behavior

The humorous text used in this study described an idyllic relationship of a romantic couple which was suddenly ruined by mistrust and lack of understanding. The text was considered appropriate because the topic of love is universal, known to stir emotions regardless of the context [28] and relevant to young people. The humorous effect arises due to a swift transition from the characters being about to get married to one of them feeling utter disappointment and abandoning the idea altogether. The ironic tone of the story is supported by its composition. It begins with a comically lyric description of the background: *The sun was shining brightly. The birds were singing. The air was filled with sweet scents.* This is followed by a series of doubts on the part of the girl and several tests she puts her boyfriend through in order to make sure that he is not stingy. In the end, he concludes that he should not marry such a capricious and demanding girl. The composition is matched by the syntax and vocabulary. For example, as the young man becomes less and less eager to please his girlfriend, this change in him is mirrored by the verbs of motion showing “negative acceleration:” at the beginning he *dashed to a kiosk*, then

ran to the florist, but towards the end, having run out of enthusiasm, he *trudged to the shop*. The ironic character of the text is undeniable.

Results

The results of the first part of the survey showed differences in psychological self-assessment by the two samples of respondents. The majority of the Russians consider themselves emotional (87.18 %) but reserved (51.28 %). 48.72 % of the Russians think of themselves as impulsive. Compared to the Russians, considerably fewer Chinese students described themselves as emotional (64.1 %), but more see themselves as reserved (64.1 %).

The second part of the survey dealt with the students' attitudes to the use of humorous texts in a foreign language class (including Russian as a foreign language). The results demonstrated that regardless of their psychological self-assessment, the overwhelming majority of students enjoy reading humorous stories because they do not cause frustration but stimulate interest (92.31 % amongst Russian respondents and 97.44 % amongst Chinese). Very few students displayed a negative attitude: 1) "*I do not like it*" — one Chinese and three Russian students; 2) "*I find it frustrating*" — one Russian and two Chinese students; 3) "*It does not make the reading more interesting*" — one Chinese and three Russian students. Such small numbers of negative responses can be treated as statistically insignificant.

In the third part of the survey, the overall emotional evaluation of the text was the same in both samples: it was found to evoke emotions as well as be interesting and entertaining. Statistically, however, there were some differences: the Chinese students reported no emotional response or found the reading uninteresting more frequently than the Russians, with 30.77 % vs 12.82 % and 23.08 % vs 15.38 %, respectively. It also stands out that a larger proportion of the Russian than of the Chinese respondents considered the text to be serious (35.89 % vs 25.64 %).

Besides the general evaluation of the text, the respondents were offered a list of emotional responses from which they could choose how the text made them feel: *laughing*, *wonder*, *disappointment*, *vexation*, *indifference*, *interest*, *sadness*, *being upset* (see: Table 1). They could also add to this list to specify their feelings.

All the options from the list were used, but the proportions varied. The most frequent choices of the Chinese students were *laughing* and *interest* (61.54 % each), followed by *vexation* (28.21 %) and *wonder* (23.08 %). The Russians most commonly responded with *interest* (46.15 %) and *disappointment* (35.90 %) although the figures for the prevalent emotions are not as high as with the Chinese (61.54 % vs 46.15 %). The next two options commonly chosen by the Russian respondents were *upset* and *laughing* (each 28.21 %) although, once again, the proportions were lower than in the Chinese population sample.

Table 1

Emotional responses to the text reported by the Chinese and Russian students

Emotions and Attitudes (according the survey)	The Number/ Percentage of Russian Respondents, %		The Number/ Percentage of Chinese Respondents, %	
laughing	11	28.21	24	61.54
wonder	6	15.38	9	23.08
feel sad	8	20.51	5	12.82
feel disappointed	14	35.90	5	12.82
feel vexed	9	23.08	11	28.21
leaves you indifferent	3	7.69	6	15.38
feel interested	18	46.15	24	61.54
feel upset	11	28.21	6	15.38
<i>other feelings</i>	5	12.82	1	2.56

The Russian students were more likely to specify their feelings and indicated emotions and attitudes which were not included in the list (for example, *shame, indignation, hope for a happy ending, embarrassment, regret, a sad smile, pensiveness, a half-smile, failure to understand the female character's behavior*). There was only one addition made in the Chinese sample, namely, that the story was rather ordinary (*“the story is nothing special”*). The proportion of each emotion reported by the respondents clearly demonstrates that *interest* and *disappointment* prevail among the Russians, whereas *interest* and *amusement (laughing)* are dominant among the Chinese respondents.

There are differences in the emotional responses to the behavior of the female character in the story, Allochka. The clearly prevalent response in the Russian sample was *disapproval* (48.72%), whereas no particular emotion prevailed in the Chinese sample; however, *disapproval* was marked by a third of the Chinese respondents (33.33%) (Table 2). The most frequent responses in the Chinese sample were *pity* (35.9%), closely followed by *empathy* (33.33%), the aforementioned *disapproval* (33.33%), and *wonder* (30.77%). In the case of the Russians, the second and third most frequently reported responses were *resentment* (38.46%) and *disappointment* (33.33%) (viz. Table 2).

The Russian respondents were more likely to elaborate on their emotions and attitudes, both positive and negative: 1) *confusion, embarrassment, despair*; 2) *tenderness (like tenderness towards young children) and a smile*; 3) *irritation*; 4) *amusing to follow the female character's train of thought*; 5) *laughing*; 6) *disdain*; 7) *repulsion*. Table 1 clearly indicates the prevalence of a negative attitude among the Russian respondents, i.e., *disapproval* and *resentment*, whereas the attitude of the Chinese respondents was predominantly more positive, with the feelings of *pity, empathy, wonder*, and only one negative emotion (*disapproval*).

Table 2

Emotional responses towards Allochka's behavior

Emotions and Attitudes	Number/ Percentage of Russian Respondents, %		Number/ Percentage of Chinese Respondents, %	
approval	1	2,56	5	12,82
disapproval	19	48,72	13	33,33
indifference	3	7,69	4	10,26
empathy	6	15,38	13	33,33
pity	9	23,08	14	35,9
wonder	11	28,21	12	30,77
disappointment	13	33,33	7	17,95
resentment	15	38,46	5	12,82
other	7	17,95	1	2,56

As for attitudes towards Tolya, the male character in the story, there is noticeable resemblance between the two samples in terms of prevalent emotions and their respective proportions. The main emotion here is *empathy* although it was reported by many more Russian than Chinese respondents (69.23 % and 41.03 %, respectively). *Empathy* is then followed by *approval* (38.46 % and 33.33 %) and *pity* (33.33 % and 30.77 %).

Considerable differences are observed in the less frequently reported emotions such as *wonder* (reported by 23.08 % of the Chinese and 5.13 % of the Russians) and *indifference* (20.51 % and 10.26 % of the Chinese and Russians, respectively) (Table 3).

Table 3

Emotional responses towards Tolya and his behavior

Emotions and Attitudes	Number/ Percentage of Russian Respondents, %		Number/ Percentage of Chinese Respondents, %	
approval	15	38,46	13	33,33
disapproval	3	7,69	5	12,82
indifference	4	10,26	8	20,51
empathy	27	69,23	16	41,03
pity	13	33,33	12	30,77
wonder	2	5,13	9	23,08
disappointment	4	10,26	6	15,38
resentment	3	7,69	2	5,13
other	4	10,26	2	5,13

Proportionately, the attitudes towards Tolya were similar in both samples, with the majority being *empathy* and *approval*, followed by *pity*.

Quite different emotions were evoked in respondents by the ending of the story, i.e., Tolya's decision (Table 4) to break up with Allochka: whereas Russian respondents reported experiencing joy (38.46%), the Chinese ones were on the contrary disappointed (35.9%) or surprised (30.77%). At the same time, students from both samples offered their own responses to his decision, with the proportion of responses from the Russian cohort being almost half at 48.72% while that of the Chinese cohort was only 23.08%.

Table 4

Emotional responses towards Tolya's decision

Emotions and Attitudes	Number/ Percentage of Russian Respondents, %		Number/ Percentage of Chinese Respondents, %	
wonder	6	15,38	12	30,77
disappointment	4	10,26	14	35,9
resentment	–	–	3	7,69
joy	15	38,46	8	20,51
other	19	48,72	9	23,08

The attitudes and emotions listed by the Russians included: *support* and *approval*; *respect*; *pride*; *admiration*, *interest*, *hope*; *satisfaction*; *relief*; *pride*; *regret*. In some cases, the emotion was not named, but a comment was given which made the respondent's attitude obvious. Specifically, Tolya's decision is seen as *logical* and *justified* (“*I understand him*” — four responses; “*I agree with Tolya*” — one response); it is also seen as *unsurprising* and *deserving of support* (“*I stand with him, had a laugh at the end*” — one response). There were also attempts by the Russian respondents to explain the causes of the events and the reasoning behind their own attitude: “*It was to be expected; they are bad at communication and doubt their feelings for each other.*” One respondent felt sad about the situation because “*such humorous stories are rooted in reality; people have to learn to communicate and to understand and express their needs*”. Two of the respondents remained indifferent; Tolya's decision did not make them feel anything. Of the note is the large proportion of disappointment in the Chinese sample as opposed to joy in the Russian cohort. This is quite striking considering the mentality of the Chinese, who tend to avoid negative emotions.

Discussion

The aim of the survey preceding reading the text was to determine whether such personal traits as being emotional/unemotional or impulsive/reserved could influence, firstly, the perception of the reading's emotional content, and secondly, the preferences in selecting reading material and the evaluation of one's own emotional response to the reading. The overwhelming majority of the respondents (36 out of 39 Russians and 38 out of 39 Chinese) felt positively about the use of humorous texts in the language classroom. The survey shows that this attitude is not affected by self-reported lack of emotionality: i.e., four out of five “unemotional” Russian respondents gave a positive answer to this question.

Quantitative differences between the Chinese and the Russian respondents in the assessment of their emotionality are quite significant. The Chinese students reported themselves to be emotional and impulsive much less frequently than the Russian ones did (64 % of the Chinese sample marked “reserved” in the survey). It might be assumed that their answers were affected by ethnic stereotypes about the Chinese such as their control of emotional display and “saving face.” In Chinese culture, the display of emotions is supposed to be moderate; one should maintain a humble and dignified attitude. The Russians, on the other hand, think of themselves predominantly as emotional (87.18 %), yet at the same time about half of them (51.28 %) describe themselves as reserved and say that they do not tend to express their emotions. Thus, the rather common opinion of Russians as people who are open in showing their feelings does not find support in the survey.

The results were quite unexpected, however, for the humorous text describing the serious topic of choosing a partner in life. The Chinese respondents felt positively about the humor of the story, and they by far outnumbered the Russians who thought so as well, with percentages of 87.18 % vs 69.23 %, respectively. The Russian respondents thus proved to be more serious in a way as they probably saw the upcoming conflict as realistic.

Paradoxically, more often than not, the Chinese respondents said that the story was not the kind to evoke emotions. At the same time, however, when it came to describing their dominant emotions and reactions to the reading, they said that the text made them *laugh*, which ranked first in their responses at 61.54 % together with *interest*, whereas the Russians said that the text made them *laugh* in only 28.21 % of the cases. Ranking second and third in the Chinese sample were the feelings of *vexation* at 28.21 % and *wonder* at 23.08 %. The top-down ranking emotions in the Russian sample made the respondents feel *interest* (46.15 %), *disappointment* (35.09 %), *upset* and made them *laugh* (28.21 % each).

The most significant differences were found in the emotional responses to the behavior of Allochka and the ending of the story. The underlying cause might

be the fact that people in East Asia tend to express primarily positive emotions and control the display of the negative ones [29]; the proportion of negative emotions towards Allochka is much lower in the Chinese cohort in comparison with the Russian one (33.79 and 55.96 % respectively). In the Chinese sample, Allochka evoked *pity* (35.9 %), followed by *empathy* and *disapproval* (each 33.33 %), and then *wonder* (30.77 %). Nearly half of the Russian respondents felt negative towards her: almost half of them (48.72 %) said that the text made them *laugh*, which was followed by the feelings of *resentment* (38.46 %) and *disappointment* (33.33 %). Positive feelings were reported by considerably fewer respondents, where *empathy* was marked by only 15.38 %, not to mention *approval* with only 2.56 %.

The greatest similarity was observed in the attitudes towards Tolya: he was equally liked in both samples, and both of them sympathized with him. Although proportionately, more Russian than Chinese respondents reported empathy, whereas more Chinese than Russians were simply surprised or remained indifferent.

Conclusion

Emotions increase the learner's engagement and largely contribute to learning retention, yet the outcome of the task is determined not only by the emotional disposition of the group, the teacher, and the individual learner's emotional state but also by the materials; i.e., the texts used in the classroom, of which preference should undoubtedly be given to those which evoke emotions and whose topic and genre do not cause boredom/disinterest but instead create space for discussion. The humorous text in the survey met our expectations: it aroused interest, enabled the emotions experienced by Russian and Chinese students to be compared and contrasted, and used that juxtaposition to highlight the similarities and differences in their self-identification and perception of the reading and to outline some avenues for further study of reading as part of foreign language instruction and learning.

When such materials are offered for the reading comprehension or for the assessment of the characters' behavior, which often comes to the foreground is the culture-related value system of the readers, which is bound to affect the overall emotional response to the reading. It is no coincidence that the largest differences were in the attitudes to the character that comes across as "negative" and to the ending of the story while the feelings towards the "positive" character were nearly unanimously positive in both samples.

Shared attitudes common to a particular culture can also cause homogeneity in evaluations and a lack of individual emotional expression. If the plot of a story presents a culturally stereotypical situation, the expression of the emotional response may be reduced.

On the other hand, educators point out that the Asian teaching tradition does not typically rely on tasks which require students to interpret the material or to share their perspective on an issue [30. P. 68].

From a cross-cultural perspective, it appears promising to conduct a comparative study to contrast the emotions of Chinese respondents towards the members of their own culture and towards the representatives of other cultures. The experiment could feature two versions of the same text: in the original (i.e., in Russian) and in translation (i.e., a good translation into Chinese). Would it be easier to remain indifferent to a faux pas made by a non-Chinese person? Should one condemn inappropriate behavior of a Chinese person when they excuse the same faults in a character from a different culture?

Answers to these questions may be helpful in developing criteria for selecting foreign language instructional materials which would take into account ethnic cultures as well as improving the approaches to teaching the reading comprehension and administering surveys.

References

1. Gudova, M.Yu. (2011). Current reading as activity, cultural practices and social institution. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philosophy. Sociology. Cultural studies*, 30, 22, 100–104. (In Russ.).
2. Azarova, L.M. & Kurganskaya, L.M. (2013). Reading as sociocultural phenomenon. *Science. Art. Culture*, 2, 163–168. (In Russ.).
3. Melentyeva, Yu.P. (2010). *Reading: phenomenon, process, activity*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
4. Ishchenko, E.N. (2021). Reading as socio-cultural phenomenon: methodological approaches to research. *Proceedings of Voronezh state university. Series: Philosophy*, 4, 11–17. (In Russ.).
5. Orlova, E.A. (2008). *Recommendations for improving the level of reading literacy within the framework of the National Program for the Support and Development of Reading*. Moscow: MTSBS publ. (In Russ.).
6. Dohnal, J. (2006). Layers of interpretation of literary work. In: *Rossica Olomucensia XLIV (za rok 2005). 2 část*. Olomouc: UP. pp. 377–382. (In Czech).
7. Belyanin, V.P. (2000). *Fundamentals of psycholinguistic diagnostics (Models of peace in literature)*. Moscow: Trivola. (In Russ.).
8. Maslova, V.A. (1997). *Linguistic analysis of the expressiveness of the literary text*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.).
9. Krasavsky, N.A. (2008). *Emotional concepts in German and Russian linguocultures*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
10. Asessorova, N.P. & Kachalova, A.A. (2007). Attention to the national characteristics of the language personality in the process of learning Russian as a foreign language. In: *Russian literature in the formation of a modern language personality. Congress proceedings, 2. St. Petersburg, October 24–27*, P.E. Bukharkin (Ed.). St. Petersburg: MIRS publ. pp. 411–414. (In Russ.).
11. Arnold, I.V. (1999). Semantics. Stylistics. Intertextuality: Collection of articles/ Scientific ed. P.E. Bukharkin (Ed.). St. Petersburg: St. Petersburg State University publ. (In Russ.).
12. Nikolskaya, I.G. (2013). On the emotional and emotive competence of foreign students. In: *Russian language and Russian literature in the 21st century: development, study, training: materials of reports of the XVIII international scientific and methodological conference*. St. Petersburg: SPbGUTD. pp. 283–287. (In Russ.).

13. Chernyshov, S.V. (2015). The main provisions of the emotional-conceptual approach to teaching foreign languages. *News of Russian State University named after A.I. Herzen*, 177, 138–145. (In Russ.).
14. Shakhovskiy, V.I. (2008). *Linguistic Theory of Emotions*. Moscow: Gnozis. (In Russ.).
15. Downing, J., Herber, H.L. & McCullough, C.M. (1974). Discussion Review of Reading Comprehension in Education in fifteen countries. *American Educational Research Journal*, 11 (4), 409–414. <http://dx.doi.org/10.3102/00028312011004409>
16. Telia, V.N. (1991) Mechanisms of expressive color of language units. In: *The human factor in language: language mechanisms of expressiveness*. Moscow: Nauka. pp. 36–67. (In Russ.).
17. Lenko, G.N. (2011). *The expression of the category of emotiveness in the works of art of French, English and German authors of the late XX — early XXI centuries* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
18. Davies, C. (1990). *Ethnic humor around the world: a comparative analysis*. Bloomington: Indiana University Press.
19. Evstigneeva, T.A. (2003). *Taking into account the national specifics of Russian humor in the process of teaching Russian as a Foreign language* [dissertation]. Saint-Petersburg. (In Russ.).
20. Montgomery, M., Durant, A., Fabb, N., Furniss, T. & Mills, S. (2007). *Ways of reading: Advanced reading skills for students of English literature*. London, New York: Routledge. <http://dx.doi.org/10.4324/9780203597118>
21. Pekrun, R., Goetz, T., Titz, W. & Perry, R.P. (2002). Academic emotions in students' self-regulated learning and achievement: A program of quantitative and qualitative research. *Educational Psychologist*, 37, 91–106. DOI: http://dx.doi.org/10.1207/S15326985EP3702_4
22. Pishghadam, R. & Shayesteh, S. (2017). Emo-sensory expression at the crossroads of emotion, sense, and language: A case of color-emotion associations. *International Journal of Society, Culture & Language*, 5(2), 15–25.
23. Hamed, S.M., Pishghadam, R. & Fadardi, J.S. (2020). The contribution of reading emotions to reading comprehension: the mediating effect of reading engagement using a structural equation modeling approach. *Educational Research for Policy and Practice*, 19, 211–238. <http://dx.doi.org/10.1007/s10671-019-09256-3>
24. Nikitskaya, M.G. & Tolstykh, N.N. (2018). Foreign studies of academic motivation: the XXI century. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 7(2), 100–113. <http://dx.doi.org/10.17759/jmpf.2018070210> (In Russ.).
25. Novozhilova, K.R. (1995). Category of text emotionality and its language structure (based on the texts of German lyrical poems). In: *Functional and textual aspects of language units*. St. Petersburg: St. Petersburg State University publ. pp. 49–56. (In Russ.).
26. Izosimova, I.V. (2012). Actualization of functional semantic category of emotiveness in text. *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*, 2(74–2), 43–46.
27. Razorenova, Yu.A. & Shlyakhova, P.E. (2015). The Urgent problems of textual emotivity in the linguistic aspect. *Innovations in Science*, 10(47), 80–85. (In Russ.).
28. Kneepkens, E.M. & Zwaan, R.A. (1994–1995). Emotions and Literary Text Comprehension. *Poetics*, 23, 125–138. [http://dx.doi.org/10.1016/0304-422X\(94\)00021-W](http://dx.doi.org/10.1016/0304-422X(94)00021-W)
29. Wang, Z., Rao, C.P., & D'Auria, A.A. (1994). A Comparison of the Rokeach Value Survey (RVS) in China and the United States. *Asia Pacific Advances in Consumer Research*, 1, 185–190.
30. Ershova, L.V. & Noreiko, L.N. (2003). Specificity of national mentalities and their reflection in the academic sphere. In: *Russian word in world culture. Materials of the X Congress of the International Association of Teachers of Russian Language and Literature. St. Petersburg, July 2003. Vol. 1. : National and cultural specifics of speech behavior and problems of teaching Russian as a foreign language*. St. Petersburg: Polytechnic publ. pp. 67–71. (In Russ.).

Библиографический список

1. *Гудова М.Ю.* Современное чтение как деятельность, культурная практика и социальный институт // Вестник ЧелГУ. 2011. № 30. С. 100–104.
2. *Азарова Л.И., Курганская Л.М.* Чтение как социокультурное явление // Наука. Искусство. Культура. 2013. № 2. С. 163–168.
3. *Мелентьева Ю.П.* Чтение: явление, процесс, деятельность. М.: Наука, 2010.
4. *Ищенко Е.Н.* Чтение как социокультурный феномен // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2021. № 4. С. 11–17.
5. *Орлова Е.А.* Рекомендации по повышению уровня читательской компетентности в рамках Национальной программы поддержки и развития чтения. М.: МЦБС, 2008.
6. *Догнал Й.* Пласты интерпретации литературного произведения // *Rossica Olomucensia XLIV (za rok 2005)*. 2 část. Olomouc: UP, 2006. С. 377–382.
7. *Белянин В.П.* Основы психолингвистической диагностики (Модели мира в литературе). М.: Тривола, 2000.
8. *Маслова В.А.* Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста. Минск: Вышэйшая школа, 1997.
9. *Красавский Н.А.* Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. М.: Гнозис, 2008.
10. *Ассесорова Н.П., Качалова А.А.* Внимание к национальным особенностям языковой личности в процессе изучения русского языка как иностранного // Русская литература в формировании современной языковой личности: [матер. конгресса], Санкт-Петербург, 24–27 октября 2007 г. В 2 ч. / под ред. П.Е. Бухаркина, Н.О. Рогожиной, Е.Е. Юркова. СПб.: МИРС, 2007. С. 411–414.
11. *Арнольд И.В.* Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сб. Ст. / науч. ред. П.Е. Бухаркин. СПб.: Изд-во СПбУ, 1999.
12. *Никольская И.Г.* Об эмоциональной и эмотивной компетенции иностранных учащихся // Русский язык и русская литература в XXI веке: развитие, изучение, обучение: материалы докладов и сообщений XVIII Междунар. науч.-методич. конференции, Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна. СПб, 2013. С. 283–287.
13. *Чернышов С.В.* Основные положения эмоционально-концептного подхода к обучению иностранным языкам // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2015. № 177. С. 138–145.
14. *Шаховский В.И.* Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008.
15. *Downing J., Herber H.L., McCullough C.M.* Discussion Review of Reading Comprehension in Education in fifteen countries // *American Educational Research Journal*. 1974. № 11(4). P. 409–414. <http://dx.doi.org/10.3102/00028312011004409>
16. *Телия В.Н.* Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. С. 36–67.
17. *Ленько Г.Н.* Выражение категории эмотивности в художественных произведениях французских, английских и немецких авторов конца XX — начала XXI веков: дис. ... д-ра философии (PhD). М., 2011.
18. *Davies C.* *Ethnic humor around the world: a comparative analysis*. Bloomington: Indiana University Press, 1990.
19. *Евстигнеева Т.А.* Учет национальной специфики русского юмора в процессе обучения РКИ. Федерации: дис. ... д-ра философии (PhD). СПб, 2003.
20. *Montgomery M., Durant A., Fabb N., Furniss T., Mills S.* *Ways of reading: Advanced reading skills for students of English literature*. London, New York: Routledge, 2007. <http://dx.doi.org/10.4324/9780203597118>
21. *Pekrun R., Goetz T., Titz W., Perry R.P.* Academic emotions in students' self-regulated learning and achievement: A program of quantitative and qualitative research // *Educational Psychologist*. 2002. № 37. P. 91–106. http://dx.doi.org/10.1207/S15326985EP3702_4

22. *Pishghadam R., Shayesteh S.* Emo-sensory expression at the crossroads of emotion, sense, and language: A case of color-emotion associations // *International Journal of Society, Culture & Language*. 2017. № 5 (2). P. 15–25.
23. *Hamedi S.M., Pishghadam R., Fadardi J.S.* The contribution of reading emotions to reading comprehension: the mediating effect of reading engagement using a structural equation modeling approach // *Educational Research for Policy and Practice*. 2020. № 19. P. 211–238. <http://dx.doi.org/10.1007/s10671-019-09256-3>
24. *Никитская М.Г., Толстых Н.Н.* Зарубежные исследования учебной мотивации: XXI век // *Современная зарубежная психология*. 2018. № 7 (2). С. 100–113. <http://dx.doi.org/10.17759/jmfp.2018070210>
25. *Новожилова К.Р.* Категория эмоциональности текста и ее языковая структура (на материале текстов немецких лирических стихотворений) // *Функционально-текстовые аспекты языковых единиц: сб. статей*. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 1995. С. 49–56.
26. *Изосимова И.В.* Актуализация функционально-семантической категории эмотивности в тексте // *Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева*. 2012. № 2 (74–2). С. 43–46.
27. *Разроенова Ю.А., Шляхова П.Е.* Актуальные проблемы изучения языковой эмотивности в лингвистическом аспекте // *Инновации в науке*. 2015. № 10 (47). С. 80–85.
28. *Kneepkens E.M., Zwaan R.A.* Emotions and Literary Text Comprehension // *Poetics*. 1994–1995. № 23. P. 125–138. [http://dx.doi.org/10.1016/0304-422X\(94\)00021-W](http://dx.doi.org/10.1016/0304-422X(94)00021-W)
29. *Wang Z., Rao C.P., D'Auria A.A.* A Comparison of the Rokeach Value Survey (RVS) in China and the United States // *Asia Pacific Advances in Consumer Research*. 1994. № 1. P. 185–190.
30. *Ершова Л.В., Норейко Л.Н.* Специфика рациональных менталитетов и их отражение в академической сфере // *Русское слово в мировой культуре: материалы X Конгресса МАПРЯЛ (Санкт-Петербург, 2003)*. Т. 1: Национально-культурная специфика речевого поведения и проблемы обучения русскому языку как иностранному. СПб.: Политехник, 2003. С. 67–71.

Information about the authors:

Elena I. Seliverstova, Doctor in Philology, Professor, Professor and Acting Head of the Russian Language Department for Humanitarian and Natural Faculties; St. Petersburg State University. *Research interests*: Russian and Slavic phraseology and paremiology, lexicology, linguocultural studies, text linguistics, Russian as a foreign language, comparative studies, translation and interpretation studies; culture of Russian speech; *e-mail*: e.seliverstova@spbu.ru
ORCID: 0000-0003-2020-0061; SPIN-code: 2032–2115; ResearcherID: N-2892-2013.

Larisa B. Volkova, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian Language for Humanities and Natural Sciences, Saint Petersburg State University; *Research interests*: lexicology, linguocultural studies, text linguistics, Russian as a foreign language, comparative studies, translation and interpretation studies; culture of Russian speech; *e-mail*: lb-volkova@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4737-0925; SPIN-код РИНЦ: 5981–5819; ScopusID 57200524818; ResearcherID: G-1490-2015.

Ma Xiangfei, PhD in Philology, Lecturer at the School of Foreign Language, Hangzhou Dianzi University; *Research interests*: linguocultural studies, text linguistics, Russian as a foreign language, comparative studies, translation and interpretation studies; culture of Russian speech; *e-mail*: 435827444@qq.com, 42281@hdu.edu.cn

Сведения об авторах:

Селиверстова Елена Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор, исполняющий обязанности заведующего кафедрой русского языка для гуманитарных и естественных факультетов, Санкт-Петербургский государственный университет; *научные интересы*: русская и славянская фразеология и паремиология, лексикология, лингвокультурология, лингвистика текста, русский язык как иностранный, компаративные исследования и проблемы перевода, культура русской речи; *e-mail*: e.seliverstova@spbu.ru
ORCID: 0000-0003-2020-0061; SPIN-code: 2032–2115; ResearcherID: N-2892-2013.

Волкова Лариса Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка для гуманитарных и естественных факультетов, Санкт-Петербургский государственный университет; *научные интересы*: лексикология, лингвокультурология, лингвистика текста, русский язык как иностранный, компаративные исследования и проблемы перевода, культура русской речи; *e-mail*: lb-volkowa@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4737-0925; SPIN-код РИНЦ: 5981–5819; ScopusID 57200524818; ResearcherID: G-1490-2015.

Ма Сянфэй, кандидат филологических наук, преподаватель Института иностранных языков, Университет Ханчжоу Дяньцзы, Китайская Народная Республика; *научные интересы*: лингвокультурология, лингвистика текста, русский язык как иностранный, компаративные исследования и проблемы перевода; *e-mail*: 435827444@qq.com, 42281@hdu.edu.cn